

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ.
ПОЛИТОЛОГИЯ

Tomsk State University Journal
of Philosophy, Sociology and Political Science

Научный журнал

2025

№ 88

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-30316 от 19 ноября 2007 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере массовых
коммуникаций, связи и охраны культурного наследия

Подписной индекс 44046 в объединенном каталоге
«Пресса России»

Журнал включен в БД Emerging Sources Citation Index (Web of Science
Core Collection) и в «Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные
научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук»
Высшей аттестационной комиссии
(№ 1528)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Суровцев В.А. (Томск, Россия) – главный редактор, доктор филос. наук, профессор. E-mail: surovtsev1964@mail.ru; **Рыкун А.Ю.** (Томск, Россия) – зам. главного редактора (социология), доктор соц. наук, профессор. E-mail: a_rykun@mail.ru; **Дериглазова Л.В.** (Томск, Россия) – зам. главного редактора (политология), доктор ист. наук, профессор. E-mail: dlari-sa@inbox.ru; **Агафонова Е.В.** (Томск, Россия) – ответственный секретарь, кандидат филос. наук, доцент. E-mail: agaton@rambler.ru; **Сухушина Е.В.** (Томск, Россия) – ответственный секретарь (социология), кандидат филос. наук, доцент. E-mail: elsukhush@inbox.ru; **Борисов Е.В.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Оглезнев В.В.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Сыров В.Н.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Черникова И.В.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Ладов В.А.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Южанинов К.М.** (Томск, Россия) – кандидат филос. наук, доцент; **Щербинина Н.Г.** (Томск, Россия) – доктор полит. наук, профессор; **Кашпур В.В.** (Томск, Россия) – кандидат соц. наук, доцент

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Химма Кеннет Э. (Университет Вашингтона, Сизтл, США); **Ренч Томас** (Технический университет, Дрезден, ФРГ); **Шефлер Уве** (Технический университет, Дрезден, ФРГ); **Васильев В.В.** (Московский государственный университет, Москва, Россия); **Микиртумов И.Б.** (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия); **Целищев В.В.** (Институт философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия); **Днев В.С.** (Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия); **Джонсон Марк С.** (Университет Висконсина, Мэдисон, США); **Балцер Харли С.** (Университет Джорджтауна, США); **Чалаков Иван** (Университет Пловдива, Болгария); **Вавилина Н.Д.** (Новый сибирский университет, Новосибирск, Россия); **Константиновский Д.Л.** (Институт социологии РАН, Москва, Россия); **Черныш М.Ф.** (Институт социологии РАН, Москва, Россия); **Ярская-Смирнова Е.Р.** (Государственный университет – Высшая школа экономики, Москва, Россия); **Малинова О.Ю.** (Институт информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия); **Соловьев А.И.** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия); **Чахор Рафал** (Нижнесилезская высшая школа предпринимательства и техники, Польша); **Шестопап Е.Б.** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия); **Шуберт Клаус** (Вестфальский университет им. Вильгельма, Мюнстер, ФРГ)

EDITORIAL BOARD:

Surovtsev V.A. (Tomsk, Russia) – Editor-in-Chief;
Rykun A.U. (Tomsk, Russia) – Deputy Editor-in-Chief (Sociology);
Deriglazova L.V. (Tomsk, Russia) – Deputy Editor-in-Chief (Political Science);
Agafonova E.V. (Tomsk, Russia) – Executive Editor;
Sukhushina E.V. (Tomsk, Russia) – Executive Editor (Sociology);
Borisov E.V. (Tomsk, Russia);
Ogleznev V.V. (Tomsk, Russia);
Syrov V.N. (Tomsk, Russia);
Chernikova I.V. (Tomsk, Russia);
Ladov V.A. (Tomsk, Russia);
Uzhaninov K.M. (Tomsk, Russia);
Shcherbinina N.G. (Tomsk, Russia);
Kashpur V.V. (Tomsk, Russia)

EDITORIAL COUNCIL:

Himma K.E. (University of Washington, Seattle, USA); **Rentsch T.** (Technical University Dresden, Germany); **Scheffler U.** (Technical University Dresden, Germany); **Vasilyev V.V.** (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); **Mikirtumov I.B.** (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia); **Tselishchev V.V.** (Institute of Philosophy and Law of SB RAS, Novosibirsk, Russia); **Diev V.S.** (Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia); **Johnson M.S.** (University of Wisconsin, Madison, USA); **Balzer H.S.** (Georgetown University, USA); **Tchalakov I.** (University of Plovdiv, Bulgaria); **Vavilina N.D.** (New Siberian Institute, Novosibirsk, Russia); **Konstantinovskiy D.L.** (Institute of Sociology, Moscow, Russia); **Chernysh M.F.** (Institute of Sociology, Moscow, Russia); **Iarskaia-Smirnova E.R.** (National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia); **Malinova O.Y.** (Institute of Information on Social Sciences of RAS, Moscow, Russia); **Soloviov A.I.** (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); **Czachor R.** (Lower Silesian University of Entrepreneurship and Technology, Polkowice, Poland); **Shestopal E.B.** (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); **Shubert K.** (Westphalian Wilhelm University, Muenster, Germany)

СОДЕРЖАНИЕ

ОНТОЛОГИЯ, ЭПИСТЕМОЛОГИЯ, ЛОГИКА

Андрушкевич А.Г. Теория аскриптивности языка и конструирование модальных объектов	5
Берестов И.В. Новый аргумент в пользу нестандартной теории движения	13
Борисов Е.В. Аксиоматизация логики для кросс-мировой предикации	22
Макаров С.К. Онтологические основания феномена трансгрессии	30
Моисеева А.Ю. О скептицизме относительно значения, перформативном противоречии и философии	41
Найман Е.А. Новая языковая онтология: от структуры к амссабляжу	51
Щеглова М.И. «Esse est percipi» в агенто-ориентированных интерпретациях квантовой механики	67

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Корниенко М.А. Идея преодоления смерти в мире мечты Новалиса: опыт философского прочтения «Гимнов к Ночи»	77
Ухов А.Е., Ковров Э.Л., Симонян Э.Г. Либерализм, социализм или коммунитаризм: противоречия принципов общественного договора Жан-Жака Руссо	85

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Кокаревич М.Н. Стил и парадигма как два подхода к формообразованию в архитектуре	103
Чистанов М.Н., Асочакова В.Н. Особенности интерпретации нетрадиционной религиозности в аналитической и прагматической традициях	113

СОЦИОЛОГИЯ

Архипова Е.Б. Риторические стратегии конструирования актуальных социальных проблем в ведомственном и публичном дискурсе	122
Барышев А.А., Щекотин Е.В., Барышева Г.А. Парадигмальный обзор теорий и исследований благополучия	134
Галиуллин Р.Э., Скалабан И.А. Классические и современные концептуальные основания анализа городской сегрегации и социальные маркеры	154
Грудников Н.С. Возможности применения социологической теории интеллектуальных движений к исследованию институционализации российского движения за восстановительное правосудие	165
Дмитриева Е.В., Еремينا А.Д. Роль коммуникационных кампаний с использованием социальных платформ в сохранении культурной идентичности малых городов России	179

ПОЛИТОЛОГИЯ

Данков А.Г., Зуенко И.Ю. Перспективы сотрудничества России и Китая в свете угроз развитию и безопасности Центральной Азии	192
Коробейников В.М., Шпагин С.А. Партийные системы федеральных земель Восточной Германии: масштабы перемен в новом тысячелетии	208
Лисенкова А.Д. Стратегические приоритеты и противоречия стран БРИКС и ЕС в области борьбы с изменением климата (на примере Арктики)	217
Сущенко М.А. Институциональные инновации КПК в контексте модернизации китайского села: новые подходы к управлению аграрным сектором	231
Щербинина Н.Г., Аванесова Е.Г. Политическая коммуникация в контексте культур, ориентированных на духовную активность	240

МОНОЛОГИ, ДИАЛОГИ, ДИСКУССИИ

Семиотический оптимум: как его обнаружить и применить?

Мелик-Гайказян И.В. Семиотический оптимум: генезис обнаруженных ситуаций	250
Горбулёва М.С., Лушникова А.А., Первушина Н.А., Тетерин А.Ю. Выяснение запроса на характеристики образования в меняющихся условиях: постановка задачи	260
Суровцев В.А. Понятие «семиотический оптимум» и мысленный эксперимент с информацией	272

CONTENTS

ONTOLOGY, EPISTEMOLOGY, LOGIC

Andrushkevich A.G. The theory of language ascriptivity and the construction of modal objects.....	5
Berestov I.V. A new argument in support of a nonstandard theory of motion.....	13
Borisov E.V. An axiomatization of a logic for crossworld predication.....	22
Makarov S.K. The ontological basis of the phenomenon of transgression.....	30
Moiseeva A.Yu. On skepticism about meaning, performative contradiction, and philosophy.....	41
Naiman E.A. A new language ontology: From structure to assemblage.....	51
Shcheglova M.I. “Esse est percipi” in agent-based interpretations of quantum mechanics.....	67

HISTORY OF PHILOSOPHY

Kornienko M.A. The idea of overcoming death in Novalis’ dream world: Experience of a philosophical reading of “Hymns to the Night”.....	77
Ukhov A.E., Kovrov E.L., Simonyan E.G. Liberalism, socialism, or communitarianism: Contradictions of Rousseau’s social contract.....	85

SOCIAL PHILOSOPHY AND PHILOSOPHY OF HUMANITY

Kokarevich M.N. Style and paradigm as two approaches to shaping in architecture.....	103
Chistanov M.N., Asochakova V.N. Features of the interpretation of non-traditional religiosity in analytic and pragmatic philosophical traditions.....	113

SOCIOLOGY

Arkhipova E.B. Rhetorical strategies for constructing current social problems in official and public discourse.....	122
Baryshev A.A., Shchekotin E.V., Barysheva G.A. A paradigmatic review of theories and studies of well-being.....	134
Galiullin R.E., Skalaban I.A. Classical and modern conceptual foundations of urban segregation analysis and social markers.....	154
Grudnikov N.S. Possibilities of applying the sociological theory of intellectual movements to the study of institutionalization of the Russian movement for restorative justice.....	165
Dmitrieva E.V., Eremina A.D. Using modern communication technologies and digital platforms to preserve the identity of small cities.....	179

POLITICAL SCIENCE

Dankov A.G., Zuenko I.Yu. Prospects for cooperation between Russia and China in the context of threats to the development and security of Central Asia.....	192
Korobeynikov V.M., Shpagin S.A. Party systems in East Germany’s federal states: The scale of change in the new millennium.....	208
Lisenkova A.D. Strategic priorities and contradictions of the BRICS states and the EU in the field of combating climate change (the case of the Arctic).....	217
Sushchenko M.A. Institutional innovations of the CCP in the context of rural modernization in China: New approaches to agricultural sector governance.....	231
Shcherbinina N.G., Avanesova E.G. Political communication in the context of cultures oriented toward spiritual activity.....	240

MONOLOGUES, DIALOGUES, DISCUSSIONS

Semiotic optimum: How to discover and apply?

Melik-Gaykazyan I.V. Semiotic optimum: Genesis of discovered situations.....	250
Gorbuleva M.S., Lushnikova A.A., Pervushina N.A., Teterin A.Yu. Clarification of request for the educational characteristics in changing conditions: statement of the problem.....	260
Surovtsev V.A. The concept of the “semiotic optimum” and a thought experiment with information.....	272

ОНТОЛОГИЯ, ЭПИСТЕМОЛОГИЯ, ЛОГИКА

Научная статья

УДК 111

doi: 10.17223/1998863X/88/1

ТЕОРИЯ АСКРИПТИВНОСТИ ЯЗЫКА И КОНСТРУИРОВАНИЕ МОДАЛЬНЫХ ОБЪЕКТОВ

Александр Геннадьевич Андрушкевич

Томский научный центр СО РАН, Томск, Россия, andryusha.fsf@gmail.com

Аннотация. Рассматривается механизм конструирования модальных объектов посредством осуществления аскриптивных актов. Утверждается, что семантика аскриптивных выражений не может быть интерпретирована в терминах референциалистской семантики, поскольку институциональные объекты, выступая в качестве значения языкового выражения, не обладают необходимым онтологическим статусом. Над обычными объектами в результате языковой практики в результате осуществления аскриптивного акта надстраивается новый модальный объект. Введение таких объектов контекстуально и интенционально детерминировано, но их дальнейший онтологический статус независим от контекстуальных и интенциональных предпосылок.

Ключевые слова: аналитическая философия, аскриптивность, интенциональность, социальной поворот, модальный объект

Благодарности: автор выражает искреннюю благодарность организаторам конференции «Актуальные проблемы аналитической философии», состоявшейся 25–27.09.2025 в Томском государственном университете, и ее участникам, комментарии которых в дискуссии по докладу позволили улучшить настоящую статью, созданную на его основе.

Для цитирования: Андрушкевич А.Г. Теория аскриптивности языка и конструирование модальных объектов // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 88. С. 5–12. doi: 10.17223/1998863X/88/1

ONTOLOGY, EPISTEMOLOGY, LOGIC

Original article

THE THEORY OF LANGUAGE ASCRIPTIVITY AND THE CONSTRUCTION OF MODAL OBJECTS

Alexandr G. Andrushkevich

*Tomsk Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Tomsk, Russian Federation, andryusha.fsf@gmail.com*

Abstract. Our ontology includes not only ordinary objects that do not require ultimate conceptualization and form the basis of our experience. Such ordinary objects are accessible to reference or, to put it more simply, accessible to ostensive definition. Our ontology

includes objects whose existence is not reducible to physical representation in the world. Some of these are given to us descriptively. For example, the language of mathematics describes immaterial, abstract objects. But there are also others that, while serving as the meaning of a linguistic expression, are not ontologically necessary. Such modal objects, for example, in the context of jurisprudence, include rights and obligations. According to H. Hart, it is impossible to provide descriptive statements regarding such unusual objects, since they are not simply terms, but direct elements of discursive practices. In some cases, the implementation of an ascriptive act necessitates the introduction of a new modal object into ontology. Consequently, the ascriptive nature of everyday language should be considered as one aspect of ontology construction. Accordingly, the use of ascriptive expressions should not be viewed as a referential or descriptive reference to an ordinary object. The semantics of language are determined not only by the immediate adequacy of word use, intentions, or presuppositions of the speech agent. Thus, J. Perry identifies context as an element determining the semantics of linguistic expressions. It is precisely the contextual mediation of acts of using ascriptive expressions that allows us to distinguish the content of two tautological expressions: (1) "Bill committed a crime" when Bill finished the last piece of cake, and (2) "Bill committed a crime" when Bill forcibly took a woman's purse and ran away with it. Without strictly defined extralinguistic conditions that constitute the discursive context, Bill's actions cannot legitimately be described as "Bill committed a crime." The fact is that in reality, there exists a legal system, which serves as the very context within which an ascriptive act is possible, through which the action committed by Bill will be qualified as a crime. That is, some action committed by Bill, within the framework of our terminology, should be considered ontologically necessary. Whereas qualifying a specific event or action committed by Bill as a crime is not ontologically necessary. It is precisely the "crime that Bill committed," which may subsequently become an object of reference, which arises as a result of the ascriptive act and is qualified by us as a modal object.

Keywords: analytic philosophy, ascriptivity, intentionality, social turn, modal objects

Acknowledgments: The author expresses his sincere gratitude to the organizers of the conference "Current Problems of Analytical Philosophy" (September 25–27, 2025, Tomsk State University) and its participants for the discussion and comments on the report, which allowed improving this article.

For citation: Andrushkevich, A.G. (2025) The theory of language ascriptivity and the construction of modal objects. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 88. pp. 5–12. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/88/1

Настоящую статью хочется начать необычным образом – с анонсирования новости, которая отчасти затрагивает часть прошлого аналитической философии, которая в большей степени ориентирована в ее будущее и которая логично пересекается с темой настоящей статьи. Не думаю, что новость достаточно масштабная для того, чтобы однажды занять одну из полос *The New York Times*, но вполне вероятно, те, кто увлечен аналитической философией, однажды встретят ее на страницах таких журналов, как *Mind* или *The Monist*. Новость заключается в следующем. Как отметил в своем докладе, прочитанном 25.09.2025 на конференции «Актуальные проблемы аналитической философии» (Томск), В.В. Целищев, в настоящее время мы наблюдаем процесс деконструкции аналитической философии. Однако хочется подобрать термин, который бы в меньшей степени отсылал к творчеству Ж. Дерриды, поэтому скажем следующее: мы живем во время внутренней реорганизации аналитической философии, которая в настоящее время переживает так называемый социальный поворот. Ряд авторов обращают на это внимание в самых свежих публикациях [1–3]. Отметим, что явление рассматривается шире, чем того можно было бы ожидать. Речь идет не только о теории институциональ-

ных фактов Дж. Серля [4, 5], своеобразными предвестниками «социального поворота» также являются теория множественного субъекта М. Гилберта [6] и концепция совместных «мы-установок» Р. Туомеллы [7]. Границы применения аналитической методологии расширяются, предметом анализа оказываются новые предметные области. Но тем не менее важно понимать, что неизменным остается общий вектор стилистического единообразия. А стиль для аналитической философии, как отмечает Р. Хамфрис, представляет собой непосредственную форму характерного философского мышления [8. Р. 257–258]. Стиль всегда связан с содержанием.

Следовательно, если аналитическая философия действительно переживает «социальный поворот», то при этом она сохраняет за собой классические вопросы и традиционные темы. В центре внимания по-прежнему остается в том числе и семантическая проблематика, которая, если выражаться максимально прямолинейно, может быть сведена к вопросу «каково значение понятия „значение“?».

Как известно, в срезе семантической проблематики разворачивается, скажем так, онтологическая баталия. А. Строл, рассматривая теорию прямой референции, формулирует так свою аксиому референции: «Нельзя осуществить референцию к тому, чего не существует» [9. Р. 255]. В близкой по духу манере пишет и Куайн, когда заявляет, что существует все [10. С. 7]. Вероятно, такой взгляд можно было бы считать истинным в том случае, если бы речь шла об *обычных вещах*. М. Айерс пишет про *обычные объекты*: «Они предконцептуально и, что еще более несомненно, предтеоретически даны, индивидуируются и отслеживаются в нашем наиболее примитивном сенсорном и деятельностном отношении к физической структуре мира. Конкретное, материальное единство типичного „обычного объекта“, его границы и его отделенность от других объектов и окружающей материи являются природными, физическими и реальными. Постигание материальной структуры и таких дискретных и единых материальных структур чрезвычайно важно для простейших действий» [11. Р. 535]. Именно *обычные вещи* выступают основанием для всякого рода опыта, за счет чего составляют фундаментальную основу человеческого познания. Не нуждаясь в предельной концептуализации, они формируют основной, базовый уровень нашей онтологии. «В первичном типе референции мы отсылаем к объектам в пределах нашего собственного знакомства или опыта», – пишет Айерс [11. Р. 557].

Помимо обычных вещей, с которыми мы связаны посредством референции¹, иногда встречаются чуть менее обычные вещи. В нашей онтологии имеются такие объекты, существование которых не сводится к физической представленности в мире. Некоторые из них даны нам дескриптивно. К примеру, язык математики описывает нематериальные, абстрактные объекты. Но также встречаются и другие, которые, выступая в качестве значения языкового выражения, онтологически не являются необходимыми. Их онтологический статус опосредован актами языковой практики, осуществления высказывания, в частности аскриптивного акта. Агент речи квалифицирует определенное положение вещей в соответствии с субъективным опытом или нормативными установками сообщества. Мы будем называть такие объекты

¹ Мы принимаем вводимое Л.Б. Макеевой различие референции на референцию₁ и референцию₂, о котором подробнее см. в [12].

модальными и утверждаем, что они не редуцируются к физическим объектам и непосредственные акты их введения несводимы к дескриптивным описаниям этих объектов. В этом смысле модальные объекты следует интерпретировать скорее как *возможные*, в то время как первоначальный *обычный* объект, которому приписывается некоторый статус или который получает некоторую квалификацию, рассматривается нами как онтологически *необходимый*. Вводимое нами разграничение отчасти совпадает с идеей Серля, который различает *грубые* (brute) и *институциональные* факты [5. Р. 2].

К числу таких *модальных* объектов, к примеру, в рамках юриспруденции относятся права и обязанности. По мысли Г. Харта, применительно к таким необычным вещам нельзя осуществить дескриптивного указания, так как они являются не просто терминами, а непосредственными элементами дискурсивных практик [13. Р. 176–180]. Другим примером может быть обещание или ожидание. В материальном мире нет ничего такого, что представляло бы собой референт для понятия «ожидание». Однако в выражении «Я не оправдал твоих ожиданий» у данного понятия совершенно точно должно быть значение, но связь с ним выстраивается иначе, чем индексикал «я» связан с агентом речи. То есть наша онтология подразумевает такие объекты, к которым нельзя осуществить референции². Но, выступая в качестве значения языкового выражения, подобного рода объекты составляют нашу онтологию.

Изначально введенное в аналитической философии права понятие аскриптивности является концептуальным средством или механизмом, реализующим специфическую форму связи между языком и реальностью. Более того, осуществление аскриптивного акта в ряде случаев обуславливает введение в онтологию нового *модального* объекта. Следовательно, свойство аскриптивности обыденного языка следует рассматривать как один из аспектов для конструирования онтологии. Соответственно, употребление аскриптивных выражений следует рассматривать не как референциальное или дескриптивное указание на обычный объект.

Семантика языка определяется не только непосредственной адекватностью употребления слов, намерениями или пресуппозициями агента речи. Так, Дж. Перри выделяет контекст в качестве элемента, определяющего семантику языковых выражений [14]. Именно контекстуальная опосредованность актов употребления аскриптивных выражений позволяет нам различать содержание двух тавтологических выражений: (1) «Билл совершил преступление», когда Билл доел последний кусок торта, и (2) «Билл совершил преступление», когда Билл силой отнял у женщины ее сумку и скрылся с ней. Вне строго определенных внеязыковых условий, составляющих дискурсивный контекст, действия Билла никак не могут быть правомерно описаны как «Билл совершил преступление». Дело в том, что в реальности существует система права, выступающая тем самым контекстом, в рамках которого возможным является аскриптивный акт, посредством чего действие, которое совершил Билл, будет квалифицировано как преступление. То есть некоторое действие, совершенное Биллом, в рамках нашей терминологии следует рассматривать как онтологически необходимое. Тогда как квалификация определенного события или действия, совершенного Биллом, как преступления онтологически необходимой не является. Именно «преступление, которое совершил Билл», которое впоследствии может являться объектом референ-

ции, возникает в результате осуществления аскриптивного акта и квалифицируется нами как *модальный объект*.

Рассмотрим другой пример и обратимся к феномену поп-арта Э. Уорхолла, который приводит А. Данто. Это прекрасная иллюстрация того, как обыденный объект, для которого не характерны эстетические особенности, при помещении в концептуальный и институциональный контекст обретает художественный статус [15. Р. 146]. Определенный коллаж вне институционального контекста является материальным объектом, но при помещении в соответствующий контекст и в результате осуществления аскриптивного акта данный объект квалифицируется как произведение искусства. Таким образом, можно сделать вывод, что сам по себе коллаж онтологически является необходимым объектом. В силу его представленности и объективной данности его существование следует рассматривать как необходимое, тогда как существование именно произведения искусства представляет собой уже институциональный или эстетический факт, существование которого мы рассматриваем как возможное. Само возникновение поп-арта в этом ключе воспринимается как процесс (или часть процесса) трансформации институциональных правил и установок художественных принципов и, соответственно, определенной практики. Пересмотр существующих принципов организации художественной практики и сущностных аспектов, на основании которых объекту приписывается художественный статус, с точки зрения Л. Липпард, следует воспринимать как новый способ квалификации нехудожественных объектов [16. Р. 24].

Далее необходимо обратить внимание на роль интенциональности при введении в онтологию модальных объектов. Для модальных объектов язык оказывается условием их введения в онтологию, но, как было отмечено выше, также требуется и определенная связь между агентом речи и определенным контекстом. Отметим, что в качестве контекста может выступать как некоторая дискурсивная практика, в рамках которой осуществляется аскриптивный акт, так и определенные намерения агента речи. Мы основываемся на анализе Шиффером предложений, в которых осуществляется приписывание веры [17]. Вера, соответственно, рассматривается как трехместное отношения $V(x, p, m)$, где m – это способ представления объекта веры, при котором x верит в p [17. Р. 500]. Рассмотрим два примера:

(1) Билл считает Джона талантливым поэтом.

(2) Суд признает Билла виновным в совершении преступления.

Для каждого из приведенных примеров мы утверждаем, что речь идет об аскриптивных актах. В случае с (1) Билл квалифицирует Джона как ‘талантливого’. Пример (2), очевидно, является актом приписывания действиям Билла статуса ‘преступление’. Или вот еще пример: определенные действия, когда Билл на аудиторию что-то говорит, квалифицируются как ‘защита курсовой работы’, которой, в свою очередь, приписывается статус ‘успешно’.

С точки зрения Шиффера, необходимым для релевантного анализа подобных предложений является введение оператора Φ – «определенного неявно указанного и контекстуально определяемого типа способа представления» [17. Р. 503]. В случае (1) требуется Φ^* , которое представляет собой некоторые обстоятельства, в которых Джон показывает или читает Биллу свои стихи, и они производят на Билла впечатление. Только таким образом оказыва-

ется возможным то, что Билл интенционально, исходя из собственных представлений о поэзии и таланте, осуществит аскриптивный акт, приписывая Биллу статус талантливого поэта. Логически данная структура выглядит следующим образом:

(1a) $(\exists m) (F^*m \ \& \ B(\text{Билл}, \langle \text{Джон}, \text{быть талантливым поэтом} \rangle, m))$.

То есть на основании определенных интенционально обусловленных внеязыковых установок, которые, в сущности, следует отнести к проявлениям антиреалистических тенденций, возникает новый *модальный* объект. При F^{**} , т.е. ином способе представления Джона, когда тот, допустим, вместо чтения стихов исполняет танец, мнение Билла, что Джон талантливый поэт, ни за что не сложилось бы. Отметим, что, хотя возникновение мнения Билла опосредовано интенциональностью Билла, его дальнейшее существование не имеет непосредственной связи с теми или иными ментальными состояниями Билла. К нему можно реферировать, даже если непосредственное сознание Билла более не существует.

(2a) $(\exists m) (F^{**}m \ \& \ J(\text{Билл}, \langle \text{действия Билла}, \text{преступление} \rangle, m))$.

Аналогичным образом именно F^{**} , т.е. соответствие некоторым процессуальным нормам, обеспечивающим судопроизводство, и рассмотрение действий Билла именно в заданном дискурсивном контексте, делает возможным соответствующий аскриптивный акт. Данный пример, пусть и в значительно меньшей степени, но тем не менее тоже опосредован интенциональностью агента, который выносит судебное решение. Иное представление материалов и доказательств, а также осознание включенности в определенный правовой контекст и те нормы, которые его составляют и определяют характер выносимых решений, детерминирует то, что (2) оказывается реализованным правомерно.

Таким образом, мы утверждаем, что имеет место различие в способах существования тех объектов, которые мы называем необходимыми, и модальных объектов, которые надстраиваются над некоторыми физическими предметами или событиями. Для референциалистских семантик выражения «обещание», «обязательство», «правильность» рассматривают как неререферентные. Отсюда вывод о том, референциалистская программа в духе Рассела ограничивает наше представление о действительности. На мнение невозможно осуществить указание в том смысле, в котором референция₂ указывает на тот или иной материальный объект (можно отметить, что данная трактовка феномена референции в определенной степени подразумевает возможность остенсивного указания, тогда как для референции₁ такая возможность далеко не всегда характерна). Однако, выступая в качестве значения выражения, мнение вводится в онтологию и не совпадает с непосредственным его произнесением. Когда Джон реферирует к мнению Билла «сортировка мусора – это хорошо», он отсылает не к акту произнесения Биллом определенных слов. Точно так же и выражение «защита Джоном дипломной работы прошла успешно»: успешным было не имевшееся в действительности событие, когда Джон что-то говорил перед другими людьми, а институциональный факт защиты дипломной работы, который рассматривается нами как квалификация описанных выше событий определенным образом.

Язык для модальных объектов оказывается необходимым условием, поскольку именно посредством осуществления перформативных действий, вхо-

дящих в структуру ряда языковых выражений, и осуществляется введение в онтологию нового объекта. Таким образом, мы делаем фундаментальный вывод о том, что в развиваемой нами теории аскриптивности языка содержится основание для различения разных онтологических модусов. Так, посредством реализации аскриптивных актов мы конструируем нашу онтологию, что в определенной степени является развитием тех идей, которые составляют ядро явления, названного социальном поворотом в аналитической философии.

Список источников

1. Kosecki A. Is There a “Social Turn” in Analytic Philosophy? // *Analiza i Egzystencja*. 2024. № 68. P. 63–80.
2. Burman Á. *Nonideal Social Ontology: The Power View*. Oxford : Oxford University Press, 2023. 264 p.
3. Chalmers D.J. What is conceptual engineering and what should it be? // *Inquiry*. 2020. Vol. 68, № 9. P. 2902–2919.
4. Searle J. *Making the Social World: The Structure of Human Civilization*. Oxford : Oxford University Press, 2010. 224 p.
5. Searle J. *The Construction of Social Reality*. New York : Free Press, 1995. 241 p.
6. Gilbert M. *On Social Facts*. New York : Routledge, 1989. 521 p.
7. Tuomela R. *The Philosophy of Social Practices: A Collective Acceptance View*. Cambridge : Cambridge University Press, 2002. 274 p.
8. Humphries R. Analytic and Continental: The Division in Philosophy // *The Monist*. 1999. Vol. 82, № 2. Continental Philosophy: For & Against. P. 253–277.
9. Stroll A. *Twentieth-Century Analytic Philosophy*. New York : Columbia University Press, 2001. 304 p.
10. Куайн У.В.О. О том, что есть // С точки зрения логики: 9 логико-философских очерков / пер. с англ. В.А. Ладова, В.А. Суровцева. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2003. С. 7–23.
11. Ayers M. Ordinary Objects, Ordinary Language, and Identity // *The Monist*. 2005. Vol. 88, № 4. P. 534–570.
12. Макеева Л.Б. Некоторые соображения о связи между референцией и онтологией // *Epistemology & Philosophy of Science*. 2010. Т. 25, № 3. С. 42–57.
13. Lacey N. *A Life of H.L.A. Hart: The Nightmare and the Noble Dream*. Oxford : Oxford University Press, 2004. 432 p.
14. Perry J. Indexicals, Contexts, and Unarticulated Constituents / eds. D. Westertahl et al. *Computing Natural Language*. CSLI Publications, Stanford, 1998. P. 1–12.
15. Danto A.C. The Transfiguration of the Commonplace // *The Journal of Aesthetics and Art Criticism*. 1974. Vol. 33, № 2. P. 139–148.
16. Lippard L.R. *Pop Art / With Contributions by Lawrence Alloway, Nancy Marner and Nicolsa Calus*. 3 ed. London : Oxford University Press, 1970. 220 p.
17. Schiffer S. Belief ascription // *The Journal of Philosophy*. 1989. Vol. 89, № 10. P. 499–521.

References

1. Kosecki, A. (2024) Is There a “Social Turn” in Analytic Philosophy? *Analiza i Egzystencja*. 68. pp. 63–80.
2. Burman, Á. (2023) *Nonideal Social Ontology: The Power View*. Oxford: Oxford University Press.
3. Chalmers, D.J. (2020) What is conceptual engineering and what should it be? *Inquiry*. 68(9). pp. 2902–2919.
4. Searle, J. (2010) *Making the Social World: The Structure of Human Civilization*. Oxford: Oxford University Press.
5. Searle, J. (1995) *The Construction of Social Reality*. New York: Free Press.
6. Gilbert, M. (1989) *On Social Facts*. New York: Routledge.
7. Tuomela, R. (2002) *The Philosophy of Social Practices: A Collective Acceptance View*. Cambridge: Cambridge University Press.
8. Humphries, R. (1999) Analytic and Continental: The Division in Philosophy. *The Monist*. 82(2). pp. 253–277.

9. Stroll, A. (2001) *Twentieth-Century Analytic Philosophy*. New York: Columbia University Press.
10. Quine, W.V.O. (2003) *S tochki zrenia logiki: 9 logiko-filosofskikh ocherkov* [From a Logical Point of View]. Translated from English by V.A. Ladov, V.A. Surovtsev. Tomsk: Kanon+. pp. 7–23.
11. Ayers, M. (2005) Ordinary Objects, Ordinary Language, and Identity. *The Monist*. 88(4). pp. 534–570.
12. Makeeva, L.B. (2010) Some Considerations on the Relationship Between Reference and Ontology. *Epistemology & Philosophy of Science*. 25(3). pp. 42–57.
13. Lacey, N. (2004) *A Life of H.L.A. Hart: The Nightmare and the Noble Dream*. Oxford: Oxford University Press.
14. Perry, J. (1998) Indexicals, Contexts, and Unarticulated Constituents. In: Westertahl, D. et al. (eds) *Computing Natural Language*. Stanford: CSLI Publications. pp. 1–12.
15. Danto, A.C. (1974) The Transfiguration of the Commonplace. *The Journal of Aesthetics and Art Criticism*. 33(2). pp. 139–148.
16. Lippard, L.R. (1970) *Pop Art. With Contributions by Lawrence Alloway, Nancy Marner and Nicolsa Calus*. 3 ed. London: Oxford University Press.
17. Schiffer, S. (1989) Belief ascription. *The Journal of Philosophy*. 89(10). pp. 499–521.

Сведения об авторе:

Андрюшкевич А.Г. – младший научный сотрудник лаборатории логико-философских исследований Томского научного центра СО РАН (Томск, Россия). E-mail: andryusha.fsf@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Andrushkevich A.G. – junior researcher, Tomsk Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tomsk, Russian Federation). E-mail: andryusha.fsf@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 16.10.2025;
одобрена после рецензирования 18.11.2025; принята к публикации 09.12.2025
The article was submitted 16.10.2025;
approved after reviewing 18.11.2025; accepted for publication 09.12.2025*

Научная статья

УДК 1(091):165.3:122

doi: 10.17223/1998863X/88/2

НОВЫЙ АРГУМЕНТ В ПОЛЬЗУ НЕСТАНДАРТНОЙ ТЕОРИИ ДВИЖЕНИЯ

Игорь Владимирович Берестов

*Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук,
Новосибирск, Россия, berestoviv@yandex.ru*

Аннотация. Представлено обоснование варианта нестандартной теории движения; показано, что стандартную теорию движения следует уточнить, но уточнённая теория оказывается неприемлемой, альтернативой ей является нестандартная теория движения. Принятие последней и дополнительных допущений влечёт существование, но нелокализованность в пространстве и времени движущегося объекта, что довольно контринтуитивно.

Ключевые слова: парадоксы движения, парадоксы открытых интервалов, неизменность прошлого, нелокализованные объекты, парадоксы Зенона

Для цитирования: Берестов И.В. Новый аргумент в пользу нестандартной теории движения // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 88. С. 13–21. doi: 10.17223/1998863X/88/2

Original article

A NEW ARGUMENT IN SUPPORT OF A NONSTANDARD THEORY OF MOTION

Igor V. Berestov

*Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russian Federation, berestoviv@yandex.ru*

Abstract. In this article, I present a justification for a variant of a non-standard theory of motion that opposes the standard theory of motion. In the standard theory of motion, the following condition is fulfilled (DB is Benacerraf's Demon, a point object): (2) DB has uniformly moved at a speed of 1 m/s through the spatial interval $[0\text{ m}, 1\text{ m})$ during the temporal interval $[0\text{ s}, 1\text{ s})$ iff for any x such that $0 \leq x < 1$ at the moment $x\text{ s}$ DB is in the point $x\text{ m}$. By (2), the truth of the sentence p "DB has passed the spatial interval $[0\text{ m}, 1\text{ m})$ uniformly at a speed of 1 m/s during the temporal interval $[0\text{ c}, 1\text{ c})$ " is evaluated *simpliciter*, but this is meaningless, since it is possible to evaluate the truth value of p only *relative* – for example, relatively to the time moment t . Taking this into account, we can write down a refined (namely, relativized to time moments) version of (2): (2₁) At time moment $t\text{ c}$ DB has uniformly moved at a speed of 1 m/s through the spatial interval $[0\text{ m}, 1\text{ m})$ during the temporal interval $[0\text{ s}, 1\text{ s})$ iff for any x such that $0 \leq x < 1$ at the moment $x\text{ s}$ DB is in the point $x\text{ m}$ and $t \geq 1\text{ s}$. Consider Story 1, in which the world and time exist only from the moment 0 s to the moment 1 s , not including this moment. DB moves uniformly at a speed of 1 m/s through the spatial interval $[0\text{ m}, 1\text{ m})$ during the time interval $[0\text{ s}, 1\text{ s})$, i.e. for any x such that $0 \leq x < 1$, at the moment $x\text{ s}$ DB is at the point $x\text{ m}$. By (2₁), in Story 1 p is not true at any of the moments at which it is possible to evaluate the truth of the sentence. However, this contradicts the following (seemingly plausible) *Principle of the Immutability of the Past*: (PIP) In an arbitrary story S the fulfillment of any task during any temporal interval is determined only through the fulfillment of conditions set at time moments from this interval, and is not determined through the fulfillment of conditions set at any later time

moment. However, it is possible to rephrase (2₁) in a way that does not conflict with (PIP): (2₂) In an arbitrary story S at an arbitrary index $[0\text{ s}, t\text{ s}] / [0\text{ s}, t\text{ s}]$, $t \geq 0$, DB has uniformly moved at a speed of 1 m/s through the spatial interval $[0\text{ m}, 1\text{ m}]$ during the temporal interval $[0\text{ s}, 1\text{ s}]$ iff: 1) in the story S there is an index $[0\text{ s}, t\text{ s}] / [0\text{ s}, t\text{ s}]$, relative to which the truth value of propositions in accordance with in the story S are evaluated; 2) in the story S and at the index $[0\text{ s}, t\text{ s}] / [0\text{ s}, t\text{ s}]$ for any x , such that $0 \leq x < 1$ exists at the index $[0\text{ s}, x\text{ s}]$ DB exists and is located at the point $x\text{ m}$; 3) $t \geq 1\text{ s}$. In (2₂), it is assumed that propositions are evaluated not relative to temporal moments, but relative to temporal intervals. From (2₂) and two rather plausible propositions, it follows that in the Story 1, DB exists at the index $[0\text{ s}, 1\text{ s}]$, but, paradoxically, he is not localized at this index at any point in space and at any moment in time.

Keywords: paradoxes of motion, paradoxes of open intervals, immutability of past, non-localized objects, Zeno's paradoxes

For citation: Berestov, I.V. (2025) A new argument in support of a nonstandard theory of motion. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 88. pp. 13–21. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/88/2

В данной работе я намерен представить обоснование варианта нестандартной теории движения, противостоящей стандартной теории движения. Е.В. Борисов в [1] утверждает, что предлагаемый мною в предыдущих публикациях [2, 3] вариант нестандартной теории движения недостаточно обоснован, а значит, нет оснований для отказа от стандартной теории движения. В настоящей статье я намерен показать, что стандартную теорию движения, задаваемую положением (Редук1) из [3], которое Е.В. Борисов переписал в [1] в виде (2), следует уточнить. Но задающее уточнённую стандартную теорию движения уточнённое положение (2) оказывается неприемлемым из-за его несовместимости с *Принципом неизменности прошлого*. Альтернативой же уточнённому положению (2) является положение, задающее вариант нестандартной теории движения, отличный от варианта, описанного в [2, 3]. Однако принятие предлагаемого в этой статье варианта нестандартной теории движения и двух кажущихся приемлемыми дополнительных допущений обуславливает то, что равномерно движущийся точечный объект на определённых этапах своего движения существует, но не локализован во времени и пространстве, что кажется довольно контринтуитивным. Получается, что долгая история выявления затруднений в построении теории, описывающей элементарное равномерное прямолинейное движение, начавшаяся со знаменитых апорий Зенона Элейского, всё ещё не завершена.

Как и в [2–5], я буду называть Демоном Бенацерафа (ДБ) движущийся *точечный* объект, способный к выполнению любых логически допустимых действий (т.е. не влекущих противоречия), вне зависимости от того, реализуемы ли они физически. Обсуждать теории движения с использованием подобного демона (точнее, джинна) впервые начал П. Бенацераф [6. Р. 116–121].

Помимо прочего я собираюсь обсуждать условия истинности следующего предложения, которое иногда будет обозначаться через p :

«ДБ равномерно со скоростью 1 м/с прошёл пространственный интервал $[0\text{ м}, 1\text{ м}]$ в течение временного интервала $[0\text{ с}, 1\text{ с}]$ ».

Е.В. Борисов записывает положение, задающее стандартную теорию движения, в виде положения, которое в [1] он обозначает через (2):

(2) ДБ равномерно со скоростью 1 м/с прошёл пространственный интервал $[0\text{ м}, 1\text{ м}]$ в течение временного интервала $[0\text{ с}, 1\text{ с}]$, если, и только

если для любого x , такого что $0 \leq x < 1$, в момент x с ДБ находится в точке x м.

Положение (2) кажется правдоподобным и интуитивно приемлемым, но при внимательном рассмотрении становится ясно, что предложение p истинно не *simpliciter*, а относительно индекса, например момента времени. Действительно, в p говорится, что ДБ *прошёл* пространственный интервал $[0 \text{ м}, 1 \text{ м})$ в течение временного интервала $[0 \text{ с}, 1 \text{ с})$, т.е. что прохождение интервала завершено, уже в прошлом. Но оно не принадлежит прошлому, если момент времени 1 с ещё не наступил. Таким образом, оценивать на истинность p *simpliciter* бессмысленно, поскольку без указания, относительно какого момента времени p утверждается или относительно какого момента времени оценивается истинностное значение, предложение p не может быть наделено истинностным значением. Но можно утверждать, что «предложение p истинно относительно момента времени t », или «в момент времени t предложение p истинно», или «в момент времени t p ». В некоторые моменты времени эти утверждения будут истинными, а в некоторые – ложными.

Учитывая это, запишем уточнённый (а именно релятивизированный к моментам времени) вариант (2):

- (2₁) В момент времени t с ДБ равномерно со скоростью 1 м/с прошёл пространственный интервал $[0 \text{ м}, 1 \text{ м})$ в течение временного интервала $[0 \text{ с}, 1 \text{ с})$, если, и только если для любого x , такого что $0 \leq x < 1$, в момент x с ДБ находится в точке x м и $t \geq 1$ с.

Рассмотрим **Историю 1**, в которой мир начал существовать с момента 0 с; до 0 с не существует ни одного момента времени. ДБ равномерно со скоростью 1 м/с движется по пространственному интервалу $[0 \text{ м}, 1 \text{ м})$ в течение временного интервала $[0 \text{ с}, 1 \text{ с})$, т.е. для любого x , такого, что $0 \leq x < 1$, в момент x с ДБ находится в точке x м. По истечении интервала $[0 \text{ с}, 1 \text{ с})$ мир в Истории 1 не существует и время тоже не существует. Таким образом, в Истории 1 существуют моменты времени, принадлежащие интервалу $[0 \text{ с}, 1 \text{ с})$, и только эти моменты.

Теперь можно увидеть, что, в соответствии с (2₁), p истинно в любой момент времени t , такой, что $t \geq 1$ с, и p ложно в любой момент времени t , такой, что $t < 1$ с. Это означает, что в Истории 1 p не будет истинно ни в один из моментов времени, относительно которых можно оценить на истинность предложения. Однако кажется, что это противоречит интуиции: кажется, что в мирах, описываемых в Истории 1, интервал следует признать пройденным, и кажется, что признание его пройденным не зависит от того, что случится или не случится в моменты времени, более поздние, чем каждый момент из интервала $[0 \text{ с}, 1 \text{ с})$, и от существования или несуществования этих более поздних моментов.

Если попытаться выразить эту интуицию, можно сказать, что (2₁) противоречит следующему, кажущемуся весьма правдоподобным, Принципу неизменности прошлого:

- (ПНП) В произвольной истории I выполнение какой-либо задачи в течение какого-либо интервала времени определяется только через выполнение

условий, заданных на моментах времени из этого интервала, и не определяется через выполнение условий, заданных на более поздние моменты времени, чем каждый момент из этого интервала.

Однако можно переписать положение (2₁) так, чтобы оно не противоречило (ПНП):

- (2₂) В произвольной истории I на произвольном индексе $[0 \text{ с}, t \text{ с}] / [0 \text{ с}, t \text{ с})$, $t \geq 0$, ДБ равномерно со скоростью 1 м/с прошёл пространственный интервал $[0 \text{ м}, 1 \text{ м})$ в течение временного интервала $[0 \text{ с}, 1 \text{ с})$, если, и только если: 1) в истории I имеется индекс $[0 \text{ с}, t \text{ с}] / [0 \text{ с}, t \text{ с})$, относительно которого предложения оцениваются на истинность в истории I ; 2) в истории I на индексе $[0 \text{ с}, t \text{ с}] / [0 \text{ с}, t \text{ с})$ для любого x , такого, что $0 \leq x < 1$, на индексе $[0 \text{ с}, x \text{ с}]$ ДБ существует и находился в точке $x \text{ м}$; 3) $t \geq 1 \text{ с}$.

Положение (2₂) можно пояснить следующим образом. В «обычной теории движения», описываемой положением (2₁), то, что на некотором индексе, являющемся моментом времени $t \text{ с}$, $t \geq 0$, имеет место или не имеет места факт прохождения ДБ со скоростью 1 м/с пространственного интервала $[0 \text{ м}, 1 \text{ м})$ в течение временного интервала $[0 \text{ с}, 1 \text{ с})$, определяется через истинность некоторых положений на индексах, которыми являются моменты времени из временного интервала $[0 \text{ с}, 1 \text{ с})$. В «нестандартной теории движения», описываемой положением (2₂), то, что на некотором индексе, являющемся временным интервалом $[0 \text{ с}, t \text{ с}]$ или $[0 \text{ с}, t \text{ с})$, $t \geq 0$, имеет место или не имеет места факт прохождения ДБ пространственного интервала $[0 \text{ м}, 1 \text{ м})$ в течение временного интервала $[0 \text{ с}, 1 \text{ с})$, определяется через истинность некоторых положений на индексах, которыми являются временные интервалы вида $[0 \text{ с}, x \text{ с}]$ для любого x из временного интервала $[0 \text{ с}, 1 \text{ с})$. Таким образом, роль моментов времени, относительно которых оцениваются на истинность предложения в стандартной теории движения, в нестандартной теории движения играют временные интервалы.

Видно, что в (2₂) предложение p будет истинно в истории на индексе $[0 \text{ с}, 1 \text{ с})$, даже если момент 1 с не существует в этой истории, т.е. индекс $[0 \text{ с}, 1 \text{ с})$ является *последним* индексом в том смысле, что в истории не существует индексов, в которые индекс $[0 \text{ с}, 1 \text{ с})$ был бы строго включён. Таким образом, в Истории 1 p истинно *только* на индексе $[0 \text{ с}, 1 \text{ с})$; например, в Истории 1 p не истинно на индексе $[0 \text{ с}, 1 \text{ с}]$ из-за отсутствия индекса $[0 \text{ с}, 1 \text{ с}]$ в Истории 1.

Теперь рассмотрим **Историю 2**, в которой ДБ равномерно со скоростью 1 м/с движется по пространственному интервалу $[0 \text{ м}, 1 \text{ м})$ в течение временного интервала $[0 \text{ с}, 1 \text{ с})$, т.е. для любого x , такого, что $0 \leq x < 1$, в момент $x \text{ с}$ ДБ находится в точке $x \text{ м}$. При этом в Истории 2 существует каждый момент времени, принадлежащий интервалу $[0 \text{ с}, +\infty \text{ с})$, и только эти моменты. В Истории 2 p истинно не только на индексе $[0 \text{ с}, 1 \text{ с})$, но также и на каждом индексе вида $[0 \text{ с}, x \text{ с}]$ и $[0 \text{ с}, x \text{ с})$, где $1 \leq x < +\infty$.

Видно, что (2₂) совместимо с (ПНП), тогда как (2₁) несовместимо с (ПНП). Также (2₂) совместимо с вариантом (ПНП), в котором истинность предложений оценивается не на индексах, являющихся моментами времени, а на индексах, являющихся временными интервалами:

(ПНП₁) В произвольной истории I выполнение какой-либо задачи в течение какого-либо интервала времени i_t определяется только через выполнение условий, заданных на индексах, являющихся временными интервалами, не содержащими точек, которые лежат правее каждой точки из i_t , и не определяется через выполнение условий, заданных на индексах, являющихся временными интервалами, содержащими точки, которые лежат правее каждой точки из i_t .

В следующем положении утверждается необходимое условие истинности предложения на индексе:

(ИИ₁) Если для какого-либо индекса α на индексе α какие-либо объекты $a_1, a_2, \dots, a_n$ находятся в отношении R^n друг с другом, то на индексе α существуют объекты $a_1, a_2, \dots, a_n$.

Положение (ИИ₁) является переформулировкой положения (ИИ) из [3] в стиле, предпочитаемом Е.В. Борисовым в [1].

Следующее положение указывает, при каком условии можно заключить о нелокализуемости объекта, т.е. о том, что объект не находится в какой-либо точке пространства и в каком-либо моменте времени:

(НЛ₁) Если какой-либо движущийся прямолинейно со скоростью 1 м/с по интервалу $[0 \text{ м}, 1 \text{ м})$ в течение временного интервала $[0 \text{ с}, 1 \text{ с})$ точечный объект o существует на каком-либо индексе $[0 \text{ с}, x \text{ с})$, таком, что $0 \leq x \leq 1$, то o не локализован (не существует, не присутствует) на индексе $[0 \text{ с}, x \text{ с})$ в какой-либо точке пространства и в каком-либо моменте времени.

Положение (НЛ₁) является переформулировкой положения (НЛ) из [3] в стиле, предпочитаемом Е.В. Борисовым в [1].

В Истории 1 на индексе $[0 \text{ с}, 1 \text{ с})$ ДБ равномерно со скоростью 1 м/с прошёл³ пространственный интервал $[0 \text{ м}, 1 \text{ м})$ в течение временного интервала $[0 \text{ с}, 1 \text{ с})$. Из последнего предложения (ИИ₁) и (НЛ₁) следует, что в Истории 1 на индексе $[0 \text{ с}, 1 \text{ с})$ ДБ существует, хотя он и не локализован на этом индексе в какой-либо точке пространства и в каком-либо моменте времени. Тот же вывод верен и для Истории 2.

Замечу, что в статье [3] я описывал другую нестандартную теорию движения, которая задавалась положением (РД) из [3]. В стиле, предпочитаемом Е.В. Борисовым в [1], (РД) можно записать в виде (РД₁):

(РД₁) ДБ равномерно со скоростью 1 м/с прошёл³ пространственный интервал $[0 \text{ м}, 1 \text{ м})$ в течение временного интервала $[0 \text{ с}, 1 \text{ с})$, если, и только если для каждого x , такого, что $0 \leq x < 1$: 1) на индексе $[0 \text{ с}, x \text{ с}]$ ДБ равномерно со скоростью 1 м/с прошёл² пространственный интервал $[0 \text{ м}, x \text{ м}]$; 2) на индексе $[0 \text{ с}, 1 \text{ с})$ ДБ равномерно со скоростью 1 м/с прошёл² пространственный интервал $[0 \text{ м}, 1 \text{ м})$.

Эта формулировка имеет тот же недостаток, что и (2). Учитывая также, что переформулирование (2) в виде (2₁) не согласуется с (ПНП) и (ПНП₁), можно записать (РД₁) в виде (РД₂):

(РД₂) В произвольной истории I на произвольном индексе $[0 \text{ с}, t \text{ с}] / [0 \text{ с}, t \text{ с})$, $t \geq 0$, ДБ равномерно со скоростью 1 м/с прошёл³ пространственный ин-

тервал $[0 \text{ м}, 1 \text{ м})$ в течение временного интервала $[0 \text{ с}, 1 \text{ с})$, если, и только если: 1) в истории I имеется индекс $[0 \text{ с}, t \text{ с}] / [0 \text{ с}, t \text{ с})$, $t \geq 0$, относительно которого предложения оцениваются на истинность в истории I ; 2) в истории I для каждого x , такого, что $0 \leq x < 1$, имеется индекс $[0 \text{ с}, x \text{ с}]$ и на индексе $[0 \text{ с}, x \text{ с}]$ ДБ равномерно со скоростью 1 м/с прошёл² пространственный интервал $[0 \text{ м}, x \text{ м}]$; 3) в истории I для каждого x , такого, что $0 \leq x < 1$, имеется индекс $[0 \text{ с}, x \text{ с})$ и на индексе $[0 \text{ с}, x \text{ с})$ ДБ равномерно со скоростью 1 м/с прошёл² пространственный интервал $[0 \text{ м}, x \text{ м})$; 4) $t \geq 1 \text{ с}$.

Положение (2_2) исключает возможность пройти каждую точку интервала, не пройдя весь интервал. Положение $(РД_2)$ не исключает такой возможности. Если доводы, сформулированные в [3] в пользу $(РД)$, удастся защитить от критики в [1], то эти доводы далее следует переформулировать в виде доводов в пользу $(РД_2)$. Если же указанные защита и переформулирование не удадутся, то остаётся теория движения, задаваемая положением (2_2) . Как было показано выше, этого достаточно, чтобы обосновать довольно контринтуитивный тезис $(Т1)$, обоснование которого было целью статьи [3]:

$(Т1)$ Следует признать существующим на определённых этапах своего движения, но находящимся вне времени и пространства *любой* равномерно и прямолинейно движущийся точечный объект.

Тезис $(Т1)$ контринтуитивен: мы конструируем совершенно обычный «конкретный» объект, но оказывается, что описание его движения требует, чтобы он на некоторых этапах своего движения существовал вне времени и пространства. Это кажется неприемлемым, поскольку пребывание вне времени и пространства естественно для абстрактных объектов (например, для чисел, которым движение не свойственно), а не для обычных «конкретных» объектов, которые могут двигаться. Это означает, что *долгая история выявления затруднений в построении теории, описывающей элементарное равномерное прямолинейное движение, начавшаяся со знаменитых парадоксов Зенона Элейского, всё ещё не завершена*. Более того, можно показать, что изложенное в настоящей статье рассуждение может рассматриваться как часть современных дискуссий об этих парадоксах, поскольку имеется существенная связь концептуального аппарата, порождающего парадоксы о прохождении пространственных интервалов в течение временных интервалов у Зенона, с концептуальными аппаратами, порождающими парадоксы в современных дискуссиях о выполнении задач в течение временных интервалов¹.

Связь аргументации в настоящей статье с парадоксами Зенона позволяет считать, что настоящая статья написана в соответствии с *апроприационистским подходом к истории философии* [8. С. хх–ххiii, 13–21, 90–102]. А именно, в настоящей статье указан способ конструирования *производного значения* тех апорий Зенона Элейского (*Дихотомия* и *Ахиллес*), в которых идёт

¹ Обсуждение различных формулировок парадоксов (апорий) Зенона Элейского, а также современных дискуссий о них см. в [7].

речь о выполнении некоторой задачи в течение открытого или полуоткрытого временного интервала. В соответствии с предложенной в [8] процедурой построения *производного значения*, значением философского аргумента является та роль, которую он, используемые в нём аргументы, теории, концепции, допущения и понятия играют в философских дискуссиях, а аргументы Зенона играют в современных дискуссиях весьма значимую роль, поскольку у философа и во многих современных дебатах обсуждается выполнение задачи в течение открытого или полуоткрытого временного интервала.

Замечу, что принятие указанного способа построения *производного значения* соответствует подходу к истории философии многих аналитических философов, стремящихся представить позиции философов прошлого в виде их диалога с современными философами, что помогает лучше понять аргументы как философов минувших эпох, так и современных философов, поскольку история современных позиций во многом объясняет эти позиции:

Взгляд на аналитическую философию как на располагающую «позиции» внутри логического пространства поднимает вопрос о том, откуда эти «позиции» появились. «История темы» является частью ответа [9. Р. 59].

При построении *производного значения* «логическое пространство» следует понимать как «пространство аргументации», а «историю темы» – как историю конструирования аргумента из его конститuent – из понятий, тезисов, аргументов.

В настоящей статье уделено значительное внимание исследованию содержания описывающих движение предложений, их истинностных условий, а также условий, при которых они имеют истинностные значения и осмысленны. Таким образом, мною используется *семантический анализ* описывающих движение предложений. Можно сказать, что этот анализ проведён в соответствии с методологическими подходами, начавшими развиваться после «семантического поворота», совершённого, согласно А. Коффе, в 1925–1935 гг. рядом исследователей, объединившихся в Вене, – Л. Витгенштейна, А. Тарского, Р. Карнапа, М. Шлика, К. Поппера и Х. Райхенбаха [10. С. 8].

Список источников

1. Борисов Е.В. Берестов о движении // *Respublica Literaria*. 2025. Т. 6, № 3. С. 17–25. doi: 10.47850/RL.2025.6.3.17–25
2. Берестов И.В. Редукция прохождения открытого интервала к прохождению замкнутых и ее озадачивающие следствия (реплика на статью Е.В. Борисова) // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2024. № 78. С. 15–25. doi: 10.17223/1998863X/78/2
3. Берестов И.В. Ахиллес вне времени и пространства: ещё раз о несводимости прохождения открытого интервала к прохождению замкнутых (вторая реплика на статью Е.В. Борисова) // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2024. № 81. С. 271–281. doi: 10.17223/1998863X/81/25

4. Берестов И.В. Как Ахиллес с Гектором разминусся: затруднение в теории движения, разводящей прохождение открытого интервала и его замыкания // *Respublica Literaria*. 2022. Т. 3, № 4. С. 5–26. doi: 10.47850/RL.2022.3.4.5-27
5. Берестов И.В. Ответ оппонентам // *Respublica Literaria*. 2022. Т. 3, № 4. С. 75–98. doi: 10.47850/RL.2022.3.4.75-98
6. Benacerraf P. Tasks, Supertasks, and the Modern Eleatics // *Zeno's Paradoxes* / ed. by W.C. Salmon. Indianapolis : Hackett, 2001. P. 103–129. (Originally published in 1962.)
7. Берестов И.В. Зенон Элейский в современных переводах и философских дискуссиях. Новосибирск : Офсет ТМ, 2021. 206 с. (Серия: Античная философия и классическая традиция. Приложение к журналу СХОАН. Т. V).
8. Берестов И.В., Вольф М.Н., Доманов О.А. Аналитическая история философии: методы и исследования. Новосибирск : Офсет ТМ, 2019. xvii, 242 с.
9. Sorell T. On Saying No to History of Philosophy / eds. T. Sorell, G.A.G. Rogers. *Analytic Philosophy and History of Philosophy*. New York : Oxford University Press, 2005. P. 43–59.
10. Коффа А. Семантическая традиция от Канта до Карнапа: к Венскому вокзалу / под ред. Л. Весселс ; пер. с англ. В.В. Целищева. М. : Канон+, РООИ «Реабилитация», 2019. 528 с. (Серия: Библиотека аналитической философии.)

References

1. Borisov, E.V. (2025) Berestov o dvizhenii [Berestov on Motion]. *Respublica Literaria*. 6(3). pp. 17–25. doi: 10.47850/RL.2025.6.3.17–25
2. Berestov, I.V. (2024) A reduction of the passage of an open interval to a sequence of passages of closed intervals and puzzling consequences of this reduction (a reply to Evgeny V. Borisov's article). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 78. pp. 15–25. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/78/2
3. Berestov, I.V. (2024) Achilles Outside Time and Space: Once More on the Irreducibility of Traversing an Open Interval to Traversing Closed Ones (A Second Reply to the Article by E.V. Borisov). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 81. pp. 271–281. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/81/25
4. Berestov, I.V. (2022) Kak Akhilles s Gektorom razminulsya: zatrudnenie v teorii dvizheniya, razvodyashchey prokhozhenie otkrytogo intervala i ego zamykaniya [How Achilles and Hector passed each other by: A difficulty in the theory of motion that separates traversing an open interval and its closure]. *Respublica Literaria*. 3(4). pp. 5–26. doi: 10.47850/RL.2022.3.4.5-27
5. Berestov, I.V. (2022) Otvet opponentam [Reply to Opponents]. *Respublica Literaria*. 3(4). pp. 75–98. doi: 10.47850/RL.2022.3.4.75-98
6. Benacerraf, P. (2001) Tasks, Supertasks, and the Modern Eleatics. In: Salmon, W.C. (ed.) *Zeno's Paradoxes*. Indianapolis: Hackett Publishing Company. pp. 103–129.
7. Berestov, I.V. (2021) *Zenon Eleyskiy v sovremennykh perevodakh i filosofskikh diskussiyakh* [Zeno of Elea in Modern Translations and Philosophical Discussions]. Novosibirsk: Ofset TM.
8. Berestov, I.V., Volf, M.N. & Domanov, O.A. (2019) *Analiticheskaya istoriya filosofii: metody i issledovaniya* [Analytical History of Philosophy: Methods and Research]. Novosibirsk: Ofset TM.
9. Sorell, T. (2005) On Saying No to History of Philosophy. In: Sorell, T. & Rogers, G.A.G. (eds) *Analytic Philosophy and History of Philosophy*. New York: Oxford University Press. pp. 43–59.
10. Koffa, A. (2019) *Semanticheskaya traditsiya ot Kanta do Karnapa: k Venskemu vokzalu* [The Semantic Tradition from Kant to Carnap: To the Vienna Station]. Translated from English by V.V. Tselishchev. Moscow: Kanon+ ROOI "Reabilitatsiya."

Сведения об авторе:

Берестов И.В. – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник отдела философии Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия). E-mail: berestoviv@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Berestov I.V. – Dr. Sci. (Philosophy), leading researcher at the Philosophy Department of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: berestoviv@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 05.11.2025;
одобрена после рецензирования 18.11.2025; принята к публикации 09.12.2025
The article was submitted 05.11.2025;
approved after reviewing 18.11.2025; accepted for publication 09.12.2025*

Научная статья

УДК 164.3

doi: 10.17223/1998863X/88/3

АКСИОМАТИЗАЦИЯ ЛОГИКИ ДЛЯ КРОСС-МИРОВОЙ ПРЕДИКАЦИИ

Евгений Васильевич Борисов

*Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук,
Новосибирск, Россия, borisov.evgeny@gmail.com*

Аннотация. В нескольких недавних публикациях я описал логику *CWPL*, предназначенную для моделирования рассуждений, содержащих кросс-мировую предикацию. Семантическая специфика этой логики состоит в том, что она базируется на кросс-мировой интерпретации предикатов. Для *CWPL* и ряда ее модификаций существуют исчисления генценовского типа. В данной статье предложено исчисление гильбертовского типа для одной из модификаций *CWPL* и предложена модификация метода канонических моделей для доказательства ее полноты.

Ключевые слова: модальная логика первого порядка, кросс-мировая предикация, семантика, аксиоматическое исчисление, полнота

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01465, <https://rscf.ru/project/23-28-01465/>. Я признателен И.И. Борисовой за редакторскую помощь.

Для цитирования: Борисов Е.В. Аксиоматизация логики для кросс-мировой предикации // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 88. С. 22–29. doi: 10.17223/1998863X/88/3

Original article

AN AXIOMATIZATION OF A LOGIC FOR CROSSWORLD PREDICATION

Evgeny V. Borisov

*Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russian Federation, borisov.evgeny@gmail.com*

Abstract. Some sentences of natural languages that cannot be semantically analyzed in terms of standard possible world semantics because they involve a phenomenon that cannot be 'seen' by standard semantics. In the literature, the phenomenon in question is called *crossworld predication*. This is ascription of relations to objects, each of which is associated with a possible world. An example is *John might have been taller than Mary is*: this sentence ascribes the relation of being taller to John as he is in a possible world, and Mary as she is in the actual world. The phrase 'x as it is in w' expresses the association of an object x with a possible world w. Semantic analysis of this sort of sentences requires a special sort of interpretation of predicates – crossworld interpretation, i.e. interpretation that assigns extensions to *n*-ary predicate letters with respect to *n*-tuples of possible worlds rather than single possible worlds. Thus, if we want to model reasoning in natural languages involving crossworld predication, we need a logic that should be semantically based on crossworld interpretation of predicate letters. In some recent papers, I elaborated such a logic – a crossworld predication logic (*CWPL*). In *CWPL* semantics, we are able to employ crossworld

interpretation of predicates when evaluating formulae because we evaluate them with respect to partial functions from variables to possible worlds (VP-functions). Thus, crossworld interpretation of predicates and relativization of truth values of formulae to VP-functions are features of *CWPL* semantics that distinguish it from standard semantics. *CWPL* is a first-order modal logic with individual constants, equality and lambda-operator. So far, I presented its semantics and a tableau proof theory for it. In the present article, a Hilbert-style proof theory for a simplified version of *CWPL* is proposed. The simplifications are as follows: the logic in question (*CWPL₁*) is without individual constants, equality and quantifiers. Besides, *CWPL₁* is based on propositional modal logic *D*, whereas *CWPL* is based on *K*. To establish its completeness, a version of the method of canonical models is elaborated.

Keywords: first-order modal logic, crossworld predication, semantics, axiomatic calculus, completeness

Acknowledgments: The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 23-28-01465, <https://rscf.ru/project/23-28-01465/>. I am grateful to I.I. Borisova for editorial assistance.

For citation: Borisov, E.V. (2025) An axiomatization of a logic for crossworld predication. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 88. pp. 22–29. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/88/3

Введение

В [1] описаны синтаксис и семантика логики *CWPL* (crossworld predication logic), которая представляет собой одно из решений проблемы кросс-мировой предикации. Это модальная логика первого порядка с λ -оператором и равенством; ее главная семантическая особенность состоит в том, что она базируется на кросс-мировой интерпретации предикатов. Кросс-мировая интерпретация предикатов используется и в ряде альтернативных логик, предложенных для решения проблемы кросс-мировой предикации [2–5] (все эти логики содержат только семантику без исчисления). В [6–8] предложены исчисления генценовского типа (табличные и секвенциальные) для *CWPL* и некоторых ее модификаций. Насколько я знаю, сегодня не существует исчисления гильбертовского типа для какой-либо логики, базирующейся на кросс-мировой интерпретации предикатов. В данной статье предлагается исчисление такого типа для упрощенной версии *CWPL*, которую я обозначу как *CWPL₁*. Отличия этой логики от *CWPL* таковы: 1) язык *CWPL₁* не содержит индивидных констант, предиката равенства и кванторов; 2) модели *CWPL₁* имеют постоянный домен и сериальное отношение достижимости. Эти упрощения, конечно, уменьшают выразительную силу данной логики в сравнении с *CWPL*, однако в ней сохраняются семантические особенности *CWPL*, существенные для ее аксиоматизации (некоторые из них показаны в [1] и [9]).

В разделе 1 описаны язык и семантика *CWPL₁*; в разделе 2 предложена аксиоматизация этой логики; в разделе 3 показана корректность этой логики и предложена модификация метода канонических моделей, позволяющая доказать ее полноту.

1. Синтаксис и семантика *CWPL₁*

CWPL₁ строится на языке $\mathcal{L}$, алфавит которого содержит счетное множество *VAR* индивидных переменных, счетное множество *n*-местных предикатов для каждого натурального $n \geq 1$, булевы операторы $\neg$, $\rightarrow$, модальный опе-

ратор $\Box$, λ -оператора, запятую и скобки. Множество формул данного языка определяется следующей грамматикой:

$$\varphi ::= P(x_1, \dots, x_n) \mid \neg\varphi \mid (\varphi_1 \rightarrow \varphi_2) \mid \Box\varphi \mid (\lambda x.\varphi)(y),$$

где P – n -местный предикат, $x_1, \dots, x_n, x, y$ – переменные. В формулах вида $(\lambda x.\varphi)(y)$ связаны все вхождения x в $(\lambda x.\varphi)$; показанное вхождение y свободно.

Далее $x, y, \dots$ используются как метапеременные для переменных, $\varphi, \psi, \dots$ – как метапеременные для формул, $\Gamma, \Delta, \dots$ – как метапеременные для множеств формул.

Соглашение. Вместо $(\lambda x.\varphi)(y)$ я буду писать $(y/x)\varphi$.

Определение 1. (Модель.) $SWPL_1$ -модель (модель) M – это упорядоченная четверка $\langle G, R, D, I \rangle$, где G – непустое множество (множество возможных миров), R – сериальное бинарное отношение¹ на G (отношение достижимости), D – непустое множество (домен M), I – функция, назначающая каждому n -местному предикату и каждой упорядоченной n возможных миров n -местное отношение на D (интерпретация предикатов)².

Определение 2. (Оценка переменных в модели.) Пусть $M = \langle G, R, D, I \rangle$ – модель. Оценка переменных в M – это функция, отображающая переменные на объекты в D .

Определение 3. (VP -функция в модели.) Пусть $M = \langle G, R, D, I \rangle$ – модель. VP -функция в M – это частичная функция, отображающая переменные на возможные миры в G .³

Определение 4. (x -вариант оценки переменных.) Пусть $M = \langle G, R, D, I \rangle$ – модель, v – оценка переменных в M , $e \in D$, x – переменная. Тогда $v[e/x]$ – это оценка переменных в M , отображающая x на e , а любую переменную y , отличную от x , – на $v(y)$.

Определение 5. (x -вариант VP -функции.) Пусть $M = \langle G, R, D, I \rangle$ – модель, f – VP -функция в M , $e \in D$, x – переменная. Тогда $f[e/x]$ – это VP -функция в M , такая что: 1) $f[e/x](x) = e$; 2) для любой переменной y , отличной от x : если f не определена для y , то и $f[e/x]$ не определена для y , а если f определена для y , то $f[e/x](y) = f(y)$.

Определение 6. (Фундированная VP -функция.) Пусть $M = \langle G, R, D, I \rangle$ – модель, f – VP -функция в M , $w \in G$. Тогда $[fw]$ – VP -функция в M , такая, что для любой переменной x : 1) если f определена для x , то $[fw](x) = f(x)$; 2) если f не определена для x , то $[fw](x) = w$. (Отметим, что $[fw]$ – полная функция.)

Определение 7. (Истина в модели.) Пусть $M = \langle G, R, D, I \rangle$ – модель, $w \in G$, v – оценка переменных в M , f – VP -функция в M , P – n -местный предикат, $x_1, \dots, x_n, x$ – переменные, φ и ψ – формулы. Отношение истинности ($\models$) между моделями, возможными мирами, оценками переменных, VP -функциями и формулами определяется следующим образом:

- $M, w, v, f \models P(x_1, \dots, x_n) \Leftrightarrow \langle v(x_1), \dots, v(x_n) \rangle \in I(P)(\langle [fw](x_1), \dots, [fw](x_n) \rangle)$;
- $M, w, v, f \models \neg\varphi \Leftrightarrow M, w, v, f \not\models \varphi$;
- $M, w, v, f \models \varphi \rightarrow \psi \Leftrightarrow (M, w, v, f \models \varphi \Rightarrow M, w, v, f \models \psi)$;

¹ Сериальность означает, что для любого возможного мира w существует возможный мир, достижимый из w .

² Как видим, I назначает экстенционалы n -местному предикату не для отдельных миров, как в стандартной семантике, а для упорядоченных n миров. В этом состоит специфика кросс-мировой интерпретации предикатов.

³ Отметим, что $\emptyset$ является VP -функцией в любой модели.

- $M, w, v, f \models \Box \varphi \Leftrightarrow (\forall u \in R[w]) M, u, v, f \models \varphi$, где $R[w] := \{u: wRu\}$;
- $M, w, v, f \models (x/y) \varphi \Leftrightarrow M, w, v[v(x)/y], f[w/x] \models \varphi$.

Определение 8. (Общезначимость.) Формула φ называется *CWPL₁-общезначимой* (общезначимой), если для любой модели $M = \langle G, R, D, I \rangle$, любого возможного мира w в G и любой оценки переменных v в M , $M, w, v, \emptyset \models \varphi$.

Соглашение. Если φ – формула, то $\models \varphi$ означает, что φ общезначима.

Определение 9. (Выполнимость.) Множество формул Γ называется *CWPL₁-выполнимым* (выполнимым), если существует модель $M = \langle G, R, D, I \rangle$, возможный мир $w \in G$ и оценка переменных v в M , такие, что для любой формулы $\varphi \in \Gamma$, $M, w, v, \emptyset \models \varphi$.

2. Аксиоматическое исчисление

Соглашение.

1. $FV(\varphi)$ – множество переменных, имеющих свободные вхождения в φ .
2. $MFV(\varphi)$ – множество переменных, имеющих свободные вхождения в φ в области действия модальных операторов. Например, $MFV(P(x) \rightarrow \Box(x/y) Q(y, z)) = \{z\}$.
3. $\varphi[y/x]$ – результат подстановки y вместо x во всех свободных вхождениях x в φ с заменой связанных переменных, если это необходимо, чтобы избежать столкновения переменных.
4. $[\varphi] \downarrow x$ образуется из φ посредством замены в φ каждой подформулы вида $\Box \psi$ формулой $\Box(x/x) \psi$ при условии, что в ψ есть свободные *немодальные атомарные* вхождения x . Например, $[P(x) \rightarrow \Box \neg(x/y) R(x, y)] \downarrow x = P(x) \rightarrow \Box(x/x) \neg(x/y) R(x, y)$.
5. Если ψ является подформулой φ , мы можем записать φ как $\varphi[\psi]$; при этом мы в квадратных скобках обозначаем некоторое (только одно) вхождение ψ в φ . После этого запись $\varphi[\chi]$ означает результат замены в φ отмеченного вхождения ψ вхождением χ . Например, пусть $\varphi = P(x) \rightarrow \Box P(x)$ и пусть в записи $\varphi[P(x)]$ в квадратных скобках обозначено второе слева вхождение $P(x)$ в φ . Тогда $\varphi[Q(y)] = P(x) \rightarrow \Box Q(y)$.

Аксиомы.

Аксиомами *CWPL₁* являются все подстановочные экземпляры теорем пропозициональной логики **D**, а также следующих схем:

1. $(x/y) \varphi \leftrightarrow \varphi[x/y]$, если $y \notin MFV(\varphi)$.
2. $(x/y) \varphi \leftrightarrow (x/z) \varphi[z/y]$, если $z \notin FV(\varphi)$.
3. $(x/y) \neg \varphi \leftrightarrow \neg(x/y) \varphi$.
4. $(x/y) (\varphi \rightarrow \psi) \leftrightarrow ((x/y) \varphi \rightarrow (x/y) \psi)$.
5. $\varphi[\psi] \leftrightarrow \varphi[\Box \psi]$, если ψ не содержит λ -оператор, и все переменные в обозначенном вхождении ψ связаны в φ ¹.
6. $\varphi[\neg \psi] \leftrightarrow \varphi[\neg \Box \psi]$, если ψ не содержит λ -оператор, и все переменные в обозначенном вхождении ψ связаны в φ .
7. $(x/y)(z/u) \varphi \rightarrow (z/u)(x/y) \varphi$, если $y \neq u$ или $x = z$.
8. $\varphi \leftrightarrow (x/y)[\varphi[y/x]] \downarrow y$, если $y \notin FV(\varphi)$ или $x = y$.

¹ Пример подстановочного экземпляра данной схемы: $(y/x)P(x) \leftrightarrow (y/x)\Box P(x)$; здесь $\varphi = (y/x)P(x)$, $\psi = (y/x)P(x)$. Отметим, что $P(x) \leftrightarrow \Box P(x)$ не является подстановочным экземпляром данной схемы.

9. $(x/y)(y/z) \varphi[z/y] \leftrightarrow (x/y)\varphi$, если $z \notin FV(\varphi)$.

10. $(x/y)(y/z) \varphi \leftrightarrow (x/z) \varphi$, если $y \notin FV(\varphi)$.

11. $\Box(z/x) \varphi \rightarrow (z/x)\Box(x/x) \varphi$.

Правила вывода:

1. $\vdash \varphi, \vdash \varphi \rightarrow \psi \Rightarrow \vdash \psi$ (MP)

2. $\vdash \psi \Rightarrow \vdash \Box \varphi$ (Nec)

3. $\vdash \varphi \Rightarrow \vdash (x/y)\varphi$ ($\lambda 1$)

4. $\vdash \varphi \Rightarrow \vdash (x/y)[\varphi] \downarrow y$ ($\lambda 2$)

Ограничение на ($\lambda 1$): данное правило применимо к экземпляру φ в доказательстве X , только если φ в X не зависит от аксиом из схем 1 и 8.

Определение 10. (Отношение следования, теорема.) Формула φ следует из множества формул Γ ($\Gamma \vdash \varphi$), если существуют $\psi_1, \dots, \psi_n \in \Gamma$, такие, что $\vdash \psi_1 \rightarrow (\dots \rightarrow (\psi_n \rightarrow \varphi) \dots)$.

Определение 11. (Теорема, доказательство.) Формула φ называется теоремой (доказуемой), если $\emptyset \vdash \varphi$. Вывод формулы φ из $\emptyset$ называется ее доказательством.

Определение 12. (Противоречивость, непротиворечивость.) Множество формул Γ называется противоречивым, если $\Gamma \vdash \neg(P(x) \rightarrow P(x))$. В противном случае Γ называется непротиворечивым.

3. Корректность и полнота $CWPL_1$

В этом разделе намечено доказательство сильной корректности и сильной полноты $CWPL_1$.

Сильная корректность $CWPL_1$: *каждое выполнимое множество формул непротиворечиво.* Теорема может быть доказана стандартным образом с учетом того факта, что все аксиомы $CWPL_1$ общезначимы, а правила вывода сохраняют общезначимость. Этот факт устанавливается посредством рутинной семантической проверки.

Сильная полнота $CWPL_1$: *каждое непротиворечивое множество формул выполнимо.* Теорема доказывается методом канонических моделей, который применительно к логике первого порядка представлен, например, в [10]. Для того чтобы этот метод был применим к $CWPL_1$, он должен быть существенным образом модифицирован, что связано с семантической спецификой данной логики. Необходимы следующие модификации: 1. Возможные миры канонической модели определяются как множества формул, которые строятся на расширенных языках; расширенные языки содержат дополнительные переменные. 2. Лемма об истине доказывается для канонической модели и канонической VP -функции; последняя определена для всех дополнительных переменных, но не определена для переменных исходного языка $\mathcal{L}$.

При доказательстве полноты $CWPL_1$ демонстрируется, что если Λ – непротиворечивое множество формул, то все его элементы истинны в любом мире канонической модели, включающем Λ , при некоторой оценке переменных и пустой VP -функции: тем самым демонстрируется выполнимость Λ . Далее кратко описан ход доказательства; доказательства используемых лемм опущены, поскольку они имеют рутинный характер.

Пусть Λ – непротиворечивое множество формул. Построим каноническую модель M , в которой Λ будет включено в один из миров.

Определим язык $\mathcal{L}^1$ следующим образом: 1. Множество переменных $\mathcal{L}^1$ – это $VAR \cup \{x^1: x \in VAR\}$. 2. В формулах $\mathcal{L}^1$ переменные с верхним индексом могут иметь только свободные вхождения и не могут встречаться на месте многоточия в операторах вида $(.../x)$. Во всем остальном $\mathcal{L}^1$ не отличается от $\mathcal{L}$.

Соглашение. ϕ^1 – это результат подстановки x^1 вместо x во всех свободных немодальных вхождениях x в атомарных подформулах ϕ (для каждой переменной x). Например, если $\phi = P(x, y) \rightarrow \Box P(x, y)$, то $\phi^1 = P(x^1, y^1) \rightarrow \Box P(x, y)$.

Определим Δ^1 как $\Delta \cup \{\phi^1: \phi \in \Delta\}$ (таким образом, Δ^1 – это множество формул на языке $\mathcal{L}^1$). Методом Линденбаума расширим Δ^1 до непротиворечивого максимального множества Δ^1 (свойство максимальности состоит в том, что для любой ψ на $\mathcal{L}^1$, $\psi \in \Delta^1$ или $\neg\psi \in \Delta^1$). При построении Δ^1 будем соблюдать следующие условия: (i) $\psi \in \Delta^1 \Leftrightarrow \psi^1 \in \Delta^1$; (ii) $(x/y) \psi \in \Delta^1 \Rightarrow \psi[x^1/y] \in \Delta^1$. Здесь в доказательстве используется лемма, согласно которой непротиворечивость Δ влечет непротиворечивость Δ^1 .

Δ^1 будет одним из миров канонической модели. Достижимые из Δ^1 миры строятся следующим образом. Пронумеруем содержащиеся в Δ^1 формулы вида $\neg\Box\psi$. Пусть $\neg\Box\chi$ – первая из них. $S = \{\psi: \Box\psi \in \Delta^1\} \cup \{\neg\chi\}$ – это множество формул на языке $\mathcal{L}^1$. Определим язык $\mathcal{L}^{1.1}$: 1. Множество переменных $\mathcal{L}^{1.1}$ – это $VAR \cup \{x^1: x \in VAR\} \cup \{x^{1.1}: x \in VAR\}$. 2. В формулах $\mathcal{L}^{1.1}$ переменные с верхним индексом могут иметь только свободные вхождения и не могут встречаться на месте многоточия в операторах вида $(.../x)$. Во всем остальном $\mathcal{L}^{1.1}$ не отличается от $\mathcal{L}$.

Соглашение. $\phi^{1.1}$ – это результат подстановки $x^{1.1}$ вместо x во всех свободных немодальных вхождениях x в атомарных подформулах ϕ (для каждой переменной x).

Определим $S^{1.1}$ как $S \cup \{\phi^{1.1}: \phi \in S\}$. Методом Линденбаума расширим $S^{1.1}$ до непротиворечивого максимального множества $\Delta^{1.1}$; при этом будем соблюдать следующие условия: (i) $\psi \in \Delta^{1.1} \Leftrightarrow \psi^{1.1} \in \Delta^1$; (ii) $(x/y) \psi \in \Delta^{1.1} \Rightarrow \psi[x^{1.1}/y] \in \Delta^{1.1}$. Множество $\Delta^{1.1}$ будет еще одним возможным миром канонической модели. Аналогичным образом (с использованием нумерации формул вида $\neg\Box\psi$ в Δ^1) строятся миры $\Delta^{1.2}$, $\Delta^{1.3}$ ... и все последующие миры: $\Delta^{1.1.1}$, $\Delta^{1.1.2}$, ... Построенное таким образом множество миров обозначим как G . Заметим, что каждый мир в G построен на своем языке (каждый из которых является расширением $\mathcal{L}$). Обозначим объединение всех этих языков как $\mathcal{L}^+$.

Определим бинарное отношение R на G : $\Delta R \Delta'$, если и только если для любой формулы ϕ : если $\Box\phi \in \Delta$, то $\phi \in \Delta'$.

Определим D (домен канонической модели) как VAR (напомним, это множество переменных языка $\mathcal{L}$, т.е. переменных без верхних индексов).

Определим I (интерпретацию предикатов в канонической модели). Пусть P – n -местный предикат и $\Delta^{\sigma_1}, \dots, \Delta^{\sigma_n} \in G$. Определим I следующим образом: $\langle x_1, \dots, x_n \rangle \in I(P)(\langle \Delta^{\sigma_1}, \dots, \Delta^{\sigma_n} \rangle)$, если и только если для некоторого $\Delta \in G$, $P(x_1^{\sigma_1}, \dots, x_n^{\sigma_n}) \in \Delta$. Теперь мы можем определить искомую модель M как $\langle G, R, D, I \rangle$.

Наконец, определим оценку переменных v и VP -функцию f для языка $\mathcal{L}^+$ в M . Определение v : для любой переменной x и любого верхнего индекса σ , $v(x) = v(x^\sigma) = x$. Определение f : домен f – это множество переменных с верх-

ними индексами; для любых v и σ , $f(x^\sigma) = \Delta^\sigma$ (отметим, что f не определена для переменных без верхнего индекса).

Нам потребуются три факта, доказательство которых я опускаю:

(1) Если для некоторого $\Delta \in G$, $P(x_1^{\sigma_1}, \dots, x_n^{\sigma_n}) \in \Delta$, то не существует $\Delta \in G$, такого, что $\neg P(x_1^{\sigma_1}, \dots, x_n^{\sigma_n}) \in \Delta$. Это обусловлено тем, как при построении M вводятся переменные с верхними индексами.

(2) Для любого мира $\Delta^\sigma \in G$ и любой формулы ψ на языке $\mathcal{L}^\sigma$, $M, \Delta^\sigma, v, f \models \psi \Leftrightarrow M, \Delta^\sigma, v, f \models \psi^\sigma$. Этот факт доказывается индукцией по структуре ψ .

(3) Если $\neg \Box \psi \in \Delta \in G$, то существует $\Delta' \in G$, такой, что $\Delta R \Delta'$ и $\neg \psi \in \Delta'$. Этот факт следует из построения G и R .

Следующая лемма доказывается с использованием фактов (1) – (3) индукцией по структуре формулы.

Лемма об истине. Для любой формулы ψ на языке $\mathcal{L}^+$ и любого мира $\Delta \in G$: $\psi \in \Delta$, если и только если $M, \Delta, v, f \models \psi$.

Для завершения доказательства вспомним, что $\Lambda \subseteq \Delta^1$. По лемме об истине отсюда следует, что для любой формулы $\phi \in \Lambda$, $M, \Delta^1, v, f \models \phi$. Следовательно, для любой формулы $\phi \in \Lambda$, $M, \Delta^1, v', \emptyset \models \phi$, где v' – это ограничение v на VAR . (Здесь мы учитываем тот факт, что $\emptyset$ – это ограничение f на VAR .) Это показывает выполнимость Λ , что и требовалось.

Заключение

В литературе представлен ряд модальных логик первого порядка, основанных на кросс-мировой интерпретации предикатов, однако все они содержат только семантику, т.е. не содержат дедуктивную систему. Впервые дедуктивные системы, соответствующие кросс-мировой семантике, были предложены для $CWPL$ и некоторых ее модификаций. Это были дедуктивные системы генценовского типа. В данной статье было предложено исчисление гильбертовского типа для логики $CWPL_1$, которая представляет собой упрощенную версию $CWPL$. При этом $CWPL_1$, как и $CWPL$, имеет семантические особенности, обусловленные кросс-мировой интерпретацией предикатов и использованием VP -функций. Этими свойствами обусловлена главная трудность аксиоматизации $CWPL$. В нашей работе эта трудность решена для $CWPL_1$. Представленное здесь решение может быть экстраполировано на $CWPL$; это будет сделано в одной из последующих публикаций.

Список источников

1. Borisov E. A Nonhybrid Logic for Crossworld Predication // Логические исследования / Logical Investigations. 2023. Т. 29, № 2. С. 125–147.
2. Kocurek A.W. The problem of cross-world predication // Journal of Philosophical Logic. 2016. Vol. 45. P. 697–742.
3. Butterfield J., Stirling C. Predicate modifiers in tense logic // Logique et Analyse. 1987. Vol. 30. P. 31–50.
4. Wehmeier K.F. Subjunctivity and cross-world predication // Philosophical Studies. 2012. Vol. 159. P. 107–122.
5. Wehmeier K., Rückert H. Still in the Mood: The Versatility of Subjunctive Markers in Modal Logic // Topoi. 2019. Vol. 38. P. 361–377.
6. Борисов Е.В. Логика для кросс-мировой предикации: теория доказательства // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 79. С. 5–16. doi: 10.17223/1998863X/79/1

7. Borisov E. A tableau proof theory for CWPL // Логические исследования / *Logical Investigations*. 2025. Т. 31, № 1. С. 74–96.
8. Мухаметшина И.И. Логика для кросс-мировой предикации на основе D, T, S4 и S5 // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 82. С. 55–67. doi: 10.17223/1998863X/82/5
9. Ламберов Л.Д. К вопросу об особенностях CPL // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 74. С. 17–24. doi: 10.17223/1998863X/74/2
10. Hughes G.E., Cresswell M.J. *A New Introduction to Modal Logic*. London, New York : Routledge, 1996. 421 p.

References

1. Borisov, E. A. (2023) A Nonhybrid Logic for Crossworld Predication. *Logical Investigations*. 29(2). pp. 125–147. (In Russian). doi: 10.21146/2074-1472-2023-29-2-125-147
2. Kocurek, A.W. (2016) The problem of cross-world predication. *Journal of Philosophical Logic*. 45(6). pp. 697–742. doi: 10.1007/s10992-016-9407-8
3. Butterfield, J. & Stirling, C. (1987) Predicate modifiers in tense logic. *Logique et Analyse*. 30. pp. 31–50.
4. Wehmeier, K. F. (2012) Subjunctivity and cross-world predication. *Philosophical Studies*. 159. P. 107–122.
5. Wehmeier, K. & Rückert, H. (2019) Still in the Mood: The Versatility of Subjunctive Markers in Modal Logic. *Topoi*. 38. pp. 361–377.
6. Borisov, E.V. (2024) A proof theory for a logic for crossworld predication. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 79. pp. 5–16. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/79/1
7. Borisov, E. (2025) A tableau proof theory for CWPL. *Logical Investigations*. 31(1). pp. 74–96.
8. Mukhametshina, I.I. (2024) Logics for cross-world predication based on D, T, S4 and S5. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 82. pp. 55–67. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/82/5
9. Lamberov, L.D. (2023) On the features of CPL. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 74. pp. 17–24. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/74/2
10. Hughes, G.E. & Cresswell, M.J. (1996) *A New Introduction to Modal Logic*. London, New York: Routledge.

Сведения об авторе:

Борисов Е.В. – доктор философских наук, доцент, главный научный сотрудник Института философии и права СО РАН (Новосибирск, Россия). E-mail: borisov.evgeny@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Borisov E.V. – Dr. Sci. (Philosophy), docent, chief researcher at the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: borisov.evgeny@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 26.10.2025;
одобрена после рецензирования 18.11.2025; принята к публикации 09.12.2025
The article was submitted 26.10.2025;
approved after reviewing 18.11.2025; accepted for publication 09.12.2025

Научная статья

УДК 116:130.32

doi: 10.17223/1998863X/88/4

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ФЕНОМЕНА ТРАНСГРЕССИИ

Сергей Константинович Макаров

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия,
struin2009@yandex.ru*

Аннотация. Раскрываются онтологические основания феномена трансгрессии, понимаемого как переход сущего из одного состояния в другое путем преодоления предела. Показано, что трансгрессия представляет собой диалектическое единство разрывания бытия посредством вмешательства Ничто, и непрерывного скольжения, совмещающего прошлое и будущее в единое непрерывное настоящее.

Ключевые слова: трансгрессия, предел, Ничто, развитие, скольжение

Для цитирования: Макаров С.К. Онтологические основания феномена трансгрессии // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 88. С. 30–40. doi: 10.17223/1998863X/88/4

Original article

THE ONTOLOGICAL BASIS OF THE PHENOMENON OF TRANSGRESSION

Sergey K. Makarov

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation,
struin2009@yandex.ru*

Abstract. The article provides an analysis of the ontological dimension of the concept of transgression, describing the event of the transition of an entity from one qualitative state to another. The relevance of the research is related to the lack of clarity of the concept of transgression in philosophy. The research clarifies the relationship between being and entity, and between being and nothingness, in the process of transgression. The study aims to define the ontological basis of the phenomenon of transgression as the transition of an entity from one state of being to a fundamentally different one by overcoming its own limits. The study is theoretically founded on Hegel-Kojève's philosophy of negativity, J. Bataille and M. Foucault's philosophy of transgression, J. Derrida's philosophy of deconstruction, and J. Libertson's study of transgression as glissement. The author suggests that transgression is carried out through Nothingness existing in a special modality not given to the subject. According to the author, nothingness that determines the possibility of transgression transforms the being of the entity. The author defines the ontological dimension of transgression as a state of being between the moments 'already not' (one) and 'not yet' (the other). The author also describes transgression as expansion of the zone of the possible, ensuring the process of development of the subject. The author presents the moment of transgression as a 'point of discontinuity' in the interval between the states of being 'A' and 'B'. The article argues that, at the micro level, transgression cannot be considered a linear transition; therefore, the metaphor of a 'wormhole' is used to illustrate this type of transition. Conversely, at the macro level, transgression can be represented as glissement of the current moment of being along a Möbius strip, symbolising the transformation from one state to another, as well as the connection between the past, present and future. The author concludes

that from an ontological point of view transgression represents a dialectical unity of the gap generated by Nothingness and the continuity preserved in being. The theoretical significance of the research lies in the author's original explanation of the ontological basis of transgression; the practical significance may lie in developing new ontological models of transformations of being.

Keywords: transgression, limit, Nothingness, development, glissement

For citation: Makarov, S.K. (2025) The ontological basis of the phenomenon of transgression. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 88. pp. 30–40. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/88/4

Введение

Термин «транссессия», введенный в антропологию Р. Кайуа в качестве характеристики сакрального [1], подхваченный Ж. Батаем [2], развитый М. Фуко [3], получил в 30-е гг. XX в. широкое распространение в области социально-философских наук. Не будучи достаточно четко определенным, он стал неразрывно связанным с такими понятиями, как «запрет», «предел» и «сакральное». Фактически концепт транссессии, широко использующийся в философских работах постмодернистского толка в 60–70-е гг. XX в., заменил собой понятие «диалектический переход» в его гегелевском изводе, включив в себя представление об «энергии перехода» как одной из сил трансформации сущего.

В настоящей статье исследуется отношение транссессии к таким максимально абстрактным философским понятиям, как «Бытие» и «Ничто». Транссессия обозначает событие перехода одного бытия в другое, или становления Иным. Этот переход был намечен Гегелем, когда им было введено понятие «aufhebung» – трансформация, которая не уничтожает бывшее ранее, но сохраняет его в «снятом» виде. Но если у Гегеля субъектом такого преодоления был абстрактный Дух, то у Кожева, а впоследствии Батая им стал человек¹. Именно человек преодолевает себя, ставя под вопрос, «на карту» свое бытие. Таким образом, транссессия может трактоваться как снятие человеком собственных ограничений². Транссессия предстает антропологическим событием, проживаемым субъектом во «внутреннем опыте» [2. С. 506], приводящим к обретению контакта со своей подлинной «зверочеловеческой» природой³. Итак, транссессия – событие преобразования бытия, переживаемого субъектом.

Субъект в неклассической философии обретает целостность благодаря растождествлению с самим собой. Человек существует как «провал», «зияющая рана» [5. С. 313]. Его жизнь есть негативность, которая не может быть уничтожена [5. С. 315]. Он существует как разрыв в бытии, чья целостность обусловлена возможностью несовпадения с собой. Существование субъекта мыслится на грани, или на пределе, в режиме «постановки под вопрос» собственного бытия [2. С. 506]. Человек оказывается лимит-

¹ «Независимо от того, что думал на этот счет сам Гегель, Феноменология – это философская антропология» [4. С. 44].

² Такая трактовка транссессии опирается в первую очередь на идею Ж. Батая о транссессии как снятии запрета, а также М. Фуко как о преодолении предела.

³ Батай пишет о Звере как Своем Ином человека, непосредственно участвующем в процессе транссессии [2. С. 548–549]

нальным существом, не будучи никогда определенным, но всегда подверженным трансгрессии.

В философско-антропологическом аспекте дискурс трансгрессии в первую очередь обращается к проблеме тождества субъекта самому себе [6]. Субъект благодаря трансгрессии получает возможность переопределить собственные основания путем преодоления собственных пределов [3]. При этом трансгрессия создает «приостановку времени», «точку зависания», «складку»: это позволяет субъекту перейти в другой режим существования, не разрушая своей аутентичности. Трансгрессия, как это будет показано в настоящей статье, предполагает разрыв в структуре бытия (субъекта); человеческое бытие в его текущей форме ставится под вопрос и растождествляется с самим собой.

Зададимся вопросом: а *как* происходит трансгрессия, каким образом она преодолевает предел (возможного)? Каковы ее онтологические основания? Очевидно, что для ответа на этот вопрос нам придется обратиться к давней философской проблеме – отношению Бытия и Ничто, а также к проблеме первоначала.

Между «уже-нет» и «еще-нет»: о трансгрессивном состоянии бытия

Идея первоначала основана на предположении, что был некоторый момент, когда Нечто «стало быть»; до этого же Нечто как такового, данного в совокупности своих определенных качеств – субстанции и ее атрибутов, не было. Если предположить, что ничто не возникает из ничего, то что-то, в какой бы то ни было форме, всегда должно было существовать, хоть нам об этом нечто ничего не дано знать (мы имеем дело лишь с тем, что *уже есть*). Но между «уже нет» (одного) и «уже есть» (другое) существует онтологическая дистанция. Эти два момента, как и переход между ними, различимы. Вопрос состоит в следующем: *когда что-то начало быть?* Это таинственный момент трансгрессии, перерождения одной формы существования в принципиально иную. Что это за сила, уничтожающая старое и рожающая новое, то, чего еще не было? Между старым и новым существует разрыв, «непреодолимый предел», который, тем не менее, преодолевается жестом трансгрессии (Фуко) [3. С. 117]. Ж. Деррида писал:

Та стадия, которая здесь (в тексте Руссо. – С.М.) описана в сослагательном наклонении, это *уже* стадия языка, порвавшего с жестом, с потребностью, с животным состоянием и проч. Правда, это стадия языка, еще не испорченного членораздельностью, условностью, восполнительностью. Время этого языка есть некий предел – непрочный, недоступный, мифический – между *уже* и *еще не*: это время рождающегося языка, подобному тому как было время «рождающегося общества». Ни до, ни после (перво)начала [7. С. 421].

В состоянии, когда уже нет старого и еще нет нового, и происходит трансгрессия – невозможный переход, трансформация одного бытия в другое. Этот промежуток, или разрыв, бытия никак нам не дан, он положен как предел, который трансгрессия «перепрыгивает». Но будет некорректным сказать, что разрыва как такового *нет* – тогда не было бы и трансгрессии. Скажем, что этот разрыв есть в качестве *Ничто*. Это утверждение требует некоторого прояснения. Когда мы говорим, что что-то есть как Ничто, мы утверждаем

попросту то, что это что-то нам *не дано*. Но тогда на каком основании мы утверждаем бытие этого нечто? На том основании, ответим мы, что иначе *не было бы* того, что *дано*, т.е. бытия. Иными словами, мы говорим о бытии-Ничто как *условии возможности* бытия-чтойности, или данности.

Известно, что кроме бытия (не)существует небытие, а помимо сущего – Ничто. Так не должны ли мы признать, что в трансгрессии Ничто играет ключевую роль, вмешиваясь в порядок наличного, рождая в нем разрыв и полагая ему предел? Ведь любая определенность имеет границу, которая ее полагает в качестве налично сущего. Сущее не может преодолеть границу, поскольку само понятие границы вписано в категорию сущего. В философии есть категории, которые имеют дело с безграничным по своей природе, с потенциальным: это в первую очередь категория возможного – того, что только может быть, в противовес категории наличного (действительного), которое уже есть. Но возможное каким-то образом тоже есть, раз о нем можно говорить. Возможное становится наличным в процессе актуализации, проходя через некоторую точку, после которой «начинается» сущее. Сущее каким-то образом соприкасается с Ничто, оно увлекается им, переставая быть, открывая дорогу возможному. Сущее растрчивает себя, теряется в энтропии; но бытие не терпит разрывов, оно сразу же восполняет себя чем-то еще – тем, что приходит бывшему сущим на смену. Вечный круговорот сущего – все всегда-уже-есть и ничего-уже-никогда-нет. Все сразу и одновременно ничего. Где бытие, где ничто? И бытие, и ничто – крутятся вокруг друг друга, и не могут поймать соперника за хвост. Но в их танец вмешивается нечто третье, трансцендентное обоим началам – некоторый момент, конституирующий пространство между бытием и небытием, сущим и не-сущим. Это их невозможный сплав (дипластия). В этот момент *уже* ничего нет, но и *еще* ничего нет. Это момент синтеза, о котором говорил Гегель¹, достигаемый благодаря снятию противоположностей (*Aufhebung*). В нем все не расчленено, все перемешано. Вспомним о След, о котором говорил Ж. Деррида: он «не зависит ни от какой чувственно воспринимаемой полноты – слышимой или зримой, фонической или графической. Напротив, он есть ее *условие* (курсив мой. – С.М.). Хотя он и *не существует*, хотя он никогда не был *налично-сущим* вне какой-либо полноты, его возможность *de jure* предваряет все» [7. С. 189]. След, по Деррида, – это условие возможности всякого наличия, любой данности – определенного бытия сущего. След – это то, что осталось от прежнего бытия (наличия) в снятом виде, в форме небытия, чистой структуры, что отсылает нас к гегелевской «Науке логики», в которой мы, как отмечает А.Д. Майданский, имеем дело с *импрессией* – «отпечатком» на некоторой субстратной первооснове (бытии) [9. С. 237]. Понятие следа, импрессии – это виртуальная форма существования (небытия). Но это небытие рождает новое бытие, новое наличие. Н.С. Автономова в своей статье о грамматологии Ж. Деррида пишет: «...он (Руссо. – С.М.) отыскивает в воображаемой глубине времен такое состояние, при котором язык уже родился, но еще не испортился, уже силен напевностью, но еще не артикулирован (этому соответствует неартикулированная вокализация, или «невма»). Этот опыт рождения

¹ Гегель писал о первоначале: «...то, что начинается, уже есть, но в такой же мере его еще и нет. Следовательно, противоположности, бытие и небытие, находятся в нем в непосредственном соединении, иначе говоря, начало есть их неразличное единство» [8. С. 60]

языка где-то между природой и культурой есть „почти невозможный“ опыт» [10. С. 552]. Это промежуточное, трансгрессивное состояние языка: его можно помыслить, но нельзя никак эмпирически зафиксировать. Вероятно, имеется в виду некоторое гипотетическое состояние речи, когда слова еще не оторвались от вещей, когда можно было расслышать в слове «лист» шелест листьев или в слове «ручей» его журчание. Это состояние между «уже нет» и «еще нет». Ж. Лакан говорит: «Возьмите, например, возникновение языка. Мы воображаем, будто был момент, когда люди начали говорить. Мы признаем, следовательно, что имело место некое возникновение» [11. С. 10]. Конечно, не было никакого «момента», когда люди начали говорить: люди, в каком-то смысле, говорили всегда, но делали это как-то иначе. Очевидно, что переломный момент перехода от одного к другому полагается нами чисто спекулятивно – бытие не имеет разрывов (Парменид). Событие, которое полагает разрыв в ткани бытия, именуется *трансгрессией*. С трансгрессией – «преодолением непреодолимого предела» [12. С. 72] – мы имеем дело лишь постфактум, как с тем, что уже произошло. Осуществление трансгрессии было бы невозможным без Ничто, которое тоже каким-то образом *есть*. С.С. Хоружий отмечает, что со времен античной философии были намечены два принципиально различных подхода к проблеме Ничто [13. С. 96]: для элеатов ничто – это пробел в бытии, отсутствие чего-либо. Для Платона же небытие – «не что-то противоположное бытию, *но лишь иное*» (курсив мой. – С.М.) [14. С. 329]. Хоружий отмечает, что для разграничения этих двух способов говорить о Ничто решающую роль сыграло наличие в древнегреческом языке двух форм выражения отрицания: «οὐ – как формальное утверждение несуществования, чистое НЕ; μή – как не-определенность, не-оформленность – отрицание, существенно вторичное по отношению к утверждению, носящее оттенок „уже НЕ“ либо „еще НЕ“» [13. С. 96]. Именно вторая позиция, находящая свое выражение у Платона¹, нас и будет интересовать в контексте нашей задачи прояснения фундаментальных оснований онтологии трансгрессии. Гегель в «Науке логики» представляет Ничто как посредника, который делает изменение бытия и возникновение нового возможным [8]. Однако мы имеем дело с Ничто лишь опосредованно, через Бытие: Ничто выступает его *изнанкой*². Всякое сущее проходит через Ничто, становясь Иным, совершая трансгрессию, «невозможный переход». Как говорил Гераклит, все течет: мы никогда не можем схватить то или иное состояние сущего, в каждый момент оно уже иное [16. С. 210]. Хотя более последовательным был Кратил, утверждая невозможность приписывания изменяющемуся сущему любых предикатов: он, по словам Аристотеля, «только двигал пальцем и упрекал Гераклита за его слова, что нельзя войти в одну и ту же реку дважды, поскольку сам полагал, что этого *нельзя сделать и единожды*» (курсив мой. – С.М.) [17. С. 137].

¹ Позиция Платона – Аристотеля относительно соотношения бытия и небытия сводится к тому, что небытие всегда подмешано к сущему, обеспечивая его родо-видовую дифференциацию (бытие-иным) [15]. Другими словами, небытие – это то, что лежит в основе *конкретного* бытия всякого сущего.

² Гегель отмечает, что отрицание, обеспечиваемое Ничто, полагает сущему границу – количественную и качественную определенность; путем отрицания налично данного осуществляется становление. В процессе движения от абстрактного к конкретному Ничто как пустая абстракция снимается, наполняясь конкретным содержанием отрицания налично-данного [8. С. 114–121].

Трансгрессия как разрыв в бытии

Итак, трансгрессия совершается в пространстве «между», или в пространстве Ничто. Графически это можно представить при помощи «выколотой» точки на отрезке (рис. 1).

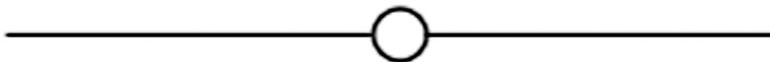

Рис. 1. Трансгрессия как «выколотая» точка

«Выколотая» точка обозначает момент трансгрессии, превращения одного в другое. Это тот самый момент, когда *уже* ничего нет, но и *еще* ничего нет. Это разрыв бытия, Ничто. В опыте мы имеем дело лишь с Бытием, Ничто же дано нам лишь опосредованно, как преодолеваемый трансгрессией предел, отделяющий два состояния бытия друг от друга.

Обратимся теперь к понятию невозможного. Любое сущее в данный конкретный момент ограничено областью возможного. Трансгрессия – это прорыв к невозможному, расширение горизонта возможного [18. С. 1104]. Трансгрессию нужно мыслить не как линейный переход, но как скачок из одного состояния в другое. Следует подчеркнуть, что трансгрессия предполагает развитие: это всегда прогресс и никогда регресс, потому как трансгрессия расширяет область возможного, ведя таким образом к эволюции (человека). В эволюционной биологии мы имеем дело с трансгрессией непосредственно: появление новых органов и способностей вследствие адаптации организма, отмирание старых, не нужных в текущих условиях. То же самое мы видим на индивидуальном уровне – преодоление жизненного кризиса, делающее нас сильнее; смена одних форм социально-политического устройства другими; расширение и преобразование фирмы и т.д.

Как происходит скачок в невозможное? Путем некоторого критического напряжения, воздействующего на сущее, разрушающего его базисные структуры, на которых строится его текущее существование, и создающего новые на месте старых, более адаптивные. Рассмотрим трансгрессию в антропологическом плане, применительно к понятию субъекта – отдельно взятого человека, чье бытие ограничено в определенный момент зоной возможного. В какой-то момент имеющиеся у человека когнитивные схемы перестают эффективно работать в новых условиях – требуется качественное изменение оснований мышления субъекта. Об этом говорил Дж. Келли в своей теории личностных конструкторов [19]. Трансгрессия в субъективном плане будет переживаться как преобразование самих основ личностного бытия, изменения способов взаимодействия с внешним миром. Благодаря трансгрессии человек может развиваться. Трансгрессия, как мы уже говорили, – нелинейный переход. Она может мыслиться посредством метафоры кротовой норы (рис. 2) – разрыва, который переводит субъекта в иной модус бытия. Черным кружком на рисунке обозначена точка сингулярности-дипластии (разрыва/Ничто) – трансгрессивного состояния между «уже-нет» и «еще-нет».

Новые структуры субъективности могут родиться и развиваться лишь тогда, когда старые уже отмерли (разумеется, мы говорим, об этом спекулятивно: эмпирически любые изменения непрерывны и не допускают разрыва) (рис. 3).

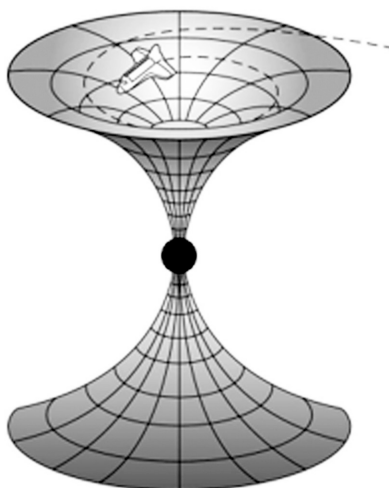

Рис. 2. Трангрессия как кротовая нора

Рис. 3. Расширение зоны возможного посредством трангрессии

На рис. 3 буквами A , A_1 , A_2 , A_n обозначены состояния бытия субъекта в рамках возможного. Стрелочками обозначено линейное развитие (например, у человека есть умение подстраиваться под ожидания других, и эта способность развивается); но в какой-то момент это умение преобразуется в совершенно иное (например, в способность подстраивать других под свои ожидания). Эта вторая способность является следствием развития первой, но тут есть скачок (трангрессия). Человек не теряет первую способность, но на ее основе развивает вторую. Прямоугольниками обозначены пределы текущих зон возможного; большой стрелкой – расширение зоны возможного (преодоление предела) – трангрессия.

Трангрессия как скольжение (glissement)

Дж. Либертсон в поиске ответа на вопрос, как трангрессия преодолевает предел, не нарушая непрерывности бытия [6], находит ответ у Фуко: предел исчезает в момент его преодоления [3. С. 118]. Таким образом, мы всегда имеем дело с уже-сущим: трангрессия либо еще не произошла, либо уже произошла. Трангрессия совершается в миг преодоления предела («там, на тончайшем изломе линии, мелькает отблеск ее прохождения» [3. С. 117] – Фуко). Трангрессия – это излом, выколота точка, складка: то, что незаметно

«подмешивает» ничто к бытию, искажая его, изменяя навсегда. Трансгрессия, таким образом, всегда-уже совершена (нет никакого привилегированного момента, отведенного для трансгрессии). «Предел, – отмечает Либертсон, – это не точка разрыва <...> либо же этот разрыв (непрерывности. – С.М.) вне опыта субъекта, в другом месте, откуда и конструируется заново его тотальность» [6. Р. 1018]. «Трансгрессия – это скорее спираль, нежели мгновенный разрыв» [6. Р. 1018] – продолжает Либертсон, вспоминая слова М. Фуко: «...трансгрессия относится к пределу не как черное к белому, не как запрещенное к разрешенному, внешнее к внутреннему, исключенное к хранимому пространству обитания. Скорее, она связана с ним в некотором штопорном отношении, которое не может быть исчерпано простым взламыванием» [3. С. 118]. Трансгрессия тогда – не что иное, как сила движения, влекущая бытие за собой, вперед (за предел). Предела же движению и нет вовсе: он постоянно «откладывается» (исчезает в момент преодоления). В общем-то, та же логика стоит и за понятием предела в математике: это тот край, которого нельзя достичь, к которому можно лишь стремиться. Но математика не знает трансгрессии, преодоления предела: в ней есть только «движение-к» (достигнутый предел – это уже сингулярность: отсутствие, которое тождественно присутствию). Либертсон делает вывод: «...трансгрессия – это не момент, достигаемый постановкой под вопрос: скорее, она есть предельный случай замкнутости, „всегда-уже“ поставленной под вопрос» [6. Р. 1019]. Либертсон изображает трансгрессию как *glissement* (скольжение). Можно добавить, что трансгрессия – это движение скольжения по ленте Мёбиуса, у которой нет ни внешней, ни внутренней стороны, что обеспечивает непрерывное самопреодоление – трансгрессия обнаруживает себя на внешней стороне, но в этот же момент «перелома» внешняя сторона превращается во внутреннюю. Трансгрессия сплавляет между собой отделенные моменты прошлого и будущего, относящиеся к небытию, в непрерывное настоящее – бытие.

Замкнутость бытия «всегда-уже» есть [6. Р. 1019]. Само «есть» предполагает наличие определенности, а определенность – это фиксация наличного. То есть мы никогда не имеем дела со становящимся, но всегда – со ставшим. Фуко говорит: «И не исчерпывает ли трансгрессия все свое бытие в тот миг, когда переступает через предел, не ведая иного существования, кроме этого мгновения? И этот миг, это причудливое скрещение фигур бытия, которые вне его не знают существования, но в нем разделяют все, чем они бывают» [3. С. 117]. Предел и есть то поле, в котором происходит трансгрессия. Предел сам определяется трансгрессией. Трансгрессия создает предел и сама же преодолевает его. Она представляет собой путь возникновения Бытия из Ничто, которое «всегда-уже» есть. Из бытия возникает бытие, но происходит это не иначе как посредством «вмешательства» Ничто. Ничто – это как раз тот предел, который заключает в себе всю тотальность сущего; будучи преодоленным, он сам становится тотальностью, отодвигая «свой» предел до предела. Это похоже серию вложенных друг в друга картинок путем рекурсии: одна в другой, которая содержит первую, сама будучи в третьей, и т.д. Рамка («внешнее») – это предел, бытие которого само ограничено пределом, и так до бесконечности. Это последовательность вложенных структур, образующих спираль, по которой движется трансгрессия пределов: от одного предела к другому, от него к следующему и так далее. «Она (трансгрессия. – С.М.), –

писал Фуко, – утверждает определенное бытие, бытие в пределах, она утверждает эту беспредельность, в которую она перескакивает, открывая ее впервые существованию» [3. С. 118].

Итак, можно сделать вывод, что целостность разрываемого трансгрессией бытия достигается парадоксальным образом, путем *glissement'a*, или скольжения по поверхности предела. Трансгрессия никогда не присутствует, она всегда «ждет за порогом» [6. Р. 1022]. Оптика непрерывности – это оптика макроуровня; на микроуровне же мы имеем дело с разрывом, с преодолением Ничто. Однако это самое Ничто положено нами спекулятивно в силу того, что иначе трансгрессия попросту не могла бы быть осуществлена.

Заключение

В ходе проделанной работы были выявлены онтологические основания феномена трансгрессии (преодоления предела). Основной вывод гласит, что трансгрессия с онтологической точки зрения представляет собой диалектическое единство разрыва и непрерывности. Разрывание бытия обнаруживается на микроуровне и осуществляется посредством вмешательства Ничто. Непрерывность же имеет место быть на макроуровне, фиксируемом эмпирически. Трансгрессия на микроуровне нам феноменально не дана, но спекулятивно положена. Трансгрессия на макроуровне осуществляется посредством *glissement'a*, или скольжения по непрерывной ленте Мёбиуса, которая сама по себе состоит из складок, видимых на микроуровне, т.е. путем умозрения. Трансгрессивное скольжение соединяет друг с другом прошлое и будущее в непрерывно длящееся настоящее.

Список источников

1. *Кайюа Р.* Человек и сакральное // Миф и человек. Человек и сакральное / пер. с фр. С.Н. Зенкина. М. : ОГИ, 2003. С. 141–294.
2. *Батай Ж.* Эротика // Сакральная социология / пер. с фр. С.Н. Зенкина. М. : Ладомир, 2006. С. 111–131.
3. *Фуко М.* О трансгрессии // Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века / пер. с фр. С.Л. Фокина. СПб. : Мифрил, 1994. С. 111–131.
4. *Кожев А.* Введение в чтение Гегеля : лекции по Феноменологии духа, читавшиеся с 1933 по 1939 г. в Высшей практической школе / пер. с фр. А.Г. Погоняйло. СПб. : Наука, 2013. 791 с.
5. *Батай Ж.* Письмо к Х, руководителю семинара по Гегелю // Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века / пер. с фр. С.Л. Фокин. СПб. : Мифрил, 1994. С. 312–315.
6. *Libertson J.* Excess and Imminence: Transgression in Bataille // MLN. 1977. Vol. 92, № 5. P. 1001–1023. doi: 10.2307/2906888 URL: https://www.jstor.org/stable/2906888?read-now=1&seq=1#page_scan_tab_contents/ (accessed: 29.05.2025).
7. *Деррида Ж.* О грамматологии / пер. с фр. Н. Автономовой. М. : Ad Marginem, 2000. 511 с.
8. *Гегель Г.В.Ф.* Наука логики / пер. с нем. Б.Г. Столпнера. М. : АСТ, 2021. 960 с.
9. *Майданский А.Д.* Два метода, две версии диалектики: «Феноменология духа» против «Науки логики» // Философия Гегеля: новые переводы, исследования, комментарии / под ред. Е.В. Мареевой. М. : Изд-во СГУ, 2014. С. 224–240.
10. *Автономова Н.С.* Грамматология // Новая философская энциклопедия : в 4 т. / под ред. В.С. Степина и др. М. : Мысль, 2010. Т. 1. С. 551–553.
11. *Лакан Ж.* «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа (Семинар, Книга II (1954/55)) / пер. с фр. А. Черноглазова. М. : Гнозис : Логос, 2009. 520 с.
12. *Бланио М.* Опыт-предел // Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века / пер. с фр. С.Л. Фокина. СПб. : Мифрил, 1994. С. 63–77.
13. *Хоружий С.С.* Ничто // Новая философская энциклопедия : в 4 т. / под ред. В.С. Степина и др. М. : Мысль, 2010. Т. 3. С. 95–97.

14. Платон Софист // Платон. Собрание сочинений : в 4 т. / под ред. А.Ф. Лосева и др. М. : Мысль, 1993. Т. 2. С. 275–345.
15. Слинин Я.А. Категория небытия в философии Платона // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. 2020. Т. 36, № 1. С. 69–81. doi: 10.21638/spbu17.2020.106
16. Фрагменты ранних греческих философов. Ч. I: От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики / сост. А.В. Лебедев ; под ред. И.Д. Рожанского. М. : Наука, 1989. 575 с.
17. Аристотель. Метафизика // Аристотель. Сочинения : в 4 т. М. : Мысль, 1978. Т. 1 / под ред. В.Ф. Асмуса. С. 63–367.
18. Можейко М.А. Трансгрессия // История философии : энциклопедия / сост. и глав. науч. ред. А.А. Грицанов. Минск : Интерпрессервис : Книжный Дом, 2002. С. 1104–1105.
19. Келли Дж.А. Теория личности : Психология личностных конструктов / пер. с англ. А.А. Алексеева. СПб. : Речь, 2000. 248 с.

References

1. Caillois, R. (2003) *Mif i chelovek. Chelovek i sakral'noe* [Myth and Man. Man and the Sacred]. Translated from French by S.N. Zenkin. Moscow: OGI. pp. 141–294.
2. Bataille, G. (2006) *Sakral'naya sotsiologiya* [Sacred Sociology]. Translated from French by S.N. Zenkin. Moscow: Ladomir. pp. 491–705.
3. Foucault, M. (1994) O transgressii [A Preface to Transgression]. In: Fokin, S.L. (ed.) *Tanatografiya Erosa: Zhorzh Batai i frantsuzskaya mysl' serediny XX veka* [Thanatography of Eros: Georges Bataille and French Thought of the Mid-20th Century]. Translated from French by S.L. Fokin. St. Petersburg: Mifril. pp. 111–131.
4. Kojève, A. (2013) *Vvedenie v chtenie Gegelya: lektzii po Fenomenologii dukha, chitavshiesya s 1933 po 1939 g. v Vysshey prakticheskoy shkole* [Introduction to the Reading of Hegel: Lectures on the Phenomenology of Spirit, Given from 1933 to 1939 at the École Pratique des Hautes Études]. Translated from French by A.G. Pogonyaylo. St. Petersburg: Nauka.
5. Bataille, G. (1994) Pis'mo k X, rukovoditel'yu seminaru po Gegelyu [Letter to X, lecturer on Hegel]. In: Fokin, S.L. (ed.) *Tanatografiya Erosa: Zhorzh Batai i frantsuzskaya mysl' serediny XX veka* [Thanatography of Eros: Georges Bataille and French Thought of the Mid-20th Century]. Translated from French by S.L. Fokin. St. Petersburg: Mifril. pp. 312–315.
6. Libertson, J. (1977) Excess and Imminence: Transgression in Bataille. *MLN*. 92(5). pp. 1001–1023. doi: 10.2307/2906888
7. Derrida, J. (2000) *O grammatologii* [Of Grammatology]. Translated from French by N. Avtonomova. Moscow: Ad Marginem.
8. Hegel, G.W.F. (2021) *Nauka logiki* [Science of Logic]. Translated from German by B.G. Stolpner. Moscow: AST.
9. Maydansky, A.D. (2014) Dva metoda, dve versii dialektiki: “Fenomenologiya dukkha” protiv “Nauki logiki” [Two methods, two versions of dialectics: The “Phenomenology of Spirit” versus the “Science of Logic”]. In: Mareeva, E.V. (ed.) *Filosofiya Gegelya: novye perevody, issledovaniya, kommentarii* [Hegel's Philosophy: The New Translations, Researches, Comments]. Moscow: SGU. pp. 224–240.
10. Avtonomova, N.S. (2010) Grammatologiya [Grammatology]. In: Stepin, V.S. et al. (eds) *Novaya filosofskaya entsiklopediya: v 4 t.* [A New Philosophical Encyclopedia: in 4 vols]. Vol. 1. Moscow: Mysl'. pp. 551–553.
11. Lacan, J. (2013) “Ya” v teorii Freyda i v tekhnike psikhoanaliza (Seminar, Kniga II (1954/55)) [The Seminar, Book II. The Ego in Freud's Theory and in the Technique of Psychoanalysis]. Translated from French by A. Chernoglazov. Moscow: Gnozis; Logos.
12. Blanchot, M. (1994) Opyt-predel [Limit-Experience]. In: Fokin, S.L. (ed.) *Tanatografiya Erosa: Zhorzh Batai i frantsuzskaya mysl' serediny XX veka* [Thanatography of Eros: Georges Bataille and French Thought of the Mid-20th Century]. Translated from French by S.L. Fokin. St. Petersburg: Mifril. pp. 312–315.
13. Khoruzhiy, S. (2010) Nichto [Nothing]. In: In: Stepin, V.S. et al. (eds) *Novaya filosofskaya entsiklopediya: v 4 t.* [A New Philosophical Encyclopedia: in 4 vols]. Vol. 3. Moscow: Mysl'. pp. 95–97.
14. Plato. (1993) *Sobranie sochineniy: v 4 t.* [Works: in 4 vols]. Vol. 2. Moscow: Mysl'. pp. 275–345.
15. Slinin, Ya.A. (2020) Kategoriya nebytiya v filosofii Platona [The category of nothing in the philosophy of Plato]. *Vestnik SPbGU. Filosofiya i konfliktologiya*. 36(1). pp. 69–81. doi: 10.21638/spbu17.2020.106

16. Lebedev, A.V. & Rozhanskiy I.D. (eds) (1989) *Fragmenty rannikh grecheskikh filosofov: chast' I: ot epicheskikh teokosmogoniy do vzniknoveniya atomistiki* [The fragments of Early Greek Philosophers: Part I: From Epic Theocosmogonies to Emergence of Atomistics]. Moscow: Nauka.

17. Aristotle. (1978) *Sochineniya: v 4 t.* [Works: in 4 vols]. Vol. 1. Moscow: Mysl'. pp. 63–367.

18. Mozheyko, M.A. (2002) Transgressiya [Transgression]. In: Gritsanov, A.A. (ed.) *Istoriya filosofii: Entsiklopediya* [History of Philosophy: Encyclopedia]. Minsk: Interpresservis; Knizhnyy Dom. pp. 1104–1105.

19. Kelly, G.A. (2000) *Teoriya lichnosti: Psikhologiya lichnostnykh konstruktov* [A Theory of Personality. The Psychology of Personal Constructs]. Translated from English by A.A. Alekseev. St. Petersburg: Rech'.

Сведения об авторе:

Макаров С.К. – аспирант кафедры философской антропологии философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: struin2009@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Makarov S.K. – postgraduate student, Department of Philosophical Anthropology, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: struin2009@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 15.06.2025;
одобрена после рецензирования 18.11.2025; принята к публикации 09.12.2025
The article was submitted 15.06.2025;
approved after reviewing 18.11.2025; accepted for publication 09.12.2025*

Научная статья

УДК 165.41

doi: 10.17223/1998863X/88/5

О СКЕПТИЦИЗМЕ ОТНОСИТЕЛЬНО ЗНАЧЕНИЯ, ПЕРФОРМАТИВНОМ ПРОТИВОРЕЧИИ И ФИЛОСОФИИ

Анна Юрьевна Моисеева

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия, aymoiseeva@hse.ru*

Аннотация. В своей недавней статье «Анализ проблемы скептицизма в отношении значения в категориях языковой прагматики» М.А. Смирнов проводит критический анализ аргументов В.А. Ладова и Е.В. Борисова против скептической позиции в отношении значения, основанных на сведении этой позиции к перформативному противоречию. Настоящая статья является ответом М.А. Смирнову и одновременно защитой собственной позиции по обсуждаемой проблеме.

Ключевые слова: скептицизм относительно значения, аргумент от перформативного противоречия, прагматика философского дискурса

Благодарности: статья подготовлена в ходе проведения работы в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Для цитирования: Моисеева А.Ю. О скептицизме относительно значения, перформативном противоречии и философии // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 88. С. 41–50. doi: 10.17223/1998863X/88/5

Original article

ON SKEPTICISM ABOUT MEANING, PERFORMATIVE CONTRADICTION, AND PHILOSOPHY

Anna Yu. Moiseeva

National Research Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation, aymoiseeva@hse.ru

Abstract. In his recent article, “An Analysis of the Problem of Skepticism Regarding Meaning in the Categories of Linguistic Pragmatics,” M. Smirnov critically analyzes V. Ladov and E. Borisov’s arguments against the skeptical position regarding meaning, based on reducing this position to a performative contradiction. According to Smirnov, the conclusion that the skeptic contradicts himself when he talks about the impossibility of making any true statements, particularly statements about meaning, is ill-founded. The underlying thesis of Smirnov’s argument is that the skeptic’s speech act, in the context of his communication, may have a different pragmatic character than the expression of statements about reality considered true. Therefore, there is no performative contradiction between the fact of his utterance and the content of that utterance. The thesis opposed to Smirnov’s one in this article is that skepticism regarding meaning is not overcome by the skeptical position leading to a performative contradiction in the strict sense, as Ladov and Borisov argue, according to Smirnov’s reconstruction of their views. Rather, it is overcome by the fact that it has consequences in the realm of pragmatics that normatively exclude the skeptic from the context of philosophy itself as a practice and immerse them in a qualitatively different

context. The basic thesis of the article is that philosophical activity is inherently normative. It is governed by implicit conventions, one of which is the sharing of a specific communicative intention. By participating in a philosophical discussion, one commits to the pragmatic stance that one's statements will be understood as assertions that claim truth, and as such, these statements can be defended, questioned, and have consequences drawn from them, among other things – things we do with such assertions. Therefore, as one's opponents, we have the right to consider this stance, among other things. If, as Smirnov argues, we cannot attribute to the skeptic the intention to make a certain assertion, then we undermine not only the argument from Ladov and Borisov's performative contradiction, but also the discussion of skepticism itself. Even if we do not regard the skeptic's statements as nonsense, we are to recognize them as something external to the activity we engage in as philosophers. This renders philosophical polemics with the skeptic empty in a pragmatic sense.

Keywords: skepticism about meaning, argument from performative contradiction, pragmatics of philosophical discourse

Acknowledgments: The article was prepared as part of the Fundamental Research Program of the National Research University Higher School of Economics (HSE).

For citation: Moiseeva, A.Yu. (2025) On skepticism about meaning, performative contradiction, and philosophy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 88. pp. 41–50. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/88/5

Введение

Преодоление скептицизма относительно значения представляется жизненно важной задачей в рамках философского исследования языка, и именно этой теме было посвящено недавнее исследование М.А. Смирнова [1]. Тезис, который я хочу противопоставить тезису М.А. Смирнова и надеюсь защитить в данной статье, состоит в том, что скептицизм в отношении значения преодолевается не тем, что скептическая позиция ведет к перформативному противоречию в строгом смысле, как утверждают В.А. Ладов и Е.В. Борисов, согласно реконструкции их взглядов М.А. Смирновым. Он преодолевается тем, что имеет такие следствия в сфере прагматики, которые с нормативной необходимостью исключают скептика из контекста самой философии как практики и погружают его в качественно иной контекст. Я намерена дать обоснование этого тезиса и его сопоставление с позициями М.А. Смирнова, В.А. Ладова и, отчасти, Е.В. Борисова.

Скептицизм в отношении значения и аргумент от перформативного противоречия

Как известно, наиболее радикальная позиция скептицизма в отношении значения принадлежит Л. Витгенштейну в том изложении его взглядов, которое дается С. Крипке [2]. Следует признать, что скептические аргументы Витгенштейна (в изложении Крипке) до сих пор не опровергнуты в философии языка окончательно, однако обсуждается множество подходов к их преодолению в том или ином смысле. Так, в работах В.А. Ладова и Е.В. Борисова, на которые ссылается М.А. Смирнов [3–6], используется аргумент против скептицизма относительно значения, связанный со сведением скептической позиции к особому виду противоречий, известному как перформативные противоречия. В своей статье М.А. Смирнов реконструирует и критически анализирует этот аргумент. Ниже будут приведены основные пункты его анализа, те возражения, которые М.А. Смирнов выдвигает, и те

выводы, к которым он приходит, а в следующем разделе будет дан мой комментарий к его выводам.

Реконструкция М.А. Смирновым аргумента от перформативного противоречия заключается в следующем: «Позиция скептика в общем случае подразумевает невозможность или бесполезность делать какие-либо истинные утверждения (и, таким образом, формулировать какие-либо теории)» [1. С. 25]. В частности, скептицизм относительно значения подразумевает невозможность делать истинные утверждения относительно значения. Чтобы аргумент работал, нужно при этом допустить, что «скептик рассматривает свою позицию как некоторую теорию, включающую как минимум одно истинное утверждение (а именно утверждение о невозможности делать какие-либо истинные утверждения), т.е. в данном случае утверждения о значении (пояснение мое. – *А.М.*)), «[т]огда получается, что, отрицая на словах такую возможность, он посредством тех же самых слов ее реализует, вступая в перформативное противоречие с самим собой. Исходя из этого, можно заключить, что позиция скептицизма... неверна» [1. С. 25].

Исторически стратегия сведения к перформативному противоречию широко использовалась против скептицизма в целом, и скептицизм относительно значения не является здесь чем-то особенным. Однако в деталях аргументация от перформативного противоречия разными авторами выстраивается по-разному. Я привела здесь точные цитаты из статьи М.А. Смирнова именно для того, чтобы в дальнейшем показать, что его критика этой аргументации не действует против аргумента от перформативного противоречия, выстроенного несколько иначе, чем он это делает. Я не берусь утверждать, что мой способ реконструкции этого аргумента является тем, который имели в виду В.А. Ладов и Е.В. Борисов. Я утверждаю лишь то, что мой способ вполне согласуется со всем, что они сказали, и при этом не является, насколько я могу видеть, уязвимым для критики по стратегии М.А. Смирнова.

Критика М.А. Смирновым аргумента с позиции теории речевых актов

Базовый для рассуждения М.А. Смирнова тезис заключается в том, что речевой акт скептика может иметь в контексте его коммуникации иной прагматический характер, отличный от выражения утверждений о реальности, рассматриваемых как истинные. «Этот акт может не быть направлен на формулировку теории, выражающей некоторую истину, и поэтому не вступать в противоречие с позицией тотального скептицизма». С позиции введенного Дж. Остином [7] различия между локуцией, иллюкуцией и перлокуцией, на которое ссылается М.А. Смирнов, можно сказать, что «предложения, локутивно эквивалентные утверждениям, могут использоваться скептиком в другом иллюкутивном модусе. Например, тотальный скептик может понимать любые свои высказывания как шутку или театральную постановку либо даже как пустые колебания воздуха или бессмысленную рябь букв» [1. С. 26]. При этом, как подчеркивает М.А. Смирнов, «речь в режиме скептической иллюкуции необязательно рассматривать как бесцельную и бездейственную. Вряд ли кто-то будет оспаривать, что театральная постановка или ху-

дожественный текст могут оказывать на рецепиента определенное действие, иногда – менять его мировоззрение. Подобным образом нам не следует исключать такую возможность и для скептической иллюкуции» [1. С. 26].

Далее, как пишет М.А. Смирнов, остается применить все это к проблеме скептицизма относительно значения. Учитывая приведенное выше рассуждение, он задается по поводу скептического аргумента следующим вопросом: в отношении какого значения релевантен этот аргумент – локутивного, иллюкутивного или перлокутивного? Перебирая все три варианта, он приходит к следующим выводам:

1. Чтобы представить скептический аргумент как направленный на локутивное значение и при этом совместить его с теорией речевых актов, нужно разграничить в семантике два аспекта: с одной стороны, *аспект значения*, т.е. «соотнесение языковых выражений с некоторыми объектами» [1. С. 30]; с другой стороны, *аспект значимости*, т.е. «само наличие таких объектов и структурных связей между ними» [1. С. 30]. По этому пункту заключение М.А. Смирнова следующее: «Проблема скептицизма ставит под вопрос первый аспект, однако он в некотором смысле является несущественным для локуции. Ведь это понятие подразумевает просто возможность абстрактного инварианта выражений, относящихся к некоторому типу, но отнюдь не утверждение о том, что любой агент употребляет подобные (в синтаксическом плане) выражения именно в таком ключе» [1. С. 30].

2. Если представить скептический аргумент на иллюкутивном уровне, его суть состоит в неопределенности интерпретации, т.е. в невозможности «понять, почему в конкретном случае (при определенных обстоятельствах и с определенными намерениями) агент речи указал на некоторые онтологические объекты (или категории)». В этом случае, как утверждает М.А. Смирнов, синтаксический аспект языка, т.е. правила порождения осмысленных высказываний, является неважным, поскольку сам вопрос об иллюкутивном значении возникает только тогда, когда локутивное значение уже имеется (и, добавим от себя, оно четко определено, смысл этого добавления см. ниже). «Интерпретация иллюкутивных значений – это область абдуктивных умозаключений, носящих вероятностный характер. Применительно к ним проблема скептицизма в отношении значения имеет существенный смысл... Таким образом, интерпретация иллюкутивных значений теоретически может оставить каждого из нас, как рецепиента речевой коммуникации, в своем собственном воображаемом мире, не тождественном действительному» [1. С. 31].

3. Что касается перлокутивного аспекта, т.е. реального практического эффекта актов коммуникации на чувства, мысли и поведение реципиентов, здесь, с точки зрения М.А. Смирнова, скептицизм относительно значения, напротив, получает разрешение и снимается как проблема. Поскольку «если верно допущение о том, что на практике мы все и во все времена находимся в одном и том же действительном мире, то воображаемые миры наших интерпретаций не могут быть абсолютно произвольными – по крайней мере, если они позволяют нам осуществлять относительно эффективную целенаправленную практику» [1. С. 31]; М.А. Смирнов приходит к выводу, что именно перлокутивный аспект значения обеспечивает тот базис, на котором основаны

вается относительная устойчивость и интиллигибельность локутивного и иллюкутивного аспектов¹.

Анализ критики и возражения М.А. Смирнову

Содержание статьи М.А. Смирнова, как можно видеть из предыдущего раздела, распадается на две относительно независимые части: во-первых, как таковая критика аргумента против скептической позиции от перформативного противоречия; во-вторых, анализ самой скептической позиции на предмет того, какой вид значения (с точки зрения различения локуции, иллюкуции и перлокуции в теории речевых актов) этой позицией отвергается. К ответу на первую часть я перейду позже, а сначала отвечу на вторую.

В процессе разбора М.А. Смирновым вопроса о применимости скептицизма к различным видам значения оказывается, что, признавая скептические аргументы отчасти справедливыми применительно к локуции, автор не считает существенным тот аспект, который они подрывают, а именно то, что я называю *аспектом значения*. С точки зрения М.А. Смирнова, если я правильно ее понимаю, для функционирования локуции достаточно *аспекта значимости*, иными словами, того, чтобы существовала сама абстрактная структура значений (т.е. конкретные семы, семантические категории, правила семантической сочетаемости и т.д.). Что касается аспекта значения, если я опять-таки правильно понимаю, его позиция состоит в том, что возможность соотнести конкретные слова с конкретными значениями должна быть на уровне «взгляда Бога», так сказать, но не обязательно, чтобы она была на уровне обычных говорящих.

По-моему, это в целом неверный взгляд на язык. Даже если рассматривать семантику как нечто «начертанное на небесах», наподобие математической физики, все равно ее законы и правила имеют смысл лишь постольку, поскольку мы считаем, что они определенным образом относятся к «нормальной» языковой практике – регулируют и объясняют эту практику. Скептицизм относительно значения вызывает у нас беспокойство именно потому, что значение нам нужно, чтобы быть уверенными в том, что наши языковые практики регулярны, что наш язык «работает» так, как мы от него ожидаем. И если в какой-то момент наши ожидания не оправдываются, мы хотим знать, почему это произошло. Для этого недостаточно одной лишь абстрактной возможности приписать значения словам так, чтобы вся система языка оказалась семантически согласованной. Нужно понимать, *что именно* слова означают фактически². Против возможности такого понимания и нацелен скептический аргумент. Поэтому его никак нельзя считать несущественным.

¹ В данном случае тот ответ на скептический аргумент, который предлагает М.А. Смирнов, представляет собой, по-видимому, нечто вроде принципа доверия (principle of charity), предлагаемого Д. Дэвидсоном в качестве посылки, которая должна приниматься как условие возможности всякой коммуникации [8. Р. 19]. Этот ответ, если его эксплицировать, мог бы выглядеть так: интерпретируя чье-то высказывание, всегда предполагай то значение слов, которое позволит объяснить вашу совместную практику как основанную на взаимопонимании и соответствии друг другу ваших интенций, насколько это возможно.

² «Понимать» в данном случае может означать не умение сформулировать правило, а лишь некую чувствительность к тому, правильно ли используются слова в конкретном случае. Такое основанное на чувствительности понимание Х. Гинсбург называет установкой «примитивной уместности» [9].

Далее, разбирая иллокутивный смысл проблемы скептицизма, М.А. Смирнов признает, что проблема на этом уровне имеет место, однако, как он пишет, это и неудивительно, поскольку иллокуция принадлежит к области интерпретации на основании абдуктивных умозаключений. Этот тезис косвенным образом подкрепляет его соображения по поводу скептической иллокуции, высказанные в первой части статьи. Действительно, высказывания скептика выглядят так, как если бы они были сделаны с целью утверждать что-то истинное, и именно так они воспринимаются авторами, выдвигающими аргумент от перформативного противоречия, в частности, В.А. Ладовым и Е.В. Борисовым. Однако это лишь абдуктивный вывод, который легко может оказаться ложным. Мы не знаем подлинных интенций скептика и не можем их знать. На иллокутивном уровне аргументация М.А. Смирнова безупречна. При этом хочется добавить, что сама постановка проблемы скептицизма относительно иллокутивного значения становится возможна лишь после того, как скептическая аргументация будет отражена на предыдущем уровне и в локутивном значении мы будем иметь определенность.¹ Отсюда следует важность проблемы скептицизма на уровне локутивного значения.

Наконец, самым интересным как для М.А. Смирнова, так и для меня в настоящей статье является перлокутивный уровень. И если мой уважаемый оппонент видит на этом уровне лишь способ разрешения и снятия скептического сомнения, то я хочу пойти дальше. На мой взгляд, именно перлокутивный уровень делает скептическую позицию философски несостоятельной и, по сути, обеспечивает тот самый эффект, о котором В.А. Ладов и Е.В. Борисов говорят как о перформативном противоречии. Однако речь здесь идет уже, строго говоря, не о правилах языка, а о конвенциях, существующих в области деятельности под названием «философия». Я утверждаю, что скептическая позиция является самоподрывной именно с точки зрения того, чем мы занимаемся, когда философствуем, или, по крайней мере, с точки зрения того, как «нормально» это понимать. В этом состоит мое, более широкое, чем у М.А. Смирнова, понимание перформативного противоречия, которое я кладу в основу своей версии аргумента против скептицизма.

Широкое понимание перформативного противоречия и другая версия аргумента

Что есть философия? Вопрос крайне обширный, очевидно, и не решаемый в рамках короткой полемической статьи по совершенно иной теме. Однако кое-что об этом я считаю возможным сказать с достаточной уверенностью. Философская деятельность по своей природе нормативна. Она регулируется имплицитными конвенциями, одной из которых является разделение определенной коммуникативной интенции. Участвуя в философской дискуссии, человек обязуется принимать прагматическую установку, что его высказывания будут пониматься как утверждения, претендующие на истинность, и в качестве таковых эти высказывания можно защищать, подвергать сомнению, выводить из них следствия и подобные вещи, которые мы делаем

---

¹ Постольку, поскольку оно является носителем иллокутивного значения.

с такими утверждениями¹. А раз так, мы как его оппоненты имеем право принимать в расчет, в частности, эту установку.

Если, как утверждает М.А. Смирнов, мы не можем атрибутировать скептику интенцию сделать некоторое утверждение, то мы лишаем почвы не только аргумент от перформативного противоречия В.А. Ладова и Е.В. Борисова, но и саму дискуссию о скептицизме. Даже если не рассматривать высказывания скептика как бессмыслицу, мы будем вынуждены признать их чем-то внешним по отношению к той деятельности, которой мы как философы занимаемся. Это делает философскую полемику со скептиком пустой в прагматическом плане. Вместо того чтобы дискутировать с ним, было бы более уместно, может быть, рассказать ему анекдот или прочитать стихи – это зависит от того, какую иную коммуникативную интенцию, помимо интенции сделать утверждение, мы будем способны вычитать в его высказывании.

Следовательно, скептицизм относительно значения может существовать лишь как позиция для частного употребления. В момент же ее артикуляции в философском контексте скептик неизбежно совершает шаг, который действительно можно назвать перформативным противоречием, но в более широком смысле, чем об этом говорит М.А. Смирнов. Это противоречие на уровне перлокутивного значения: содержание высказывания скептика противоречит не самому акту высказывания, а воздействию этого высказывания на адресата в рамках определенного института осмысленной речи, именуемого философией. Проще говоря, скептик либо создает самоотрицающую философию, либо что-то другое, что философией считаться не должно.

Заметим, что такой парадоксальный характер философских высказываний в целом присущ позднему Витгенштейну. И это, конечно же, не делает его в меньшей степени философом – это лишь делает его философом, отстаивающим позицию, которую невозможно отстаивать прагматически последовательно. Здесь уместно процитировать В.А. Ладова, который замечает, что «поздний Витгенштейн, например, мог бы усомниться, что наука как свод объективных истин существует. Есть лишь иллюзия существования науки. Витгенштейн говорит так даже о математике» [4. С. 46]. Хотя это положение выбивает почву для аргумента от (широко понятого) перформативного противоречия против позиции Витгенштейна-скептика в контексте науки, в частности, математики, в контексте философии такой аргумент все еще сохраняет силу.

Соотнесение с позициями В.А. Ладова и Е.В. Борисова

Может ли предложенная выше интерпретация аргумента от перформативного противоречия вписаться в то понимание данного аргумента, которое имеется у В.А. Ладова и Е.В. Борисова? Полностью обоснованный ответ, конечно, могли бы дать они сами. Но я рискну предположить, опираясь на цитаты.

---

¹ Эту точку зрения в тех или иных формах высказывали многие философы прошлого и настоящего. Из относительно новых работ можно назвать «Философию философии» Т. Уильямсона [10]. Уильямсон считает, что философское высказывание – это всегда попытка выразить знание. Философ должен принимать на себя эпистемическую ответственность, в частности, он претендует на то, что его высказывания представляют собой нечто такое, что может быть истинным или ложным, обоснованным или необоснованным.

Суть позиции В.А. Ладова можно понять по следующему фрагменту: «Если истинность предложений языка должна трактоваться только как их утверждаемость в лингвистической практике, поскольку термины, составляющие данные предложения, не имеют стабильных значений, то точно так же должны трактоваться и предложения теории об истине как условиях утверждаемости. Неверно говорить, что истина состоит в условиях утверждаемости, скорее, имеют место лишь лингвистические привычки, которые порождают иллюзию об истине как утверждаемости... Как Фреге утверждал, что если наука существует, то необходимо допустить схватывание объективных универсальных содержаний, так и мы формулируем более объемлющее условное суждение: если теоретическое мышление вообще возможно, то мы должны допустить возможность познания значений как общих концептов» [3. С. 308].

Таким образом, хотя В.А. Ладов явно трактует скептическую позицию как некоторую теорию, основание его аргумента состоит не в этой трактовке, а в принятии самой посылки о возможности теоретического мышления. И конечно, принятие этой посылки является необходимым условием участия в философском дискурсе. В этом смысле аргументация В.А. Ладова находится в полном согласии с той широкой трактовкой перформативного противоречия, которой я придерживаюсь. Остальная его аргументация, относящаяся не к опровержению скептицизма, а к демонстрации возможности в рамках теоретического дискурса, с определенностью говорит, по крайней мере, о некоторых правилах (в частности о правиле сложения в контексте математики), представляет интерес, но нерелевантна в рамках данной статьи.

Е.В. Борисов выражает свою позицию так: «[Р]ечевой акт отличается от производства звуков или букв тем, что агент 1) наделяет свои слова значениями, 2) достоверно знает, какими значениями он наделяет свои слова. Таким образом, если речевые акты существуют, то существует и знание значений агентами речи. Здесь важно подчеркнуть, что это знание не является результатом интерпретации (собственного или чужого) речевого поведения, т.е. результатом интерпретации фактов. Этот тезис нейтрализует аргумент скептика Крипке: скептик исходит из посылки, что знание агентом значений его слов базируется на определенной интерпретации его речевого поведения, но эта посылка неверна» [5. С. 27–28]. Пояснение, данное в другой работе: «Этот тезис [об изначальном знании агентом значения] мотивирован холистичной трактовкой речевого акта, которая означает, в частности, что придание значений языковым выражениям и применение значений следует рассматривать не как разные акты, а как два аспекта одного акта» [6. С. 90]. И далее по тексту: «[В] свете предложенной мною трактовки речевого акта между значением и знанием о нем нет эпистемической дистанции: знание значения возникает вместе с его определением» [6. С. 91].

Иными словами, с точки зрения Е.В. Борисова, значения существуют уже постольку, поскольку существуют речевые акты, и более того: они известны в тот самый момент, когда речевые акты производятся. Это намного более сильный тезис, чем у В.А. Ладова, согласно которому «любая скептическая проблема, любой скептический тезис сам может быть построен только на некотором позитивном основании. Например, на допущении... однозначности построения натурального ряда, как в случае со скепсисом Крипке» [4. С. 46]. Е.В. Борисов стремится не просто лишить позицию скептика ее философско-

го основания, но и принудить скептика стать реалистом. В этом смысле его аргументация, конечно, не укладывается в схему аргумента от перформативного противоречия в сколь угодно широком его понимании. Однако кажется, что в этой трактовке нет ничего прямо противоречащего тем моим рассуждениям, которые приведены выше.

Заключение

Аналогично моему оппоненту М.А. Смирнову, я не буду здесь повторять тезисы, которые были обоснованы в предыдущих разделах, поскольку это уже сделано во введении. Вместо этого я хочу сделать несколько замечаний, более полно раскрывающих мою идею. Во-первых сама установка на «серьезное» восприятие и производство речи не мешает продуктивно использовать скептические аргументы в философии. Аргументация в пользу любой сколь угодно абсурдной точки зрения служит как минимум оттачиванию искусства философского спора, а как максимум позволяет по-новому критически взглянуть на основания собственных позиций. Во-вторых, я не отрицаю существования и правомерности в рамках философии высказываний, сделанных с иными установками — юмористических, художественных и др., — лишь утверждаю, что из одних таких высказываний философская речь (любой ее связный и законченный в смысловом отношении фрагмент) состоять не может. В-третьих, хотя я не уверена в том, что правильно интерпретирую установку, с которой написана статья М.А. Смирнова, в рамках философского дискурса мне кажется вполне правомерным воспринимать ее так, как если бы она действительно была примером исследования, претендующим на выражение каких-то истин. И более того, ее философская ценность обусловлена именно таким ее восприятием.

Список источников

1. Смирнов М.А. Анализ проблемы скептицизма в отношении значения в категориях языковой прагматики. // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 84. С. 23–33. doi: 10.17223/1998863X/84/3
2. Kripke S. Wittgenstein on Rules and Private Language. An Elementary Exposition. Cambridge (Mass.) : Harvard University Press, 1982.
3. Ладов В.А. Иллюзия значения: Проблема следования правилу в аналитической философии. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2008.
4. Ладов В.А. Значение: реализм vs скептицизм // Эпистемология и философия науки. 2024. Т. 61, № 2. С. 43–50. doi: 10.5840/eps202461221
5. Борисов Е.В. Прямое решение проблемы Крипке // Эпистемология и философия науки. 2024. Т. 61, № 2. С. 23–32. doi: 10.5840/eps202461219
6. Борисов Е.В. Ответ оппонентам // Эпистемология и философия науки. 2024. Т. 61, № 2. С. 89–94. doi: 10.5840/eps202461219
7. Austin J. How to Do Things with Words. Oxford : Clarendon Press, 1962.
8. Davidson D. On the Very Idea of a Conceptual Scheme. Proceedings and Addresses of the American Philosophical Association, 1973–1974. Vol. 47. P. 5–20.
9. Ginsborg H. The Normativity of Meaning // Proceedings of the Aristotelian Society (Supplementary Volume). 2012. Vol. 86. P. 127–146.
10. Williamson T. The Philosophy of Philosophy. Second Edition. Hoboken and Chichester : Wiley-Blackwell, 2022.

References

1. Smirnov, M.A. (2025) Analysis of the problem of skepticism regarding meaning in the categories of linguistic pragmatics. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya.*

Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 84. pp. 23–33. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/84/3

2. Kripke, S. (1982) *Wittgenstein on Rules and Private Language. An Elementary Exposition*. Cambridge (Mass.): Harvard University Press.

3. Ladov, V.A. (2008) *Illyuziya znacheniya: Problema sledovaniya pravilu v analiticheskoy filosofii* [The Illusion of Meaning: The Rule-Following Problem in Analytic Philosophy]. Tomsk: Tomsk State University.

4. Ladov, V.A. (2014) Meaning: Realism vs. Skepticism. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 61(2). pp. 43–50. (In Russian). doi: 10.5840/eps202461221

5. Borisov, E.V. (2024) A Straight Solution to Kripke's problem. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 61(2). pp. 23–32. (In Russian). doi: 10.5840/eps202461219

6. Borisov, E.V. (2024) Reply to Critics. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 61(2). pp. 89–94. (In Russian). doi: 10.5840/eps202461227

7. Austin, J. (1962) *How to Do Things with Words*. Oxford: Clarendon Press.

8. Davidson, D. (1973) On the Very Idea of a Conceptual Scheme. *Proceedings and Addresses of the American Philosophical Association, 1973 – 1974*. 47. pp. 5–20.

9. Ginsborg, H. (2012) The Normativity of Meaning. *Proceedings of the Aristotelian Society (Supplementary Volume)*. 86. pp. 127–146

10. Williamson, T. (2022) *The Philosophy of Philosophy*. 2nd ed. Hoboken and Chichester: Wiley-Blackwell.

Сведения об авторе:

Моисеева А.Ю. – кандидат философских наук, научный сотрудник Международной лаборатории логики, лингвистики и формальной философии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: aymoiseeva@hse.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Moiseeva A.Yu. – Cand. Sci. (Philosophy), research fellow, International Laboratory for Logic, Linguistics and Formal Philosophy, National Research Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: aymoiseeva@hse.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.10.2025;
одобрена после рецензирования 18.11.2025; принята к публикации 09.12.2025

The article was submitted 22.10.2025;
approved after reviewing 18.11.2025; accepted for publication 09.12.2025

Научная статья

УДК 81:111 + 81'27

doi: 10.17223/1998863X/88/6

НОВАЯ ЯЗЫКОВАЯ ОНТОЛОГИЯ: ОТ СТРУКТУРЫ К АМССАБЛЯЖУ

Евгений Артурович Найман

*Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия
Томский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук,
Томск, Россия, enyman17@rambler.ru*

Аннотация. Рассматривается проблема онтологии языка и предлагается радикальный пересмотр господствующей лингвистической модели «язык как структура». Подвергается критике структуралистская онтология, натурализирующая представление об автономных «языках» и подменяющая живое многообразие речевых практик абстрактными кодифицированными объектами. Преодолевается миф о «естественности» языка как фиксированной сущности – показано, что так называемые языки суть не изначально данные объекты, а процессы, укоренённые в конкретных ассамбляжах людей, артефактов и мест.

Ключевые слова: онтология языка, теория ассамбляжей, энактивизм, материальность языка, мультинатурализм, языковые практики, перформативность

Для цитирования: Найман Е.А. Новая языковая онтология: от структуры к амссабляжу // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 88. С. 51–66. doi: 10.17223/1998863X/88/6

Original article

A NEW LANGUAGE ONTOLOGY: FROM STRUCTURE TO ASSEMBLAGE

Evgeny Arturovich Naiman

*National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation
Tomsk Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Tomsk, Russian Federation, enyman17@rambler.ru*

Abstract. The article addresses the problem of the ontology of language and proposes a radical reexamination of the dominant linguistic model of “language as structure.” The author critiques the structuralist ontology that naturalizes the notion of autonomous “languages” and substitutes the living diversity of speech practices with abstract, codified objects. As an alternative, a conceptual framework is presented in which language is understood as a processual, materially grounded practice existing within heterogeneous sociomaterial assemblages. The need is emphasized to abandon the monolithic “monoglossic” view and shift to a plural ontology of language that recognizes a pluriverse of coexisting linguistic realities. Methodologically, the research draws on a combination of contemporary ontological and linguistic approaches. It employs assemblage theory, which posits the heterogeneity and dynamism of social objects, as well as an enactivist approach in cognitive science, which emphasizes the embodied, ecological nature of cognition. Attention is paid to the material dimension of linguistic phenomena, and the principle of multinaturalism is applied, affirming the multiplicity of ontological perspectives. Furthermore, the author integrates the theory of performativity, C. Peirce's concept of the materiality of the sign, and an assemblage-enactivist model of communication. This

interdisciplinary synthesis provides a methodological foundation for a new perspective on language and communication. Applying this approach demonstrates that language emerges as a complex, heterogeneous ontological “assemblage.” It is not an autonomous system, but a dynamic network of interactions among bodily, material, and semiotic elements, in which meaning emerges through indexical, embodied, and medial operations. In this way, the myth of language’s “naturalness” as a fixed essence is overcome – showing that so-called “languages” are not given from the outset as static objects, but rather are processes rooted in concrete assemblages of people, artifacts, and places.

Keywords: ontology of language, assemblage theory, enactivism, materiality of language, multinaturalism, linguistic practices, performativity

For citation: Naiman, E.A. (2025) A new language ontology: from structure to assemblage. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 88. pp. 51–67. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/88/6

В последние десятилетия в гуманитарном знании, включая лингвистику, назрел радикальный сдвиг, именуемый «онтологический поворот» (наиболее отчётливо выраженный в современной антропологии) и во многом сформированный под влиянием постструктуралистских и постгуманистических идей. На этом фоне традиционные структуралистские модели языка ещё более отчётливо демонстрируют свою ограниченность: они оказываются неспособны адекватно описывать динамику многоязычных сообществ, процесс гибридизации кодов в цифровых медиа, а также те новые перспективы, открываемые лингвистической антропологией с её вниманием к материальности, телесности и ситуативности языковых практик. Несмотря на свои исторические заслуги, структуралистская парадигма и её генеративистские последователи фактически натурализовали идею автономных «языков», подменив живую речевую деятельность конструкциями второго порядка – кодами, стандартами, «национальными языками». В результате доминирующее онтологическое допущение утвердило моногlossную картину мира, в рамках которой процессуальные языковые практики систематически подменяются кодифицированными объектами. Тем самым воспроизводится скрытая иерархия знания и маргинализируется множество альтернативных голосов и мировоззрений, исключаемых из области научного рассмотрения.

Осознавая ограниченность указанного подхода, настоящая статья предпринимает онтологический пересмотр модели «язык как структура» и предполагает альтернативную концептуальную рамку, в которой язык мыслится как процессуально-событийное образование, материально укоренённое и распределённое между телами, артефактами и средовыми клонфигурациями. В этой перспективе обосновывается отказ от реифицированной категории «язык» в пользу плюриверсума сосуществующих языковых онтологий. Основной тезис состоит в том, что язык следует рассматривать не как автономную сущность, а как динамический онтологический ассамбляж, где значение конституируется посредством индексальных, телесных и медиальных операций. Соответственно, языковые практики выступают фундаментальными мирозидующими актами, активно порождающими множественные реальности, а не просто отражающими заранее данный мир.

Предлагаемая реконцептуализация представляет новую теоретическую перспективу, основанную на междисциплинарном синтезе: теории перформативности (в русле идей Дж.Л. Остина и Дж. Батлер), пирсовской семиотики

материальности знака и ассамбляжно-энактивистских моделей коммуникации. На этой основе формируется интегративный подход, объединяющий онтологию и лингвистику. Авторский вклад состоит в разработке оригинального понятийного аппарата для анализа языка как практики, а также критическом пересмотре устоявшихся эпистемологических допущений. Тем самым работа не только деконструирует миф о «естественности» языка, но и закладывает методологические основания для изучения языковых практик первого порядка. В результате снимаются ограничения классической структуралистской схемы и заново очерчиваются горизонты ответственности лингвистики в контексте актуальных вызовов современного гуманитарного знания.

Отправной пункт настоящего рассуждения – критическое признание того, что укоренившаяся в научном и обыденном сознании модель языка как унифицированного и стабильного феномена исчерпала свой эвристический потенциал. Её длительная гегемония, сводя неисчислимое многообразие разнородных коммуникативных явлений к единой зонтичной номинации, не только чрезмерно упрощает, но и искажает действительность, загоняя исследование в эпистемологический тупик. В ответ на это в лингвистике последних двух десятилетий формируется программа деконструкции указанного монолитного представления о языке. Перевод обсуждения в онтологический регистр позволяет рассматривать «язык» не как единую сингулярную сущность (а в многоязычных контекстах – не как её простое умножение), а как метатермин, скрывающий широкий спектр онтологически разнородных феноменов – артефактов, практик, режимов деятельности и форм социального бытия, нередко несводимых друг к другу и подчас взаимно несовместимых. В этой перспективе языковые практики предстают не только средствами коммуникации, но и фундаментальными актами мироположения, конституирующими и непрерывно воспроизводящими разнообразные языковые онтологии.

При всем том доминирующей онтологией в лингвистике последнего столетия остаётся представление о языке как структуре (объекте, системе). Данная онтологическая позиция, постулирующая язык как структурную, отделённую от мира сущность с собственными внутренними законами, легла в основу всей современной дисциплины. Язык как структура является не просто эпистемологическим инструментом, а онтологическим утверждением о его собственной природе и статусе среди прочих объектов. Однако важно развести уровни: структурализм был конкретной исследовательской эпистемологией, тогда как онтология «язык-как-структура» благополучно пережила и структуралистские, и генеративистские методологии. Именно это онтологическое допущение сделало возможной объективацию языка, его формализуемое и систематическое описание, обеспечив значительные достижения в каталогизации и графической обработке мировых языков. Однако одновременно оно закрепило образ «языков» как автономных, замкнутых, исчислимых и внутренне единообразных сущностей, исключив из рассмотрения их процессуальность, событийность и встроенность в материально-социальные практики.

Фактически сегодня сосуществуют две крупные языковые онтологии: «язык как структура» и «язык как практика» (А. Пенникук, И. Оцуджи). Причём практико-ориентированная перспектива радикально переворачивает при-

вычную лингвистическую логику: в классической модели языковые системы предшествуют употреблению, тогда как в онтология практики первичны именно коммуникативные действия и режимы взаимодействия, а «языки-структуры» оказываются лишь рефлексивными конструктами второго порядка. Тем самым лингвистика сближается с ключевыми социологическими и антропологическими традициями, где давно показано, что именно практики (будь то «структурация» Э. Гидденса или воспроизводство габитуса и полей П. Бурдьё) порождают структуры, а не наоборот.

Отсюда – переход к плюралистическому «онтологизму» языка, снимающему априорное допущение, будто, произнося слово «язык», мы неизбежно указываем на один и тот же объект. Вместе с тем здесь скрывается ещё одна методологическая опасность: сведённый к простой инвентаризации множеств, онтологический подход невольно реанимирует модернистскую схему, лишь подменяя «мир культур» «миром онтологий». В таком случае языковое и культурное разнообразие оказывается лишь набором «очков», сквозь которые различные сообщества рассматривают одну и ту же внеисторическую объективную реальность. Тем самым незаметно возвращается классический дуализм природы и культуры, в котором единая Природа постулируется как онтологическое основание, а различия сводятся лишь к совокупности субъективных интерпретаций.

На первый взгляд, подобная модель кажется прогрессивной, поскольку декларирует уважение к культурному многообразию. Однако при ближайшем рассмотрении она незримо воспроизводит иерархию: если признается единственная «подлинная» реальность, то одна из интерпретаций неизбежно возводится в ранг правильной, тогда как прочие попадают в разряд верований, перспектив или мировоззрений. Тем самым возрождается то, что С. Кастро-Гомес обозначил как «гордыня нулевой точки»: локально укоренённый режим знания выдаёт себя за внеисторическую норму, тогда как альтернативные онтологии автоматически квалифицируются как неполные, иррациональные или ошибочные. Предполагаемая альтернатива требует более радикального шага: культурные формы следует понимать не как конкурирующие толкования одного и того же мира, а как рациональные реакции на различные миры, т.е. на разнокачественные онтологические условия их возникновения и поддержки.

Радикальный импульс к переосмыслению этой проблематики пришёл из антропологии. Исследования Э. Вивейруша де Кастру и их дальнейшее развитие у М. Педерсена и М. Хольбраада предложили переход от мультикультурализма к «мультинатурализму»: вместо множества перспектив на единую Природу – признание множественных сосуществующих реальностей. Если универсальная Природа – лишь локальная западная презумпция, то тезис об одном стабильном онтологическом основании перестаёт быть обязательным. В этой перспективе различия между, скажем, амазонским шаманом и европейским биологом коренятся не в культурных представлениях об одном и том же объекте, а в соотнесённости с онтологически разными «ягуарами», принадлежащими различным мирам, сотканным из несоизмеримых систем отношений.

Переход к такой позиции начинается с готовности принимать альтернативные способы познания и бытия на их собственных основаниях. Вместо

привычного герменевтического вопроса о том, что «символизирует» некая вещь для той или иной группы людей, предполагается онтологический вопрос: чем эта вещь является в действительности, допуская принципиально иную природу объекта, предполагаемую нами. Речь идёт не о тривиальном релятивизме «у них свой взгляд на мир», а о наделении «иного» полноправным онтологическим статусом, признании его реальной альтернативой нашим мирам. Необходимо разграничить онтологии и культуры. Само выражение «культурное различие» уже предполагает презумпцию единственной Реальности, поверх которой якобы накладывается множество интерпретаций. Онтологический подход, напротив, исходит из множественности самих реальностей, производимых и поддерживаемых различными практиками, материальными режимами и формами совместного действия.

В этом контексте целесообразно вернуться к гипотезе лингвистической относительности. Её сильная, наиболее популярная версия наделяет «язык как систему» статусом автономного носителя уникального мирозрения, формирующую мыслительную ткань своих носителей. Уязвимость подобного тезиса – в методологическом скачке: от эмпирически правдоподобных влияний отдельных языковых параметров (род, вид, цветолексика, категориальные оппозиции) на когнитивные процессы к тотальному отождествлению языка как целостной структуры с культурой как целым. Возникает метафора «контейнер»: язык как герметичный сосуд, в котором «упакованы» знания и культурные ценности всего народа. Подобная эссенциализация неизбежно ведёт к экзотизации культур: их сложность упрощается до набора грамматик и словарей.

Более того, как показывают исследования, посвященные языковым идеологиям, в практиках сохранения языков такой подход оборачивается парадоксальными результатами: под лозунгом защиты «языковых прав» фактически маргинализуют право сообществ и отдельных носителей адаптироваться к меняющимся социально-экономическим условиям. При этом языковые интересы ставятся выше интересов жизненного уклада. Примечательно, что именно вульгаризация и упрощение идей Б.Л. Уорфа до формулы «язык влияет на мышление» обескровила радикальный потенциал его проекта. При всех эмпирических уязвимостях Уорф нащупывал более глубокую траекторию – онто-эпистемологическую дестабилизацию западной модели реальности, допускающую множественность внутренне согласованных космологий вплоть до альтернативных базовых онтологий пространства и времени.

Онтологический ракурс отказывается от презумпции единственной реальности, которую Джон Лоу метко именует «мир одного мира» (*one-world world*). Взамен единственного горизонта предполагается плюриверс сосуществующих и конкурирующих режимов реального. Принятие множественности не как гипотезы, а как факта неизбежно наводит на первоочередной вопрос: каким образом конституируются эти миры? В предлагаемой перспективе реальности перестают мыслиться внешними, статичными и автономными данностями; они понимаются как порождаемые и стабилизируемые практики. Конкретные перформансы, ритуалы и нарративы создают, фиксируют и поддерживают уникальные онтологии. М. Блейзер называет этот процесс «миросозиданием» (*worlding*) [1. С. 553]. Отсюда – ключевое следствие: практики обретают онтологический статус, выступая не средства-

ми интерпретации единственного «реального» мира, а механизмами его множественного производства.

Следовательно, ни одна практика не поддаётся адекватному описанию без учёта и оценки её мирозозидающих эффектов. Практики не образуют изолированных «пузырей» отдельных онтологий; они представляют собой взаимопроницаемые и разномасштабные нарративно-перформативные процессы, в которых действия и события вплетаются в повествовательные структуры (становятся «сюжетными»), а эти структуры, в свою очередь, обретают действенную силу и формируют реальность (становятся «перформативными») [1. Р. 552]. Предпосылки такого понимания укоренены в социологии знания. В классической работе П. Бергера и Т. Лукмана «Социальное конструирование реальности» (1966) показано, что общество производится в ходе человеческого взаимодействия путём хабиутализации повторяющихся действий с последующей институализацией, превращающей их в нормативные порядки. Для новых поколений такие институты воспринимаются как внешняя, объективная и принудительная данность, хотя по происхождению они являются результатом коллективной деятельности. Решающую роль в этих процессах играет язык, обеспечивая объективацию и межпоколенческую передачу социального опыта, формирует систему общезначимых категорий и классификаций, структурирующих восприятие и интерпретацию мира. Согласно этой логике, всякий тип знания, вплоть до обыденного знания повседневности, возникает из социальных взаимодействий и поддерживается ими. Следовательно, язык не столько «отражает» реальность, сколько конституирует её, придавая ей устойчивость и кажущуюся естественность.

Таким образом, социология знания убедительно показывает: всякая «языковая онтология» по своей природе есть социальный конструкт. Однако признание этого обстоятельства никоим образом не обессиливает такие онтологии. Языки эмпирически и социально значимы для учащихся, преподавателей, политиков и исследователей; их статус соизмерим с такими категориями, как раса и гендер. Как подчёркивает С. Хаслангер, речь идёт не о биологических сущностях, а о человеческих артефактах; социальные факты реальны именно как социальные факты. Утверждая существование, скажем, французского языка, мы фиксируем не платоновский идеал и не нейробиологическую структуру, а устойчивую социальную реальность. Критическая социальная теория справедливо напоминает, что наиболее мощные силы современного мира – продукты конструирования. Следовательно, признание языков социальными, культурными и политическими конструктами, а не «природными данностями» не является жестом научного нигилизма. Напротив, оно задаёт исходные условия для более глубокого и методологически прозрачного анализа.

Действительно, языки не существуют как предзаданные платоновские сущности; они «изобретаются» в ходе сложных исторических процессов национального строительства, стандартизации и кодификации, институционализации образования и развития письменности. Однажды сконструированные, они приобретают огромную социальную силу: закрепляются в правовых нормах, образовательных стандартах, словарях и экзаменационных тестах и, что ещё важнее, в массовом сознании. Вера в «правильный» английский или «чистый» русский имеет вполне реальные последствия, воспроизводя соци-

альное неравенство и стигматизацию. Отсюда вытекает двойная исследовательская задача. С одной стороны, необходимо критически демистифицировать миф о «естественности» и «объективности» языков, выявляя их идеологические и политические предпосылки; с другой – анализировать механизмы функционирования этих конструктов в обществе и их влияние на жизненные траектории людей.

В современной лингвистике закрепилось понимание, что любая теория языка не только описывает свой предмет, но и сама неизбежно воспроизводит лежащие в её основании онтологические допущения о природе этого предмета. Наиболее влиятельной, глубоко натурализованной формой такой онтологизации остаётся конструирование языка в качестве автономного объекта. В рамках данной установки язык мыслится абстрактной, самодостаточной системой, допускающей множественные репрезентации в виде дискретных «языков», каждый из которых специфицируется конечным инвентарём элементов и правил (фонем, морфем, синтаксических правил), обеспечивающих носителям потенциально бесконечную продуктивность. С классической ясностью эту позицию выразил Ф. де Соссюр: язык был онтологически закреплён как абстракция, извлечённая из живого потока речи и, благодаря этому, подлежащая систематическому описанию. Тем самым, живая языковая практика была принесена в жертву научной объективности и системности – мощному акту методологического «насилия», без которого, впрочем, становление лингвистики как науки вряд ли была бы возможным.

Расхожая версия дисциплины, согласно которой структурализм был якобы преодолён когнитивно-генеративной революцией Н. Хомского, вводит в заблуждение, смешивая эпистемологию (набор аналитических процедур) с онтологией (базовое понимание того, что такое язык). Хомский действительно отверг ключевые установки дескриптивного структурализма (антиментализм, корпусоцентричность, набор «дистрибутивных» приёмов), но соссюровский онтологический фундамент не демонтировал, а, напротив, радикализовал и натурализовал. Перенеся центр тяжести из социального измерения в сферу индивидуальной психики, он предложил модель I-language – внутреннего, биологически детерминированного «языка», понимаемого как врождённый вычислительный механизм идеализированного индивида. Когнитивная революция с её метафорой мозга-компьютера лишь укрепила эту модель: язык трактуется как «программное обеспечение», работающее на «аппаратной платформе» мозга. Нормативным идеалом выступает универсальная грамматика – гипотетический врождённый набор принципов и параметров, положенных в основание всех человеческих языков. Тем самым трансформационно-генеративная школа оспорила лишь методологию классического структурализма, но не его онтологему: постулат «язык-как-система» был доведен до предела, получив статус врождённого, биологически универсального модуля.

Таким образом, лингвистика не просто описала, но и изобрела свой объект (тот самый «системный миф») и, совершив это, незаметно оказалась заложницей собственного изобретения. Возник порочный круг: модель языка как системы ретроспективно проецируется на практики речевого сообщества так, будто именно ею и оперируют участники коммуникации. Для прояснения ситуации полезно различать язык первого и второго порядка. Язык пер-

вого порядка – процессуальная, телесно и материально укоренённая реальность, непрерывно поддерживаемая и модифицируемая в потоке речевой деятельности; он коррелирует с понятиями *linguaging* и «языковые практики» и подчёркивает эмерджентный характер языкового становления. Язык второго порядка – идеализированная абстракция, искусственно извлечённая из этого потока и превращённая в объект описания. Методологическая трудность заключается в онтологической подмене: конструкт второго порядка принимается за первичный социальный феномен повседневной коммуникации, вследствие чего исследователь описывает не живую речь, а логически выстроенный производный объект и тем самым обнажает объяснительную ограниченность классической схемы.

Не выдерживает проверки и убеждение, будто онтология «язык-как-структура», герметизируя язык, обеспечивает исследователю благородную научную нейтральность и дистанцию от идеологических проблем. Напротив, такая онтология выступает мощным генератором языковых идеологий, которые, облачившись в мантию научности, формируют общественные представления и питают политические практики. Как убедительно показывает Д. Грэмлинг, сама процедура выделения дискретных «языков» в европейском контексте начинается уже в эпоху раннего Нового времени [2]. Начиная с конца XV в. языки целенаправленно «создаются» и формализуются посредством целого комплекса технологий: составления словарей, написания грамматик, разработки учебных материалов, кампаний по ликвидации неграмотности и инструментов государственной языковой политики. Важно подчеркнуть, что словари, грамматики и стандарты орфографии не были пассивными зеркалами наличной практики; это перформативные акты, активно конституирующие и онтологизирующие «язык» как исчислимый, стабильный и отчуждаемый объект.

Онтологизация языка в виде автономного объекта оказалась исключительно удобной для крупномасштабной политической инженерии. В колониальную эпоху стандартизированные языковые системы стали незаменимым инструментом имперского администрирования, позволяя упрощать управление обширными территориями и многомиллионным населением. С формированием национальных государств идентификация и кодификация «национальных языков» превратились в центральный механизм производства коллективной идентичности. Этот процесс и ныне поддерживается сетью институциональных практик: дискурсами «этнической сплочённости» под знаменем официального языка; легитимацией одних речевых практик ценой систематической маргинализации других; нормативной регламентацией школьного, судебного и медиадискурса; формированием канона «национальной» словесности. Теоретическим выражением этих практик выступает идеология одноязычия – представление о языке как самотождественной системе со стабильной грамматикой, якобы одинаково разделяемой всеми членами сообщества и потому ориентированной на длительную гомогенизацию речевого поведения.

Теория перформативности Дж. Батлер радикально и продуктивно переосмысляет языковую онтологию как социальную силу. Подобно тому как гендер у Батлер не предзаданная сущность, а эффект непрерывной, ритуализированной «цитации» норм, так и языковая «система» – не обнаруживаемый

«в природе» объект, а результат повторяющихся актов кодификации. Словари, грамматики, орфографические кодексы в таком понимании не описывают заранее данное; каждая словарная статья и каждое правило – это перформативное воспроизведение нормы, многократно ретранслируемое в школе, бюрократии, праве и академической экспертизе. Именно повтор придаёт этой сконструированной реальности вид естественности и самоочевидности: стабильный, кодифицированный «язык» не предшествует актам кодификации, а порождается ими. Тем самым перформативный подход снабжает концепт «миросозидание» Блейзера точным аналитическим инструментарием: посредством цитатного воспроизводства практик язык стабилизируется как объект, укореняется как социальная технология общения либо принимает иную онтологическую модальность в зависимости от режимов институциональной поддержки и колебаний нормативных матриц.

Ф. де Соссюр задал эссенциалистскую онтологию языка. Укоренённая в североатлантической эпистеме и выстроенная на материале родного французского, его модель была снабжена универсалистским притязанием и потому стала шаблоном описания для иных европейских языков, по мере распространения одновременно нормализуя и эссенциализируя собственно европейское понимание языкового феномена. Её теоретическое ядро – концепция билатерального знака (означающее/означаемое) и принцип произвольной связи формы и значения, которые закрепили приоритет символических функций элементов системы и оттеснили на периферию материальные параметры языковых форм и их эффекты в телесных и институциональных средах. Благодаря этой интеллектуальной преемственности соссюрровский проект надолго канонизировал «дематериализацию» языка в качестве центральной установки структуралистской лингвистики и ее наследников: язык мыслится нематериальным, абстрактным носителем информации. Эта перспектива привела к искусственному отделению языка от контекста и воспроизвела более широкую оппозицию западной мысли – материальное/нематериальное, реальное/идеальное. Стремясь утвердиться в качестве респектабельной и «строгой» дисциплины, лингвистика последовательно исключила из своего анализа людей, историю, общество, культуру и политику, квалифицируя их как внешние по отношению к языку факторы.

В последние годы стремительное развитие получило направление, возвращающее материальное измерение в фокус лингвистического анализа. Материалистический подход настаивает на принципиальной нераздельности языка и материальности. Шанкар и Кавано предлагают сместить угол зрения с оппозиции «язык/материальность» на материальную природу самой языковой практики [3]. Исследовательский подход, известный как *language materiality*, переориентирует внимание с абстрактной «системы» на материально-семиотические сборки: тембр и голос, артикуляцию и дыхание, графическую трассу и носители фиксации, медиальные инфраструктуры, телесную координацию участников и режимы распределения внимания. В этом контексте письменность столь же вещественна, как и звучащая речь: слова, алфавиты, орфографические стандарты и тексты действуют не только в символическом, но и в визуальном, эмблематическом, иконическом регистрах, а следовательно, подлежат анализу как элементы материальных практик, конституирующих и поддерживающих языковую реальность.

Язык следует мыслить как воплощённый и неразрывно сопряжённый с телесностью феномен. Тем самым оспаривается логоцентрическая установка, систематически объявлявшая тело вторичным по отношению к языку: разум и коммуникация рассматриваются как функции целостного организма, распределённые между перцептивно-моторными, аффективными и когнитивными контурами. Показателен в этом отношении опыт глухих сообществ: в их онтологии телесность не «сопровождает» язык, а образует его носителя и условие возможности. Современная лингвистика жестовых языков убедительно демонстрирует, что редукция к моделям классической структурной лингвистики систематически занижает роль кинетических, пространственных и визуальных параметров.

В более широкой перспективе язык предстаёт встроенным в материальный мир и его артефактные инфраструктуры: лингвистически маркированные объекты и события – от граффити, татуировок и банкнот до вывесок и билбордов – локализованы в конкретных хронотопах и формируют «семиотические экосистемы» или практические узлы, где пересекаются траектории людей, мест, дискурсов и вещей (геосемиотический ракурс). Общий вывод здесь однозначен: языковой опыт реализуется исключительно через материально оформленные знаки. Тем самым пересматривается программа дематериализации языка и предлагается иная онтологическая расстановка акцентов: язык описывается не только как символическая система различий, но и как совокупность практик, укоренённых в телесных, медиальных и институциональных условиях производства, циркуляции и распознавания смысла. Сформировавшийся таким образом исследовательский подход получает наиболее последовательное развитие в лингвистической антропологии, находит широкую поддержку в социолингвистике и семиотике, а также интенсивно применяется в исследованиях образования и грамотности, где материальность устной и письменной речи становится самостоятельным предметом строгого анализа.

Ортега убедительно показывает, что неэссенциалистские онтологии выдвигают значение в центр анализа и трактуют связь формы со значением как мотивированную [4. Р. 70]. Отсюда следует принципиальный вывод: язык мыслится не вместилищем заранее данных смыслов, а практикой их конституирования. Говорящие мобилизуют доступные им репертуары – коды, регистры, жанры, медиальные ресурсы – сообразно целям и интересам, а выбор кода определяется его пригодностью для решения конкретной коммуникативной задачи. В этой перспективе решающую роль играет индексальность: именно индексальные эффекты фиксирует то, что ускользает от чистой денотации, а именно позиционирование участников, адресацию, режимы власти и ответственности. Ключевым становится вопрос не только о том, к чему высказывание отсылает, но и что оно делает в ситуации взаимодействия [5. Р. 575].

Через мотивированную сопряжённость формы и значения актуализируются языковые идеологии и идентичности; на первый план выходят способы, которыми высказывания индексируют статусы, границы и властные отношения. Этим объясняется размах исследований языковых идеологий, оказавших определяющее влияние на изучение многоязычия и предложивших продуктивные модели теоретизации социального неравенства, проявляющихся в

языковой политике и институциональных практиках, а также в расовых, классовых и гендерных стратегиях позиционирования. Указанный сдвиг обобщается формулой «язык как практика» [6]: язык понимается как совокупность социоматериальных действий, посредством которых значения производятся, циркулируют и закрепляются в социальных порядках.

В противовес сосюрровскому сведению языка к абстрактной символической системе пирсовская семиотика не изолирует язык в особую сферу. Наряду с символом в развертывании опыта в знаковые формы на равных участвуют икона и индекс, что вновь соединяет «чувство, ощущение, опыт и концептуализацию знаков» [7. Р. 32]. При этом принципиально важно учитывать ещё одно звено пирсовского анализа – происхождение знаков, описываемое модусами *firstness*, *secondness* и *thirdness*. Речь не о последовательных этапах, а о сопричастующих модальностях семиозиса: *firstness* фиксирует качественность и возможность, *secondness* – столкновение, сопротивление и факт действия, *thirdness* – правило и привычку. В совокупности они показывают, каким образом материальные и чувственные качества, телесные взаимодействия и нормативные опосредования совместно производят знаковость, тем самым надёжно укореняя язык в практиках и средах его осуществления.

Пирсовская триада категорий задаёт строгую внутреннюю архитектуру семиозиса. Без *firstness* исчезает чувственная основа знака; без *secondness* утрачивается его вещественный субстрат; без *thirdness* невозможны устойчивые значения и контексты. Отсюда следует важнейший тезис: знаковость немыслима без материальности. Всякий знак всегда укоренён в конкретном носителе – чернилах и бумаге, голосе и тембре, цвете и фактуре, жесте и артикуляции – и именно через эту укоренённость приобретает силу означивания. Следовательно, язык нельзя отделять от материального и чувственного измерений. Слово – не только символическая единица, но и звуковая длительность, ритм и графема, моторика и дыхание, т.е. действие, выполняемое телом в медиальной среде. В материальных качествах языка концентрируется его энергетика и социальная действенность, особенно наглядная в поэзии, ритуале и песне. Тем самым пирсовская схема демонтирует иллюзию «дематериализованного» языка и возвращает исследование к исходному принципу: языковая форма всегда телесна, ситуативна и неизбежно подлежит социальной интерпретации.

В этом свете материалистический подход рассматривает язык не просто как мультимодальный феномен, но как компонент динамичных социоматериальных ансамблей. Языковую деятельность невозможно адекватно мыслить вне «нечеловеческих» соучастников – животных, артефактов, технологий, инфраструктур и физических сред. То, что можно обозначить как «лингвизация» практик, есть координация спектра телесных и внетелесных ресурсов, собираемых в уникальные события взаимодействия; материальность языка выступает частным случаем материальности всего ансамбля. Такие ансамбли – сплетения людей, вещей и сред – функционируют как катализаторы коммуникации, в которых значения не только циркулируют, но и производятся, стабилизируются и получают онтологическую опору.

В последние десятилетия объективистский взгляд на язык как на структуру ощутимо вытесняет онтологическая перспектива языка как ассамбляжа (*assemblage*). В её фокусе – медиально и технологически опосредованные

формы языковой деятельности: языки и письменности предстают не самодовлеющими системами, а потоками семиозиса и узлами инфраструктур. Этот подход, сложившийся в русле современной социальной теории и артикулированный постгуманистским «новым материализмом», наследует интуициям Ж. Делёза и Ф. Гваттари и развёртывается в работах Дж. Беннетта и М. Деланды. В таком регистре язык мыслится как динамичная, гетерогенная и продуктивная сила, чья онтологическая единица – не «код», а собрание разнородных акторов, медиумов и практик.

Ассамбляжная перспектива отвечает на давнюю методологическую апорию: ни один участник коммуникации не сталкивается с «языком целиком». Эмпирически даны лишь конструкции – элементы и их комбинации, но не тотальность системы. Утверждение о существовании языка как завершённого целого есть абстракция, выходящая за пределы человеческого опыта: никто не «знает» всего языка, потому что никому не требуются все его потенциальные ресурсы. Классическая лингвистика обходила это, смещая внимание на идиолект как «внутренний язык» индивида (фактический набор грамматических, лексических и фонологических средств, локализованный в голове носителя); тем самым внешняя языковая действительность редуцировалась к производной абстракции, а личность онтологически становилась первичным носителем языкового порядка. Такой ход воспроизводит методологический индивидуализм, укоренённый в либеральной презумпции автономной агентности, и вступает в конфликты с социально ориентированными моделями языка.

Предлагаемая альтернатива снимает дихотомию «индивидуальное/социальное». Агентность мыслится как распределённая по онтологически пёстро-му полю и возникающая из взаимодействий людей, артефактов и инфраструктур; «владение языком» заменяется идеей совместно достигаемой, социоматериально распределённой деятельности. Соответственно, аналитический акцент переносится с внутренних когнитивных компетенций на конфигурации доступных affordances – сетей, инструментов, носителей, образовательных и правовых режимов. Так, многоязычные репертуары указывают прежде всего на расширенный доступ к внешним ресурсам и режимам циркуляции знаков, а не на исключительно «внутренние» способности индивида. Именно в этом смысле язык как ассамбляж проявляет свою объяснительную силу: он делает видимыми реальные механизмы производства, стабилизации и перераспределения языковых практик.

Ассамбляж уместно понимать, как множественность гетерогенных элементов, на определённое время сведённых в операционально целостную конфигурацию. Его отличительный признак – продуктивность (генеративность): такие сборки не просто репрезентируют действительность, но и порождают новые режимы поведения. Применение такой перспективы к языку означает отказ от идеи предзаданной «системы» и признание непрерывного процесса собирания, в ходе которого вербальные, телесные, материальные и технологические компоненты координируются в подвижные композиции ради решения конкретных социальных задач. Тем самым аналитический фокус смещается с уровня абстрактной структуры на уровень социоматериальных комплексов, где производство и циркуляция значения зависят от состава, сборки и способов её пространственно-временной организации.

Ключевое достоинство ассамбляжного подхода – его онтологическая гибкость, снимающая необходимость жёстких демаркаций. Во-первых, размываются границы между «языками»: в реальном общении люди не переключаются между герметичными кодами, а мобилизуют целостные репертуары, порождая гибридные, трансязыковые практики, что признаётся нормой языкового существования. Во-вторых, переопределяются границы собственно «лингвистического»: язык перестаёт сводиться к лексике и грамматике и мыслится как ансамбль жестов, интонаций, мимики (воплощённость), а также материальных сред, артефактов, пространственных архитектур и цифровых интерфейсов (распределённость). В этой перспективе язык предстаёт динамичным, открытым, имманентным миру феноменом: он не предшествует социальному действию и не существует вне его, а возникает внутри него и посредством него. Следовательно, задача исследования – не поиск предзаданных систем, а анализ практик, в которых и посредством которых «язык» собирается, стабилизируется и проявляет свою действенность.

Акцент на социоматериальных связях и сопряжённости человеческого и нечеловеческого, задаваемый ассамбляжной перспективой, принципиально созвучен мировоззрениям коренных народов. Сквозной мотив автохтонных традиций – неразрывная связь языка с землёй и шире – с нечеловеческим миром, – получает здесь строгую аналитическую артикуляцию: материалистический фокус ассамбляжа позволяет выявить конкретные способы связи языка с ландшафтом, водными режимами и экосистемами. Во многих коренных сообществах язык неразрывно связан с тем, что в австралийской традиции именуется Страной (Country) – не территорией и не местом, а целостной живой системой, включающей горы, леса, водные объекты (моря, реки, источники), животных, а также ветер, духов и самих людей. В рамках такой онтологии язык прежде всего принадлежит Стране: он исходит из неё, озвучивая её голосом. И именно это радикальное расхождение с западной моделью языка как автономной структуры объясняет слабую эффективность значительной части проектов по возрождению языков, опирающихся на эту модель. Игнорирование онтологической укоренённости языков в связях со Страной приводит к тому, что ревитализация сводится к кодификации и обучению формальным нормам, тогда как для самих носителей первостепенным является восстановление живых связей в ассамбляже «люди – места – существа – истории», из которого и возникает язык.

Теория ассамбляжа обнаруживает глубокое родство с энактивистским подходом в когнитивной науке, разработанным Ф. Варелой, Э. Томпсоном и Э. Рош. Энактивизм предлагает радикальную альтернативу репрезентационизму и вычислительным метафорам разума. Познание мыслится как «воплощающее порождение» мира значений через динамическое телесное взаимодействие организма со средой. При этом организм и среда не образуют две независимые субстанции: они находятся в состоянии структурной взаимосвязи и коэволюции, взаимно конституируя друг друга. Из этой перспективы получает когнитивно-биологическое обоснование и концепция языкотворчества: язык не хранится как замкнутая система «внутри головы», а возникает как процесс совместного действия – фундаментальный механизм, посредством которого живые системы, взаимодействуя друг с другом и с окружением, совместно воплощают общий мир значений.

Языкотворчество (languageing) сегодня закрепились как зонтичное понятие, объединяющее широкий спектр теорий, стремящихся охватить реальную сложность языкового поведения, выходящую за пределы изолированных «кодов». В противовес представлению о языке как замкнутой системе выдвигается концепция динамических, идиосинкразических репертуаров, которые носители ситуативно мобилизуют в ходе взаимодействия. Эта онтология настаивает на материально укоренённом характере языка и принципиально отказывается локализовать его исключительно в сфере разума. Продолжая линию интегративной лингвистики, подход трактует понимание как производное прожитого опыта: «...языкотворчество приписывает понимание прожитому культурному опыту. Оно связывает верования, ритуалы, технологии, институты, практики и многое другое» [8. Р. 3]. В этой перспективе ежедневная речевая деятельность предстаёт как непрерывное созидание: участники сознательно или неявно пересекают воображаемые границы «языков», признавая эфемерность и проницаемость кодов. Тем самым в единое поле собираются родственные концепции – транслингвизм, полилингвизм, метролингвизм, гетероглоссия, гибридность, – которые при всех различиях сходно онтологизируют язык как процесс распределённого смыслопорождения. Смещение оптики с абстрактных систем на практики позволяет по-новому увидеть многоязычие: в реальном общении люди не «переключаются» между герметичными кодами, а действуют целостным репертуаром, формируя гибридные, трансязыковые конфигурации. Этот поворот сближает лингвистику с антропологией, исследованиями технологий и когнитивной наукой и открывает диалог с онтологиями коренных народов, где язык укоренён в отношениях с нечеловеческим миром и «принадлежит» не только людям, но и самому месту, из которого ландшафт как бы «обращается» к человеку.

Из такой онтологизации вытекают три класса следствий. Во-первых, методологические, требуется многоуровневая фиксация практик: сочетание этнографии взаимодействия с мультимодальным анализом, трассировка акустико-графемных следов, учёт медиальных и инфраструктурных условий, а также применение вычислительных методов, позволяющих операционализировать индексальность и динамику сборок. Во-вторых, политико-педагогические, фокус следует смещать от стандартизации к поддержке экосистемных практик: межпоколенческой передачи, участия в жизни сообщества, привязанности к месту; образовательные и цифровые среды должны проектироваться не как механизмы усвоения норм, а как площадки совместного смыслопорождения. И, в-третьих, технологические: необходим анализ индексальных эффектов интерфейсов и алгоритмов, чтобы не воспроизводить идеологию одноязычия в новой, цифровой оболочке.

Таким образом, представляется обоснованным рассматривать язык не как фиксированную субстанцию, но как процессуальное, материально укоренённое и ассамбляжное явление. Возврат к практикам первого порядка, признание перформативной силы кодификаций, а также принятие онтологической множественности языковых реальностей позволяют преодолеть методологические ограничения классической эпистемологической схемы и существенно пересмотреть горизонты ответственности лингвистики. В этом контексте ассамбляж может быть интерпретирован в качестве метатеоретической рамки, способной объяснить генезис двух других онтологических пер-

спектив. Так, «язык как объект» предстает результатом глубокой ретерриториализации, в ходе которой государственные институты, образовательные практики и нормативная грамматическая традиция захватывают продуктивные потоки языкового становления, стабилизируя их в форме жесткой, объектоподобной конструкции.

В противоположность этому «языкотворчество как практика» акцентирует внимание на самих детерриториализующих потоках – динамике становления, изобретения и языковой продуктивности, ускользающих от окончательной институционализации. Следовательно, все три онтологии языка – не просто альтернативные аналитические модели, но выражение различных состояний или тенденций лингвистического ассамбляжа. Их соотнесение позволяет мыслить стабильность (объектность) и текучесть (практику) как полюса единого, динамически организованного процесса. По существу, такая перспектива открывает путь к формированию единой, плюралистически ориентированной теории множественных реальностей языка и задаёт принципиально новую парадигму для развития современной лингвистической мысли – более рефлексивную, чувствительную к материальности и социальной онтологии языка, а также способную учитывать контингентность и сложность языковых феноменов.

Список источников

1. Blaser M. Ontological conflicts and the stories of peoples in spite of Europe: toward a conversation on political ontology // *Current Anthropology*. 2013. Vol. 54, № 5. P. 547–568.
2. Gramling D. *The Invention of Monolingualism*. New York : Bloomsbury Academic, 2016.
3. Shankar S. Toward a theory of language materiality: an introduction // *Language and Materiality: Ethnographic and Theoretical Explorations* / eds. J. Cavanaugh, S. Shankar. Cambridge : Cambridge University Press, 2017. P. 1–28.
4. Ortega L. Ontologies of language, second language acquisition and world Englishes // *World Englishes*. 2018. Vol. 37, № 1. P. 64–79.
5. Harkness N. The pragmatics of qualia in practices // *Annual Review of Anthropology*. 2015. Vol. 44. P. 573–589.
6. Demuro E., Gurney L. Languages/languageing as world-making: The ontological bases of language // *Language and Communication*. 2021. Vol. 83. P. 1–13.
7. Merrell F. Charles Sanders Peirce's concept of the sign // *The Routledge Companion to Semiotics and Linguistics* – London. New York : Routledge, 2001. P. 23–36.
8. Cowley S.J. The Return of Languageing: toward a new ecolinguistics // *Chinese Semiotic Studies*. 2019. Vol. 15, № 4. P. 1–28.

References

1. Blaser, M. (2013) Ontological conflicts and the stories of peoples in spite of Europe: toward a conversation on political ontology. *Current Anthropology*. 54(5). pp. 547–568.
2. Gramling, D. (2016) *The Invention of Monolingualism*. New York: Bloomsbury Academic.
3. Shankar, S. (2017) Toward a theory of language materiality: an introduction. In: Cavanaugh, J. & Shankar, S. (eds) *Language and Materiality: Ethnographic and Theoretical Explorations*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 1–28.
4. Ortega, L. (2018) Ontologies of language, second language acquisition and world Englishes. *World Englishes*. 37(1). pp. 64–79.
5. Harkness, N. (2015) The pragmatics of qualia in practices. *Annual Review of Anthropology*. 44. pp. 573–589.
6. Demuro, E. & Gurney, L. (2021) Languages/languageing as world-making: The ontological bases of language. *Language and Communication*. 83. pp. 1–13.
7. Merrell, F. (2001) Charles Sanders Peirce's concept of the sign. In: *The Routledge Companion to Semiotics and Linguistics*. London; New York: Routledge. pp. 23–36.

8. Cowley, S.J. (2019) The Return of Language: toward a new ecolinguistics. *Chinese Semiotic Studies*. 15(4). pp. 1–28.

Сведение об авторе:

Найман Е.А. – доктор философских наук, профессор кафедры истории философии и логики Национального исследовательского Томского государственного университета; ведущий научный сотрудник Томского научного центра СО РАН (Томск, Россия). E-mail: enyman17@rambler.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Naiman E.A. – Dr. Sci. (Philosophy), professor, Department of History of Philosophy and Logic, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); leading research fellow, Tomsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tomsk, Russian Federation). E-mail: enyman17@rambler.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 20.10.2025;
одобрена после рецензирования 18.11.2025; принята к публикации 09.12.2025
The article was submitted 20.10.2025;
approved after reviewing 18.11.2025; accepted for publication 09.12.2025*

Научная статья

УДК 111.1

doi: 10.17223/1998863X/88/7

«ESSE EST PERCIPI» В АГЕНТО-ОРИЕНТИРОВАННЫХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯХ КВАНТОВОЙ МЕХАНИКИ

Мария Игоревна Щеглова

Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия, mashylena@mail.ru

Аннотация. Принцип «esse est percipi» находит точки соприкосновения с некоторыми интерпретациями квантовой механики. Фундаментальным вопросом для существующих интерпретаций (кроме «никакой») остается вопрос понимания измерения и того, какие сущности могут выступать в роли измерителя. Различная роль наблюдателя, проявляющаяся как в эпистемологическом, так и в онтологическом аспекте, приводит нас к разделению интерпретаций на агенто-ориентированные и детекторо-ориентированные. Его радикально центральная позиция в агенто-ориентированных интерпретациях сближает их с логикой имматериализма Беркли. При этом интересность как гарантия мира сохраняется в рамках копенгагенской интерпретации, QBism и концепции «соучаствующей Вселенной» Уилера.

Ключевые слова: копенгагенская интерпретация, QBism, солипсизм, проблема измерения, имматериализм

Для цитирования: Щеглова М.И. «Esse est percipi» в агенто-ориентированных интерпретациях квантовой механики // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 88. С. 67–76. doi: 10.17223/1998863X/88/7

Original article

“ESSE EST PERCIPI” IN AGENT-BASED INTERPRETATIONS OF QUANTUM MECHANICS

Maria I. Shcheglova

Orenburg State University, Orenburg, Russian Federation, mashylena@mail.ru

Abstract. The principle of “esse est percipi” (“to be is to be perceived”) finds points of convergence with certain interpretations of quantum mechanics. A century of development in quantum physics has witnessed the emergence of exceptionally precise mathematical predictive tools, yet the interpretation of results has led to significant diversity in theoretical approaches. For all existing interpretations (except the “no interpretation” position), the fundamental question remains: how should we understand the measurement process, and what entities can serve as measurers? The observer’s crucial role, manifesting in both epistemological and ontological dimensions, naturally leads us to categorize quantum mechanical interpretations into agent-oriented and detector-oriented approaches. It should be emphasized that this classification is primarily relevant within the context of the present study and does not claim to be exhaustive. The distinguishing criterion lies in the degree of observer involvement in the measurement process within each interpretation. The radically central role of the observer in agent-oriented interpretations raises the same challenge posed to Berkeley’s immaterialism: how can reality be reduced to the observer-agent’s actions (perception for Berkeley, measurement in QM)? The selected QM interpretations have developed substantial arguments enabling, within their discourse, the transformation of the “esse est percipi” principle from a position vulnerable to solipsism into a well-grounded

ontological and epistemological model. Intersubjectivity while preserving the “esse est percipi” principle can be demonstrated through QBism, which replaces “objective reality” with probability consensus among rational agents, and through Wheeler’s concept of a “participatory universe,” where observers collectively determine reality. This discussion draws upon experimental and theoretical validations of the observer’s role, including Wigner’s friend experiment, Bell’s theorem, and John Wheeler’s participatory universe concept.

Keywords: Copenhagen Interpretation, QBism, solipsism, measurement problem, immaterialism

For citation: Shcheglova, M.I. (2025) “Esse est percipi” in agent-based interpretations of quantum mechanics. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 88. pp. 67–76. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/88/7

Введение

Столетний период развития квантовой механики накопил не только различные мыслительные эксперименты и эмпирические исследования (будь то «квантовый ластик», «квантовая бомба» или эмпирические свидетельства в пользу истинности неравенства Белла [1]), но и породил ряд нередко противоречащих друг другу интерпретаций получаемых данных. Безусловно, разнообразие объяснительных концептов и плюрализм мнений в истории науки и философии представляют собой естественный процесс, обусловленный эволюцией знания. Однако в случае с интерпретациями квантовой механики (КМ) переход от экспериментальных данных к теоретическим выводам осуществляется непосредственно к фундаментальным, а порой и метафизическим заключениям – будь то вопросы субстанции, причинности, сознания и др. Поразительно точный математический аппарат, находящийся в противоречии с обыденными интуициями, делает выводы исследователей одновременно строго обоснованными и революционно нетривиальными. Смещение акцента с фиксации измерения на попытки определения самого этого процесса сформулировано в «проблеме измерения»: принцип неопределенности Гейзенберга при рассмотрении запутанных частиц приводит к невозможности говорить о свойствах объектов без их фактического измерения. И наблюдатель, как тот, кто «захлопывает» этот процесс, наделяется особой онтологической ролью. Вопрос о природе наблюдателя – дискуссионный. Пожалуй, это один из краеугольных камней всех интерпретаций: что значит измерить и кто обладает правом быть измеряющим? Градус значимости наблюдателя не только в эпистемологическом, но и в онтологическом срезе выводит нас на мысли об агенто-ориентированных интерпретациях КМ и детекторо-ориентированных интерпретациях. Отметим, что данное деление релевантно целям нашей работы, а не носит универсальный и исчерпывающий характер. В основание деления мы закладываем то, насколько центральное положение занимает наблюдатель в этих интерпретациях. Во-первых, для понимания наблюдателя важным становятся его агентность (активность и соучастие, позже мы увидим это в идеях Уилера) и сознательность, во-вторых, наблюдатель носит инструментальный характер как часть запутанной системы. В последних среда как наблюдатель используется применительно к декогеренции. При декогеренции (взаимодействии со этой средой) коллапса и измерения не происходит: уходят квантовые суперпозиции и по-

являются классические вероятности. Наиболее известными примерами такого подхода можно считать многомировую интерпретацию Эверетта, объективный коллапс Пенроуза и др. Однако вернемся к агенто-ориентированным интерпретациям в соответствии с темой статьи. К ним мы отнесем копенгагенскую интерпретацию, QBism и реляционную интерпретацию. Обращение именно к этим интерпретациям обусловлено еще и наибольшей конвенцией в их отношении.

Свежие данные, опубликованные в журнале «Nature» в июле 2025 г., подтверждают приоритет агенто-ориентированных интерпретаций среди 1 100 опрошенных, давших ответ. Так, 36% поддерживают копенгагенскую интерпретацию, а 17% – информационную (в рамках статьи не упоминается точное определение, однако под информационной интерпретацией чаще имеют ввиду работы Фукса [2], а значит, QBism) [3]. Если рассматривать копенгагенскую интерпретацию в совокупности с ее современными модификациями – включая информационный подход и квантовый байесианизм (уже упомянутый QBism), – ее влияние на современную физическую мысль становится еще более значительным. Такая консолидация различных направлений, восходящих к оригинальным идеям Бора, позволяет говорить о сохранении ключевой роли копенгагенской традиции в осмыслении квантовой теории.

В том же материале приводится и случай, хорошо показывающий трудность смыслового описания формализованных расчетов КМ. В мае 2025 г. на острове Гелиголанд международное сообщество физиков отмечало столетие квантовой механики. И вопрос об онтологическом статусе квантового мира был в центре обсуждения. А. Цайлингер, профессор Венского университета, сказал, что «квантового мира не существует» [3], объясняя свою позицию следующим образом: квантовые состояния – лишь мысленные конструкции, описывающие информацию, а не объективную реальность. С этим не согласился А. Аспект, физик из Университета Париж-Сакле. Но интересно то, что оба ученых стали лауреата Нобелевской премии 2022 г. за совместные (в группе с Джоном Ф. Клаузером) «эксперименты с запутанными фотонами, выявление нарушения в неравенстве Белла». То есть оба ученых, пришедших к совместному результату, да еще и доказывающему отсутствие скрытых параметров, оказываются по разные стороны понимания бытия квантового мира, несмотря на то что их открытие стало дополнительным аргументом в пользу агенто-ориентированных теорий.

Философские изыскания в области интерпретаций квантовой механики затрудняются еще и тем, что многие варианты этих интерпретаций, по сути, философичны: их авторы имеют степень PhD по физике, а также ряд работ по проблемам философии (вопросы первоначала, границ познания, сознания) – Шрёдингер, Гейзенберг, Эверетт, Бом, Вигнер, Фукс, Мермин, Пенроуз и многие другие. Отсюда трудность «перевода» с языка философствующих представителей конкретных наук на дискурс устоявшихся философских категорий, таких как «бытие», «реальность», «субъект», «трансцендентное» и т.д. Конечно, рефлексий по этому поводу достаточно; мы сошлёмся хотя бы на онтологический релятивизм Куайна. Интересно, что попытки избегания интерпретации, или «никакой интерпретации», выражены во фразе Н. Дэвида Мермина «Замолчи и считай» [4], хотя позже он сам примкнул к одной из самых спорных, но радикально эмпирических трактовок – QBism.

Итак, наблюдение в агенто-ориентированных интерпретациях при описании реальности приближается к известному принципу «*esse est percipi*» – латинскому выражению «существовать – значит быть воспринимаемым». Этот принцип восходит к философии Джорджа Беркли и передает суть его имматериализма. Именно это утверждение стало объектом критики при обвинении Беркли в солипсизме [5]. С развитием философской мысли и расширением трактовок солипсизма Беркли стали ассоциировать с солипсизмом не в значении существования одного сознания, а как подход, где «в качестве единственно реального моего личного опыта влечёт также утверждение Я, которому этот опыт принадлежит» [6]. Однако мы полагаем, что соотношение метафизических выводов агенто-ориентированных интерпретаций, в которых прослеживается понимание реальности как следствия «*esse est percipi*», позволяет избежать солипсизма без «смягчения и объективизации» термина.

Цель работы – вывести принцип «*esse est percipi*» из позиции, угрожающей солипсизмом, в аргументированную онтологическую и эпистемологическую модели в агенто-ориентированных интерпретациях квантовой механики.

Методологическая база исследования: общеполитические методы анализа как философской литературы по проблемам реальности, сознания, квалиа, так и обзорного исторического материала, а также анализ специализированной литературы по квантовой механике. Достоверность описания физических терминов, процессуальной части экспериментов и математических расчётов, посвящённых проблеме измерения, достигнута за счёт экспертизы материала кандидатом технических наук П.С. Черновым. Интерпретации квантовой механики даны по следующей схеме: копенгагенская интерпретация в формулировках К.Ф. фон Вайцзеккера, QBism – Фукса, реляционная интерпретация – Уилера (его авторская концепция антропоного принципа участия).

Научная новизна заключается в сохранении онтологии, предлагаемой агент-ориентированными интерпретациями, а не в критике последних с позиции априорности и абсолютности субъект-объектных отношений. Мы стремились продемонстрировать возможность преодоления солипсизма и рациональных смыслов в принципе «*esse est percipi*» без авторской критики, но с логической и эмпирической экспертизой.

«Воспринимающий» и «наблюдатель»

Как Декарт «гарантировал» собственное бытие через мыслительный акт сомнения, так и Беркли, автор принципа «*esse est percipi*», обосновывал личное существование через активность восприятия: «Существует равным образом нечто познающее или воспринимающее их [идеи] и производящее различные действия, как-то: хотение, воображение, воспоминание. Это познающее деятельное существо есть то, что я называю умом, духом, душой или мной самим» [7]. Таким образом, конституирование реальности как череды восприятий становится важнейшей функцией субъекта. Реальность объекта сводится к актуальному наличию свойств этого объекта: «Как может свидетельство ощущений служить доказательством существования чего-либо, что не воспринимается в ощущении?» [7]. Та самая вишня предстает совокупностью сладости и визуального опыта. В этом контексте материя отрицается не просто как независимая субстанция (что в рамках религиозного идеализма и так очевидно), но как производная форма реальности. Все наши

представления о материи оказываются не более чем описание совокупности свойств, существующих в сознании. Но что тогда гарантирует бытие самого духа? Познаваем ли он? А. Беседин в статье «Дух как объект познания в им-материализме Беркли» исследует эволюцию представлений философа о духе и душе (как в опубликованных работах, так и в личных записях) и формулирует вывод: «...как можно не без оснований предположить, Беркли нужен был самостоятельный субъект... Анализ записных книжек и опубликованных работ Беркли показывает, что развитие гносеологии духа в имматериализме шло по пути от утверждения непознаваемости ума к утверждению духа как субстанции» [8]. Воспринимающее «Я» получает реальный онтологический статус.

Реальность, в философской традиции разделяемая на субъективную и объективную, после принятия принципа «*esse est percipi*» сливается в единую, доступную исключительно через ощущения от первого лица. Этот тезис становится точкой соприкосновения с агенто-ориентированными интерпретациями КМ через проблему измерения. Существует множество подходов к уже упомянутой проблеме измерения, суть которой сводится к отсутствию среди физиков единого мнения о том, как определить само понятие «измерение».

Поскольку в качестве измерительного прибора могут выступать различные системы (в агенто-ориентированных интерпретациях с широким радиусом применения «Heisenberg Cut»), в том числе и органы чувств человека, вопрос о том, где именно происходит измерение, до сих пор остаётся дискуссионным и даже спекулятивным. Поскольку сам измерительный прибор также описывается квантовой механикой, возникает сложность разделения на измерительный прибор и измеряемую систему. Это и многое другое приводят к тому, что от понятия «измерительный прибор» логично перейти к термину «наблюдатель».

Наблюдатель в квантовой механике – это тот, кто производит измерение над квантово-механической системой и фиксирует результат. Математический аппарат квантовой механики позволяет вычислить вероятности того или иного исхода. После наблюдения реализовавшейся альтернативы, согласно постулату об измерении, изменяется объект, описывающий состояние квантовой системы, – волновая функция (вектор состояния). Данный процесс получил название «коллапс (редукция) волновой функции». Он недетерминирован (что доказано через неравенства Белла), и предсказать, какое именно значение будет измерено и, соответственно, как именно сколлапсирует волновая функция, невозможно в принципе.

Таким образом, наблюдатель играет особую, в некотором смысле ключевую роль. Во-первых, он изначально выбирает величину, которую хочет измерить. Во-вторых, он описывает состояние интересующей его системы волновой функцией. В-третьих, он вычисляет вероятность получения того или иного результата из спектра допустимых значений при измерении выбранной величины. В-четвёртых, он производит измерение, наблюдает реализовавшуюся альтернативу и коллапс волновой функции. Существование объективной реальности в терминах повседневной интуиции и ньютоновской физики, таким образом, сменяется парадигмой наблюдателя и его субъективных выборов, наблюдений и описаний.

Даже вероятности, возникающие в квантовой механике, можно интерпретировать с точки зрения наблюдателя. Такой подход известен как субъективные или байесовские вероятности. В байесовской теории вероятность определяется как степень уверенности наблюдателя в том или ином исходе. При такой точке зрения коллапс волновой функции – это просто байесовское обновление вероятностей при поступлении новых данных (результата измерения). Сама волновая функция тогда представляет собой математическое описание текущих знаний наблюдателя. Фукс отмечал: «Квантовая механика всегда была об информации; просто сообщество физиков забыло об этом» [9].

Широкую известность получила идея Ю. Вигнера о том, что сознание вызывает коллапс волновой функции. В его работе приводятся аргументы в пользу того, что сама волновая функция отражает лишь знания наблюдателя и она, соответственно, неотделима от сознания и ее коллапс вызван сознанием. Эксперимент представляет собой концептуальное развитие парадокса Шрёдингера, вводящее дополнительный уровень наблюдения для демонстрации особой роли сознания в процессе квантового измерения. В рамках этого экспериментального рассуждения внешний наблюдатель (сам Вигнер) рассматривает ситуацию, где его коллега («друг») проводит измерение квантовой системы в изолированной лаборатории. Ключевая особенность данной конструкции заключается в том, что, с точки зрения внешнего наблюдателя, весь лабораторный комплекс, включая сознание друга, должен описываться единой волновой функцией, находящейся в суперпозиции возможных состояний.

Философская значимость эксперимента проявляется при анализе момента, когда разные наблюдатели получают принципиально различные описания одной и той же физической реальности. Друг внутри лаборатории, проведя измерение, наблюдает конкретный результат и считает, что волновая функция коллапсировала. Однако для внешнего наблюдателя, не имеющего доступа к результату измерения, вся система продолжает существовать в суперпозиции, где сознание друга также находится в квантовой неопределённости. Этот концептуальный диссонанс поднимает фундаментальный вопрос о природе перехода от квантовой суперпозиции к определённому состоянию.

Вигнер аргументирует, что единственным последовательным разрешением этого парадокса является признание особой роли сознания как источника коллапса волновой функции. В его интерпретации, физические процессы, включая работу измерительных приборов, недостаточны для объяснения перехода от потенциальных возможностей к актуальной реальности. Только акт осознания наблюдателем результата измерения может объяснить, почему внешний и внутренний наблюдатели в конечном итоге приходят к согласованному описанию реальности. Таким образом, эксперимент предполагает, что сознание не просто пассивно регистрирует квантовые события, но активно участвует в их реализации.

Итак, можно ли считать, что между «воспринимающим» Беркли и «наблюдателем» в агенто-ориентированных интерпретациях КМ существует тождество или преемственность? Мы полагаем, что утвердительный ответ на этот вопрос спекулятивен и предвосхищен. Однако в рамках статьи мы опустили как общеизвестный факт того, что «воспринимаемость» как гарант бытия мира была перекрыта Махом в позиции эмпириокритицизма. Последний

же был значимым как для Эйнштейна, так и для Гейзенберга, но не прямо, а под влиянием последнего [10]. При этом сам постулат «*esse est percipi*» играет ведущую роль в конструировании реальности, где объективность перестает быть вообще состоятельной по отношению к ней, а сама реальность «окрашивается» потоком квалиа.

Интерсубъективность и другие наблюдатели

Уязвимым местом в позициях агенто-ориентированных интерпретаций КМ, как и в постулате «*esse est percipi*», является вопрос о реальности третьих лиц (других наблюдателей) и мира в целом, поскольку выделенная роль наблюдателя приближает эти концепции к солипсизму. Проблема субъективного восприятия, как бы парадоксально это ни звучало, является проблемой не только для субъекта, но и для объекта, поскольку ставит под сомнение его онтологический статус. Это воплощает известный вопрос Эйнштейна: «Существует ли Луна, когда на неё не смотрит мышь?»

Другая возможность заключается в отказе от тезиса об отсутствии объективной реальности через переопределение самого понятия «объективная реальность». Теоремы и эксперименты демонстрируют, что реальность в ньютоновском смысле несовместима с квантовой механикой. Принцип неопределенности Гейзенберга при рассмотрении запутанных частиц делает невозможным рассуждение о свойствах объектов без их фактического измерения [10]. Однако можно пересмотреть понятие реальности и предположить существование ее неньютоновского типа. Проблема, однако, состоит в том, что человеческий мозг не способен представить себе никакой иной тип реальности, кроме ньютоновской, которую конструирует наше сознание. Рассуждения о реальности квантовых операторов и векторов состояния в гильбертовом пространстве столь же неинтуитивны, как и представления о мгновенном возникновении бесконечного числа миров в многомировой интерпретации.

Выходом из «проблемы солипсизма» может стать рассмотрение квантовой механики не как теории, описывающей реальность, а как инструмента, используемого наблюдателем для вычисления вероятностей будущих измерений на основе имеющихся знаний. По сути, квантовая механика именно так и функционирует. При таком подходе существование других сознаний не отрицается. Однако определенный уровень сознания необходим наблюдателю, чтобы сопоставлять реальность, конструируемую мозгом, с поступающими через органы чувств данными и предсказаниями квантовой механики. Таким образом, наблюдатель – это тот, кто применяет квантовую механику для вероятностной оценки своих будущих наблюдений. Все внешнее по отношению к наблюдателю рассматривается им как физическая система. Размер или наличие сознания у этих систем не влияет на результаты квантово-механических расчетов. Следовательно, квантовая физика описывает не сами системы в онтологическом смысле, а субъективные восприятия наблюдателя. В наилучшей форме это выразилось в QBism, где КМ используется наблюдателем для получения из текущих его знаний вероятностей измерения тех или иных событий или свойств в будущем. Агент описывает электрон волновой функцией $|\psi\rangle = 1/\sqrt{2}(|\uparrow\rangle + |\downarrow\rangle)$. Это не значит, что электрон «одновременно в суперпозиции», это значит, что агент на 50% уверен, что измерение даст $|\uparrow\rangle$.

После измерения агент обновляет свои вероятности: если увидел $|\uparrow\rangle$ – теперь уверен на 100%.

QBism заменяет «объективную реальность» на интерсубъективное согласие. Нет «абсолютной» волновой функции, но есть согласованные вероятности среди рациональных агентов. При таком взгляде существование других сознаний не исключается. Однако некоторый уровень сознания необходим наблюдателю чтобы сопоставить реальность, построенную мозгом, с поступающими данными через органы чувств и предсказаниями квантовой механики. То есть наблюдатель – это тот, кто применяет квантовую механику для вероятностных оценок своих будущих наблюдений. Все внешнее по отношению к наблюдателю им рассматривается как физическая система. Размер или наличие сознания у этих систем не сказывается на результатах квантовомеханических расчетов. Квантовая физика, таким образом, описывает не сами системы в онтологическом смысле, а субъективные восприятия наблюдателя.

Акцент на роль восприятия наблюдателем в конструировании реальности вызывает возражение: «Как существовала Вселенная на ранних стадиях эволюции, до появления сознающих существ?» Ответом стала концепция «соучаствующей вселенной» (Participatory Universe) Джона Уилера. Согласно уже упомянутой копенгагенской интерпретации, квантовая система существует в суперпозиции состояний до момента измерения, когда волновая функция коллапсирует в одно из возможных состояний. Уилер расширил эту идею, предположив, что сам акт наблюдения не просто фиксирует реальность, но и участвует в её создании. В экспериментах с отложенным выбором демонстрируется, что решение наблюдателя может влиять на прошлое поведение квантовой системы, что наводит на мысль о ретрокаузальности.

Если реальность возникает лишь через наблюдение, то статус Вселенной до появления жизни остаётся неопределённым. Согласно Уилеру, ранняя Вселенная могла существовать в виде нелокальной квантовой суперпозиции, лишённой классической определённости. Лишь последующее появление наблюдателей – через миллиарды лет эволюции – «зафиксировало» её историю, включая прошлые события. Для объяснения этого процесса Уилер вводит идею самореферентной петли (self-excited circuit) [11], в которой Вселенная создаёт условия для возникновения наблюдателей, а те, в свою очередь, определяют её предшествующую эволюцию. Таким образом, наблюдатель не просто воспринимает реальность, но и завершает её формирование, включая ретроактивное влияние на ранние квантовые состояния.

Заключение

Проведенный анализ агенто-ориентированных интерпретаций квантовой механики, в которые мы включили копенгагенскую интерпретацию, QBism и реляционный подход, показал, что принцип «*esse est percipi*» Беркли обладает значительным потенциалом для применения в контексте современных физических дискуссий об объяснении природы реальности. Преодоление традиционного упрощения, сводящего этот принцип к солипсизму, и раскрытие его эвристического потенциала для обоснования онтологии наблюдателя в КМ достигается благодаря предлагаемым этими интерпретациями мысленным экспериментам и эмпирическим данным, направленным на решение «проблемы измерения».

Было бы спекулятивным утверждать, что подобная аргументация исчерпывает все возможные варианты решения проблемы. Однако их обзорное рассмотрение с экспертной оценкой использования специальных физических терминов и последующим соотнесением с известной философской концепцией («esse est percipi») позволяет оптимизировать дальнейшие исследования в области философии квантовых явлений.

Агенти-ориентированные интерпретации, вопреки распространённым критическим ожиданиям, не требуют отказа от интерсубъективности. Напротив, такие подходы, как QBism, трансформируют понятие объективности, заменяя его согласованностью вероятностей среди рациональных агентов. Это позволяет сохранить научную строгость, не апеллируя к классическим представлениям о реальности «самой по себе».

Активная роль наблюдателя в коллапсе волновой функции (от Вигнера до Уилера) согласуется с берклианской идеей конституирования реальности через восприятие, но лишён её субъективистских крайностей. В частности, концепция «соучаствующей вселенной» Джона Уилера предлагает модель, где наблюдатель не просто фиксирует, но и завершает становление реальности, включая её ретроактивное определение. Таким образом, принцип «существовать — значит быть воспринимаемым» раскрывается не как метафизическая спекуляция, а как основание для эпистемологически последовательных и онтологически непротиворечивых интерпретаций КМ.

Список источников

1. Севальников А.Ю. Онтология квантовой механики, или от физики к философии // Проблема реальности в современном естествознании / отв. ред. Е.А. Мамчур. М. : Канон+, РООИ «Реабилитация», 2015. С. 108–140.
2. Мамчур Е.А. В поисках информационной интерпретации квантовой механики // Vox. Философский журнал. 2016. URL: <https://vox-journal.org/content/Vox20/Vox20-MamchurE.pdf> (дата обращения: 15.07.2025).
3. Gibney E. Physicists disagree wildly on what quantum mechanics says about reality, Nature survey shows // Nature News. 2025. 30 July. URL: <https://www.nature.com/articles/d41586-025-02342-y> (accessed: 30.07.2025).
4. Mermin N.D. Could Feynman have said this? // Physics Today. 2004. Vol. 57, № 5. P. 10. URL: <https://doi.org/10.1063/1.1768662> (accessed: 23.07.2025).
5. Быховский Б.Э. Джордж Беркли. М. : Мысль, 1970. 220 с.
6. Лекторский В.А. Солипсизм // ИНИОН РАН. 2023. URL: <https://iphlib.ru/library/library/collection/newphilenc/document/HASH362b14845da2376c0b8c36> (дата обращения: 05.07.2025).
7. Беркли Дж. Сочинения. М. : Наука, 1978. 247 с.
8. Беседин А.П. Дух как объект познания в имматериализме Беркли // Вестник Московского университета. Сер. 7: Философия. 2013. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/duh-kak-obekt-poznaniya-v-immaterializme-berkli> (дата обращения: 04.08.2025).
9. Fuchs C.A. Quantum Mechanics as Quantum Information. Mostly. Perimeter Institute, 2002. URL: <http://perimeterinstitute.ca/personal/cfuchs/Oviedo.pdf> (accessed: 03.07.2025).
10. Гейзенберг В. Шаги за горизонт. М. : Наука, 1987. 132 с.
11. Wheeler J.A. At Home in the Universe. New York : American Institute of Physics, 1994. 186 p.

References

1. Sevalnikov, A.Yu. (2015) Ontologiya kvantovoy mekhaniki, ili ot fiziki k filosofii [Ontology of Quantum Mechanics, or From Physics to Philosophy]. In: Mamchur, E.A. (ed.) *Problema real'nosti v sovremennom estestvoznanii* [The Problem of Reality in Modern Natural Science]. Moscow: Kanon+ ROOI Reabilitatsiya. pp. 108–140.

2. Mamchur, E.A. (2016) V poiskakh informatsionnoy interpretatsii kvantovoy mekhaniki [In Search of an Informational Interpretation of Quantum Mechanics]. *Vox. Filosofskiy zhurnal*. 20. [Online] Available from: <https://vox-journal.org/content/Vox20/Vox20-MamchurE.pdf> (Accessed: 15th July 2025).
3. Gibney, E. (2025) Physicists disagree wildly on what quantum mechanics says about reality, Nature survey shows. *Nature News*. 30th July. [Online] Available from: <https://www.nature.com/articles/d41586-025-02342-y> (Accessed: 30th July 2025).
4. Mermin, N.D. (2004) Could Feynman have said this? *Physics Today*. 57(5). p. 10. doi: 10.1063/1.1768662
5. Bykhovskiy, B.E. (1970) *Dzhordzh Berkli* [George Berkeley]. Moscow: Mysl'.
6. Lektorskiy, V.A. (2023) *Solipsizm* [Solipsism]. [Online] Available from: <https://iphlib.ru/library/library/collection/newphilenc/document/HASH362b14845da2376c0b8c36> (Accessed: 5th July 2025).
7. Berkeley, G. (1978) *Sochineniya* [Works]. Translated from English. Moscow: Nauka.
8. Besedin, A.P. (2013) Dukh kak ob"ekt poznaniya v immaterializme Berkli [Spirit as an Object of Knowledge in Berkeley's Immaterialism]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya*. 5. pp. 17–25.
9. Fuchs, C.A. (2002) *Quantum Mechanics as Quantum Information*. Mostly. Perimeter Institute. [Online] Available from: <http://perimeterinstitute.ca/personal/cfuchs/Oviedo.pdf> (Accessed: 3rd July 2025).
10. Heisenberg, W. (1987) *Shagi za gorizont* [Steps Beyond the Horizon]. Translated from German by A.V. Akhutin. Moscow: Nauka.
11. Wheeler, J.A. (1994) *At Home in the Universe*. New York: American Institute of Physics.

Сведения об авторе:

Щеглова М.И. – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, культурологии и социологии Оренбургского государственного университета (Оренбург, Россия). E-mail: masylena@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Shcheglova M.I. – Cand. Sci. (Philosophy), associate professor at the Department of Philosophy, Culturology and Sociology, Orenburg State University (Orenburg, Russian Federation). E-mail: masylena@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.10.2025;
одобрена после рецензирования 18.11.2025; принята к публикации 09.12.2025
The article was submitted 02.10.2025;
approved after reviewing 18.11.2025; accepted for publication 09.12.2025

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Научная статья
УДК 130.2:7.034.7
doi: 10.17223/1998863X/88/8

ИДЕЯ ПРЕОДОЛЕНИЯ СМЕРТИ В МИРЕ МЕЧТЫ НОВАЛИСА: ОПЫТ ФИЛОСОФСКОГО ПРОЧТЕНИЯ «ГИМНОВ К НОЧИ»

Михаил Анатольевич Корниенко

*Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия,
mkornienko1@gmail.com*

Аннотация. Представлен философский анализ поэмы «Гимны к Ночи» Фридриха фон Харденберга, немецкого писателя-романтика. Рассмотрено, как личный опыт поэта способствовал рождению центральной темы поэмы – темы смерти и её преодоления. Анализируется поэтический опыт Новалиса, посредством которого раскрывается новое понимание и переживание смерти. Через сопоставление Ночи и Света Новалис раскрывает смысл «Истинной Ночи» как смерти. Для поэта любовь становится тем ключом, который позволяет проникнуть за пределы земного в область трансцендентного. Смерть рассматривается поэтом как явление, в котором может быть осуществлено перерождение для новой вечной жизни. В поэме представлена идея слияния концепции «Истинной Ночи» как смерти с идеей Спасителя, что ведёт к преодолению смертного предела и преобразует смерть в высшую, благодатную и открытую вечности форму.

Ключевые слова: Смерть, «Истинная Ночь», романтизм, предел, вечная жизнь, любовь, перерождение, благо

Для цитирования: Корниенко М.А. Идея преодоления смерти в мире мечты Новалиса: опыт философского прочтения «Гимнов к Ночи» // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 88. С. 77–84. doi: 10.17223/1998863X/88/8

HISTORY OF PHILOSOPHY

Original article

THE IDEA OF OVERCOMING DEATH IN NOVALIS' DREAM WORLD: EXPERIENCE OF A PHILOSOPHICAL READING OF "HYMNS TO THE NIGHT"

Mikhail A. Kornienko

*National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation,
mkornienko1@gmail.com*

Abstract. Romanticism has defined itself as a vector of development of European spiritual culture, opposing the leveling of personality with the aspiration for freedom and the Infinite, perfection and renewal, for personal and civil independence. The basis of the romantic

worldview was the most acute discord between the ideal and reality. The determining motives of the romantic worldview and art were the affirmation of the intrinsic value of human life in all the richness of its manifestations, the motives of the spiritualizing and healing potential of nature, the motives of strong passions. The designated motives coexist in the context of the works of romantics with the motives of world sorrow, the “night” side of the soul, which is manifested through an appeal to the potential of the tragicomic, grotesque, ironically designed. The author of the article proceeds from the idea V.M. Zhirmunsky proposed in his monographic study *Romanticism in Germany and England*. The meaning of this idea lies in the assertion of the inseparable connection between the historical genesis of Romanticism as a school, trend, worldview and the development of a new sense of life. The author believes that elements of a worldview are present in the most naive experience of life, while the form is a later product of the crystallization of spiritual experience, the result of a new sense of life turning into a worldview. In a certain sense, this is applicable to Novalis's “Hymns to the Night”. The article presents an analysis of “Hymns to the Night” by F. Hardenberg (Novalis), a German romantic writer and philosopher. Novalis interprets the world as a symbolic all-unity (“magical idealism”) – an all-unity ensured by the existence of spirit, nature, God in relation to polarity and mutual reflection. The idea of symbolic all-unity is realized in Novalis's work through an appeal to the potential of mythological, polysemantic encrypted symbols and a set of religious and mystical motifs and images. The article reveals the condition for the birth of a new creative task of the poet – to designate death and its overcoming as the main theme, and this condition is openness to the beyond. The poet turns to personal experience of mystical experiences, in which Light and Night are presented as symbols of harmony. Night is the queen of the world, the herald of sacred worlds, the patroness of blissful love, the secret altar of love, while Light is the personification of “earthly oppression” and those limits to which the earthly world is subject. The article examines the poetic experience of experiencing and understanding Death (Light is the personification of the limit; Night is the kingdom where time and limits have no power; Death is the True Night). The mystical experience for the poet is an exodus beyond the earthly, where the truth of the Night is revealed in the boundless infinity. Novalis in “Hymns to the Night” gives a new interpretation of Death: “Death renews in its rapidity”. “Hymns to the Night” are united by the fusion of the concept of the “True Night” as Death with the idea of the Savior, leading to overcoming the mortal limit and transforming death into a higher, gracious form open to eternity. Death and the resurrection of the Savior are interpreted as overcoming death in the form of a limit that is now open; death becomes a blessing and an opportunity for subsequent eternal life. Life and Death are transformed by the poet into correlated concepts. Destroying the usual idea of death, combining In the image of Death, the incompatible (decay and blossoming), Novalis endows Night with the status of a symbol of eternal life.

Keywords: death, “True Night”, romanticism, limit, eternal life, love, rebirth, good

For citation: Kornienko, M.A. (2025) The idea of overcoming death in Novalis' dream world: experience of a philosophical reading of “Hymns to the night”. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 88. pp. 77–84. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/88/8

Творчество Новалиса (Георга Вильгельма Фридриха фон Харденберга (1772–1801)) небезосновательно считается в исследовательском сообществе ключом к пониманию немецкого романтизма. Один из лучших исследователей творчества Новалиса Е. Спенле справедливо указывает на то, что понимание подлинного немецкого романтизма возможно лишь через Новалиса, и всё, что возникло в романтической школе в дальнейшем, стало результатом этого влияния. Возрождаясь и преображаясь в новые формы, романтизм не мог не обратиться к прошлому, где наиболее яркой фигурой и стал Новалис, в романтической мысли и творчестве которого нашли свое отражение основные тенденции и идеи романтизма как школы. Творивший под псевдонимом «Новалис» Георг Вильгельм Фридрих фон Харденберг, родившийся в 1772 г.

в Нижней Саксонии в замке Видерштедт, перестроенном из монастыря, был выходцем из старинного нижнесаксонского рода. Согласно одной из версий, псевдоним Новалис соотносится с латынью и может быть переведен как «земля из-под леса, никогда не вспаханная плугом», «пашня», «новь». Поэт, в частности, писал о своем псевдониме следующее: «Это моё старинное родовое имя, не совсем неподходящее для меня». Действительно, ещё в хрониках XII в. упоминался род де Новали, фамилия, семантику которой можно соотнести с корчеванием, расчисткой леса под пашню.

В истории философии и литературы за Новалисом прочно закрепился образ отрешенного творца и звёздного романтика, чему в немалой степени поспособствовала работа таких исследователей, как Генрих Гейне, Морис Метерлинк, Томас Карлейль. Однако следует отметить, что образ этот хоть и выдержан стилистически, но при этом малоправдоподобен. Сложнее всего было отойти от стилистических черт, созданных Гейне, который отождествлял Новалиса с его болезнью (туберкулёзом). Согласно Гейне, Новалис, умерший в 1801 г., словно обретает себя в болезни. Новалис же, напротив, до конца не оставлял борьбы со смертью, и его пусть короткая, но наполненная творчеством жизнь была лишена покорности перед близким уходом. Точка зрения Гейне и подобные ей опровергаются мемуарами современников поэта, которые вспоминают о Новалисе как о светлом, очень весёлом, помоцартовски одарённом, без труда и с удивительной быстротой проникающим в любую область знания. Он был мастером тех малых форм человеческого общения, теорию которых изложил в своем трактате Фридрих Шлейермахер, форм, получивших развитие в йенском романтическом кругу (см. об этом: [1]).

Наиболее значимыми произведениями в творческом наследии Новалиса являются роман «Генрих фон Офтердинген», поэма «Гимны к Ночи», повесть «Ученики в Саисе», «Духовные песни», а также «Философские фрагменты» и «Афоризмы».

В 1784 г. Новалис сдаёт выпускные экзамены в университете и, последовав совету отца, получает место местного чиновника в администрации тюрингского местечка Теннштедт. Служебное поручение приводит молодого Новалиса в расположенный севернее Теннштедта Грюнинген, где он знакомится с семьей отставного лейтенанта саксонской службы и капитана княжеской шварцбургской службы Иоганна Рудольфа фон Рокентина.

Оказавшись в дружелюбной атмосфере большого семейства, более всего Новалис был очарован Софи, дочерью хозяйки дома от первого брака. В то время Софи фон Кюн едва исполнилось тринадцать лет [2. С. 149], и сложно сказать, чем в действительности она привлекла Новалиса. Но, как отмечал сам Новалис, особое очарование в ней составляло смешение детской непосредственности, наивности и ранней зрелости. Новалис вспоминает: «...она боится пауков и мышей, охотно пьёт вино, курит табак, хочет видеть Харденберга всегда довольным и не верит ни в какую будущую жизнь, только в переселение душ... она не хочет ничем становиться – она уже есть нечто» (цит. по: [1. С. 78]).

Пытаясь раскрыть природу чувства Новалиса, исследователь романтической школы Н.Я. Берковский справедливо отмечает: «...над Новалисом имел силу вовсе не обычай (заключать ранние браки. – М.К.), Новалис нашел в

Софи Кюн столь ценимую им поэзию „утреннего часа“, поэзию младенствующего и первичного... Рассуждения о влиянии Софи на Новалиса малоосновательны, потому что Софи сама была созданием этой поэзии. Новалис отметил Софи, избрал её, потому что она соответствовала законам его поэтического миропонимания, заранее была предопределена к роли героини написанного им прозой и стихами» [2. С. 149]. Ранняя смерть Софи, наступившая в возрасте пятнадцати лет после неудачной операции, позволит воспоминаниям Новалиса сохранить чистый образ невесты: «...19 марта 1797 года в 9 часов поутру, два дня спустя после её пятнадцатого дня рождения» Софи фон Кюн умирает «от последствий чахотки», как повествует об этом книга грюнингенских церковных записей. Исследователи [2–4] рассматривают смерть Софи фон Кюн как событие, способствовавшее рождению Новалиса – романтического поэта. Несомненно, образ мёртвой возлюбленной играл впоследствии в произведениях Харденберга немаловажную роль, а смерть и её преодоление становятся ключевым моментом его творческой философии. Наиболее характерный для того времени образ мыслей Новалиса находит свое отражение в переписке с Каролиной Юст в конце марта 1797 г. [1. С. 96–97]. Определяющими для поэта становятся осознание утраты и одиночества в сочетании с надеждой на скорую встречу с Софи. В образе Софи для поэта воплощен дух вечного мира, любви, согласия, доброты и смирения. Образ умершей невесты становятся путеводным в призвании к апостольскому служению, дающему жизни Новалиса новое измерение. Софи олицетворяет идею посредничества высшего мира и поэта, Бога и поэта. Обретя призвание, подобное апостольскому, поэт пытается прийти к новой духовности и «стать истинно возвышенным человеком». Исток понятия «истинно возвышенный человек», заключающего в себе единство смерти и апостольского призвания, следует искать в «Невидимой ложе» Жан-Поля, которая была настольной книгой братьев Харденбергов. Возвышенный человек, согласно Жан-Полю, должен обладать «...превосходством над земным, чувствовать ограниченность всего земного, возвышаться над окружающим миром. В нём живёт способность взглянуть на жизнь с более возвышенной точки зрения: тем самым он включает смерть в жизнь и добивается величия с помощью такого преодоления кажущейся окончательности» («Невидимая ложа» Жан-Поля, цит. по: [1. С. 97–98]). Открытость запредельному миру, надоблачной сфере становится необходимым условием для рождения главной темы поэта – темы смерти и её преодоления.

Смерть Софи – событие, благодаря которому и возникают «Гимны к ночи», единственное законченное произведение Новалиса. Существуют две версии текста «Гимнов к Ночи», и теперь уже доподлинно не известно, какую из этих версий поэт считал окончательной. Первые пять гимнов написаны в канун 1800 г. на четырех листах Folio. В авторской рукописи они разбиваются на строки, подобные стихотворным. Однако этот же текст был напечатан в 1800 г. в журнале «Атенеум» (в шестом, последнем номере «Атенеума» в августе 1800 г., при жизни поэта) в форме прозы. Исследователи склоняются к мнению, что окончательной версией следует считать журнальную, которая в ходе согласования с автором приобрела характерные особенности. Известно, что Новалис не рассматривал «Гимны к Ночи» как произведение прозаическое – своё творение он называет «Das Gedicht», немецкое слово, которое

может быть переведено как «стихотворение». Впрочем, данное слово может быть применимо и к более крупным формам, таким как «поэма». Рукописная версия «Гимнов к Ночи» вполне может быть соотнесена с немецкой традицией свободных ритмов («Весенний праздник», «Псалом» Ф.-Г. Клопштока и «Ганимед», «Прометей» Гёте). Усматривается определенное сходство и с поздними гимнами Гёльдерлина («единый стройный стих», как о нём говорит в конце пятого гимна сам поэт). Но в то время как у Гёльдерлина каждая строка, являясь синтаксически целостной, непреложна в своём дроблении, текст Новалиса отличается нерешительностью в делении на строки, которые стремятся не столько выделиться, сколько слиться в единое целое; для строчной версии характерна большая экспрессивность, достигаемая за счёт расстановки необходимых акцентов в применяемых деталях. Для «сплошной» версии характерно своего рода преобладание единой мелодии, заключающей в себе общее течение слов и фраз, переходящей из гимна в гимн. В определенный момент Новалис избирает в качестве названия для своего произведения заглавие «К Ночи», но на страницах журнала оно выйдет под названием «Гимны к Ночи». В «Гимнах к Ночи» исследователи усматривают влияние ряда библейских источников, таких, как Книга Иова, Книга пророка Исаи, Книга пророка Иеремии, Книга пророка Даниила. Прослеживается и влияние непрерывного Стиха Литургии. Косвенное влияние «Гимнов к Ночи» вполне различимо в таких произведениях, как книга Ф. Ницше «Так говорил Заратустра», в стихах П. Клоделя и С.-Ж. Перса, в «Озарениях» А. Рембо.

Первый гимн Новалис начинает, вознося хвалу раскинувшему праздничные скинии Свету, который до сей поры почитался царем земной природы.

Свет открывает чудеса земного мира; Свет, разделяя, позволяет освещать и различать, ночь же, окутывая мир, стирает любые границы. Вместе Свет и Ночь – символ гармонии. Если ранее Ночь являла собой лишь тьму как противоположность Света, в «Гимнах к Ночи» она обретает дополнительную глубину своего значения, явив поэту образ утраченной возлюбленной: «Ты тоже благоволишь к нам, сумрачная Ночь? Что ты скрываешь под мантией своей, незримо, но властно трогая мне душу? Сладостным снадобьем нас кропят маки, приносимые тобою. Ты напрягаешь онемевшие крылья души. Смутное невыразимое волнение охватывает нас – в испуге блаженном вижу, как склоняется ко мне благоговейно и нежно задумчивый лик, и в бесконечном сплетенье прядей угадываются ненаглядные юные черты матери... В могильной бездне затеряна Вселенная – пустынный, необитаемый предел» [5. С. 48–49]. Сокровенное Царство Ночи раскрывается перед Поэтом в своей власти и красоте. Новалис славит Ночь как загадочную, неизъяснимую царицу мира, провозвестницу священных миров, покровительницу блаженной любви.

Во втором гимне «гнѣту земного», олицетворением которого является Свет, Новалис противопоставляет Ночь. В земной суете дня исчезает, растворяется «небесный след» Ночи. Ночь заключает в себе «тайный жертвенник любви», этот жертвенник горит вечным пламенем.

В то время как Свет является олицетворением предела, Ночь становится царством, где не властны ни пределы, ни время. Смерть именуется Новалисом «Истинной Ночью»: «Сон святой, не обездоливай надолго причастных Ночи в тягостях земного дня. Лишь глупцы тобой пренебрегают; не ведая тебя, они довольствуются тенью, сострадательно бросаемой тобой в нас, пока

не наступила истинная Ночь. Они тебя не обретают в золотом потоке гроздьев, – в чарах миндального масла, – в темном соке мака» [5. С. 50]. Истинная Ночь приобщает к Небу. Ночь хранит в себе ключ к чертогам блаженных, Ночь безмолвна, но она – безмолвный вестник неисчерпаемой тайны.

В третьем гимне Новалис обращается к личному опыту мистических переживаний на месте погребения возлюбленной и повествует о том, как он ощутил подобно некой ниспосланной благодати «блаженства пролившийся сумрак», а вслед за тем – «расторжение уз рождения – потоков света». В мистическом переживании осуществляется исход за предел земного и истинная Ночь раскрывается перед поэтом в необъятной безграничности.

В этом же гимне есть фрагмент: «...облаком праха клубился холм – сквозь облако виделся мне просветлённый лик любимой. В очах у неё опочила вечность – руки мои дотянулись до рук её, с нею меня сочetaли, сияя, нерасторжимые узы слез» [5. С. 53]. Фрагмент этот исследователи связывают с дневниковой записью Новалиса от 13 мая 1797 г.

В начале четвертого гимна Новалис усиливает противопоставление Ночи и Света, размышляя о тех, кто вкусил истинное знание Ночи (Смерти), а также о том, что вкусившие это знание более не принадлежат Свету (миру земного, предельного): «...кто вкусил сокровенного, кто стоял на пограничной вершине мира, глядя вниз, в неизведанный дол, в гнездилище Ночи, – поистине тот не вернётся в столпотворенье мирское, в страну, где в смятении вечном господствует Свет» [5. С. 54].

В четвертом гимне впервые появляется образ пилигрима, который воделеет слияния с потусторонним миром. Поэт указывает на то, что проникновение за пределы земного в область трансцендентного может быть осуществлено и раскрыто лишь в животворящей любви: «...лишь то, что любовь освятила прикосновением своим, течёт, растворяясь, по сокровенным жилам в потустороннее царство» [5. С. 55].

Окончательное соединение Любви и Смерти происходит в четвертом гимне: «Однако владеет моим сокровенным сердцем одна только Ночь со своей дочерью, животворящей Любовью» [5. С. 55]. Или, по выражению В. Брюсова, «Любовь венчает Смерть». Здесь можно усмотреть косвенную отсылку к греческой мифологии, где богиня ночи Нюкта является матерью целого сонма греческих божеств.

Завершается четвертый гимн стихотворным фрагментом под названием «Путь пилигрима», в котором особо значима строка «Смерть обновляет в своей быстрине», что можно интерпретировать как перерождение в Смерти для новой вечной жизни.

Пятый гимн [5. С. 58–66] поэт начинает с повествования о том, что люди до определенного момента обитали в земном мире в присутствии смерти как необходимости, неотвратимого предела всего земного: «Над племенами людскими в пространном их расселенье до времени царило насилие немое железного рока. Робкая душа людская в тяжких темных пеленах дремала». Поэт повествует о том, как в земном мире обитали боги и люди (имея в виду, по всей видимости, дохристианскую эпоху). В «Гимнах к Ночи» Новалиса есть много мест, в которых можно усмотреть отсылки к греческой мифологии.

Так, например, фраза «Земля была бескрайна – обитель богов, их родина. От века высился их таинственный чертог» отсылает к греческому Олимпу.

Фрагмент «...богиня, произраставшая в тяжелых золотых колосьях...» отсылает к богине плодородия Деметре. Фрагмент «Слаще было вино, дарованное зримым избытком юности, – бог в гроздьях...» отсылает к Дионису.

В первой части пятого гимна Новалис пока еще повествует о смерти как об угрозе, том горестном пределе, который невозможно превозмочь и преодолеть: «И сладкая волна живого моря навек разбилась об утесы горя...».

В пятый гимн включен фрагмент, заключающий в себе отсылку к стихотворению Фридриха Шиллера «Боги Греции» (1788) [6]. Фрагмент начинается строкой «Прекрасный отрок тушит лампу в срок...», в то время как в стихотворении Шиллера смерть представлена в образе Гения, опустившего свой факел перед ложем умершего. Считается, что Шиллер позаимствовал данный образ в исследовании Г. Лессинга «Как древние изображали смерть» (1769). Лессинг пишет: «Древние художники не изображали смерть в виде скелета, ибо они изображали её согласно гомеровской идее; для них смерть и сон – братья-близнецы, и оба изображаются в своем сходстве между собой» (см. об этом в исследовании В. Микушевича «Тайнопись Новалиса» [4]). Таким образом, Гений гасит о грудь умершего факел, символизирующий собой мирские страсти.

Новалис говорит о смертном пределе в его непреодолимости как об оковах: «Железные оковы налагало жесткое число с колеблемой мерой». Поэт пишет о Вселенной, ожидающей всемирной зари, подразумевая ожидание некоего преодоления, переосмысления миром смертного предела.

Пятый гимн озаглавлен прежде всего слиянием концепции «Истинной Ночи» как смерти с идеей Спасителя, что ведёт к преодолению смертного предела и преобразует смерть в высшую, благодатную, открытую вечности форму. Новалис вводит в повествование образ новорожденного младенца – будущего Спасителя, этот образ призван символизировать наступление нового золотого века: «...был явлен лик невиданный нового мира – в жилище, сказочно убогом, – сын первой Девы-Матери, таинственно зачатый Беспредельным...».

Смерть и воскрешение Спасителя становятся преодолением смерти как отныне разомкнутого предела и раскрывают смерть как благо и возможность последующей вечной жизни: «Уводит наших милых Благая смерть во тьму...», «Небесными лучами уьемся, как вином, светить мы будем сами в сиянье неземном...» [5. С. 65].

Заключительный шестой гимн состоит из большого стихотворного фрагмента, озаглавленного «Тоска по смерти», где смерть окончательно переосмысливается как нечто счастливое и благое. Общая тональность гимна заключается в позитивной интенции смерти, что иллюстрируется следующими фрагментами: «Печаль в разлуке – добрый знак: Счастливые отплыли...», «Хотим забыться вечным сном в ночи благословленной...». Новалис пишет о том, как смерть открывает человека к вечности и воссоединению с любимыми: «Зовут возлюбленные нас, торопят наш последний час...». Заключительные строки говорят о стремлении воссоединиться с вечностью в Боге-Отце: «...так нам таинственная власть на грудь Отца велит упасть» [5. С. 69].

* * *

Новалис, проживший недолгую жизнь, был похоронен в своем родном городе Вайсенфельсе. Могилу украшает бюст работы Фридриха фон Шапера, изображающий молодого мужчину с ниспадающим каскадом волос. Его меч-

тательный взгляд с оттенком печали устремлен вдаль. Поэт словно предвидит ожидающую его трагическую судьбу – судьбу пророка романтизма времени наивысшего расцвета романтической школы.

Список источников

1. Шульц Г. Новалис: сам о себе. Челябинск : Урал LTD, 1998. 324 с.
2. Берковский Н.Я. Романтизм в Германии. СПб. : Пальмира, 2024. 510 с.
3. Гайм Р. Романтическая школа. Вклад в историю немецкого ума. СПб. : Наука, 2007. 893 с.
4. Микусевич В.Б. Тайнопись Новалиса // Новалис. Гимны к Ночи. М. : Энигма, 1996. С. 7–45.
5. Новалис. Гимны к Ночи. М. : Энигма, 1996. 192 с.
6. Шиллер Ф. Боги Греции // Светоч. 1860. № 1, отд. 1. С. 11–16. URL: <https://philolog.petsu.ru/mdost/texts/translit/bogigrec/htm/bogigrec.htm> (дата обращения: 13.03.2025).

References

1. Schulz, G. (1998) *Novalis: sam o sebe* [Novalis: About Himself]. Translated from German. Chelyabinsk: Ural LTD.
2. Berkovskiy, N.Ya. (2024) *Romantizm v Germanii* [Romanticism in Germany]. St. Petersburg: Pal'mira.
3. Haym, R. (2007) *Romanticheskaya shkola. Vklad v istoriyu nemetskogo uma* [The Romantic School. A Contribution to the History of the German Mind]. Translated from German. St. Petersburg: Nauka.
4. Mikushevich, V.B. (1996) *Taynopis' Novalisa* [The Secret Writing of Novalis]. In: *Novalis. Gimny k Nochi* [Hymns to the Night]. Moscow: Enigma. pp. 7–45.
5. Novalis. (1996) *Gimny k Nochi* [Hymns to the Night]. Translated from German. Moscow: Enigma.
6. Schiller, F. (1860) *Bogi Gretsii* [The Gods of Greece]. *Svetoch*. 1. pp. 11–16. [Online] Available from: <https://philolog.petsu.ru/mdost/texts/translit/bogigrec/htm/bogigrec.htm> (Accessed: 13th March 2025).

Сведения об авторе:

Корниенко М.А. – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Лаборатории междисциплинарных исследований Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: mkornienko1@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Kornienko M.A. – Cand. Sci. (Philosophy), senior researcher at the Laboratory of Interdisciplinary Research, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mkornienko1@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.10.2025;
одобрена после рецензирования 18.11.2025; принята к публикации 09.12.2025
The article was submitted 25.10.2025;
approved after reviewing 18.11.2025; accepted for publication 09.12.2025

Научная статья

УДК 172.1

doi: 10.17223/1998863X/88/9

ЛИБЕРАЛИЗМ, СОЦИАЛИЗМ ИЛИ КОММУНИТАРИЗМ: ПРОТИВОРЕЧИЯ ПРИНЦИПОВ ОБЩЕСТВЕННОГО ДОГОВОРА ЖАН-ЖАКА РУССО

Артём Евгеньевич Ухов¹, Эдуард Леонидович Ковров²,
Элеонора Гамлетовна Симонян³

^{1, 2, 3} Вологодская молочнохозяйственная академия им. Н.В. Верещагина, Вологда, Россия

¹ arbeit1982@rambler.ru

² edkovrov@rambler.ru

³ eleonora8@mail.ru

Аннотация. Рассматривается концепция свободы, равенства и справедливости Жан-Жака Руссо в контексте его демократической теории общественного договора. Отмечаются и анализируются противоречия названных концепций, что породило проблему идентичности Руссо. Выявляются черты, свойственные ранним социалистическим учениям, а также общие черты в понятиях «общая воля», «народный суверенитет», идеях о позитивной свободе и частной собственности. Делается вывод о его непричастности к разработке основоположений социализма. Взамен обосновывается идея о коммунитаризме, предтечей чего может выступать вариант общественного договора Руссо.

Ключевые слова: Ж.-Ж. Руссо, либерализм, социализм, равенство, свобода, справедливость, демократия, коммунитаризм

Для цитирования: Ухов А.Е., Ковров Э.Л., Симонян Э.Г. Либерализм, социализм или коммунитаризм: противоречия принципов общественного договора Жан-Жака Руссо // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 88. С. 85–102. doi: 10.17223/1998863X/88/9

Original article

LIBERALISM, SOCIALISM, OR COMMUNITARIANISM: CONTRADICTIONS OF ROUSSEAU'S SOCIAL CONTRACT

Artyom E. Ukhov¹, Eduard L. Kovrov², Eleonora G. Simonyan³

^{1, 2, 3} Vologda State Dairy Farming Academy, Vologda, Russian Federation

¹ arbeit1982@rambler.ru

² edkovrov@rambler.ru

³ eleonora8@mail.ru

Abstract. This article analyzes the concepts of freedom, equality, and justice within the framework of Jean-Jacques Rousseau's social contract theory. The author notes that Rousseau occupies a unique place in the history of political thought and remains a figure of ongoing debate. The analysis reveals internal contradictions within Rousseau's fundamental principles, which create a doctrinal identity problem and complicate its classification within traditional ideological frameworks. The article aims to examine Rousseau's key concepts and assess whether he can legitimately be considered a precursor to socialist ideology. To this end, it compares Rousseau's views with those of early socialist thinkers – such as Saint-Simon, Fourier, Owen, Proudhon, and Babeuf – highlighting both parallels and divergences

in their interpretations of core ideas. Rousseau distinguishes between natural, civil, and moral freedom, arguing that true liberty is realized only through collective participation in social life and submission to the general will. His conception of equality is similarly nuanced: while natural equality is inherently benign, social (or moral) inequality arises from private property and political power, which Rousseau saw as destroying natural human bonds and fostering injustice. Although he criticizes private property as a source of inequality and a necessary evil, Rousseau, unlike more radical socialists, does not advocate for its immediate abolition. Nevertheless, his ideas on collectivism and justice significantly influenced later socialist thought. Importantly, for Rousseau, equality pertains primarily to equal participation in political life rather than to the equal distribution of material goods. Special attention is given to Rousseau's concepts of popular sovereignty and the general will. For him, popular sovereignty forms the foundation of legitimate authority; however, its practical implementation faces considerable difficulties. Popular sovereignty may be supplanted by state sovereignty, risking despotism or the tyranny of the majority, while in reality, power can easily devolve to a narrow elite rather than remaining with the people as a whole. The author points out that Rousseau viewed the social contract as a mechanism for creating a just state in which the individual submits to the collective for the common good. Yet, as Proudhon later argued, the social contract can also be interpreted as a means of organizing society without state or authority – based instead on principles of personal freedom, reciprocity, and anarchy. This tension relates to the distinction between positive freedom (participation in the collective will) and negative freedom (freedom from interference). Rousseau's emphasis on positive freedom places him at a distance from anarchist thought. In conclusion, the article argues that Rousseau's political theory incorporates elements of both liberalism and socialism but cannot be reduced to either tradition. His social contract theory may instead be viewed as a precursor to communitarianism, given its emphasis on collective identity, a traditional Aristotelian conception of justice, and the value of active participation in communal life.

Keywords: Rousseau, socialism, freedom, equity, justice, democracy, general will, natural law

For citation: Ukhov, A.E., Kovrov, E.L. & Simonyan, E.G. (2025) Liberalism, socialism, or communitarianism: Contradictions of Rousseau's social contract. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 88. pp. 85–102. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/88/9

Общепризнанно, что общественно-политические идеи Руссо продолжают традицию теории идеальных государств, исследуя идеи Платона, Никколо Макиавелли, Томаса Мора, Томаса Гоббса, Джона Локка и Шарля Луи Монтескье в его либеральной форме. Следуя этой линии мысли, обычно исследователи Руссо вынуждены признавать противоречия его теории общественного договора с ключевыми идеями либерального капитализма таким образом, что это делало невозможным четкую классификацию самого Руссо: «Мыслитель парадоксальным мышлением, он воодушевлял консерваторов так же, как марксистов и феминистов» [1. Р. 50]. Более того, «своим» Руссо считал видный теоретик марксизма Г.В. Плеханов [2. С. 237–270], а идеи о социальной справедливости, свободе и участии масс в управлении обществом нашли отклик в марксистско-ленинской теории социалистической революции. С другой стороны, идеологи либерализма вроде Ф. Хайека полагали, что Руссо первым бросил вызов частной собственности; подменяя рационализм частной собственности и законов «общей волей», Руссо создавал общепризнанную теперь традицию социализма, обладающую «огромной соблазнительностью и привлекательностью» [3. С. 89]. Все это, на наш взгляд, заслуживает более пристального внимания при исследовании возможных параллелей взглядов Руссо, его ключевых для понимания общественного договора концепций

равенства, свободы и справедливости, с теми же концепциями первых социалистов.

Несовершенства капитализма и поиски параллельных моделей развития человеческого общества, необходимость переосмысления отношений между индивидуумом и государством в современном обществе, а также поиск новых, альтернативных, «пострыночных» путей развития на основе сочетания идей разных политических традиций толкают нас к переосмыслению опыта теоретического построения демократической концепции общественного договора Руссо. Поскольку ключевыми понятиями в последней являются идеи свободы, равенства и справедливости, возникает двойная задача исследования:

- во-первых, выяснить коннотации и противоречия трактовок Руссо понятий «равенство», «свобода» и «справедливость» как ключевых компонентов его теории общественного договора;

- во-вторых, попытаться идентифицировать теорию общественного договора Руссо в политическом контексте.

Во взглядах Ж.-Ж. Руссо на свободу можно выделить несколько коннотаций: свободу естественную, моральную и гражданскую. У философа они оказываются взаимосвязанными, четко неразделимыми. Руссо подчеркивал важность индивидуальной свободы и утверждал, что истинная свобода достигается через участие в общественной жизни и коллективном волеизъявлении. Он считал, что люди должны быть свободны от угнетения и иметь возможность выражать свою волю в рамках социального контракта.

Следующий принцип, используемый в концепции общественного договора – равенство, часто соединяется Руссо со справедливостью. В работе «Об общественном договоре» он формулирует принципы справедливого общества через равенство всех перед законом и участие в общей воле управления государством. По вопросу существующего в обществе неравенства Руссо также выделяет два типа: естественное (которое не приводит к негативным последствиям) и общественное (или моральное) неравенство, которое не существует в природе, а возникает из социальных соглашений. Последнее связано с частной собственностью и политической властью. Философ считает, что именно появление частной собственности стало основным фактором, приведшим к социальному неравенству. Следуя Г. Гроцию, Руссо пишет, что в древние времена «раздел земли привел к возникновению нового вида права, а именно права собственности, отличного от права, которое вытекает из естественного закона» [4. С. 80]. Хотя он нигде не упоминает о новом переделе земли, намек Руссо не слишком укладывается в либеральную модель Локка, закрепляющую право собственности как неприкосновенное в результате общественного договора. С одной стороны, Руссо, который строил свою теорию на провозглашении индивидуальной свободы граждан, частная собственность – зло, но зло необходимое. Как и Локк, Ж.-Ж. Руссо называет право собственности священным, ибо, «поскольку все гражданские права основаны на праве собственности, как только последнее будет уничтожено, никакое другое не сможет сохраниться» [4. С. 422].

Тем не менее Руссо в своей критике частной собственности заложил образец для коллективизма, который продолжили социалисты в разнообразных формах. С философом согласны многие социалисты (Сен-Симон, Фурье),

которые, несмотря на критику, еще не призывали к уничтожению или переделу собственности [5. С. 208]. Однако чем дальше, тем все более отчетливо (Оуэн, затем Прудон и Бланки) слышны призывы заменять частную собственность общественной, так как «только ассоциация обеспечит господство справедливости и равенства» [6. Р. 118–127]. Однако никто из них не предлагает избавиться от собственности одномоментно. В этом ряду лишь активный деятель революции Г. Бабеф занимал более радикальную позицию: «...единственный способ достигнуть этой цели состоит в том, чтобы установить *общее управление* (курсив автора. – А.У.); уничтожить частную собственность, прикрепить каждого человека, соответственно его дарованию, к мастерству, которое он знает; обязать его сдавать в натуре плоды своего труда на общий склад и создать простую администрацию распределения, администрацию продовольствия, которая, ведя учет всех сограждан и всех изделий, распределит последние на основе строжайшего равенства и распорядится доставить их по месту жительства каждого гражданина» [7. С. 206].

С другой стороны, по мнению Дотри, «для Руссо равенство имело такую же абсолютную ценность, что и демократия. Но ни Сен-Симон, ни Фурье так его не расценивали» [5. С. 207]. Более того, и Сен-Симон и Фурье не рассматривали идею равенства в практическом плане – они не верили в возможность его достижения, соответственно, они не были противниками частной собственности.

В вопросе равенства Ж.-Ж. Руссо также параллелен идеологам социализма, поскольку, вероятно, цель равенства «заключается не в пользовании личной свободой и индивидуальными способностями, а в непосредственном участии во власти» [8. С. 302]. Свобода народа мыслится прежде всего как политическая, соответственно, равенство видится Руссо не как равенство гражданских прав, а как равенство во властных полномочиях того же «народа», устанавливающих новый общественный договор. П. Прудон здесь раскрывает позицию, присущую Руссо: «Общность (коммунизм) стремится к равенству и к закону; собственность, порожденная автономией разума и чувством личного достоинства, стремится прежде всего к независимости и пропорциональности» [9. С. 196]. В то же время, поскольку коммунизм «отрицает независимость и пропорциональность, собственность же не удовлетворяет требованиям равенства и закона» [9. С. 196–197], Прудон равным образом против коммунизма и капитализма. Он призывал избавиться от крайностей и капитализма, и коммунизма, именуя синтез общности и собственности третьим состоянием, свободой или анархией [9. С. 197]. Для того чтобы воплотить идею равенства между людьми в жизнь, необходимо «распределить земледелие и промышленность, центры просвещения, торговли и складочные места сообразно с географическими и климатическими условиями каждой страны, с видами продуктов, с характером и естественными способностями жителей и пр. и пр.» [9. С. 199], но «сделать это надо так справедливо, разумно и умело, чтобы никогда и нигде не могло быть ни излишка, ни недостатка населения, ни избытка, ни недостатка в производстве и потреблении» [9. С. 199]. В свободных ассоциациях Прудона люди «объединяются в общества под давлением физического и математического закона производства помимо их ведома и воли» [9. С. 201], т.е. естественным образом, без принуждения, таким обра-

зом, обеспечивая что отвечает искомым Руссо требованиям справедливости, «т.е. правам общественному и гражданскому» [9. С. 201]. Таким образом, если Руссо видел в общественном договоре путь к формированию справедливого государства, где личность подчиняет себя коллективу ради общего блага, то Прудон, напротив, рассматривал общественный договор как способ организации общества без государства и власти, на принципах личной свободы, взаимности и анархии. П. Прудон также акцентировал больше внимания на свободе, утверждая, что настоящая свобода возможна только в условиях отсутствия эксплуатации и угнетения, что подразумевает необходимость изменения существующих экономических отношений. Как и Руссо, Прудон отождествлял собственность с кражей, подчеркивая, что система частной собственности создает неравенство и угнетение, эксплуатацию слабых сильными – служит системой легализованного ограбления населения. Выход Прудон видел в концепции взаимного обмена и справедливости, однако, при умалении роли законов и государства, что было неприемлемо для Руссо.

Другой основоположник теории социализма, Р. Оуэн, вторя Ж.-Ж. Руссо, считал частную собственность источником эгоизма, социальной вражды и бедности. Систему капитализма, порождающую неравенство, социальные распри и убийства он считал неизбежным следствием «борьбы людей за личное обогащение» [10. С. 23]. Он полагал собственность главным препятствием к гармонизации социальных отношений и счастьем как главной цели человечества, однако в своем анализе шел дальше последнего. По мнению Т.В. Растимешиной и В.А. Павлова, Оуэн подверг наиболее «последовательной и обстоятельной критике главное, с его точки зрения, зло буржуазной цивилизации (и с любой точки зрения – ее основу) – господство частной собственности» [11. С. 54].

Отчасти идеи справедливости и равенства воплощаются у Руссо через понятия народного суверенитета и общей воли – в концепции свободы гражданской. Поскольку данные концепции основывают легитимность власти на согласии народа и соотносятся с принципом коллективизма, они часто использовались и в ходе революции, и после нее теоретиками социализма. Для Жан-Жака Руссо суверенитет заключается исключительно в праве народа принимать законы. Он считает, что такие действия, как объявление войны или заключение мира, не являются проявлениями суверенитета, а представляют собой применение закона в конкретных случаях. Для Руссо народный суверенитет является основополагающим правом, которое неотделимо от общей воли народа.

Но с точки зрения современного права народный суверенитет – это юридическая «фикция», так как «в настоящее время термин „суверенитет“ утратил свой традиционный смысл в различных научных контекстах» [12. С. 105], поскольку его не может быть в реальности без государственного суверенитета, функцией которого и является выражение народного. На опасность подмены народного суверенитета государственным указывали, например, Ф. Гизо и Б. Констан. Рассуждая о последствиях деспотизма, Гизо называл этот принцип «абсурдным и варварским» [13. С. 353]. Констан разглядел у Руссо опасность появления деспота, от имени народа присваивающего себе власть, которая «не содержится в этом суверенитете», что приводит не только к «незаконному перемещению власти», но и к созданию власти, которой «не

должно существовать» [13. С. 37]. Рассуждая об ошибках общественного договора Руссо с его неограниченной властью, переданной якобы народу, а на самом деле попадающей в руки группы лиц или одного лица, Констан показывает, что такой режим даже еще хуже чем тот, на смену которого он приходит. «Когда не признается никаких ограничений политической власти, лидеры народа в народном правительстве являются не защитниками свободы, а честолюбивыми тиранами, стремящимися не разрушить, а скорее присвоить безграничную власть, притесняющую граждан» [14. Р. 19–20].

Таким образом, Руссо понимал изначально под народным суверенитетом идеальный принцип, который на практике оказалось невозможно реализовать: для либералов политическая власть воспринимается не как непосредственное воплощение принципа народного суверенитета (как в античной модели демократии), а как процесс делегирования этого суверенитета и контроль за его реализацией. Отсюда Руссо приходит к выводу о необходимости наличия законодателя, который, обладая особым пониманием, способен видеть истинную общую волю народа и, исходя из этого, создавать законы для данного государства.

Одним из следствий этого является взгляд, что Руссо лишил человека всех прав и подчинил его ничем не ограниченному господству государственной власти, точнее, произволу народного большинства – диктатуре (что проявилось в первой такого рода якобинской диктатуре). «Жан-Жак Руссо делал ставку на институт прямой демократии – референдум, что позволяет сделать вывод: законодатель – представитель народной воли. Но остается вопрос о том, можно ли утверждать, что такой законодатель не будет злоупотреблять властью» [15. С. 18]. Например, ближайший последователь идей Руссо Робеспьер, придя к власти, прямо заявлял, что революционное правительство занято обеспечением общественной свободы, а обеспечение гражданской свободы, защита индивида от произвола властей, отходит на второй план, откладывается до лучших времен.

Несмотря на это Руссо предупреждал такую трактовку его идей, утверждая, что кроме «общества как юридического лица» мы должны «принимать во внимание частных лиц» [4. С. 161], чья свобода и жизнь независимы от государства. То есть если в смысле естественной свободы человек имеет неотчуждаемые права и свободы, то в гражданской свободе все несколько иначе: основой общественного договора является условие полного отчуждения членов ассоциации со всеми их правами: «Каждый из нас передает в общее достояние свою личность и все свои силы» [4. С. 161]. Руссо утверждает, что только через участие в создании законов, путем непосредственной демократии, индивиды могут реализовать свою свободу в позитивном смысле. Однако, как показала А.А. Златопольская, «общая воля» не может быть дана, это процесс, а не результат, а само население не обладает способностью к составлению законов – это удел избранных представителей, «законодателя» [16. С. 68]. Противоречие Руссо в том, что, с одной стороны, этот избранный чиновник в лице всех граждан отстаивает интересы личности, требуя освобождения, а с другой – путем для этого является не что иное, как подавление естественного состояния индивида. Государство «общей воли» для Руссо есть «политическое тело», гражданин должен подчиняться общей воле как своей собственной, поскольку последняя «общая воля является непосредственным

источником разумного естественного права» [17. С. 11]. Все это дает право Хайеку сказать, что, провозгласив животный инстинкт «руководящим принципом в деле упорядочения сотрудничества между людьми, причем принципом, по совершенству весьма превосходящим и традиции, и разум, Руссо вслед за тем изобрел такую химеру, как воля народа, или „общая воля“, благодаря которой народ „выступает как обычное существо, как индивидуум“» [3. С. 88].

Концепция Руссо предусматривает механизм защиты прав и свобод, однако более на коллективистских, чем на индивидуалистических, началах. Несмотря на следование идеям Локка и перечисление в своей работе «Политическая экономия» неотчуждаемых прав: на свободу, жизнь, собственность и публичную безопасность, охрана которых – обязанность государства, – как гарантию от возможных злоупотреблений со стороны избранной власти, Руссо оставляет право всего народа на восстание: «Не существует в государстве никакого основного закона, который не может быть отменён, не исключая даже общественного соглашения» [4. С. 227].

Таким образом, по словам А.И. Гройсберг, «в центре политической теории Руссо лежит идея господства общей воли, исключаяющая возможность существования неотчуждаемых прав личности, которые бы сделали невозможным непосредственное осуществление власти народом» [17. С. 11]. Противоречия концепций «народного суверенитета» и «общей воли» – это те выводы, которые коррелируют с социалистическими идеями последователей Руссо и которые использовались в развитие этих концепций классиками марксизма. Хотя видоизмененные (например, «классовый интерес», «диктатура пролетариата» и т.п.), они легли в основу многих социалистических теорий. Присущие им противоречия (уже продемонстрированные в ходе Великой французской революции) проявились в полной мере при воплощении этих теорий в практике государственного строительства первых социалистических государств.

На основе концепции общей воли возникает третье трудноразрешимое противоречие Руссо: общественный договор требует полного отчуждения прав индивида, но опирается на идею естественного права, предполагающего неотчуждаемость свободы. Ж.-Ж. Руссо пытается решить это противоречие следующим образом: согласно общественному договору человек теряет свою естественную свободу и неограниченные права на предметы своего интереса. Взамен он получает гражданскую свободу и неотъемлемое право собственности на то, чем обладает в настоящий момент. В гражданском состоянии действия индивида приобретают нравственный характер благодаря подчинению разуму: наша естественная свобода отменяется общественным договором, а на место последней приходит свобода гражданская. «Из гражданской свободы вытекает нравственная, однако лишь с обретением нравственной свободы люди могут связать себя договором» [18. С. 144]. По-видимому, в последнем и состоит моральный аспект гражданской свободы Руссо. Теории морали Юма-Канта еще не существовало во времена Руссо, но он встретился с теми же проблемами, связанными с ответом на вопрос: как можно построить гармоничное общество, если никакого объективного, морального закона не существует? Результат Руссо известен: неотъемлемые, прирожденные права индивида, проистекающие из общественного соглашения, а не из установле-

ний божественной власти, оберегаются государством, которое в своей деятельности руководствуется Законом как квинтэссенцией общенародной воли. Лишь политическая воля выступает поручителем гражданских свобод. Здесь, однако, Руссо сталкивается с проблемой Локка – прав «меньшинства, которому угрожает деспотизм большинства» [19], оставляемых обыкновенно за пределами рассмотрения, но которую Руссо пытается решить.

Все граждане имеют равные права на свободу и потому каждый может пользоваться своей свободой лишь постольку, поскольку он не нарушает свободу других. Задача Закона в том и состоит, чтобы установить границы последней. Однако, так как гражданская свобода обретается лишь в общественной жизни и коллективным волеизъявлением («Закон есть выражение общей воли» [20. С. 103]), только коллективный закон может обеспечить индивидуальные свободы граждан и стать моральным.

В этом также развивается теория справедливости Руссо, который был «первым, кто определил, что справедливость условий заключения первоначального соглашения позволяет сформировать и справедливые принципы социального сотрудничества» [21. С. 31]. По мнению Д.И. Кирюхина, через господство общей воли, когда акты последней «устанавливают принципы справедливости, поскольку гарантируют гражданам равенство» [21. С. 37], происходит соединение свободы, равенства и справедливости, что создает его преемство концепции справедливости современного либерального мыслителя Дж. Ролза. Основные точки соприкосновения проходят следующим образом: **Теория общественного договора** (справедливое общество возникает благодаря соглашению между равными индивидами, которые договариваются о принципах совместной жизни); **приоритет равенства и свободы** (которые суть фундаментальные ценности справедливого общества); **справедливость как честность и беспристрастность** (справедливость возможна только при равных условиях для всех участников соглашения, никто не должен иметь преимущества); **общественное благо и общая воля** (приоритет общественного блага над частными интересами).

Ролз прямо признаёт, что его теория – развитие и абстракция идей классиков общественного договора Локка, Руссо и Канта, т.е. «базируется на идеях классической философии» [22. С. 170; 24. Р. 15]. С этой точки зрения Ролз попытался разрешить противоречия в сочетании принципов индивидуальной свободы и общественных равенства и справедливости, что плохо выходило у Руссо. Однако, как нам представляется, существенные отличия Руссо остались. Согласно Ролзу, состояние справедливости вполне достижимо, поскольку, по словам А. Макинтайра, «все социальные первичные блага: свобода и возможности, доход и богатство, основы самоуважения – должны быть распределены равно, кроме того случая, когда неравное распределение некоторых или всех благ приводит к преимуществу наименее преуспевших» [25. С. 334].

Если особенность теории Ролза справедливости как честности состоит в том, что «стороны мыслятся в исходной ситуации как рациональные и незаинтересованные друг в друге... незаинтересованные в интересах других» [23. С. 27], т.е. люди имеют различные «духовные цели», они не совпадают и, согласно Ролзу, в свободном обществе не обязательно должны совпадать. Напротив, для Руссо совпадение целей – это принципиальный вопрос. Со-

гласно П. Реймерсу, среди деятелей французского Просвещения никогда не было единства в их взглядах на идеал либерального общества, и порой различия были диаметрально противоположными. Наиболее ясно это видно на примере концепции общественного договора Руссо, который, согласно Реймерсу, в отличие от Тюрго, «придерживается гораздо более коллективистского подхода» [24], говорит о необходимости создания общества, основанного на справедливости и равенстве, но здесь регулирующим принципом является общая воля, а не индивидуальный интерес. Последнее как раз обнаруживает больше сходства Руссо с социалистами в противовес, например, либералу Дж. Ролзу, теория справедливости которого более последовательно либеральна и индивидуалистична.

Руссо подчеркивал важность общего блага и необходимости защиты интересов всех членов общества. В этом смысле Кирюхин поправляет себя, разграничивая взгляды Руссо и Ролза, и называет первого «предшественником коммунитаристского подхода» [21. С. 31], критикующего классический либерализм в духе коллективизма, опирающегося на классическое понятие добродетели. В связи с этим уместно привести мнение Макинтайра, считающего критическим изъяном либеральной модели справедливости «неспособность прийти к согласию по поводу перечня добродетелей, но и даже более фундаментальная неспособность прийти к согласию по поводу относительной важности концепций добродетели в рамках той моральной схемы, в которой ключевое место занимают понятия прав и полезности» [25. С. 330]. Единственный путь преодоления недостатков, присущих современной либеральной теории справедливости, – это следование коммунитаристской концепции справедливости, в основу которой положена аристотелевская модель с некоторыми изменениями.

Как реакция на недостатки либеральных (в том числе либертарианских) концепций свободы, равенства и справедливости коммунитаризм исходит из фактора принадлежности к определенной культуре, ценностям того или иного сообщества, в этом смысле отличаясь от социализма и либерализма, которые пытаются установить справедливость либо на обломках старой культуры, либо безотносительно культуры вообще. Коммунитаризм перенял у марксизма идею равноправия и коллективной ответственности, но не разделяет марксистскую стратегию классовой борьбы и революционного переустройства общества. Коммунитаризм развивает цивилизационный подход к социальной эволюции, поэтому в центре внимания оказываются постепенное развитие общественных институтов и поддержка моральных норм, объединяющих людей

По мнению М. Сэндела, либеральные теории не учитывают факта нашей укоренённости в определённом месте, времени и культуре. Иными словами, не может быть такого подхода к ценностям свободы, равенства и справедливости, который является аксиологически нейтральным: «Современные теоретики справедливости стремятся к принципам справедливости, которые были бы нейтральными в отношении целей и позволяли бы людям самостоятельно выбирать и преследовать свои цели» [26. С. 220–221]. Такой подход к справедливости был задан Аристотелем в его учении о целях, но в современных этических теориях он оказался отброшен. По Аристотелю, ничто в природе не существует само по себе, а только как причина (и цель) для души. Аристо-

тель рассматривает справедливость как «полную добродетель» и центральный принцип политической и этической жизни. По его мнению, справедливость – это не просто одна из добродетелей, а добродетель в действии по отношению к другим. Именно справедливость обеспечивает благополучие государства и способствует общему благу: «Понятие справедливости связано с представлением о государстве, так как право, служащее мерилom справедливости, является регулирующей нормой политического общения» [27. С. 380]. Для Аристотеля справедливость – основа стабильности и здоровья государства. Это добродетель, объединяющая граждан, обеспечивающая уважение законов и приоритет общих интересов над личными.

Более того, поскольку, по Аристотелю, добродетели содержатся не только в разуме, но и в «складе души» [27. С. 86], мало провозглашать справедливость в законах – нужно еще иметь волю проводить ее в жизнь. Исходя из еще одной характеристики справедливости как некоей «середины между излишеством и нехваткой, между многим и малым» [27. С. 325], можно предположить, что Аристотель отвергал абсолютный характер добродетели. Действительно, он пишет: «...справедливость и справедливое будут таковыми по отношению к кому-то и в чем-то» [27. С. 325]. Отсюда, например, идеальный (т.е. недостижимый на практике) характер справедливости. Такие же характеристики мы обнаруживаем и у Ж.-Ж. Руссо. Справедливость у Руссо представлена в работе «Об общественном договоре» как главный принцип общественного договора. «В самом деле, первый закон, первый подлинный основной закон, вытекающий непосредственно из общественного соглашения, заключается в том, что каждый отдает во всем предпочтение тому, что есть наибольшее благо для всех» [4. С. 346]. То есть и Руссо, подобно Аристотелю, выводит справедливость как главную добродетель, которой должны следовать граждане. Он подчеркивает, что чувство справедливости – одно из первых социальных чувств, связанных с отношением к другому, и оно возникает до рационального осмысления.

Связь справедливости с равенством. Оба мыслителя считают равенство фундаментальным принципом справедливости. Руссо различает естественное и гражданское равенство: первое присуще человеку от природы, второе устанавливается законами и институтами общества. Для Аристотеля справедливость также неразрывно связана с равенством – справедливый человек стремится к тому, чтобы у каждого было «свое» и в правильной пропорции, а несправедливость возникает при нарушении этого принципа.

Обобщая, Руссо соглашается с Аристотелем, что справедливость реализуется через законы и общественные институты, он отождествляет справедливость и общую волю государства. «Политический организм – это следовательно, условное существо, обладающее волей, и эта общая воля, которая всегда направлена на сохранение и на обеспечение благополучия целого и каждой его части и которая есть источник законов, является для всех членов Государства, по отношению к этим членам и к Государству, мерилom справедливого и несправедливого» [4. С. 113]. Таким образом, общее у Руссо и Аристотеля – признание справедливости фундаментальным социальным принципом, связанным с равенством, отношением к другому и необходимостью справедливых законов и институтов для поддержания порядка и свободы в обществе.

Рассматривая третью ипостась идеи свободы Руссо – свободу моральную, – можно также провести параллели с протосоциалистами: все они считали, что человек по природе добр и совершенен, а «портит» его общество богословов, капиталистов и существующая традиционная мораль. Некоторые социалисты, как например, Мабли, параллельны Руссо не только в понимании основных концепций равенства и справедливости. Мабли, как и Руссо, уверен в том, что институты цивилизации, науки и искусства способствуют отчуждению людей от природы, их развращению естественного природного чувства справедливости и социального равенства. Мабли приравняет благо к природному («естественному»): «все, что есть добродетель, находится в замысле природы», говорит о вещи как о «естественной», потому что она противостоит распространению пороков, или, альтернативно, как о «благой», потому что она «естественна» [28. Р. 41].

В.С. Нерсисянц считает, что в этом пункте Руссо близок основоположнику первых социалистических идей Платону, так как «для обоих характерно, что именно порчу нравов они считают существенным фактором, обусловившим появление частной собственности» [29. С. 167].

Руссо здесь делает важное замечание к «Общественному договору»: «...основное соглашение не только не разрушает естественного равенства, а, напротив, заменяет моральным и законным равенством то физическое неравенство между людьми, которое могла создать природа; люди, будучи неравны по силе и уму, становятся равными путем соглашения и в силу права» [4. С. 20]. Таким образом, упорядоченные в результате соглашения общественные отношения должны исправить не только имущественное, но и природное неравенство между людьми. Можно сказать, Руссо начал создавать учение о новой морали, вытекающей из договора. Поскольку лишь моральная свобода «делает человека господином над самим собой; потому что импульс одного только влечения равносителен рабству, а повиновение закону, предписанному самому, себе, равносильно свободе» [4. С. 17]. В этом можно усмотреть параллель с моральным императивом Канта с поправкой, что последний «разрешил противоречия Руссо в том, что, по Канту, моральное чувство «имеет своим источником чистый практический разум, в то время как у Руссо – сострадание к человеческому роду (человеческую природу)» [30. С. 236]. Но к схожим выводам о необходимости предпосланного морального закона говорят и социалисты. Например, Оуэн пишет, что ошибочные представления о природе человека – причина морального зла и противоестественного общественного порядка, призывая к гармоничному обществу, основанному на чувстве «совершенной любви» и достижимому посредством «разумных мер» по созданию и распределению общественного богатства. Чувство любви «устранит всякий ужас, всякий страх или сомнение, существующее у человека в отношении других людей; ревность и чувство мстительности станут неизвестными человечеству; таким образом, впервые за свою историю человек станет разумным существом, у которого чувства, мысли и поведение всегда будут в гармонии друг с другом» [10. С. 14].

Согласно Оуэну, чтобы изменить общественный строй, нужно изменить человеческий разум, сделать его свободным от заблуждений – эта идея представлена и у Руссо. Однако Оуэн приходит в этом к замкнутому кругу, с которого многие социалисты сходили лишь на позиции революционного наси-

лия: необходимо изменить условия окружающей человека среды, т.е. сам общественный порядок. Руссо предлагает мирный способ: он подчеркивает важность воспитания гражданской добродетели и участия граждан в политической жизни и с этой целью развивает свое знаменитое педагогическое учение. Он впервые поднял вопрос о необходимости перевоспитания тех слоев населения, которые ведут паразитический образ жизни за счет труда других, полагая, что истинно свободный человек – это тот, кто живет своим трудом и ценит свою независимость. А такие люди должны воспитываться с детства согласно принципу природосообразности. Таким образом, труд для Руссо был не только средством существования, но и основой для формирования моральных качеств и социальной ответственности.

Как и Руссо, А. Сен-Симон предлагал «трудотерапию» как способ установления равенства в обществе, излечения его пороков. Сен-Симон хотел заменить универсальный христианский принцип «не делай другим того, чего не желаешь себе» принципом «человек обязан трудиться». Философ противопоставляет идею индустриализма как продуктивной силы общества идее привилегий либерализма: «Руки бедняка будут по-прежнему кормить богатого, но богач получает повеление работать головой, а если его мозг неспособен к работе, то он обязан будет работать руками, ибо Ньютон, конечно, не оставит на этой планете, одной из ближайших к солнцу, работников, которые по своей прихоти отказываются приносить пользу мастерской» [31. С. 143]. Только трудящиеся имеют моральное право называться гражданами общества, собственники же – только если они трудятся.

Таким образом, можно подвести предварительные итоги. Свобода Руссо имеет по меньшей мере три коннотации: свобода природная, моральная и гражданская. Общество не является естественным явлением для Руссо. В природе нет правительства, прав или суверенитета: она коренится в инстинкте, определяемом отсутствием общества. Поэтому Жан-Жак Руссо пытается вернуть «природное» в «общественное» через инкорпорацию первого в институты гражданского общества и государства, через понятия равенства и справедливости. Руссо подчеркивает необходимость децентрализации власти и народного суверенитета, но также признает, что для реализации общей воли необходима роль законодателя, что приводит к конфликту между идеалами прямой демократии и представительной власти. Если свободу гражданскую можно соотнести с народным суверенитетом и общей волей, то моральную – более с понятием справедливости. В теории демократии Руссо они дополняют друг друга, составляя специфику характерных противоречий руссоизма. С одной стороны, философ безоговорочно выступает за реализацию природной программы естественного права для индивида и общества, с другой, он не совпадает с позицией социалистов, так как ключевым незыблемым положением остается право собственности. У Руссо здесь обнаруживаются внутренние противоречия: он одновременно утверждает священность права собственности и критикует ее как источник социального неравенства. Двойственное отношение к собственности затрудняет четкое определение его позиции относительно социализма.

Другое противоречие коренится в двойственном понимании свободы и естественного права. Руссо различает два типа свободы, которые непосред-

ственно связаны с его концепцией естественного права – негативная и позитивная. Негативная свобода подразумевает отсутствие внешних ограничений на индивидуальные права и свободы. Это означает, что человек свободен в том смысле, что никто не может вмешиваться в его действия, если они не нарушают права других. Руссо считает, что такая свобода является основой для личного развития и самовыражения, но она также может привести к конфликтам, если интересы отдельных людей не совпадают с интересами общества в целом.

С другой стороны, позитивная свобода связана с правом большинства устанавливать законы для всего населения, с ограничениями и самоограничениями. Это означает, что истинная свобода достигается только через активное участие граждан в формировании законов и норм, которые регулируют их жизнь.

Эти два вида свободы соотносятся с двумя интерпретациями естественного права, выделенными Руссо. Если естественное право, основанное на инстинкте, может привести к конфликтам интересов и нарушению прав других, то рационально истолкованное естественное право требует от индивидов осознания своих обязанностей перед обществом и готовности подчиняться общей воле ради общего блага – в этом и есть своеобразие понимания свободы Руссо. «Отказаться от своей свободы – значит отречься от своего человеческого достоинства» [4. С. 156], но истолкованное коллективистски, такое понимание свободы склоняется в сторону позитивной ее версии, что отстраняет его от анархистов Прудона. Поддержание личной свободы зависит от выполнения общественных обязанностей.

Одним из наиболее последовательных либеральных критиков Руссо был его современник Б. Констан: «...концепция народного суверенитета Ж.-Ж. Руссо есть лишь попытка навязать современному человеку ту „разновидность“ или количество свободы, которых было бы достаточно древним народам, но такая свобода не вписывается в новые форматы отношений, продиктованные достижениями цивилизации» [32. С. 180]. Здесь Констан выступает с позиции негативной свободы, убедительно показывая, что политическая свобода есть только «гарантия свободы индивидуальной и ни в коем случае не может ее заменить», так как «учреждения, которые в древних республиках подкрепляли основу гражданской свободы – политическую свободу, прочной гарантией, привели лишь к нарушению гражданской свободы, не устанавливая политической свободы» [14. С. 367]. Поэтому индивидуальной свободой никогда нельзя жертвовать ради свободы политической. «До тех пор, пока суверенитет не ограничен, нет никакого средства дать индивидам защиту от правления. Впустую будете вы пытаться подчинить правления общей воле. Именно они и диктуют эту волю, и все предосторожности становятся иллюзорными» [13. С. 32].

Ж.-Ж. Руссо не совпадает с либералами не только в своей положительной трактовке свободы. В другом отношении, при сравнении идеи справедливости Руссо и Ролза, выясняется, что Руссо более «левый», поскольку справедливость имеет коллективистский характер через понятие «общая воля», тогда как Ролз остается на индивидуалистической позиции. Руссо считает, что истинная свобода достигается через коллективное волеизъявление, что находит отражение в работах таких теоретиков, как Прудон и Оуэн, кото-

рые также критиковали частную собственность как источник неравенства и социальной несправедливости.

Опыт демократической концепции Руссо показывает всю проблематичность разработки этих понятий свободы и справедливости уже на теоретической фазе государственного строительства. Руссо пришел к осознанию трудноразрешимых противоречий в попытке сочетания концепций свободы, равенства и справедливости – идеалов Французской революции, что сразу же подверглось критике Констаном, Вольтером и другими либеральными мыслителями. Практически невозможным оказалось примирить более индивидуалистическое понимание у Руссо свободы в принципах частной собственности и личной неприкосновенности с более коллективистским пониманием общей воли, равенства и справедливости в принципе народного суверенитета.

Попытка сочетать различные коннотации в таких неясных и порой двусмысленных понятиях, как свобода, равенство и справедливость, не позволила Руссо создать непротиворечивую модель либеральной договорной теории демократии. Однако эта попытка дала возможность заглянуть за пределы самой демократии, очертить ее контуры, переходя которые она вырождается в антидемократию. Последнее наибольшее выражение получило в якобинской диктатуре и позднее – в попытках ее применения идеалов равенства и справедливости социализма на практике. Политическая классификация его теории затруднена. Невозможно полностью отнести Руссо к последователям классического либерализма.

Равным образом нельзя, подобно Плеханову или Хайеку, записать Руссо в создатели теории социализма. Он последовательно отстаивал право частной собственности – ключевое отличие его концепции общественного договора от социалистических. Кроме того, уже Ролз признает основоположения теории справедливости у Руссо, тогда как у социалистов они отсутствуют; по мнению Б.Н. Кашникова, «разнообразные социалистические теории, за исключением марксизма, полностью лишены теорий справедливости, поскольку не затрудняют себя теоретическим обоснованием своих блистательных утопий» [33. С. 45]. Не будучи социалистом, Руссо волей-неволей показал, в каком направлении могут развиваться противоречия либеральной теории свободы, равенства и справедливости. Практическое применение такой внутренне противоречивой концепции вело к диктатуре и девальвации самих исходных принципов.

Таким образом, позицию Руссо можно охарактеризовать как попытку найти баланс между буржуазным либерализмом и ранним социализмом, или как форму нелиберальной демократии. Данному балансу в наибольшей степени может отвечать идеология коммунитаризма.

Список источников

1. *Qvortrup M.* The political philosophy of Jean-Jacques Rousseau: The impossibility of reason. New York : Manchester University Press, 2003. 156 p.
2. *Плеханов Г.В.* Жан-Жак Руссо и его учение о происхождении неравенства между людьми // Современник. 1912. Кн. 9. С. 237–270.
3. *Хайек Ф.А. фон* Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М.: Новости : Catallaxy, 1992. 304 с.
4. *Руссо Ж.-Ж.* Трактаты. М.: Наука, 1969. 710 с.

5. *Дотри Ж.* Чем Сен-Симон и Фурье обязаны Жан-Жаку Руссо // История социалистических учений. Памяти академика В.П. Волгина. М. : Наука, 1964. С. 199–208.
6. *Blanqui A.* Critique sociale: 2 vols. Paris : Félix Alcan, 1885. Vol. 2.
7. *Бабеф Г.* Манифест плебеев // Утопический социализм. Хрестоматия / под ред. А.И. Володина. М. : Политиздат, 1982. С. 193–210.
8. *Хэзлит Г.* Основания морали: монография. Москва ; Челябинск : Социум, 2020. 556 с.
9. *Прудон П.Ж.* Что такое собственность? Или Исследование о принципе права и власти; Бедность как экономический принцип; Порнокрапия, или Женщины в настоящее время. М. : Республика, 1998. 368 с.
10. *Оуэн Р.* Избранные сочинения : в 2 т. М. ; Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1950. Т. 2.
11. *Растимешина Т.В., Павлов В.А.* Из истории утопического социализма: критика буржуазного мироустройства в концепции Р. Оуэна // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2017. № 3 (15). С. 45–54.
12. *Ильин И.М.* Суверенитет в доктрине конституционализма: дефиниция, проблематика // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2020. № 2 (95). С. 96–106.
13. *Классический французский либерализм* : сб. / пер. с фр. М.М. Федоровой. М. : РОССПЭН, 2000. 592 с.
14. *Constant B.* Principles of Politics Applicable to All Governments. Indianapolis : Liberty Fund, 2003. 590 p.
15. *Зарницкая М.Г.* Руссо и теория тоталитарной демократии // Политика и Общество. 2018. № 5. С. 11–18.
16. *Златопольская А.А.* Восприятие воззрений Ж.-Ж. Руссо и Монтескье в русской мысли конца XIX – начала XX века и традиции эпохи Просвещения // Вестник русской христианской гуманитарной академии. 2021. № 1 (22). С. 85–94.
17. *Гройсберг А.И.* Развитие теории суверенитета Ж.-Ж. Руссо в годы французской буржуазной революции // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. Вып. 1 (27). С. 8–17. doi: 10.17072/1995-4190-2015-1-8-17
18. *Скрутон Р.* Руссо и истоки либерализма // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Философия. Культурология. Политология. 2023. Т. 9, № 3. С. 142–149.
19. *Ухов А.Е., Ковров Э.Л., Симонян Э.Г.* Проблема свободы в философии Джона Локка: семиотическое прочтение // Философская мысль. 2023. № 10. С. 63–81. URL: https://enotabene.ru/fr/article_40080.html (дата обращения: 18.05.2025). doi: 10.7256/2409-8728.2023.10.40080
20. Декларация прав // Общественная мысль: Исследования и публикации. Вып. II / отв. ред. А.Л. Андреев, К.Х. Делокаров. М. : Наука, 1990. С. 103–104.
21. *Кириухин Д.И.* Ж.-Ж. Руссо как предшественник Дж. Ролза // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2015. Вып. 2(22). С. 31–39. doi: 10.17072/2078-7898/2015-2-31-39
22. *Соловьева В.В.* К вопросу о теории справедливости Джона Ролза // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6, № 2. С. 167–177. doi: 10.20310/2587-9340-2022-6-2-167-177
23. *Ролз Дж.* Теория справедливости. Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 1995. 500 с.
24. *Reimers P.* The Facets of the Enlightenment Movement from a Libertarian Perspective: Destroying the Myth of Rousseau as the ‘Compassionate Progressive’// MISES: Interdisciplinary Journal of Philosophy, Law and Economics. 2020. Vol. 8. doi: 10.30800/mises.2020.v8.1250
25. *Макинтайр А.* После добродетели: Исследования теории морали. М. : Академический Проект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2000. 384 с.
26. *Сэндел М.* Справедливость. Как поступать правильно? М. : Манн, Иванов и Фербер, 2013. 352с.
27. *Аристотель.* Сочинения : в 4 т. М. : Мысль, 1981. Т. 4.
28. *Whitfield E.A.* Gabriel Bonnot De Mably (London, UK: George Routledge and Sons, 1930, reprinted as New York, NY : Augustus M. Kelley Publishers, 1969). 316 p.
29. *Нерсисянц В.С.* Политические учения Древней Греции. М. : Наука, 1979. 264 с.
30. *Шачина А.Ю.* К вопросу о влиянии Ж.-Ж. Руссо на творчество И. Канта // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2018. Т. 22, № 2. С. 236–247. doi: 10.22363/2313-2302-2018-22-2-236-247

31. Сен-Симон А. Письма женевого обитателя к современникам // Избранные сочинения. М. ; Л. : Изд-во Академии наук, 1948. С. 105–145.
32. Гройсберг А.И., Кондратьева К.С., Скиперских А.В. Диалог Руссо и Константа Ж.-Ж. Руссо vs Б. Констан: несостоявшийся диалог о свободе // Вестник Пермского университета. Политология. 2018. № 2. С. 172–185. doi: 10.17072/2218-1067-2018-2-172-185
33. Кашиников Б.Н. Либеральные теории справедливости и политическая практика России. В. Новгород : НовГУ имени Ярослава Мудрого, 2004. 260 с.

References

1. Qvortrup, M. (2003) *The political philosophy of Jean-Jacques Rousseau: The impossibility of reason*. Manchester University Press.
2. Plekhanov, G.V. (1912) Zhan-Zhak Russo i ego uchenie o proiskhozhdenii neravenstva mezhdru lyud'mi [Jean-Jacques Rousseau and His Teaching on the Origin of Inequality Among Men]. *Sovremennik*. 9. pp. 237–270.
3. Hayek, F.A. von (1992) *Pagubnaya samonadeyannost'. Oshibki sotsializma* [The Fatal Conceit. The Errors of Socialism]. Translated from German. Moscow: Novosti; Catallaxy.
4. Rousseau, J.-J. (1969) *Traktaty* [Treatises]. Translated from French. Moscow: Nauka.
5. Dautry, J. (1964) Chem Sen-Simon i Furie obyazany Zhan-Zhaku Russo [What Saint-Simon and Fourier Owe to Jean-Jacques Rousseau]. In: Porshnev, B.V. (ed.) *Istoriya sotsialisticheskikh ucheniy* [History of Socialist Teachings]. Moscow: Nauka. pp. 199–208.
6. Blanqui, A. (1885) *Critique sociale: 2 vols*. Paris: Félix Alcan.
7. Babeuf, G. (1982) Manifest plebeev [Manifesto of the Plebeians]. In: Volodin, A.I. (ed.) *Utopicheskii sotsializm. Khrestomatiya* [Utopian Socialism. Reader]. Moscow: Politizdat. pp. 193–210.
8. Hazlitt, H. (2020) *Osnovaniya morali* [Bases of Morality]. Translated from English. Moscow; Chelyabinsk: Sotsium.
9. Proudhon P.J. (1998) *Chto takoe sobstvennost'? Ili Issledovanie o printsipe prava i vlasti; Bednost' kak ekonomicheskii printsip; Pornokratia, ili Zhenshchiny v nastoyashchee vremya* [What is Property? Or Investigation on the Principle of Law and Power; Poverty as an Economic Principle; Pornocracy or Women Nowadays]. Translated from French. Moscow: Respublika.
10. Owen, R. (1950) *Izbrannye sochineniya* [Selected Works]. In 2 vols. Translated from English. Moscow; Leningrad: USSR AS.
11. Rastimeshina, T.V. & Pavlov, V.A. (2017) Iz istorii utopicheskogo sotsializma: kritika burzhuznogo mirostroystva v kontseptsii R. Ovena [From the History of Utopian Socialism: Critique of the Bourgeois World Order in the Concept of R. Owen]. *Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya*. 3(15). pp. 45–54.
12. Ilyin, I.M. (2020) Suverenitet v doktrine konstitutsionalizma: definitsiya, problematika [Sovereignty in the Doctrine of Constitutionalism: Definition, Issues]. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva*. 2(95). pp. 96–106.
13. Fedorova, M.M. (ed.) (2000) *Klassicheskii frantsuzskii liberalizm* [Classical French Liberalism]. Translated from French by M.M. Fedorova. Moscow: ROSSPEN.
14. Constant, B. (2003) *Principles of Politics Applicable to All Governments*. Indianapolis: Liberty Fund.
15. Zarnitskaya, M.G. (2018) Russo i teoriya totalitarnoy demokrati [Rousseau and the Theory of Totalitarian Democracy]. *Politika i Obshchestvo*. 5. pp. 11–18.
16. Zlatopolskaya, A.A. (2021) Vospriyatie vozzreniy Zh.-Zh. Russo i Monteskye v russkoy mysli kontsa XIX – nachala XX veka i traditsii epokhi Prosveshcheniya [The Reception of the Views of J.-J. Rousseau and Montesquieu in Russian Thought of the Late 19th – Early 20th Century and the Traditions of the Enlightenment]. *Vestnik russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii*. 1(22). pp. 85–94.
17. Groysberg, A.I. (2015) Razvitie teorii suvereniteta Zh.-Zh. Russo v gody frantsuzskoy burzhuznoy revolyutsii [The Development of J.-J. Rousseau's Theory of Sovereignty During the French Bourgeois Revolution]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki*. 1(27). pp. 8–17. doi: 10.17072/1995-4190-2015-1-8-17
18. Scruton, R. (2023) Russo i istoki liberalizma [Rousseau and the Origins of Liberalism]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo Filosophiya Kul'turologiya Politologiya*. 9(3). pp. 142–149.

19. Ukhov, A.E., Kovrov, E.L. & Simonyan, E.G. (2023) Problema svobody v filosofii Dzhona Lokka: semioticheskoe prochtenie [The Problem of Freedom in the Philosophy of John Locke: A Semiotic Reading]. *Filosofskaya mysl'*. 10. pp. 63–81. doi: 10.25136/2409-8728.2023.10.40080
20. Andreev, A.L. & Delokarov, K.H. (eds) (1990) *Obshchestvennaya mysl': Issledovaniya i publikatsii* [Social Thought: Research and Publications]. Vol. 2. Moscow: Nauka. pp. 103–104.
21. Kiryukhin, D.I. (2015) Zh.-Zh. Russo kak predshestvennik Dzh. Rolza [J.-J. Rousseau as a Predecessor of J. Rawls]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya*. 2(22). pp. 31–39. doi: 10.17072/2078-7898/2015-2-31-3
22. Solovyeva, V.V. (2022) K voprosu o teorii spravedlivosti Dzhona Rolza [On the Question of John Rawls's Theory of Justice]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava*. 6(2). pp. 167–177. doi: 10.20310/2587-9340-2022-6-2-167-177
23. Rawls, J. (1995) *Teoriya spravedlivosti* [Theory of Justice]. Translated from English. Novosibirsk: Novosibirsk University.
24. Reimers, P. (2020) The Facets of the Enlightenment Movement from a Libertarian Perspective: Destroying the Myth of Rousseau as the 'Compassionate Progressive. *MISES: Interdisciplinary Journal of Philosophy, Law and Economics*. 8. doi: 10.30800/mises.2020.v8.1250
25. MacIntyre, A. (2000) *Posle dobrodeteli: Issledovaniya teorii morali* [After Virtue: A Study in Moral Theory]. Translated from English. Moscow: Akademicheskii Proekt; Yekaterinburg: Delovaya kniga.
26. Sandel, M. (2013) *Spravedlivost'. Kak postupat' pravil'no?* [Justice: What's the Right Thing to Do?]. Translated from English. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber.
27. Aristotle. (1981) *Sochineniya v 4 tt.* [Works in 4 vols]. Moscow: Mysl'.
28. Whitfield, E.A. (1969) *Gabriel Bonnot De Mably* (Originally published London, UK: George Routledge and Sons, 1930). New York, NY: Augustus M. Kelley Publishers.
29. Nersesyants, V.S. (1979) *Politicheskie ucheniya Drevney Gretsii* [Political Doctrines of Ancient Greece]. Moscow: Nauka.
30. Shachina, A.Yu. (2018) K voprosu o vliyani Zh.-Zh. Russo na tvorchestvo I. Kanta [On the Influence of J.-J. Rousseau on the Work of I. Kant]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Filosofiya*. 22(2). pp. 236–247. doi: 10.22363/2313-2302-2018-22-2-236-247
31. Saint-Simon, A. (1948) *Izbrannye sochineniya* [Selected Works]. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences. pp. 105–145.
32. Groysberg, A.I., Kondratieva, K.S. & Skiperskikh, A.V. (2018) Dialog Russo i Konstantana Zh.-Zh. Russo vs B. Konstan: nesostoyavshiysya dialog o svobode [The Dialogue of Rousseau and Constant J.-J. Rousseau vs B. Constant: A Dialogue on Freedom That Never Happened]. *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya*. 2. pp. 172–185. doi: 10.17072/2218-1067-2018-2-172-185
33. Kashnikov B.N. (2004) *Liberal'nye teorii spravedlivosti i politicheskaya praktika Rossii* [Liberal Theories of Justice and Political Practice in Russia]. Velikiy Novgorod: NovSU.

Сведения об авторах:

Ухов А.Е. – кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Вологодской молочнохозяйственной академии им. Н.В. Верещагина (Вологда, Россия). E-mail: arbeit1982@rambler.ru

Ковров Э.Л. – доцент, кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Вологодской молочнохозяйственной академии им. Н.В. Верещагина (Вологда, Россия). E-mail: edkovrov@rambler.ru

Симонян Э.Г. – доцент, кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Вологодской молочнохозяйственной академии им. Н.В. Верещагина (Вологда, Россия). E-mail: eleonora8@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Ukhov A.E. – Cand. Sci. (Philosophy), associate professor at the Department of Humanities, Vologda State Dairy Farming Academy named after N.V. Vereshchagin (Vologda, Russian Federation). E-mail: arbeit1982@rambler.ru

Kovrov E.L. – Cand. Sci. (Philosophy), associate professor at the Department of Humanities, Vologda State Dairy Farming Academy named after N.V. Vereshchagin (Vologda, Russian Federation). E-mail: edkovrov@rambler.ru

Simonyan E.G. – Cand. Sci. (Philosophy), associate professor at the Department of Humanities, Vologda State Dairy Farming Academy named after N.V. Vereshchagin (Vologda, Russian Federation). E-mail: eleonora8@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 25.02.2025;
одобрена после рецензирования 19.11.2025; принята к публикации 09.12.2025
The article was submitted 25.02.2025;
approved after reviewing 19.11.2025; accepted for publication 09.12.2025*

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Научная статья
УДК: 72.012.03
doi: 10.17223/1998863X/88/10

СТИЛЬ И ПАРАДИГМА КАК ДВА ПОДХОДА К ФОРМООБРАЗОВАНИЮ В АРХИТЕКТУРЕ

Мария Николаевна Кокаревич

*Томский государственный архитектурно-строительный университет, Томск, Россия,
kokarevich@mail.ru*

Аннотация. Показано, что основными подходами формообразования в архитектуре являются стиль как устойчивая система принципов и парадигма как система ориентиров, определяющих поле возможностей выстраивания норм данной деятельности. Обосновано, что стиль актуализируется в социокультурном контексте, задаваемом онтологическими, ментальными доминантами, носящими обобщенный характер, а парадигма – в пространстве культуры, задаваемом индивидуалистически окрашенными онтологическими основаниями.

Ключевые слова: архитектурный стиль, архитектурная парадигма, нормы и принципы архитектурного формообразования

Для цитирования: Кокаревич М.Н. Стиль и парадигма как два подхода к формообразованию в архитектуре // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 88. С. 103–112. doi: 10.17223/1998863X/88/10

SOCIAL PHILOSOPHY AND PHILOSOPHY OF HUMANITY

Original article

STYLE AND PARADIGM AS TWO APPROACHES TO SHAPING IN ARCHITECTURE

Maria N. Kokarevich

*Tomsk State University of Architecture and Building, Tomsk, Russian Federation,
kokarevich@mail.ru*

Abstract. The article identifies the main approaches to shaping in architecture, showing that such are the style and the paradigm. At the same time, if the style is a stable system of the principles of shaping in architecture, then the paradigm basically turns out to be a system of the guidelines that define the field of the possibilities for building systems of the norms of architectural shaping, which is implemented in a variety and, to a greater extent, different than the general principles of architectural shaping within a single paradigm. The

introduction of the concept of an architectural paradigm is possible due to the high degree of the correlation between the socio-humanitarian knowledge and the architectural design. At the same time, the formation and approval of the style is possible in a socio-cultural context defined by the mental dominants of a generalized, universal nature. The paradigm is generated in the cultural space defined by the individualistically colored mental foundations. Thus, if the artistic and aesthetic paradigms of Romanticism, Gothic, Baroque, and a number of others are explicated as the styles, then many modern style citations such as techno-Baroque, neo-Gothic, etc., as well as the metabolism, the nonlinear architecture, and the postmodern architecture represent many paradigms with a higher degree of the subjectivity and individuality than the style. Thus, the idea of the modern theoretical and architectural space as a field of the coexistence and rivalry of the architectural paradigms, as a field of the permanent genesis, the subjective-contextual process of formation of the new architectural paradigms becomes justified. In this aspect, the subjective-contextual aspect of the gossip from the postmodern mental dominants and inherent personal beginnings of the architect, for example, the desire to create something new, become famous, prove their creative worth, etc. **Keywords:** architectural style, architectural paradigm, norms and principles of architectural shaping

For citation: Kokarevich, M.N. (2025) Style and paradigm as two approaches to shaping in architecture. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 88. pp. 103–112. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/88/10

Общепринятым в философии и теории культуры является экстерналистский подход, согласно которому любая деятельность (научная, художественная, художественно-архитектурная и т.д.) осуществляется всегда в рамках определенной культуры, социокультурного контекста. При этом ментальные, онтологические основания культуры, культурной эпохи становятся определяющим фактором из всех, составляющих данный культурный контекст. В частности, культ прекрасной человеческой телесности как ментальной доминанты античной культуры генерирует и задает качественное своеобразие всех форм культуры: телесными признаются и души, и числа мыслятся как отрезки на прямой, и красота как нечто выделяемое во всех прекрасных вещах несет в себе обобщенные черты прекрасного человеческого тела и передается в понятиях пропорциональности, симметрии и т.п.

Каждому социокультурному контексту присуща акцентуация либо на обобщенном, универсальном, типобразующем, либо на индивидуализирующем, особенном характере ментального, онтологического ядра культуры, культурной эпохи. Онтологическое ядро античной культуры, а также средневековой, культуры Нового времени как эпох развития западноевропейской культуры представляет универсально настроенную систему ментальных доминант. Начиная с XIX в. индивидуализирующее начало становится элементом множества онтологических, ментальных доминант в западноевропейской, русской культурах. Данное обстоятельство актуализирует проблему специфики архитектурного формообразования в контексте влияния на нее универсальной или индивидуализирующей систем ментальных доминант. Соответственно, целью данной статьи является обоснование становления стиля как подхода к формообразованию в архитектуре в системе обобщенно окрашенного социокультурного контекста и архитектурной парадигмы как подхода релевантного индивидуалистически окрашенной системе ментальных доминант.

Термин «парадигма» был введен в философский дискурс Т. Куном. Парадигма может быть рассмотрена как система необходимых и достаточных

элементов. Необходимой составляющей парадигмы является система способов постановки проблемы и методов ее решения. Достаточность и полнота парадигмы задается такими составляющими, как дисциплинарная матрица, которая включает, во-первых, законы (аксиомы Евклида, законы Ньютона (сила действия равна силе противодействия и т.д.); во-вторых, определения, например, массы, скорости и т.д.; в-третьих, ценностные установки, такие как точность предсказаний, согласованность положений и т.п., методологические установки, нормы описания, доказательства; в-четвертых, образцы решения конкретных задач; в-пятых, задает круг проблем, имеющих смысл, определяет тип фактов [1].

В современной гуманитаристике понятие парадигмы в неполном, схематизированном образе как системе факторов, ориентиров при формулировке цели и путей ее достижения в том или ином виде деятельности давно вышло за рамки методологии науки и становится естественным, общепринятым для политического, политологического, философского и других видов социогуманитарного дискурса [2–7].

Генезис таким образом понятых конкретных парадигм всегда обусловлен социокультурным контекстом. Ученый всегда выступает как носитель парадигмальных принципов, т.е. он всегда вписан в определенный культурно-исторический контекст. Для Т. Куна развитие науки есть смена парадигм. Однако реалии развития математического, социогуманитарного знания дают основание утверждать, что развитие математики, гуманитарных наук не всегда смена, а скорее соперничество и сосуществование отдельных парадигм. В математике такими одновременно признанными парадигмами являются геометрия Евклида, гиперболическая геометрия Бойаи-Лобачевского и т.д. В исторической науке подобное сосуществование представлено западной парадигмой с ее реконструкцией сложных взаимоотношений русских и татаро-монгол как татаро-монгольского ига, евразийской с ее интерпретацией данного периода как времени дружбы русских и татаро-монгол и т.п. В эпистемологии сосуществует ряд методологических парадигм: И. Лакатоса (развитие науки есть сосуществование и соперничество исследовательских программ) [8], Т. Куна с его моделью развития науки как смены научных парадигм, П. Фейерабенда, представившего образ научного познания как пролиферацию теорий [9], Дж. Холтона с его представлением о развитии науки как взаимодействия частной науки с накопленным знанием и социокультурным контекстом [10], С. Тулмина, акцентирующего детерминантную роль в развитии гуманитарных наук социокультурного контекста [11] и т.п. Полем сосуществования и соперничества таких парадигм в философии становится, в частности, множество онтологических философских моделей, которые задают методологические стратегии постановки проблем, их решений в античной философии. Например, Огонь как бытийное основание мира у Гераклита становится методологией для формирования образа человека как воплощения Огнелогоса. Последнее позволяет Гераклиту отождествить разумность с огненностью человеческих качеств, которые можно залить водой и низвести человека до уровня скота. Аналогичную функцию выполняют атомы Демокрита, идеи Платона и т.д. Данный образ сосуществования философских парадигм, их обусловленности культурно-историческим контекстом коррелирует с определением Гегеля философии как эпохи, схваченной в

мыслях, рассуждением О. Шпенглера о том, что «каждая философия есть выражение своего и только своего времени» [12. С. 176].

Как аналог социогуманитарной парадигмы в архитектурно-художественном проектировании можно рассматривать архитектурную парадигму, поскольку архитектурное проектирование и социогуманитарное познание в значительной степени тождественны. Действительно, методологической стратегией архитектурной деятельности является конструирование, для гуманитаристики – реконструирование, интерпретация, деконструирование, аналогично коррелятивны и субъект, и предмет, и результат научной и архитектурно-проектной деятельности [13, 14]. Таким аналогом является и стиль, который также представляет конкретизацию ментальных, онтологических ценностных оснований культуры, культурной эпохи и эксплицируется как устойчивая система средств формирования художественного, в частности архитектурно-художественного, образа. Например, готика с необходимостью актуализирует такие формы, как контрфорсы, аркбутуны, нервюры, вертикальные составляющие [15]. Тем самым, стиль может быть рассмотрен как частный случай, разновидность художественно-эстетической парадигмы.

Обзор признанных в теории архитектуры стилей доказывает, что стиль актуализируется в социокультурном контексте, задаваемом ментальными доминантами, носящими обобщенный характер, т.е. стиль является воплощением обобщенной методологической стратегии архитектурного формообразования. В рамках архитектурно-художественного проектирования среда обитания человека существует как сконструированная искусственная реальность, методологически обусловленная социокультурным контекстом эпохи, сплетенным из ментальных доминант культуры, культурной эпохи, идеалов и норм прекрасного и личностных качеств творящего, которые определяют методологические, стилистические, парадигмальные стратегии архитектурного формообразования. При этом характер ментального основания задает степень личностного, индивидуального участия в архитектурном формообразовании. Обобщенный характер ментального основания определяет приверженность общим, универсальным нормам архитектурного формообразования, т.е. стилистическим принципам, определенному стилю, задавая устойчивый характер принципам художественно-строительной деятельности, преобладанию общего, значительно нивелирующего личностное начало зодчего.

Действительно, античная культура с ее культом обобщенной человеческой телесности, ослабленным индивидуальным началом генерирует культурный дискурс с ярко выраженными стилеобразующими, универсальными идеалами и нормами, эстетическими образцами, которые воплощаются в устойчивых принципах формообразования в архитектуре, создании художественных образов в целом. Примером этому становятся типы ордерных систем, «античный профиль», имперсональность греческих статуй, бюстов (бюсты победивших в Олимпийских играх у Фидия отличались, как правило, именами), театр масок, в котором каждая маска воплощает определенный типаж, лишенный характера: герой, молодая женщина и т.п.

Средневековый культурный контекст также представляет собой в своей основе переплетение ментальных доминант, носящих универсальный, обобщенный характер. Таковыми являются догматизм, через призму которого и принципы формообразования в архитектуре становятся устойчивыми и неиз-

менными догмами; универсализм, исходящий из идеи Единого Бога, генерирует универсальные, общие идеалы и нормы художественно-эстетической деятельности, аналогично представлению о человеке как носителе, прежде всего, единых нравственных законов. Последняя ментальная доминанта является основанием для утверждения методологической стратегии генерализации как акцентирования на главном свойстве в описании человека, в создании любого художественно-архитектурного образа. Данный социокультурный контекст, сплетенный из ментальных доминант, носящих характер универсализма, обобщенности, генерализации, догматизма, порождает направленность на формирование устойчивой системы архитектурного формообразования, т.е. утверждение стиля сначала романики, затем, готики. В частности, методологическая стратегия романского стиля представляет собой систему конкретизаций обобщенных ментальных оснований средневековой культуры: догматизма, универсализма, которые методологически задают неизменность обобщенного, единого образца храмового зодчества, символизма, определяющего специфику принципов формообразования как символа Царства Божьего, крайнего дуализма, предопределяющего противоположность внешней простоты экстерьера, обращенного к реальному миру, и роскоши внутреннего убранства, присущей Царству Божьему.

Культура Возрождения определяется как становление и утверждение ментальных принципов гуманизма и индивидуальности. Вместе с тем оправдание гуманизма начинается с оправдания человеческого разума и приводит к его абсолютизации, к возвышению человеческого разума до уровня божественного, возвышению человека до уровня Бога. Действительно, абсолютизация человеческого разума восходит к теории двух истин, согласно которой, с одной стороны, человеческий разум – могучее оружие, но ему не дано познание Бога, с другой стороны, он самодостаточен для познания природы. Последнее стало основанием для освобождения ученого от необходимости соотносить свои открытия с догматами веры, что привело к становлению новой экспериментальной науки, бурному росту научных знаний. Соответственно, если Бог создал природу с ее закономерностями, а человек их открыл, то он в полной степени может уравнивать себя с Богом, Абсолютом по силе разума. Отсюда и возвышение человека до уровня Бога, и возведение субъективного разума в ранг Абсолюта. Согласно Марсилио Фичино, человек и есть как бы Бог. Вместе с тем культ индивидуальности размывает нормы и идеалы создания художественных образов, принципов формообразования в архитектуре, хотя их основанием становится методология идеализации, стремления к созиданию одновременно индивидуалистического и обобщенного эстетического образа. Тем самым, в полной степени о стиле архитектурного формообразования эпохи Возрождения говорить нельзя, имеет место и парадигмальная методологическая стратегия.

Классицизм и барокко утверждают в контексте приоритета человеческого разума и опыта, которые возводятся в ранг всеобщего. Разум понимается как чистый, абсолютный разум, деятельность которого строго подчинена единым нормам, единым правилам дедуктивной методологии. Художественная, как и научная, деятельность представляет собой деятельность универсального разума, поэтому она по аналогии с научным познанием ориентирована на выявление единого закона, идеала прекрасного по аналогии с

законами механики, например, на выявление генеральных образцов чести и долга, архитектурных форм. Абсолютизация человеческого разума становится основанием для становления методологической стратегии формообразования в классицизме, которая черпает свои нормы и принципы из родственной, классической эпохи в развитии античной культуры, которой также свойствен культ обобщенной человеческой разумности. Отсюда название – «классицизм», цитирование норм архитектурных ордерных систем и т.п., т.е. утверждение классицизма как стиля. В соответствии с пониманием человеческого опыта как потока ощущений, носящих обобщенный характер, поскольку ученый выступает в данное время как Зеркало природы, носитель общих познавательных качеств, нацеленных на выявление общих законов природы, формируется барокко с его фантазийностью, чувственностью. Рококо утверждается в эпоху Просвещения. Доминирование идеи всеобщего равенства, в частности равенства не только перед законом, но равенства в доступе к благам, удобному жилью, приводит к измельчению барокко, трансформации его в рококо, не выходящее за пределы универсальных эстетических норм.

XIX в. с его доминированием культа человеческой воли означает формирование социокультурного контекста с ярко выраженной индивидуалистической составляющей, что приводит к формированию романтической парадигмы как сосуществованию множества авторских парадигм с приоритетом в них индивидуалистически окрашенных норм архитектурного формообразования.

В последующем акцентирование на человеческой воле активизирует углубление в иррациональное – мир страстей, чувств, инстинктов, мир бессознательного. Приоритет иррационального означает акцентирование на субъективности, индивидуалистичности видения, понимания, наконец, принципов архитектурного формообразования, что приводит к становлению пространства множества парадигм художественно-эстетических (от импрессионизма к экспрессионизму и т.д.), архитектурных (парадигма новой рациональной архитектуры и т.д.). Отметим, что преобладание в советской культуре доминанты общего приводит к методологической стратегии типизации в художественном творчестве, что реализуется в стилистической стратегии в архитектуре советского периода.

Постмодернистская ментальность с ее принципом максимальной приближенности к каждому отдельному человеку, к каждой культуре приводит к возникновению множества художественно-эстетических парадигм. Таким образом, утверждается деконструктивизм Ч. Дженкса, Р. Колхаса и других архитекторов. Постулируемая доминанта максимальной приближенности к каждому отдельному человеку задает индивидуалистически окрашенную методологическую стратегию архитектурного формообразования. Подтверждением чему является принцип партисипационного проектирования, обоснованный Ч. Дженксом, как принцип проектирования в диалоге с заказчиком [16]. Здесь на первый план выходит индивидуалистическая составляющая, обусловленная не столько личностью творца, сколько личностными пристрастиями заказчика. Тем самым, приоритет индивидуалистической составляющей, нивелирующей обобщенный и потому устойчивый характер принципов формообразования, приводит к представлению о приоритете парадигмы, постулирующей ориентиры, а не точные принципы формообразования. Пара-

дигмальный характер формообразования в деконструктивистской архитектуре методологически предопределяет современную архитектурно-художественную реальность, облик строящихся зданий, кварталов, городов.

При этом деконструктивизм как архитектурно-проектировочная парадигма, возникающая в пространстве постмодернистской ментальности, утверждается одновременно с деконструктивистскими социогуманитарными парадигмами, такими как парадигма Ж.-Ф. Лиотара, с обоснованием разрушения метаповествований, поскольку мир для него существует как субъективно-индивидуалистическая онтологическая интерпретация в определенном социокультурном контексте; утверждение деконструктивной методологии Ж. Дерриды, деконструктивизма Р. Рорти, разрушающего возроденческое представление о Человеческом Разуме как Зеркале природы и т.п., что является дополнительным аргументом детерминации типа архитектурного формообразования, научной и другой деятельности, характером ментального основания культурной эпохи.

Вышепроведенная аналогия между парадигмой и стилем позволяет эксплицировать стиль как вид парадигмы. Однако, как было показано, если стиль может быть рассмотрен как парадигма, то не всякая парадигма является стилем.

Действительно, парадигма представляет собой признанную модель постановки проблем и их решений для архитектурного сообщества. Методологический аспект парадигмы составляют принципы, которые можно рассматривать как конкретизации идеалов и норм архитектурной деятельности для постановки и решения задач. В этом аспекте определенная парадигма становится основой для формирования архитектурной школы (архитектор всегда выступает как носитель определенной парадигмы). Парадигма определяет идентичность убеждений, норм и правил, принятых этим архитектурным сообществом, детерминирует и постановку, и решение проблем, формирует ориентиры при выдвижении идей, допущений разного рода.

Стиль – это прежде всего устойчивая общность художественно-образной системы какой-либо культурной эпохи, культуры и средств художественной деятельности, обусловленная системой онтологических доминант, носящих абсолютный, обобщенный характер, и определяющая качественное своеобразие художественно-эстетической деятельности в определенную эпоху. Стиль, таким образом, эксплицируется как устойчивая, существующая не в рамках деятельности одного творящего субъекта, а вбирающая в себя деятельность многих творцов, устойчивая художественно-эстетическая парадигма, существующая в качестве методологической стратегии и архитектурной деятельности. Стиль представляет собой многослойное образование. В качестве самого глубинного порождающего слоя можно рассматривать фундаментальные, ментальные ценности культуры, носящие обобщенный характер. Последующие слои включают национальные, темпоральные особенности, влияющие на спецификацию стилистических элементов, стилевых образов.

Стиль в искусстве как определенная устойчивая система средств художественной выразительности, как способ, который определяет выбор и сочетание внешних, формальных элементов в каждом конкретном произведении, может быть адаптирован, обобщен и трансформирован в стиль культуры. То-

гда положение об универсальности ментальных доминант культуры как методологического основания творческой деятельности получает дополнительную аргументацию.

Представляется, и при таком подходе невозможно не увидеть роль универсальности ментальных оснований культуры, культурной эпохи, детерминирующих становление архитектурно-художественной парадигмы как стиля. В классическом искусствознании подчеркивается именно устойчивый характер системы средств создания архитектурно-художественного образа, которая позволяет даже дилетанту правильно определить принадлежность конкретного здания определенному стилю. Вместе с тем данную характеристику можно дополнить представлением о генезисе стиля в рамках социокультурного контекста, в котором определяющую роль играют ментальные доминанты, носящие универсальный обобщенный характер. Соответственно, как стиль эксплицируется романика, готика, классицизм, барокко, рококо, который зачастую называют последним стилем, хрупким цветком западного зодчества. Высокая степень индивидуалистического воплощения личностного авторского начала предполагает отсутствие устойчивости средств архитектурного, художественно-эстетического формообразования, позволяет определить, например, феноменологическую архитектуру, деконструктивизм, нелинейную архитектуру как качественно своеобразные парадигмы. При этом в рамках каждой парадигмы можно увидеть различие парадигмальных оснований у различных архитекторов, например, у С. Холла, у Д. Кельбау и других приверженцев феноменологической архитектуры [17, 18]. Таким образом, феноменологическая архитектурная парадигма представляет собой сосуществование отдельных авторских парадигм.

Таким образом, если художественно-эстетические парадигмы романики, готики, барокко и ряда других эксплицируются как стили, то множество современных цитирований стиля, таких как техно-барокко, неоготика и т.п., а также парадигмы метаболизма, нелинейной архитектуры, постмодернистские парадигмы, представляют собой множество парадигм, обладающих более высокой степенью субъективности и индивидуальности, нежели стиль.

Тем самым становится обоснованным представление о современном теоретико-архитектурном пространстве как о поле сосуществования и соперничества архитектурных парадигм, как о поле перманентного генезиса, субъективно-контекстного процесса становления новых архитектурных парадигм. В данном аспекте субъективно-контекстный аспект сплетен из постмодернистских ментальных доминант, свойственных личностному началу архитектора, например, желания создать нечто новое, прославиться, доказать свою творческую состоятельность и т.п.

Таким образом, парадигма и стиль могут быть рассмотрены как два вида формообразования в архитектуре. При этом становление и утверждение стиля реализуется в социокультурном контексте, задаваемом ментальными доминантами, носящими обобщенный, универсальный характер. Парадигма генерируется в пространстве культуры, задаваемом индивидуалистически окрашенными ментальными основаниями. Соответственно, пространство архитектуры можно эксплицировать как пространство сосуществования и соперничества множества парадигм.

Список источников

1. Кун Т. Структура научных революций. М. : Прогресс, 1977. 300 с.
2. Фигурный Г.Н. Парадигматика современной архитектуры: аналитика и декларации // *Architecture and Modern Information Technologies*. 2019. № 2 (47). С. 71–82 URL: https://marhi.ru/AMIT/2019/2kvart19/PDF/04_figurnyj. (дата обращения: 6.11.2025).
3. Мутагиров Д.З. Парадигмы политики и политической науки. Политическая экспертиза // *ПОЛИТЭКС*. 2019. № 15 (2). С. 201–218. URL: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu23.2019.203>. (дата обращения: 6.11.2025).
4. Кияненко К.В. Парадигмы социального знания и обоснования в архитектуре // *Социологические исследования*. 2018. № 2. С. 30–39.
5. Фролова И.В., Елинсон М.А. Историческая наука в контексте смены парадигм социально-гуманитарного знания // *Российский гуманитарный журнал*. 2015. Т. 4, № 5. С. 381–386.
6. Афанасьев А.И. Гуманитаристика и ее парадигмы // *Гуманитарные научные исследования*. 2013. № 6. URL: <https://human.snauka.ru/2013/06/3353> (дата обращения: 02.11.2025).
7. Кулхаас Р. Нью-Йорк вне себя. М. : Ин-т медиа, архитектуры и дизайна, 2013. 336 с.
8. Лакатос И. История науки и ее рациональные реконструкции // *Структура и развитие науки. Из бостонских исследований по философии науки*. М. : Прогресс, 1978. С. 203–235.
9. Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М. : Прогресс, 1986. 542 с.
10. Холтон Дж. Тематический анализ науки. М. : Прогресс, 1981. 384 с.
11. Тулмин Ст. Человеческое понимание. М. : Прогресс, 1984. 327 с.
12. Шпенглер О. Закат Европы. М. : Мысль. 1993. Т. 1. 663 с.
13. Кокаревич М.Н. Философское познание и архитектурное проектирование // *Вестник ТГУ. Философия. Социология. Политология*. 2017. № 39. С. 13–22.
14. Кокаревич М.Н. Философский и архитектурный дискурсы в культуре // *Вестник Томского государственного университета*. 2019. № 440. С. 53–58.
15. Панофски Э. Готическая архитектура и схоластика. СПб. : Азбука, 2004. С. 213–335.
16. Дженкс Ч. Язык архитектуры постмодернизма. М. : Стройиздат, 1985. 137 с.
17. Клец В.А. Стивен Холл. Киасма как центр феноменологической архитектуры // *Современные научные исследования и инновации*. 2013. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stiven-holl-kia-kak-tsentr-fenomenologicheskoy-arhitektury/viewer> (дата обращения: 18.09.2025).
18. Козодаева Н. Феноменология архитектурной формы. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomenologiya-arhitekturnoy-formy/viewe> (дата обращения: 18.09.2025).

References

1. Kuhn, T.S. (1977) *Struktura nauchnykh revolyutsiy* [The Structure of Scientific Revolutions]. Moscow: Progress.
2. Figurnyy, G.N. (2019) Paradigmatika sovremennoy arkhitektury: analitika i deklaratsii [The Paradigmatics of Modern Architecture: Analytics and Declarations]. *Architecture and Modern Information Technologies*. 2(47). pp. 71–82. [Online] Available from: https://marhi.ru/AMIT/2019/2kvart19/PDF/04_figurnyj (Accessed: 6th November 2025).
3. Mutagirov, D.Z. (2019) Paradigmy politiki i politicheskoy nauki. Politicheskaya ekspertiza [Paradigms of Politics and Political Science. Political Expertise]. *POLITEKS*. 15(2). pp. 201–218. doi: 10.21638/11701/spbu23.2019.203
4. Kiyanenko, K.V. (2018) Paradigmy sotsial'nogo znaniya i obosnovaniya v arkhitekture [Paradigms of Social Knowledge and Grounding in Architecture]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2. pp. 30–39.
5. Frolova, I.V. & Elinson, M.A. (2015) Istoricheskaya nauka v kontekste smeny paradigm sotsial'no-gumanitarnogo znaniya [Historical Science in the Context of Changing Paradigms of Social and Humanitarian Knowledge]. *Rossiyskiy gumanitarnyy zhurnal*. 4(5). pp. 381–386.
6. Afanas'ev, A.I. (2013) Gumanitaristika i ee paradigm [The Humanities and Its Paradigms]. *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya*. 6. [Online] Available from: <https://human.snauka.ru/2013/06/3353> (Accessed: 6th November 2025)
7. Koolhaas, R. (2013) *Nyu-York vne sebya* [Delirious New York]. Translated from English. Moscow: Institut media, arkhitektury i dizayna "Strelka".
8. Lakatos, I. (1978) Istoriya nauki i ee ratsional'nye rekonstruktsii [History of Science and Its Rational Reconstructions]. In: Gryaznov, B. et al. (eds) *Struktura i razvitie nauki. Iz Bostonskikh*

issledovaniy po filosofii nauki [Structure and Development of Science. From the Boston Studies in the Philosophy of Science]. Translated from English. Moscow: Progress. pp. 203–235.

9. Feyerabend, P.K. (1986) *Izbrannye trudy po metodologii nauki* [Selected Works on the Methodology of Science]. Translated from English. Moscow: Progress.

10. Holton, G.J. (1981) *Tematicheskiy analiz nauki* [Thematic Analysis of Science]. Moscow: Progress.

11. Toulmin, St. (1984) *Chelovecheskoe ponimanie* [Human Understanding]. Translated from English. Moscow: Progress.

12. Spengler, O. (1993) *Zakat Evropy* [The Decline of the West]. Translated from German. Moscow: Mysl'.

13. Kokarevich, M.N. (2017) Philosophical cognition and architectural planning. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 39. pp. 13–22. (In Russian).

14. Kokarevich, M.N. (2019) Filosofskiy i arkhitekturny diskursy v kul'ture [Philosophical and Architectural Discourses in Culture]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 440. pp. 53–58. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/440/7

15. Panofski, E. (2004) *Goticheskaya arkhitektura i sholastika* [Gothic Architecture and Scholasticism]. Translated from English. St. Petersburg: Azbuka

16. Jencks, C.A. (1985) *Yazyk arkhitektury postmodernizma* [The Language of Post-Modern Architecture]. Translated from English. Moscow: Stroiizdat.

17. Klets, V.A. (2013) Steven Khol. Kiasma kak tsentr fenomenologicheskoy arkhitektury [Steven Holl. Kiasma as a Center of Phenomenological Architecture]. *Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovatsii*. 5(12). pp. 87–93.

18. Kozodaeva, N. (n.d.) *Fenomenologiya arkhitekturnoy formy* [Phenomenology of Architectural Form]. *Analitika kul'turologii*. 17. pp. 275–277.

Сведения об авторе:

Кокаревич М.Н. – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и истории Томского государственного архитектурно-строительного университета (Томск, Россия). E-mail: kokarevich@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Kokarevich M.N. – Dr. Sci. (Philosophy), professor, head of the Department of Philosophy and History, Tomsk State University of Architecture and Building (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kokarevich@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 07.10.2025;
одобрена после рецензирования 19.11.2025; принята к публикации 09.12.2025
The article was submitted 07.10.2025;
approved after reviewing 19.11.2025; accepted for publication 09.12.2025*

Научная статья

УДК 130.2

doi: 10.17223/1998863X/88/11

ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ НЕТРАДИЦИОННОЙ РЕЛИГИОЗНОСТИ В АНАЛИТИЧЕСКОЙ И ПРАГМАТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИЯХ

Марат Николаевич Чистанов¹, Валентина Нестеровна Асочакова²

¹ Новосибирский государственный медицинский университет, Новосибирск, Россия

^{1,2} Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, Абакан, Россия

¹ maratchistanov@gmail.com

² asocvn@mail.ru

Аннотация. Нетрадиционные религии в отечественной науке часто рассматриваются как предмет сектоведения, поэтому их исследования носят преимущественно описательный характер. Авторы делают попытку анализа нетрадиционных форм религиозности в неразрывной связи с традиционными формами религии как составных частей единого религиозно-культурного ландшафта. Применяются методы логического и лингвистического анализа, характерные для аналитической и прагматической философии религии.

Ключевые слова: нетрадиционная религиозность, аналитическая философия, неопрагматизм, философия культуры, суждение веры, религиозное убеждение.

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 25-28-20301, <https://rscf.ru/project/25-28-20301/>, при паритетной финансовой поддержке Правительства Республики Хакасия.

Для цитирования: Чистанов М.Н., Асочакова В.Н. Особенности интерпретации нетрадиционной религиозности в аналитической и прагматической традициях // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 88. С. 113–121. doi: 10.17223/1998863X/88/11

Original article

FEATURES OF THE INTERPRETATION OF NON-TRADITIONAL RELIGIOSITY IN ANALYTIC AND PRAGMATIC PHILOSOPHICAL TRADITIONS

Marat N. Chistanov¹, Valentina N. Asochakova²

¹ Novosibirsk State Medical University, Novosibirsk, Russian Federation

^{1,2} Khakass State University, Abakan, Russian Federation

¹ maratchistanov@gmail.com

² asocvn@mail.ru

Abstract. The prevailing approach to the description of non-traditional confessional groups in domestic social science perceives non-traditional religions as competing with the mainstream for spiritual dominance. This overlooks that many non-traditional religions initially position themselves as complementary to the mainstream spiritual tradition. The shift in research perspective allows us to evaluate non-traditional religious movements not as autonomous and self-sufficient theological systems, but as dynamic factors existing in continuous interaction with other elements of the religious-cultural landscape. Within the

framework of the proposed theoretical model, the coexistence in one cultural landscape of two or more religions with different social statuses is considered as a set of specific language games with different scenarios. In this case, the result of social interaction between different types of religiosity can be predicted through the analysis of the logical and linguistic compatibility of game scenarios. In conditions when religion is a key factor in the life of society, and statements of a religious nature are considered ontologically significant, the contradictions between the doctrinal pictures of the world are insoluble even on the basis of compromise. At the same time, when moving to the position of pragmatism, the situation with the coexistence of alternative language practices is simplified: the dominant scenario is secular metadata, in which both types of religious consciousness can be considered as local subsets. The conflict potential of modern interreligious discussions is associated not with the discrepancy between traditional and non-traditional forms of religiosity in the content of the teachings, but with the fact that within the religious groups themselves, which have doctrinal unity, there are simultaneously people who interpret the ontological status of faith judgments in different ways. A pragmatically oriented part of believers in a secular state considers doctrine as a regional ontology, fundamentalists demand a literal understanding of doctrine as a global deontology. Changing the optics and applying the methods of analytic and pragmatic philosophy to the analysis of non-traditional religions would allow us to look at the problem from a non-obvious side and shift the focus in research on non-traditional forms of religion from descriptive to general theoretical.

Keywords: non-traditional religiosity, analytic philosophy, neopragmatism, philosophy of religion, judgment of faith, religious beliefs

Acknowledgement: The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation, project No. 25-28-20301, <https://rscf.ru/project/25-28-20301/>

For citation: Razvadovskaya, Ju.V., Kaplyuk, E.V., Rudneva, C.S. & Chernyak, M.E. (2025). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 88. pp. 113–121. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/88/11

Нетрадиционные религии в современном мире вовсе не редкость. Механизмы формирования альтернативных религиозных систем могут быть самыми разными, от банального завоевания до сложных последствий многоэтапных миграционных процессов. С началом современной глобализации ко всему этому присоединяется практика заимствования чужих религиозных традиций как следование тенденциям меняющейся моды или как итог коммерческой миссионерской деятельности. Одновременно с этим широкое распространение получают новые религиозные движения конструктивистского толка по уже перечисленным выше причинам.

На наш взгляд, господствующий в отечественной литературе подход к описанию альтернативной религиозности носит односторонний характер. Исследователи, как правило, концентрируются на анализе формальных отличий нетрадиционных религиозных форм от мейнстрима. Особенно это касается многочисленных сектоведческих работ, базирующихся на методологии школ М. Вебера и Э. Трельча. Разделение здесь рассматривается как социально-политическое, речь идет «не о принципиальном противопоставлении понятий „секта“ и „церковь“, а скорее об их фактическом отличии друг от друга. Церковь понимается как мироутверждающая организация, стоящая на службе у государства и правящих классов общества и представляющая мирской порядок как средство достижения сверхмирских целей жизни. Секта полагается как мироотрицающая небольшая группа, связанная с низшими слоями общества и непосредственно ориентированная на сверхмирские цели» [1. С. 29]. В глобальном смысле секта здесь рассматривает-

ся как зародыш новой церковной организации, перед которой лежит длительный и опасный путь конкурентной борьбы за возможное духовное доминирование.

Отождествляя нетрадиционную религиозность с сектантством, мы упускаем из виду, что одно и то же религиозное учение в разных исторических и географических условиях может выступать и как нетрадиционное, и как мейнстримовое явление. «В 1985 г. Старк и Бэйнбридж... предложили концепцию географической обусловленности понятий „секта“ и „культ“. По мнению ученых, для точного определения статуса религиозной организации необходимо брать за основу конкретную страну, на территории которой она действует, и традиционные религии данной страны. Сектами, таким образом, будут называться религиозные организации, отделившиеся от традиционной для конкретно взятой страны религии и только на территориях тех стран, где доминирует та же традиционная религия, что и у них на родине. В странах с иными традиционными религиями эти же группы необходимо называть культами, так как они радикально отличаются от доминирующей в стране религиозной среды. Соответственно, кришнаиты в Индии являются сектой, а в Америке и на территории тех стран, где христианство является традиционной религией, – культом» [1. С. 47]. Конечно, данное уточнение не решает проблему классификации в полном объеме, потому что не вполне понятно, какой временной период достаточен для укоренения религии в традиции, но, применяя географический подход, мы хотя бы указываем на имеющуюся теоретическую альтернативу.

Вообще, в отечественной социальной науке в области разделения религий на традиционные и нетрадиционные в современных условиях часто берет верх формальный подход: традиционность религии для России напрямую увязывается с ее указанием на нее в преамбуле действующего Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях». В то же время такая трактовка порождает еще больше вопросов, поскольку помимо прямого перечисления четырех религий (христианство, ислам, буддизм и иудаизм) там содержится упоминание других религий, составляющих неотъемлемую часть исторического наследия народов России. Данная формулировка фактически отдаёт вопрос о степени традиционности той или иной религии на усмотрение интерпретатора.

Кроме того, классический подход, рассматривающий секту как своего рода зародыш церкви, не учитывает того факта, что далеко не всегда религиозная группа преследует цели духовного доминирования. Многие нетрадиционные религии с самого начала позиционируют себя как дополнительные, альтернативные к уже укорененной, пользующейся авторитетом у большей части населения и поддержкой государства духовной традиции. Очевидно, что всегда есть люди, для которых принадлежность к мейнстримовой традиции является скорее недостатком, нежели достоинством, и они выбирают нетрадиционные конфессии и деноминации как раз потому, что они не являются традиционными. Данное замечание имеет смысл еще и потому, что оно позволяет рассматривать как нетрадиционные, так и традиционные религиозные организации и сообщества в некотором единстве, связанном с реальным географическим ландшафтом в конкретной историко-культурной ситуации. То есть нетрадиционный культ в таких условиях неразрывно связан с tradi-

ционным, являясь своеобразной экологической нишей для маргинальной духовности. Такой сдвиг исследовательской перспективы позволяет применить для анализа феномена нетрадиционной религиозности и ее взаимоотношений с другими элементами системы методологию культурного ландшафтоведения. Этот подход позволяет оценить нетрадиционные религиозные движения не как автономные и самодостаточные теологические системы, но как динамические факторы, существующие в непрерывном взаимодействии с другими элементами религиозно-культурного ландшафта.

При построении теоретической модели такой общности, включающей альтернативные религиозные традиции, ключевой проблемой становится выбор базового уровня. По нашему мнению, таким элементом здесь становится конкретный человек, реализующий свои мировоззренческие установки через существующие в конкретном ландшафте средства, которые в свою очередь определяются физическими характеристиками ландшафта. В этом случае встраивание человека в ландшафт происходит не столько в географическом или хозяйственно-экономическом смысле, сколько при помощи изменения ментальной картины мира, связанной с особенностями той или иной религиозной парадигмы. Таким образом, проинтерпретированное соотношение различных факторов системы становится достаточно рациональным и в какой-то степени даже предсказуемым.

Иными словами, носитель религиозного мировоззрения обнаруживает вокруг себя людей, религиозные взгляды которых могут в той или иной степени совпадать с его убеждениями, а могут отличаться от них. Понятно, что сама конфигурация ландшафта зависит от конкретных исторических и культурных условий, но религиозно-культурный ландшафт, собственно, и представляет собой совокупность этих индивидуальных религиозных сознаний. Важным здесь представляется тот факт, что степень монотонности ландшафта напрямую зависит от способности носителей разных форм религиозности к взаимодействию и диалогу.

Ввиду того что любая возможная картина мира так или иначе укоренена в языке (что бы под этим ни понималось), методологическим основанием нашей модели стали две парадигмы, с которыми в современной науке принято связывать применение средств лингвистического анализа: аналитическая философия и философия неопрагматизма. Данный выбор вовсе не был очевидным, у него имеются как свои достоинства, так и недостатки. Из достоинств самое ожидаемое – наличие инструментов для анализа языковых высказываний, отражающих картину мира в различных религиозных системах. Это позволяет сопоставлять данные системы и находить реальные и мнимые противоречия между ними.

Самый очевидный из недостатков – в целом слабый интерес отечественной социальной науки к философии религии вообще и к аналитической и прагматической ее версии в частности. Причины этого отставания вполне понятны, но ситуация в отрасли начинает меняться лишь в последние десять лет, в этом контексте необходимо упомянуть работы С.В. Никоненко [2], П.А. Бутакова [3, 4], Ю.Н. Кириленко [5, 6]), И.Г. Гаспарова [7]. Гораздо глубже и шире англоязычная традиция, восходящая к агностицизму Д. Юма. Этим обстоятельством, кстати, объясняется тот факт, что аналитическая философия религии не столько интересуется анализом суждений веры как кон-

статацией существования особого рода реальности, сколько анализом суждений веры как способом выражения личных убеждений верующего: «К теологическим положениям невозможно приложить большинство формально-логических критериев достоверности; но это не влечет за собой их недостоверности; просто это иная достоверность. ...уже Расселл и Витгенштейн отмечают, что теология относится к области не знания, а „веры“ (очень важное пояснение: в смысле „belief“ – убеждения, а не „faith“ – того, что эмпирики называли „религиозным чувством“»)» [2. С. 67].

Вообще, как утверждает П.А. Бутаков, на Западе с легкой руки А. Плантинги применение аналитических методов к решению проблем философии религии, причем не только теологических, но и социальных, считается не просто приемлемым, но даже в определенном смысле составляет нравственный долг христианского философа: «Десятки философов-христиан начинают издавать статьи и монографии по таким новым для аналитической философии темам, как эпистемология религиозной веры, природа Бога, проблема зла и природа религиозного опыта. Вдобавок в философской литературе разворачивается активная полемика с атеизмом в виде разработки аргументов в пользу существования Бога и опровержения теоретических оснований натурализма. Успех этой полемики оказался столь ошеломительным, что к концу столетия сами философы-атеисты были вынуждены признать, что теисты ни в чем не уступают натуралистам с точки зрения наиболее ценных для аналитической философии критериев: концептуальной точности, строгости аргументации, технической эрудиции и доскональной защиты оригинального мировоззрения. Более того, предложенные христианами новые направления философских исследований оказались столь привлекательными, что их разработкой начинают заниматься не только христиане, но и другие теисты и даже те, кто вообще не считает себя теистом или религиозным человеком» [4. С. 185].

Вторая трудность, собственно, как раз связана с тем, что аналитическая и прагматическая философии религии, как правило, работают с теистическими традициями, т.е. с религиями, в которых в явной или неявной форме присутствует понятие единого бога или высшего существа. Очевидно, что такому требованию удовлетворяют далеко не все религиозные системы, а в первую очередь религии авраамического толка и, может быть, некоторые версии индуизма. Применение данной традиции к нетеистическим религиям, на наш взгляд, возможно, но требует проведения дополнительных исследований.

В рамках создаваемой нами теоретической модели сосуществование в едином культурном ландшафте двух и более религий с различными социальными статусами (традиционным и нетрадиционным) рассматривается как набор специфических языковых игр с различными сценариями. В этом случае исход социального взаимодействия носителей разных видов религиозности можно прогнозировать через анализ логической и лингвистической совместимости таких игровых сценариев.

Простейшим вариантом для такого анализа является ситуация однородного религиозного ландшафта, населенного представителями одной религиозной конфессии или деноминации. Очевидно в этом случае, что если выполняется условие, что все сторонники истинной веры спасут свои души, то все окружающие нас люди с необходимостью спасутся при условии соблюдения

ими собственных религиозных правил игры. Конечно, само понятие религиозной однородности нуждается в дополнительном анализе, но в целом интуитивно понятно, что в условиях отсутствия контактов с другими культурами религиозная (а впрочем, и любая другая) сторона мировоззрения таких людей более или менее сходна.

Если в культурном ландшафте соседствуют две альтернативные религии, одна из которых в восприятии большинства жителей является нетрадиционной, поскольку не укоренена длительной исторической традицией, сценарий взаимодействия становится конфликтным. Для принимающего сообщества сложившаяся ситуация выглядит следующим образом: мы как сторонники единственной истинной веры спасемся, а пришельцы как заблуждающиеся, непременно погибнут если не обратятся. Поэтому, исходя из тривиального человеколюбия, необходимо постараться убедить оппонентов в ошибочности выбранного ими пути. Очевидно, что противоположная сторона реализует аналогичный нарратив, отличающийся от нашего лишь отсутствием возможности опереться на предшествующую историческую традицию и указать на величественные могилы предков.

Нам видится, что в данном случае достижение хотя бы минимального консенсуса сторон возможно только при включении двух конкурирующих сценариев в пространство общей языковой игры. В самом первом приближении нам кажется, что ситуация предполагает три возможных исхода: слабый, средний и сильный. Первый из них сам стихийно складывается в условиях фактической невозможности для альтернативных религиозных традиций уничтожения и поглощения конкурента. В этом случае религиозная жизнь одной общины (как, впрочем, и большая часть оставшейся ее жизни) оказывается изолированной от чужаков. Это приводит к параллельному сосуществованию религиозных анклавов на одной территории, причем мирный характер такого сосуществования объясняется только тем, что конкурирующие общины старательно делают вид, что не замечают друг друга. Совместная языковая игра фактически сводится к разведению потенциально конфликтных дискурсивных практик по разным этажам с целью избегания прямого столкновения.

Второй возможный сценарий осуществим тогда, когда речь идет о теологически близких учениях. Нужно заметить, что традиционным полем исследований для аналитической философии религии является сфера теистических религий, и даже более конкретно – религий авраамического цикла (с акцентом на западные варианты христианства, хотя прецедент Суинберна здесь также нужно принимать во внимание). Поскольку все авраамические религии признают существование Единого Бога, то можно предположить, что при определенных обстоятельствах догматическое расхождение деноминаций возможно счесть не имеющим принципиального значения. То есть если сосуществующие на одной территории конфессии рассматривать как исторически и социально обусловленные варианты одной истинной веры, то можно считать, что хотя бы в теории спасение доступно для каждого верующего.

Нужно отметить, что двойственность такого рода справедлива для многих современных религиозных групп. Многие священнослужители, особенно в личном общении, уклоняются от прямого ответа на вопрос о том, имеют ли шансы на спасение души сторонники других конфессий и

деноминаций, но предпочитают ссылаться на неисповедимость Промысла Божия. Возможно, что при широкой трактовке экуменизма аналогичного исхода можно достигнуть и для других теистических традиций даже не авраамического толка. В этом плане сравнение теистических и нетеистических религиозных традиций может оказаться более сложной ситуацией для лингвистического анализа.

Самый сильный сценарий взаимодействия, на наш взгляд, возможен, если интерпретация противоречия двух религиозных дискурсивных практик осуществляется с прагматических позиций, очевидно, в этом случае прагматизм должен пониматься в его современном смысле. Религиозный ренессанс, который многие считают символом современной эпохи, мог случиться только через ослабление онтологических притязаний религии, через признание множественности человеческого духовного опыта. «В результате слово „атеист“ утратило свою былую популярность. Философы, которые не ходят в церковь, теперь менее склонны называть себя верящими в то, что Бога нет. Они более склонны пользоваться выражениями, вроде веберовского „религиозно немзыкальные“. Подобно тому как можно не замечать очарования музыки, можно не иметь слуха в вопросах религии. Люди, считающие, что их вряд ли может заинтересовать вопрос о существовании Бога, не вправе осуждать людей, которые страстно верят в его существование, или людей, которые не менее страстно отрицают его. И ни те ни другие не вправе осуждать тех, кому этот спор кажется бессмысленным» [8. С. 112].

С переходом на позиции прагматизма ситуация анализа противоположных языковых практик резко упрощается, поскольку господствующим сценарием становится светский метадискурс, в котором оба типа религиозного сознания могут рассматриваться как локальные подмножества. В таком случае наличие у определенной части местного сообщества религиозных убеждений в собственной избранности для спасения в силу доктрины А, у другой части этого же сообщества представлений о том, что спасение достижимо только в силу доктрины Б, совсем не мешает обеим группам присутствовать в едином культурном ландшафте, поскольку данные суждения выражают всего лишь факты индивидуальной веры и лингвистически легкосовместимы.

Понятно, что в условиях, когда религия является ключевым фактором жизни общества, как в Средневековье, а высказывания религиозного характера рассматриваются как онтологически значимые, противоречия между доктринальными картинками мира оказываются непреодолимыми даже на основе компромисса. Но, по мнению Ричарда Рорти, такого рода ситуация – дело вчерашнего дня: «...битва между религией и наукой XVIII–XIX вв. была соперничеством между институтами, каждый из которых притязал на культурное превосходство. И для религии, и для науки хорошо, что эту битву выиграла наука. Ведь истина и знание – это дело социального сотрудничества, и наука дает нам средства для осуществления лучших совместных социальных проектов, чем прежде. Если все, чего вы хотите, – это социальное сотрудничество, то сегодняшнее соединение науки и здравого смысла – это все, что вам нужно. Но если вы хотите чего-то большего, то религия, вытесненная из эпистемологической области, религия, которая считает вопрос противостояния теизма и атеизма неинтересным, вполне может подойти вашему одиночеству» [8. С. 118].

Другое дело, что фундаменталистское сознание воспринимает такое положение вещей как утрату подлинной сущности религии и обвиняет прагматическую философию религии в потере подлинной идентичности религиозного сознания: «Это возрастание терпимости к людям, которые просто оставляют в стороне вопросы, некогда считавшиеся самыми важными, иногда связывается с занятием „эстетской“ позиции. Такое описание особенно распространено среди тех, кто считает подобную терпимость прискорбной, и кто видит в ней признак распространения опасной духовной болезни («скептицизма» или «релятивизма» или чего-то столь же ужасного). Но термин «эстетическое» в подобных контекстах предполагает стандартное кантовское разграничение между познавательным, моральным и эстетическим» [8. С. 112].

Иными словами, конфликтный потенциал межрелигиозных дискуссий связан вовсе не с расхождением традиционных и нетрадиционных форм религиозности по содержанию самих учений, а с тем фактом, что внутри самих религиозных групп, которые вроде бы должны характеризоваться доктринальным единством, одновременно присутствуют люди, которые по-разному интерпретируют онтологический статус суждений веры. Прагматически ориентированная часть верующих в условиях светского государства, рассматривает доктрину как региональную онтологию, фундаменталисты требуют буквального понимания учения как глобальной деонтологии: «Сильный и властный Бог, оперирующий моральными обязательствами и устрашающий наказанием, ушел со сцены философии посредством эрозии метафизики, но Он же, образно выражаясь, продолжает вещать с политической трибуны. Может ли в этой социально-политической сфере произойти нечто аналогичное „ослаблению реальности“ в философии?» [9. С. 79].

На наш взгляд, сама смена оптики и применение методов аналитической и прагматической философии к анализу нетрадиционных религий позволила нам посмотреть на давно известную проблему с неожиданной стороны, а дальнейшее развитие данного подхода дает в будущем неплохую возможность сместить акцент в исследованиях нетрадиционных форм религии с описательного на общетеоретический.

Список источников

1. *Мартинович В.А.* Нетрадиционная религиозность: возникновение и миграция : материалы к изучению нетрадиционной религиозности. Минск : Минская духовная академия, 2015. Т. 1. 559 с
2. *Никоненко С.В.* Аналитическая философия религии // ACTA ERUDITORUM. 2014. № 17. С. 66–88.
3. *Бутаков П.А.* Социальная верификация религиозного знания // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 53, № 3. С. 58–67.
4. *Бутаков П.А.* Философская теология до и после Плантинги // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 46. С. 184–193.
5. *Кириленко Ю.Н.* Проблема соотношения категорий мифа и ритуала в рамках современного лингвофилософского подхода к истолкованию ритуального действия // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2013. № 10 (36) : в 2 ч. Ч. I. С. 93–96.
6. *Кириленко Ю.Н.* Аналитическая философия религии. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2020. 28 с.
7. *Гаспаров И.Г.* Ричард Суинберн об аналогии // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2023. № 4 (20). С. 136–155.

8. Рорти Р. Антиклерикализм и атеизм // Логос. 2008. № 4 (67). С. 111–119.

9. Хитрук Е.Б. Философия религии Ричарда Рорти: на стыке эпох // Вестник Томского государственного университета, 2020. № 457. С. 77–84

References

1. Martinovich, V.A. (2015) *Netraditsionnaya religioznost': vzniknoenie i migratsiya: materialy k izucheniyu netraditsionnoy religioznosti* [Non-Traditional Religiosity: Emergence and Migration: Materials for the Study of Non-Traditional Religiosity]. Vol. 1. Minsk: Minskaya dukhovnaya akademiya.

2. Nikonenko, S.V. (2014) Analiticheskaya filosofiya religii [Analytic Philosophy of Religion]. *ACTA ERUDITORUM*. 17. pp. 66–88.

3. Butakov, P.A. (2017) Sotsial'naya verifikatsiya religioznogo znaniya [Social Verification of Religious Knowledge]. *Epistemologiya i filosofiya nauki*. 53(3). pp. 58–67.

4. Butakov, P.A. (2018) Philosophical Theology Before and After Plantinga. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 46. pp. 184–193. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/46/21

5. Kirilenko, Yu.N. (2013) Problema sootnosheniya kategoriy mifa i rituala v ramkakh sovremennogo lingvofilosofskogo podkhoda k istolkovaniyu ritual'nogo deystviya [The Problem of the Correlation of the Categories of Myth and Ritual within the Modern Linguistic-Philosophical Approach to the Interpretation of Ritual Action]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 10(36). pp. 93–96.

6. Kirilenko, Yu.N. (2020) *Analiticheskaya filosofiya religii* [Analytic Philosophy of Religion]. Tomsk: Tomsk State University.

7. Gasparov, I.G. (2023) Richard Suinbern ob analogii [Richard Swinburne on Analogy]. *Trudy kafedry bogosloviya Sankt-Peterburgskoy Dukhovnoy Akademii*. 4(20). pp. 136–155.

8. Rorty, R. (2008) Antiklerikalizm i ateizm [Anticlericalism and Atheism]. *Logos*. 4(67). pp. 111–119.

9. Khitruk, E.B. (2020) Filosofiya religii Richarda Rorti: na styke epokh [Richard Rorty's Philosophy of Religion: At the Junction of Epochs]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 457. pp. 77–84.

Сведения об авторе:

Чистанов М.Н. – доктор философских наук, доцент Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова (Абакан, Россия); доцент кафедры философии Новосибирского государственного медицинского университета (Новосибирск, Россия). E-mail: maratchistanov@gmail.com

Асочакова В.Н. – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории Института истории и права Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова (Абакан, Россия). E-mail: asocvn@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Chistanov M.N. – Dr. Sci. (Philosophy), associate professor, Khakass State University (Abakan, Russian Federation); Associate Professor, Department of Philosophy, Novosibirsk State Medical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: maratchistanov@gmail.com

Asochakova V.N. – Dr. Sci. (History), docent, professor, Department of History, Institute of History and Law, Khakass State University (Abakan, Russian Federation). E-mail: asocvn@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.10.2025;

одобрена после рецензирования 19.11.2025; принята к публикации 09.12.2025

The article was submitted 25.10.2025;

approved after reviewing 19.11.2025; accepted for publication 09.12.2025

СОЦИОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 316.354: 364.2
doi: 10.17223/1998863X/88/12

РИТОРИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ КОНСТРУИРОВАНИЯ АКТУАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ В ВЕДОМСТВЕННОМ И ПУБЛИЧНОМ ДИСКУРСЕ

Елена Борисовна Архипова

*Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия,
e.b.arkhipova@urfu.ru*

Аннотация. Анализируется дискурс, сопровождающий актуализацию направлений модернизации социальной сферы российского общества. Эмпирическую базу составили 209 источников, размещенных на официальных ресурсах и в ведущих СМИ. Основываясь на подходе П. Ибарры и Дж. Китсьюза, были выделены общие и специфические черты дискурса, а также риторические идиомы, характерные для различных ведомств и НКО.

Ключевые слова: социальные проблемы, конструирование, дискурс, риторика

Благодарность: статья подготовлена в рамках проекта РНФ № 28–18–00542 «Экосистемная модель социального государства в России: концептуальные основы, дискурсы, институты», который реализуется в СПбГУ.

Для цитирования: Архипова Е.Б. Риторические стратегии конструирования актуальных социальных проблем в ведомственном и публичном дискурсе // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 88. С. 122–133. doi: 10.17223/1998863X/88/12

SOCIOLOGY

Original article

RHETORICAL STRATEGIES FOR CONSTRUCTING CURRENT SOCIAL PROBLEMS IN OFFICIAL AND PUBLIC DISCOURSE

Elena B. Arkhipova

*Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation
Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation,
e.b.arkhipova@urfu.ru*

Abstract. This article presents the results of a discourse analysis of the governmental and public rhetoric accompanying the actualization of the directions of modernization of the

social sphere of Russian society. In recent decades, turbulent changes have occurred that actualize new forms of social inequality. Ecological, economic, climatic, epidemiological risks lead to the emergence of a whole range of social problems that require solutions. An analysis of the discourse of public arenas allows us to identify which issues compete with each other for authority and how the rhetoric of problems legitimization relates to the actions of individual social institutions. The empirical base consisted of 209 sources posted on official resources and in leading media. The analysis included official speeches and interviews of representatives of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation, the Ministry of Health of the Russian Federation, the Ministry of Natural Resources and Environment of the Russian Federation and their regional offices, as well as non-profit organizations. Based on the approach of Ibarra and Kitsuse, general and specific features of the discourse, as well as rhetorical idioms characteristic of various departments and NGOs were identified. In particular, the Ministry of Health and the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation actively use the rhetoric of endangerment, while the speeches of representatives of the Ministry of Natural Resources and the organizations subordinate to them use the rhetoric of calamity and the rhetoric of loss. And for NGOs, the rhetoric of empowerment and the rhetoric of unreason are typical. Based on the results of the study, it was concluded that departmental rhetoric, to a lesser extent than public rhetoric, sets the goal of actualizing and legitimizing social problems. A promising direction for further study of this issue may be the analysis of the rhetoric of the professional community (specialists working directly with socially vulnerable groups of the population) in relation to the most pressing social problems and innovations in the practices of their solution.

Keywords: social problems, construction, discourse, rhetoric

Acknowledgement: The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 24-18-00542.

For citation: Arkhipova, E.B. (2025) Rhetorical strategies for constructing current social problems in official and public discourse. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 88. pp. 122–133. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/88/12

Введение и теоретический контекст

В условиях современной социальной реальности наблюдается трансформация привычных социальных проблем и практик их решения. Происходят турбулентные социально-демографические, экономические и геополитические изменения, актуализируются климатические, экологические, эпидемиологические риски, что порождает новые формы социального неравенства и требует конструирования новых путей, форм и практик реагирования на возникающие угрозы с целью их минимизации и профилактики. Решение современных социальных проблемы начинает выходить за рамки традиционных институтов социальной защиты, возникает пересечение практик помощи между ключевыми акторами, но при этом все-таки остается основной функцией государства и власти.

Согласно П. Бергеру и Т. Лукману, процесс формирования практик проходит в четыре этапа: хабиутализация, типизация, институционализация и легитимация идей и социальных действий [1. С. 98]. Центральную роль в воспроизводстве и изменении социальных порядков играют процессы легитимации. Легитимация – это поддержка проблемы на аренах общественного обсуждения и выдвижение утверждений-требований о существовании данной проблемы и необходимости прилагать усилия для ее разрешения. Общая схема актуализации утверждений-требований выглядит следующим образом: де-

монстрация проблемы – объяснение причин проблемы – рекомендации о разрешении проблемы – призыв к деятельности [2. С. 32–34].

Теоретическим контекстом данного исследования выступает конструкционистский подход к анализу социальных проблем П. Ибарры и Дж. Китсьюза, которые предложили типологизировать способы проблематизации ситуации в риторических идиомах, позволяющих структурировать и описывать характер требований, выдвигаемых в публичное пространство. Авторы выделяли пять типов (риторических идиом) типизации социальных проблем, с помощью которых акторы публичных арен могут маркировать проблемность ситуаций и структурировать характер своих утверждений-требований: 1) риторика утраты используется для защиты уникальности группы/территории/явления, заботы о будущем поколении и включает в себя такие языковые единицы, как красота, наследие, загрязнение, упадок, природа и т.д.); 2) риторика наделения правом используется для проблематизации всех форм дискриминации, отстаивания принципов справедливости и равноправия. В ее словаре такие термины, как угнетение, расизм, эйджизм различия, выбор, терпимость, предоставление возможности; 3) риторика опасности использует термины «болезнь», «эпидемия», «риск», «угроза здоровью», «профилактика», и применима к ситуациям угрозы безопасности людей; 4) риторика бедствия, которая призывает к действию, к коалиции, создавая образ катастрофы, которая как снежный ком способна повлечь за собой целый комплекс других проблем; 5) риторика неразумности используется при проблематизации эксплуатации, манипулирования, делает акцент на терминах доверчивости, наивности, уязвимости, необразованности, легкой добычи) [3. С. 55–114]. В самом общем смысле указанные риторические идиомы – это способы типизации проблемы либо комплекса проблем, которые имеют свои моральные словари, риторические приемы и лейтмотивы, с помощью которых обозначается проблемный статус ситуации и возможный способ ее решения.

Новые вызовы и риски требуют осмысления не только социальных, но и территориальных, пространственных, климатических, биологических и других факторов, влияющих на социальное неравенство и социальную уязвимость граждан, что неизбежно оставляет след в повестке публичных арен, общественного мнения и властного дискурса. В процесс коллективного определения проблемы включаются не только структуры, в чьи функциональные обязанности входит обеспечение социального благополучия и граждан, но и акторы других социальных полей (экономики, политики, здравоохранения, экологии, информации и безопасности), что расширяет интерпретацию социальной реальности и доминирующих в ней социальных проблем. Каждый актор публичных арен, выдвигающий свои утверждения-требования, использует собственные модели аргументации в попытке убедить аудиторию в существовании определенной социальной проблемы и необходимости институционализации новой практики ее решения. В результате определения отдельно взятой проблемы могут конкурировать друг с другом за авторитетность как внутри самостоятельных арен, так и с другими аренами, где одновременно актуализируется целый спектр проблем [4. С. 151–152].

Детальный анализ риторических стратегий различных акторов публичных арен позволит выделить связь между риторикой и действиями отдельных социальных институтов (государство, общественное мнение, НКО), опреде-

лить, какие риски и угрозы легитимируются в качестве доминирующих проблем, а также выделить общие и специфические черты ведомственного и публичного дискурса в актуализации необходимых направлений для модернизации социальной сферы российского общества

Эмпирическая база

Эмпирической базой дискурс-анализа выступили 209 публикаций, среди которых: 1) 107 публикаций, содержащих властную риторику (стенограммы публичных выступлений и материалы СМИ, содержащие прямые цитаты представителей Министерства труда и социальной защиты РФ, Министерства здравоохранения РФ, Министерства природных ресурсов и экологии РФ и их региональных представительств); 2) 102 публикации, содержащие публичную риторику (материалы электронных СМИ, включающие в себя публичные интервью с представителями НКО).

Отбор источников ведомственной риторики осуществлялся следующим образом. За основу брались годовые отчеты или стенограммы публичных выступлений представителей указанных выше ведомств на правительственных мероприятиях за период 2019–2024 гг., размещенные на их официальных сайтах (minzdrav.gov.ru, mintrud.gov.ru, mnr.gov.ru, economy.gov.ru). В данных публикациях выделялись термины и языковые единицы, которые используют ведомства для легитимации актуальных для них проблем. В дальнейшем данные термины применялись для поиска новостей и публикаций как на сайтах министерств и подведомственных им организаций, так и на ресурсах крупнейших российских СМИ, таких как РИА «Новости», Агентство стратегических инициатив, информационное агентство ТАСС, «Московский комсомолец», «Коммерсант», «Известия», «Ведомости».

Под публичным дискурсом мы понимали в первую очередь выступления на публичных аренах представителей некоммерческого сектора и поэтому в нашу выборку также попали крупнейшие НКО, которые способны формировать текущую социальную повестку: «Старость в радость», «Антон тут рядом», Фонд Тимченко, «Нужна помощь», «Такие дела», Православная служба помощи «Милосердие» и др., на онлайн ресурсах которых также осуществлялся отбор публикаций по тем центральным терминам, которые были выделены в ведомственном дискурсе. И итоге в общее количество анализируемых источников (102 шт.) публичного дискурса входят публикации ведущих СМИ, содержащие интервью с представителями НКО, а также материалы самих некоммерческих организаций, размещенные на их онлайн-ресурсах.

Большое количество источников позволило не только содержательно проанализировать и описать ключевые импликатуры ведомственной и публичной риторики, но и выстроить иерархию центральных терминов в дискурсе интересующих нас ведомств, что, безусловно отражает существующую социально-политическую повестку.

Ключевые утверждения-требования в ведомственном и публичном дискурсе

Проведенный анализ позволил выделить центральные утверждения-требования (условия-категории) в риторике дискурса различных акторов современной социальной политики, которые отражают ключевые тематики,

проблемы, легитимацией которых они занимаются на публичных аренах. Согласно используемой нами концепции П. Ибарры и Дж. Китсьюза, ключевые термины – это условия-категории, которые используются для оценки социальной реальности.

В риторике Министерства труда и социальной защиты РФ таким условием-категорией выступает *«комплексная защита и поддержка нуждается в активной модернизации»*. За период 2022–2024 гг. в системе социального обслуживания граждан произошли значительные изменения, необходимость и значимость которых последовательно подкреплялись в высказываниях представителей Минтруда России. Наиболее активно обсуждалась и продвигалась идея долговременного ухода, триггером которой послужила необходимость поддержки участников специальной военной операции и членов их семей. В фокусе ведомственного внимания также находились: необходимость лицензирования социальной помощи в стационарной форме (включая частные службы), реформирования системы психо-неврологических интернатов (ПНИ), внедрения сопровождаемого проживания и трудоустройства лиц с ментальными нарушениями, совершенствования порядка прохождения медико-социальной экспертизы, получения технических средств реабилитации, а также расширения цифровых практик оформления и получения социальной помощи.

Что касается центральных терминов других министерств, чья риторика была подвергнута нашему анализу, в фокусе внимания были только те условия-категории, которые близки к социальной политике и пониманию сути социальных проблем.

Максимальное пересечение ключевых тем можно отметить между ведомствами здравоохранения и социальной защиты, особенно в контексте долговременного ухода. При разных терминологиях (здравоохранение использует термин «гериатрия») поднимаются схожие проблемы заботы о старшем поколении и комплексном взаимодействии при оказании услуг пожилым гражданам. В целом центральный термин риторики Министерства здравоохранения – *увеличение продолжительности жизни*. Развивается он через легитимацию таких идей и социальных действий: модернизация первичного звена и первичной медико-социальной помощи, создание гериатрических центров для ранней помощи пожилым гражданам, снижение смертности от социально опасных болезней, внедрение информационных систем межведомственного взаимодействия с социальными службами, совершенствование механизма коммуникаций между врачом и пациентом.

Ключевое условие-категория Министерства природы РФ – *экологическое благополучие*. Это обусловлено тем, что Правительство завершает подготовку нового национального проекта с данным названием, который сменит предыдущий национальный проект «Экология». Экологическое благополучие легитимизируется как компонент качества жизни населения, поддержания здоровья, а также как фактор пространственного развития. В дискурсе данного ведомства ключевое условие-категория раскрывалось через проблемы реформирования отрасли обращения с ТКО, снижения вредных выбросов, развития экологичной справедливой ответственности, предполагающей выпуск экологических товаров, развития эко/раздельного сбора, а также через продвижение

экологической/климатической адаптации широких слоев населения к современным климатическим изменениям.

Несмотря на различия в центральных терминах, основной прием в ведомственной риторике – оперирование цифрами, которые демонстрируют не сколько размер существующих проблем, сколько значительный вклад ведомства в их решение.

Что касается присутствия на публичных аренах представителей НКО, то вне зависимости от направления деятельности, которое может включать в себя и заботу о пожилых гражданах, и помощь лицам с ОВЗ, и работу с асоциальными группами (заключенные, наркопотребители, лица без определенного места жительства), детьми-сиротами и семьями с детьми и т.д., фокус риторики концентрируется все-таки на таком центральном термине, как *способность НКО предлагать максимально эффективные решения социальных проблем*. Некоммерческий сектор традиционно выстраивает свой дискурс на отстройке от государственного сектора, он не только работает и закрывает лакуны там, где государство не может в полной мере реализовать запросы граждан, но еще и на публичных аренах актуализирует необходимость поиска, учета и тиражирования эффективных практик НКО, что требует способствовать более действенному решению ключевых социальных проблем.

Риторические идиомы конструирования актуальных социальных проблем в ведомственном дискурсе

Из пяти риторических идиом (способов типизации социальных проблем), выделенных П. Ибарра и Дж. Китсьюзом (риторика бедствия, риторика утраты, риторика опасности, риторика наделения правом и риторика неразумности), в дискурсе Министерства здравоохранения и Министерства труда и социальной защиты РФ активно используется **риторика опасности**, в лексическом словаре которой используются термины: угроза, угрожать, риск, эпидемия и пр. В официальных выступлениях представителей указанных ведомств можно встретить как характерные для данной риторической идиомы лейтмотивы риска и угрозы: *«На сегодняшний день у каждого из нас есть риск возникновения злокачественного заболевания, в среднем, у каждого четвертого человека, скорее всего, возникнет та или иная злокачественная опухоль...»* [5], так и уклон на использование научных/социологических/статистических и других данных: *«Совместно с учёными-демографами разработали систему мониторинга рождаемости. С её помощью составили портреты женщин и семей по возрастам, чтобы адресно воздействовать на каждый фактор, сдерживающий рождаемость...»* [6], *«...согласно официальным данным за 2021 год, сегодня в России живет чуть более 850 тысяч больных ВИЧ-инфекцией...»* [7], *«...для дальнейшего снижения смертности населения, особенно смертности трудоспособных мужчин – с сегодняшнего показателя 729 на 100 тыс. до 530 к 2024 году...»* [8], *«В регионе свыше 13 тыс. человек, которые нуждаются в уходе...»* [9].

Остальные типы риторических идиом не являются доминирующими в дискурсе данных ведомств, но тем не менее могут использоваться для легитимации отдельных социальных проблем и социальных групп. **Риторика наделения правом** свойственна тематике долговременного ухода, сопровождаемого проживания, комплексной реабилитации как необходимости преодо-

ления социальной изоляции и эксклюзии (Минтруд) и доступности медицинской помощи, в первую очередь первичной, сельской медицины, а также мотивации и стимулировании труда медицинских работников (Минздрав). **Риторика неразумности** проходит рефреном через все высказывания Министерства труда и социальной защиты (включая региональные представительства и подведомственные организации) за счет активного использования в словаре словосочетания «социально уязвимые группы», однако акцента на проблематизацию эксплуатации и манипулирования не делается. Данный термин используется скорее для обозначения клиентских групп, нежели для обращения внимания публичных арен к их существованию и наличию специфических проблем, так как основная задача дискурса данного ведомства – продемонстрировать собственные успешные инструменты и действия по решению проблем указанных групп, которые имеют постоянный характер.

В выступлениях представителей Минприроды и подведомственных ему организаций характерна **риторика бедствия**, при этом конструируемой «мегапроблемой» является изменение климата и негативные последствия человеческой деятельности. *«В России каждые 10 лет температура повышается в среднем на 0,5 °С. ...возрастает масштаб опасных гидрометеорологических явлений»* [10]. *«Последствия советского периода – освоение Арктики, Сибири, Дальнего Востока – продолжают генерировать ухудшение экологической ситуации... это серьёзный ущерб, накопившийся с советских времён»* [11]. При этом Минприроды России отмечает мировой характер данной проблемы, которая в целом не является специфической для РФ, но подчеркивается, что ее динамика в нашей стране значительно опережает другие регионы и требует безотлагательных мер по предотвращению негативных последствий климатических изменений. С одной стороны, таким приемом ведомство снимает с себя часть ответственности за высокий экологический ущерб, а с другой стороны, акцентирует внимание на сложность оценки данного ущерба ввиду связанности экосистем и отложенного эффекта от техногенного развития.

Вторая характерная риторическая идиома Минприроды России – это **риторика утраты**, с ее словарем, подчеркивающим уникальность природы нашей страны с необходимостью ее сохранения для будущих поколений. Например: *«Бережное отношение к окружающей среде – это прежде всего забота о людях, которые должны дышать свежим воздухом, пить чистую воду, о здоровье наших детей, о долголетию граждан старшего возраста...»* [12]. В рамках данной риторики Минприроды России создало особый словарь, который, с одной стороны, демонстрирует величие природных богатств страны: *свежий воздух, чистая вода, природные богатства, уникальные животные*, а с другой стороны, негативные последствия неразумного использования природных благ: *ущерб, загрязнение, выбросы, свалки, опасные отходы* и т.д. Характерно для представителей ведомства и то, что они возлагают на себя образ спасателя, призванного сохранить уникальность, что проявляется в такой лексике, как: *ликвидировали, возродили, восстановили, минимизировали воздействие, очистили*.

Вопросы социальных последствий климатических изменений и ухудшения экологии в Минприроды России обсуждаются в контексте новой климатической доктрины и национального проекта «Экологическое благополучие»,

который делает акцент на климатическую адаптацию, улучшение городской среды проживания, экологическое просвещение, развитие и поддержку гражданских инициатив в сфере окружающей среды.

Если в целом говорить о властной риторике, вне зависимости от ведомства, то можно использовать термин, введенный И.Г. Ясавеевым при анализе дискурса Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков РФ, – **риторика «контролируемого бедствия»**. Властные структуры смягчают катастрофичность ситуации демонстрацией собственной эффективности по ее разрешению, информированием об успехах. Это тонкая риторическая игра, одновременно демонстрирующая значимость проблемы и успешность ведомственных решений [13].

Риторические идиомы конструирования актуальных социальных проблем в публичном дискурсе

Публичная риторика по конструированию социальных проблем заметно отличается от ведомственной. Для представителей сектора НКО характерна **риторика наделения правом**. Эта риторика имеет антидискриминационный характер. В контексте оценки своей работы некоммерческий сектор подчеркивает собственное неустойчивое положение и недостаточную поддержку их деятельности со стороны властей, часто противопоставляя себя и власть, акцентируя внимание на недостаточной заинтересованности властей в их деятельности. В риторике НКО отчетливо прослеживается их право на деятельность и подчеркивается их вклад в решение социальных проблем: *«роль НКО критично важна на всех этапах», «большинство НКО отстаивают такой подход»* и т.д.

В контексте заботы о своих клиентских группах риторика наделения правом из уст представителей НКО противодействует игнорированию потребностей и возможностей клиентов. Например: *«...требования к благополучателям, на которые ориентируются программы помощи, – невероятно завышены и предполагают у людей в уязвимом положении гораздо больше доступа к информации, положительного опыта решения правовых вопросов, да просто сил, времени, денег, доступа элементарно к транспортной инфраструктуре и компьютеру, чем у них есть...»* [14], *«Зачастую в медучреждениях не соблюдаются нормы материально-бытового обеспечения пациентов...»* [15].

Таким образом, некоммерческий сектор примеряет на себя роль борцов и защитников своих клиентских групп, отстаивающих принципы справедливости и равноправия.

Риторика неразумности используется НКО в условиях проблематизации жизненных ситуаций ряда социально уязвимых групп населения, с которыми они работают. В настоящий момент данная риторика используется в критике последних нововведений Минтруда России относительно реформы ПНИ, долговременного ухода и сопровождаемого проживания. Лейтмотивом всей публичной риторики относительно реформы ПНИ проходит демонстрация «печальных последствий» и «мрачных картин» жизни для тех, кто будет неспособен к самостоятельному проживанию и останется в стенах ПНИ. Пожилые, инвалиды, люди с ментальными нарушениями позиционируются как доверчивые, наивные, уязвимые (*«Клиенты выходят в новую жизнь, где все*

не по режиму, где никто не будет готовить им еду, где нужно самим считать деньги, распределять бюджет, планировать день, уметь передвигаться в городе, общаться с людьми...» [16]), чье мнение и положение не учитываются при всех переменах, а радужные картины успешно реализованных в пилотных регионах проектов – это не что иное, как манипулирование и создание красочной ширмы. «Есть опасения, что некоторые регионы могут пойти по пути „наименьшего“ сопротивления и начать развивать различные проекты надомной поддержки других категорий людей с инвалидностью, а потом отчитываться такими проектами за „исполнение“ закона...» [16].

Риторика утраты и бедствия не свойственны публичному дискурсу. А вот риторика опасности используется активистами для обращения внимания власти и широких слоев общественности к возрастающим климатическим рискам, загрязнению окружающей среды, а также к сокращению возможностей благотворительной помощи гражданам и бизнесу при резком росте количества нуждающихся, что приводит к риску недополучения необходимой помощи людьми, попавшими в трудную жизненную ситуацию.

Заключение

Обобщая полученные данные, можно сделать вывод, что ведомственная риторика в меньшей степени, нежели публичная, ставит перед собой цель актуализации и легитимации социальных проблем. В силу нормативного характера деятельности министерства их региональные представительства и подведомственные организации ставят перед собой цель продемонстрировать и представить в лучшем виде собственные действия и практики по решению тех социальных проблем, которые они сами же обозначили как актуальные для социальной повестки. На федеральном и региональном уровнях дискурсы не отличаются используемым словарем и теми риторическими идиомами, которые применяются для конструирования проблем. Официальные властные медиатексты имеют общую основу, ментальную модель, последовательно транслирующую нужную информацию, включая ориентацию на использование цифр и демонстрацию своих достижений в решении существующих проблем. Наличие схожих фраз является показателем сбалансированно выстроенной медиаполитики по данному вопросу, которая за счет повторения в медиапространстве демонстрирует манипулятивную составляющую дискурса ведомственной риторики по актуализации социальных проблем на публичных аренах.

Публичный дискурс, наоборот, специализируется на подчеркивании проблем и выделении так называемых слепых зон системы, примеряя на себя роль защитника, представителя социально уязвимых групп. Однако в целом складывается впечатление, что российский некоммерческий сектор переориентировался с обсуждения стратегического развития и глобальных проблем на оказание реальной помощи гражданам и актуализацию частных проблем с отдельными клиентскими группами.

В целом, проведенное исследование обозначило «болевые» точки и наиболее актуальные аспекты социальной повестки, позволило выделить общие и специфические черты в конструировании социальных проблем в ведомственном и публичном дискурсе, в актуализации необходимых направле-

ний для модернизации социальной сферы российского общества. Перспективным направлением дальнейшего изучения данной проблематики может выступать анализ риторики профессионального сообщества (специалистов, работающих непосредственно с социально уязвимыми группами населения) в отношении наиболее острых социальных проблем и нововведений в практиках их решения, в том числе тех направлений, которые предполагают межведомственное взаимодействие: долговременный уход, профилактика и лечение социально опасных болезней, онкологических заболеваний, медико-социальная реабилитация лиц с ОВЗ и ментальными нарушениями, сопровождаемое проживание и трудоустройство, формирование и поддержание экологического благополучия.

Список источников

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности / пер. с англ. Е.Д. Руткевич. М.: Медиум, 1995. 323 с.
2. Бест Дж. Социальные проблемы // Социальные проблемы: конструкционистское прочтение: хрестоматия / сост. И.Г. Ясавеев. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2007. С. 26–54.
3. Ибарра П., Китсьюз Дж. Дискурс выдвигения утверждений-требований и просторечные ресурсы // Социальные проблемы: конструкционистское прочтение: хрестоматия / сост. И.Г. Ясавеев. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2007. С. 55–114.
4. Хилгартнер С., Боск Ч. Рост и упадок социальных проблем: концепция публичных арен // Социальные проблемы: конструкционистское прочтение: хрестоматия / сост. И.Г. Ясавеев. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2007. С. 145–184.
5. Замдиректора НИИЦ онкологии им. Блохина Минздрава России Александр Петровский о ранней диагностике и онкопомощи / Министерство здравоохранения Российской Федерации. URL: <https://minzdrav.gov.ru/news/2022/02/06/18339-zamdirektora-nmits-onkologii-im-blohina-minzdrava-rossii-aleksandr-petrovskiy-o-ranney-diagnostike-i-onkopomoschi> (дата обращения: 30.01.2025).
6. Доклад Министра труда и социальной защиты РФ Антона Котякова на «Правительственном часе» в Государственной Думе / Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации. URL: <https://mintrud.gov.ru/social/476> (дата обращения: 30.01.2025).
7. Приветствие Министра здравоохранения Российской Федерации Михаила Мурашко участникам Всероссийского форума для специалистов по профилактике и лечению ВИЧ/СПИДа / Министерство здравоохранения Российской Федерации. URL: <https://minzdrav.gov.ru/news/2022/11/28/19611-privetstvie-ministra-zdravooohraneniya-rossiyskoy-federatsii-mihaila-murashko-uchastnikam-vserossiyskogo-foruma-dlya-spetsialistov-po-profilaktike-i-lecheniyu-vich-spida> (дата обращения: 30.01.2025).
8. Выступление Министра Вероники Скворцовой на заседании итоговой коллегии Минздрава России / Министерство здравоохранения Российской Федерации. URL: <https://minzdrav.gov.ru/news/2019/04/24/11389-vystuplenie-ministra-veroniki-skvortsovoy-na-zasedanii-itogovoy-kollegii-minzdrava-rossii> (дата обращения: 30.01.2025).
9. НКО Кировской области могут получить гранты в системе долговременного ухода / Агентство социальной информации. URL: <https://asi.org.ru/2023/05/11/nko-kirovskoj-oblasti-mogut-poborotsya-za-granty-v-sisteme-dolgovremennogo-uhoda/> (дата обращения: 30.01.2025).
10. На сессии АСИ обсудили будущее социально-климатического развития стран БРИКС в условиях климатических изменений / Агентство социальной информации. URL: <https://asi.ru/news/201725/> (дата обращения: 30.01.2025).
11. Экологическое благополучие Дальнего Востока: что ждет регионы, рассказал Александр Козлов / Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации. URL: https://www.mnr.gov.ru/press/news/ekologicheskoe_blagopoluchie_dalnego_vostoka_chto_zhdyet_regiony_rasskazal_aleksandr_kozlov/ (дата обращения: 30.01.2025).
12. В экологический нацпроект войдут меры поощрения за вклад в защиту природы / Информационное агентство России ТАСС. URL: <https://tass.ru/nacionalnye-proekty/21487311> (дата обращения: 30.01.2025).
13. Ясавеев И.Г. Риторика контролируемого бедствия: специфика конструирования фсxn-проблемы потребления наркотиков // Журнал исследований социальной политики. 2016. № 1. С. 7–22.

14. На кончиках пальцев. Как НКО становятся главной опорой онкопациентов в регионах // Фонд «Не напрасно». URL: <https://media.nenaprasno.ru/articles/keysy/na-konchikakh-paltsev-kak-nko-stanovyatsya-glavnoy-oporoy-onkopatsientov-v-regionakh/> (дата обращения: 30.01.2025).

15. Не все дома-интернаты // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6364196> (дата обращения: 30.01.2025).

16. «Научился ничего не бояться». Как сопровождаемое проживание помогает людям с ментальными особенностями и что изменит новый закон // Такие дела. URL: <https://takiedela.ru/notes/nichego-ne-boyatsya/> (дата обращения: 30.01.2025).

References

1. Berger, P. and Luckmann, T. (1995) *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti* [The Social Construction of Reality]. Translated from English by E.D. Rutkevich. Moscow: Medium.

2. Best, J. (2007) *Sotsial'nye problemy* [Social Problems]. In: Yasaveev, I.G. (ed.) *Sotsial'nye problemy: konstruksionistskoe prochtenie* [Social Problems: A Constructionist Reading: A Reader]. Kazan: Kazan University. pp. 26–54.

3. Ibarra, P.R. & Kitsuse, J.I. (2007) Diskurs vydvizheniya utverzhdeniy-trebovaniy i prostorechnye resursy [Claim-making discourse and vernacular resources]. In: Yasaveev, I.G. (ed.) *Sotsial'nye problemy: konstruksionistskoe prochtenie* [Social Problems: A Constructionist Reading: A Reader]. Kazan: Kazan University. pp. 55–114.

4. Hilgartner, S. & Bosk, C.L. (2007) Rost i upadok sotsial'nykh problem: kontseptsiya publichnykh aren [The Rise and Fall of Social Problems: A Public Arenas Model]. In Yasaveev, I.G. (ed.) *Sotsial'nye problemy: konstruksionistskoe prochtenie* [Social Problems: A Constructionist Reading: A Reader]. Kazan: Kazan University. pp. 145–184.

5. Ministry of Health of the Russian Federation. (2022) *Zamdirektora NMITS onkologii im. Blokhina Minzdrava Rossii Aleksandr Petrovskiy o ranney diagnostike i onkopomoshchi* [Deputy Director of the Blokhin National Medical Research Center of Oncology of the Ministry of Health of Russia Alexander Petrovsky on Early Diagnosis and Cancer Care]. 6th February. [Online] Available from: <https://minzdrav.gov.ru/news/2022/02/06/18339-zamdirektora-nmits-onkologii-im-blokhina-minzdrava-rossii-aleksandr-petrovskiy-o-ranney-diagnostike-i-onkopomoshchi> (Accessed: 30th January 2025).

6. Ministry of Labour and Social Protection of the Russian Federation. (2023) *Doklad Ministra truda i sotsial'noy zashchity RF Antona Kotyakova na "Pravitel'stvennom chase" v Gosudarstvennoy Dume* [Report by the Minister of Labour and Social Protection of the Russian Federation Anton Kotyakov at the "Government Hour" in the State Duma]. 14th June. [Online] Available from: <https://mintrud.gov.ru/social/476> (Accessed: 30th January 2025).

7. Ministry of Health of the Russian Federation. (2022) *Privetstvie Ministra zdравookhraneniya Rossiyskoy Federatsii Mikhaila Murashko uchastnikam Vserossiyskogo foruma dlya spetsialistov po profilaktike i lecheniyu VICH/SPIDA* [Greeting from the Minister of Health of the Russian Federation Mikhail Murashko to the Participants of the All-Russian Forum for Specialists in the Prevention and Treatment of HIV/AIDS]. [Online] Available from: <https://minzdrav.gov.ru/news/2022/11/28/19611-privetstvie-ministra-zdravookhraneniya-rossiyskoy-federatsii-mikhaila-murashko-uchastnikam-vse-rossiyskogo-foruma-dlya-spetsialistov-po-profilaktike-i-lecheniyu-vich-spida> (Accessed: 30th January 2025).

8. Ministry of Health of the Russian Federation. (2019) *Vystuplenie Ministra Veroniki Skvortsovoy na zasedanii itogovoy kollegii Minzdrava Rossii* [Speech by Minister Veronika Skvortsova at the meeting of the final board of the Ministry of Health of Russia]. [Online] Available from: <https://minzdrav.gov.ru/news/2019/04/24/11389-vystuplenie-ministra-veroniki-skvortsovoy-na-zasedanii-itogovoy-kollegii-minzdrava-rossii> (Accessed: 30th January 2025).

9. Agency for Social Information. (2023) *NKO Kirovskoy oblasti mogut poluchit' granty v sisteme dolgovremennogo ukhoda* [NGOs of the Kirov Region can receive grants in the long-term care system]. [Online] Available from: <https://asi.org.ru/2023/05/11/nko-kirovskoy-oblasti-mogut-poborotsya-za-granty-v-sisteme-dolgovremennogo-uhoda/> (Accessed: 30th January 2025).

10. Agency for Social Information. (2024) *Na sessii ASI obsudili budushchee sotsial'no-klimaticheskogo razvitiya stran BRIKS v usloviyakh klimaticheskikh izmeneniy* [The future of socio-climatic development of the BRICS countries under climate change was discussed at the ASI session]. 2nd September. [Online] Available from: <https://asi.ru/news/201725/> (Accessed: 30th January 2025).

11. Ministry of Natural Resources and Ecology of the Russian Federation. (2024) *Ekologicheskoe blagopoluchie Dal'nego Vostoka: chto zhdyot regiony, rasskazal Aleksandr Kozlov* [Ecological well-being of the Far East: what awaits the regions, Alexander Kozlov told]. 4th

September. [Online] Available from: https://www.mnr.gov.ru/press/news/ekologicheskoe_blagopoluchie_dalnego_vostoka_chno_zhdyet_regiony_rasskazal_aleksandr_kozlov/ (Accessed: 30th January 2025).

12. Russian News Agency TASS. (2024) *V ekologicheskiy natsproekt voydut mery pooshchreniya za vklad v zashchitu prirody* [Measures to encourage contributions to nature protection will be included in the environmental national project]. 30th July. [Online] Available from: <https://tass.ru/nacionalnye-proekty/21487311> (Accessed: 30th January 2025).

13. Yasaveev, I.G. (2016) Ritorika kontroliruemogo bedstviya: spetsifika konstruirovaniya FSKN-problemy potrebleniya narkotikov [The Rhetoric of Controlled Disaster: The Specifics of Constructing the Federal Drug Control Service's Problem of Drug Use]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki*. 14(1). pp. 7–22.

14. The “Ne naprasno” Foundation. (2024) *Na konchikakh pal'tsev. Kak NKO stanovyatsya glavnoy oporoy onkopatsientov v regionakh* [At the Fingertips. How NGOs Become the Main Support for Cancer Patients in the Regions]. 30th January. [Online] Available from: <https://media.nenaprasno.ru/articles/keysy/na-konchikakh-paltsev-kak-nko-stanovyatsya-glavnoy-oporoy-onkopatsientov-v-regionakh/> (Accessed: 30th January 2025).

15. *Kommersant*". (2023) Ne vse doma-internaty [Not all boarding houses]. 27th November. [Online] Available from: <https://www.kommersant.ru/doc/6364196> (Accessed: 30th January 2025).

16. Takie dela. (2023) “*Nauchilsya nichego ne boyat'sya.*” *Kak soprovozhdaemoe prozivanie pomagaet lyudyam s mental'nymi osobennostyami i chto izmenit novyy zakon* [“I learned not to be afraid of anything.” How supported living helps people with mental disabilities and what the new law will change]. [Online] Available from: <https://takiedela.ru/notes/nichego-ne-boyatsya/> (Accessed: 30th January 2025).

Сведения об авторе:

Архипова Е.Б. – доцент, кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной работы и управления персоналом Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия); ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: e.b.arkhipova@urfu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Arkhipova E.B. – Cand. Sci. (Sociology), associate professor, Department of Social Work and Personnel Management, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russian Federation); leading researcher, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: e.b.arkhipova@urfu.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 06.02.2025;
одобрена после рецензирования 20.11.2025; принята к публикации 09.12.2025*

*The article was submitted 06.02.2025;
approved after reviewing 20.11.2025; accepted for publication 09.12.2025*

Научная статья

УДК 316.4

doi: 10.17223/1998863X/88/13

ПАРАДИГМАЛЬНЫЙ ОБЗОР ТЕОРИЙ И ИССЛЕДОВАНИЙ БЛАГОПОЛУЧИЯ

Алексей Андреевич Барышев¹, Евгений Викторович Щекотин²,
Галина Анзельмовна Барышева³

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия, barishevnp@mail.ru*

² *Сибирский государственный университет водного транспорта,
Новосибирск, Россия, evgvik1978@mail.ru*

³ *Национальный исследовательский Томский политехнический университет,
Томск, Россия, ganb@tpu.ru*

Аннотация. Представлены возможности теории социологических парадигм Баррелла и Моргана для анализа и картирования теорий и исследований благополучия. Показано, что исследовательское пространство демонстрирует парадигмальную структуру, формируемую принадлежностью получаемого знания о благополучии функционалистской, радикально-структуралистической, интерпретативной и радикально-гуманистической парадигмам. Выявлена специфика концептуализации благополучия в каждой парадигме.

Ключевые слова: социологические парадигмы, форма жизни, жизнотворчество, субъективное благополучие, инструмент доминирования, говернментализация жизни, биополитика, оздоровительность, медленная экономика, коммонализм, глубинная экология, практики благополучия, дискурсы благополучия.

Благодарности: исследование проведено в рамках НИР ТГУ № 1.1.24 «Разработка алгоритмов извлечения мнений, настроений и концептов на основе сбора и анализа больших данных социальных сетей и научных публикаций».

Для цитирования: Барышев А.А., Щекотин Е.В., Барышева Г.А. Парадигмальный обзор теорий и исследований благополучия // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 88. С. 132–153. doi: 10.17223/1998863X/88/13

Original article

A PARADIGMATIC REVIEW OF THEORIES AND STUDIES OF WELL-BEING

Aleksey A. Baryshev¹, Evgeny V. Shchekotin², Galina A. Barysheva³

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, barishevnp@mail.ru*

² *Siberian State University of Water Transport, Novosibirsk, Russian Federation,
evgvik1978@mail.ru*

³ *National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation, ganb@tpu.ru*

Abstract. The article presents the potential of Burrell and Morgan's theory of sociological paradigms for analyzing and mapping well-being theories and research. It is shown that the research space exhibits a paradigmatic structure shaped by the functionalist, radical structuralist, interpretive, and radical humanistic paradigms of the acquired knowledge about

well-being. The specificity of the conceptualization of well-being in each paradigm is identified. The results of the analysis are applicable to the development of methods and programs for interdisciplinary and multi-paradigm well-being research based on the study of the conversion of conceptual meanings and corresponding well-being practices during the transition from one paradigm to another.

Keywords: sociological paradigms, form of life, life-creation, subjective well-being, instrument of domination, governmentality of life, biopolitics, healthification, slow economy, commonalism, deep ecology, well-being practices, well-being discourses

Acknowledgments: This study was conducted as part of TSU R&D No. 1.1.24 “Development of algorithms for extracting opinions, sentiments, and concepts based on the collection and analysis of large social networks and scientific publications”.

For citation: Baryshev, A.A., Shchekotin, E.V. & Barysheva, G.A. (2025) A paradigmatic review of theories and studies of well-being. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 88. pp. 134–153. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/88/13

Введение

Концепт «благополучие» является одной из фундаментальных философских и общенаучных категорий, исследование которой насчитывает не одну тысячу лет. За этот длительный период сложилось огромное количество различных концепций благополучия, апеллирующих к этическим, религиозным или научным основаниям благополучия. В этой связи весьма актуальной является задача систематизации и упорядочивания всего многообразия нарративов о благополучии, создания аналитического инструментария, который позволит понять эволюцию этого концепта и выделить тенденции его трансформации. Решение данной задачи позволит полнее раскрыть содержание концепта «благополучие», который несмотря на свою безусловную востребованность в научном и публичном дискурсе, остается крайне неопределенным понятием.

Для решения этой задачи как нельзя лучше подходит парадигмальный анализ, который позволяет выделить комплекс фундаментальных представлений о реальности, лежащих в основании конкретных теорий. Понятие парадигмы, введенное в свое время Т. Куном для объяснения исторической динамики научного знания, характеризует смену допущений, которые разделяются научным сообществом в отношении природы реальности, и правил их применения [1]. Куновское истолкование парадигмы подчеркивает диахронические закономерности развития научного знания, так как концепция Т. Куна опирается на историю физики. Однако в социальных науках не менее важны и синхронические закономерности бытования научного знания, так как в этих науках возникновение новой парадигмы не ведет к замене уже существующей. В социальных науках парадигмы продолжают сосуществовать, определенным образом организуя исследовательское поле, формируя «силовые линии», вдоль которых выстраиваются конкретные теоретические конструкции.

Плодотворным примером использования парадигмального анализа для систематизации пространства нарративов является подход, предложенный Г. Морганом и Г. Барреллом для исследования проблемно-тематического поля теории организаций [2]. Помимо теории организации парадигмальный

анализ использовался для анализа теорий образования [3], предпринимательства [4] и т.д.

В подходе Г. Моргана и Г. Баррелла парадигмы формируются парными комбинациями, образуемыми двумя группами альтернативных допущений. Первая группа относится к природе научного знания и представляет собой выбор между объективным и субъективным знанием. Вторая группа относится к представлениям о способах изменения общества и разворачивается между регуляцией и радикальными преобразованиями. На основе названных оппозиций авторы строят четыре парадигмы восприятия реальности: функционалистская, интерпретативная, радикально-гуманистическая и радикально-структуралистическая [5]. Рассмотрим их по отдельности применительно к такому концепту, как благополучие.

Функционалистская парадигма благополучия

Функционалистская парадигма рассматривает свои концепты как выражения объективного характера социальных объектов. В силу этого они рассматриваются как надежные данности, существование которых обусловлено внутренними материальными причинами. В качестве этих причин выступают функциональные связи, системная природа которых делает возможным их познание и регулирование (постепенное изменение). Базовой метафорой функционалистской парадигмы является машина, хотя данная парадигма предполагает и другие метафоры, в свете которых развиваются представления об объективности изучаемых социальных феноменов и возможностях их изменений, ограниченных инерционными эффектами. В качестве таких метафор, как показывает Г. Морган, фигурирует организм, политическая система, популяция, кибернетическая система, политическая система и даже театр и культура [5].

При всем этом многообразии метафора машины наиболее ярко характеризует специфику функционалистского подхода, игнорирующего саму проблему существования, связанную с сомнением в объективной данности объекта. Поэтому вопрос о том, что благополучие может быть тоже всего лишь аналитическим конструктом для исследования чего-то, обладающего более надежным онтологическим статусом, в функционалистской парадигме благополучия не возникает.

При функционалистском взгляде на благополучие в рамках представления об экономике как машине или системе оно выступает объективной характеристикой состояния элементов системы, возможностей их функционирования в ее составе подобно тому, как оценка технического состояния характеризует детали любой машины с точки зрения их исправности или неисправности, пригодности или непригодности для эксплуатации. Прогресс в этом направлении по сравнению с ситуацией доминирования категории благосостояния в качестве интегральной характеристики экономической системы состоит в учете большего числа факторов, влияющих на функционирование человека как главной производительной силы и субъекта общественного развития, а именно политических и экзистенциальных (состояние социальной инфраструктуры, криминогенная обстановка) и пр., что появляется в изменении метафорики, производящей более широкие видения объекта исследования.

Человеческий аспект всех этих более широких видений в функционалистской парадигме основывается на объективации потребностей, список которых теперь выходит за рамки так называемых материальных, удовлетворяемых посредством традиционной экономической деятельности, за счет включения в него требований к состоянию жилищно-коммунального хозяйства, благоустройства жилых территорий, окружающей природной среды и институтов (политического участия, правопорядка, социального обеспечения). Наличие у рассматриваемой характеристики субъективной трактовки («субъективное благополучие») не отменяет ее объективистского характера по причине, во-первых, приложения ее к объективным элементам системы, и во-вторых, выражения удовлетворенности/неудовлетворенности ими в рамках представления об общественном производстве (в широком смысле) как органической системе («организме»), члены которой различаются по уровню удовлетворенности поставляемыми индивидуальными и общественными благами. Эффект субъективного благополучия в рамках функционалистского подхода показывает социально-экономическую систему как самодиагностируемую органическую и, далее, кибернетическую, или систему с обратной связью. Так, Д.А. Леонтьев рассматривает субъективное благополучие как «обобщенный сигнал обратной связи, соотносящийся с жизнью в целом» [6]. О принадлежности многих концепций субъективного благополучия функционалистской парадигме свидетельствует то, что оно вполне сочетается с показателями объективного благополучия при построении многих интегральных индексов благополучия.

Следующей особенностью функционалистского видения благополучия, согласно Моргану–Барреллу, является то, что его трансформация представляет собой процесс последовательных изменений, в котором каждое новое опирается на результат предыдущего. Задача, таким образом, сводится к определению уровня существующего состояния удовлетворения потребностей и разработке рекомендаций по его улучшению в рамках нового этапа – «роста благополучия». Инструментами этого «роста» в условиях максимальной инерционности основ социально-экономической системы (собственность, политический строй) оказываются улучшающие изменения, связанные, прежде всего, со сферой распределения и потребления [7].

Однако это хотя и улучшающие изменения, не затрагивающие отношений власти и собственности, они все-таки более существенны, чем те, которые выражались в динамике благосостояния и уровня жизни. И здесь базовая метафора машины опять оказывается очень кстати: для характеристики любой детали машины важны не только оценки ее функционала и потребляемой энергии, но и информация о режиме технического обслуживания и диапазоне функционирования, фиксирующем фактические отклонения от нормативных параметров условий эксплуатации.

С учетом того что благополучие в функционалистской парадигме может рассматриваться гораздо более «продвинуто», чем это позволяет метафора машины, возникает вопрос о доступном в ее рамках понимании историзма рассматриваемого концепта или стоящего за ним феномена, например, путем выделения типов благополучия в соответствии с особенностями технологических укладов [8]. Кроме того, поскольку само функционалистское понятие благополучия предполагает сочетание в нем общесоциального и специфиче-

ского содержания, становится возможным, с одной стороны, исследовать особые формы благополучия людей в различных исторических и географических условиях и, с другой стороны, проводить пространственно-временные сравнения благополучия людей.

Такое функционирование концепта благополучия, представляющее собой экстраполяцию современных характеристик некоторых развитых обществ на всю человеческую историю и географию, не является проблемой в функционалистской парадигме: ведь для сопоставлений необходима общая основа, тем более, что, имея перед собой непрерывный процесс эволюции, она совершенно обоснованно воспринимает ранние и боковые (тупиковые) формы в качестве недоразвитых или локально модифицированных проявлений ныне существующей наиболее развитой формы. Представленный здесь «эволюционно-экологический» аргумент формирования рейтингов и индексов благополучия, поставляемых учеными, работающими в данной парадигме науки о благополучии, оказывается тем более актуальным, что функционалистская популяционно-экологическая метафорика становится в настоящее время одной из наиболее популярных в исследованиях большинства социальных и организационных феноменов.

Важно отметить, что в функционалистской парадигме верховная субъектность относится ко всей «машине», что автоматически адресует результаты исследований благополучия тому абстрактному «машинисту», который представляет систему в целом. Такая модальность является причиной того, что собственность на функционалистский дискурс по умолчанию достаются тому, кого в институциональной экономике называют «правителем» [9], и поэтому направляет исследования в сторону обоснования успешности его правления путем последовательных шагов по адаптации экономической системы к вызовам времени, наглядно проявляющейся в росте благополучия. Делая это имплицитным образом, исследования данной парадигмальной принадлежности никак не проблематизируют власть, рассматривая ее в качестве естественного, качественно однородного фактора регулирования социально-экономической жизни.

Радикально-структуралистическая парадигма

В этой парадигме, сочетающей объективистский взгляд на общество с фокусировкой на властных феноменах, делающих возможными его радикальные трансформации, проблематизация власти выступает основным драйвером научного поиска, что делает любой исследуемый социально-экономический феномен зависимым и производным от тех структур, которым он выгоден в качестве «инструмента доминирования». В свете радикально-структуралистической парадигмы благополучие выступает объективным феноменом, но лишенным той логики постепенности своего изменения, которая обозначается в качестве направляющей для функционалистов: поскольку здесь в соответствии с базовой метафорой, в качестве которой проявляется понятие конфликта, вся социальная жизнь выступает производством различий, постольку любой более циничный и удачливый актер в силу полученной близости к доминирующей группе может радикально увеличить различие между собой и бывшим своим окружением.

Однако при исследовании благополучия в радикально-структуралистической парадигме основная фокусировка делается на саму эту доминирующую группу, для которой повышение благополучия масс выступает в качестве инструмента доминирования над ними или средством внутриэлитной конкуренции. Поскольку в отличие от благосостояния понятие благополучия относится не столько к условиям жизни, сколько к самой жизни человека от рождения до смерти, манипулирование содержанием жизни как отдельных людей, так и народов становится наиболее концентрированным выражением того, что М. Фуко обозначил термином «биополитика» [10], который выражает такой тип доминирования, когда его объектом становится все пространство жизни людей. В этом же ключе работают авторы концепции биопроизводства М. Хардт и А. Негри.

Если понятие биополитики выражает саму направленность современной власти, то фуколдианский гибридный термин говернментальности (правительственности), соединяющий «правление» и «ментальность», фокусируется на спецификации методов ненасильственного доминирования над жизнью под видом заботы о благополучии управляемого населения [11, 12]. Такими методами превращения доминирования в заботу выступают нормализация, медикализация, коммерционализация и секьюритизация жизни и другие инструменты, благодаря которым структуры доминирования (ансамбли, комплексы, диспозитивы) реализуют свои возможности. Литература, тяготеющая к радикально-структуралистической парадигме, связывает все эти способы говернментализации с «неолиберальной формой жизни» [13], в которой идеология «веллбеингизма» становится разновидностью религии.

Нормализация становится основой новой управляемости [14], которая в фуколдианском понимании распространяется на все социальные процессы [15], включая повседневную жизнь, особенно в чрезвычайных обстоятельствах, подобных недавней пандемии COVID-19 [16]. Это достигается благодаря квантификации всех процессов индивидуальной и общественной жизни, обеспечивающей формирование ее общих показателей, средних и относительных значений (норм) и т.д., в которых различные аспекты социально-экономического состояния населения становятся предметом оптимизации.

Медикализация означает превращение большинства социальных вопросов в медицинские, что позволяет значительно упростить их диагностирование и «решение». Объектами медикализации становится любовь [17], удовольствие [18], сексуальность [19], вся сфера психоэмоциональных состояний [20], старение [21] и вообще вся повседневная, или обычная, жизнь человека [22, 23]. В результате проблема благополучия становится проблемой тотальной «оздоровительности» (healthification), выступающей питательной почвой для медицинских корпораций, «биг фармы» и филантрокапитализма [24, 25].

Сведенная таким образом до набора количественных показателей жизнь становится объектом политик коммерционализации (коммодификации, маркетизации, финансиализации), с позиций которых благополучие выступает в качестве модного товара, обязательного для приобретения [26–29]. Вершиной коммерционализации является «коммодификация» человека [30], превращение его в хорошо предсказуемое фуколдианское предприятие по производству человеком самого себя [31].

Секьюритизация жизни является в настоящее время всеохватывающим способом доминирования. Если в прежние времена подчинение людей правителям основывалось на обмене свободы на гарантии безопасности от набегов внешних врагов, то говернментальность современного общества осуществляется путем резкого расширения числа «защит», «секьюритизаций» человека от многочисленных угроз, направленных на все стороны его жизни. Учитывая возникающее значительное различие между благополучием «защищающих» и «защищаемых», а также многочисленные упоминания о злоупотреблениях в этой сфере, легко понять, какое отношение секьюритизация имеет к радикально-структуралистической парадигме. Арсенал инструментов «секьюритизации жизни» как формы говернментализации [32] разрастается, начиная от привычных форм «полицирования» (policing) городского пространства [33] и контроля качества продуктов питания, медицинских препаратов и ущербов среде проживания со стороны связанных с ней предприятий и заканчивая борьбой с изменением климата [34].

Исследования секьюритизации в радикально-структуралистском ключе следует парадигмально отличать от исследований безопасности как социально-нейтрального элемента функционирования социально-экономической системы в целом, масштабам и формам которого дается морально-этическое [35, 36], экономическое [37, 38], а также социологическое и политико-правовое обоснование.

Механизм секьюритизации жизни в контексте биополитики и говернментальности действует таким образом, что структуры, реализующие миссию обеспечения безопасности, как преднамеренно конструируют угрозы (пока угроза не социализирована, она как социальный факт не существует), так и непреднамеренно их производят. Повышая безопасность отдельных инфраструктурных систем (транспортной, банковской), они способствуют появлению на их основе новых опасностей. Так, развитие безопасности авиа-сообщения актуализирует новые опасности, связанные с созданием более обширных сетей распространения инфекций, а повышение надежности инструментов перевода денежных средств порождает опасность их использования в целях финансирования терроризма. Поэтому, резюмирует Д. Биго – один из основателей Парижской школы исследований безопасности, (ин)секьюритизация – это способность управлять небезопасностью и конструировать её [39].

Радикально-гуманистическая парадигма

В целом, гуманистическое видение благополучия исходит из «истинных» человеческих ценностей – ценностей, соответствующих человеческой природе. В большинстве исследований благополучия это положение присутствует в неявном виде на основе непроблематизированного представления о «естественных потребностях» человека. На основе данного представления создается множество конструкторов благополучия, применяемых для улучшения жизни людей (женщин, подростков, работников разных отраслей промышленности, представителей старшего поколения и т.д.). Однако на пути к универсализации этих конструкторов возникает проблема самой способности науки рационализировать потребности людей разных возрастных, профессиональных, конфессиональных и прочих категорий, действующих в различных со-

циокультурных и исторических условиях. В большинстве прикладных и теоретических исследований эта проблема игнорируется, и благополучие получает свое концептуальное выражение в свете общечеловеческих ценностей, соответствующих гуманистическим идеалам.

Основой радикально-гуманистического видения благополучия является критика благополучия, соглашающегося с условиями всеобщего отчуждения, порождаемыми системой капиталистического производства. Свойственный рыночному хозяйству товарный фетишизм выходит за пределы сферы потребления материальных благ и распространяется на то, что обычно связывают с личностным ростом и духовной сферой [40].

Базовая метафора радикально-гуманистической парадигмы в виде товарного фетишизма перерастает в метафору фетишизма спектакля [41], проливающую свет на готовность людей жить в рамках иллюзий, производимых СМИ и политической пропагандой, и выставлять напоказ сформированные в соответствии с этими иллюзиями формы (образы, стили) своей жизни, и кибер-фетишизма, [42], в свете которой индексы и рейтинги (качества жизни, счастья, образования, безопасности и т.д.) приобретают роль навигатора в управлении изменениями всех сторон и жизни и важнейшего инструмента оценки его эффективности.

Ответом на нормализованные функционалистским и структуралистским мышлением представления о целостности социально-экономической системы с ее обращенностью к удовлетворению потребностей массового человека или, наоборот, о естественности доминирования элит, использующих публичную власть в своих интересах, становится концептуализация благополучия как сопротивления. Данный концепт обеспечивает освободительную оптику при исследовании неолиберальной политики благополучия, связываемой с мягким «говернментальным» угнетением, проектами «зеленой экономики» и идеологией устойчивого развития.

За этими политиками, проектами и идеологиями теоретики левого толка видят господствующие интересы Мирового банка [43] и операторов разных версий природного капитала («биокапитала» [44, 45], «зеленого» [46], «экологического» [47]), выступающих в качестве новых форм доминирования и угнетения. «Зеленый грабёж» [48] в форме перераспределения доступа к экологическим ресурсам в пользу новых форм капиталистического предпринимательства и «инфраструктурализация окружающей среды» [49] для сохранения статс-кво в перспективе далекого будущего, выгодного «материально пресыщенному меньшинству населения мира в виде западного среднего класса» [50], провоцирует множество радикальных ответов со стороны бедных местных сообществ, аборигенных малых этнических групп в развитых странах и странах третьего мира как в целом, так и в лице отдельных культурных и экономических общностей. В этих ответах формируются идеалы благополучия как освобождения на основе специфических представлений о коллективизме, справедливости и гармонии с природой.

Ярким примером национально-окрашенного образа благополучия выступает *buen vivir* – эквадорская концепция «хорошей жизни» [51], которая изначально представляла собой идеологию местных освободительных движений, сформировавшуюся на основе мировоззрения коренного населения горной части страны. Концепция *buen vivir* видит благополучие человека и

общества в коммунитарном образе жизни на основе кооперативных форм ведения органического сельского хозяйства, вовлеченности граждан в функционирование административных органов, реципрокности в отношениях на местном уровне и патернализме на уровне государства, проводящего политику «медленной экономики» (slow economy) [52].

При помещении в более широкий социальный контекст общинное понятия о *buen vivir*, так же как, например, южноафриканское мировоззрение *ubuntu* (в переводе с зулусского – «человечность») становятся питательной почвой для радикальной экологической демократии, отрицания экономического роста (*degrowth*), идеализации солидарной и социальной экономики и выдвижения на первый план личностных отношений во всех сферах частной и общественной жизни [53]. Все это выступает характерными чертами «эко-социализма» [50, 54, 55] как определенной идеологии и политической практики.

Если для развивающихся стран радикальная реакция на наступление западной цивилизации состоит в укреплении традиционных форм как наиболее соответствующих представлениям о «хорошей жизни» их народов, то в развитых странах в качестве радикальных ответов на неолиберальную рационализацию жизни людей и их отношений с природой в условиях увеличивающегося темпа функционирования всех сфер общества наряду с общественными движениями за охрану окружающей среды широкое распространение получает индивидуальный выбор «слоулайферов», «дауншифтеров» и других сторонников минимализма и симплицизма [56–62], исповедующих в качестве личного идеала благополучия «медленную жизнь» в соответствии с природными ритмами в духе анархистского/феменистского «зеленого консьюмеризма», «глубокого экологизма» и анти-потребительства [63] в противовес мейнстримной говернментализации потребления и респонсибилизацией потребителя [64].

Радикализм анархических и коммуналистских методов сопротивления опирается на представление о самоуправлении как свободе во всех вопросах жизнеустройства. То, что современная власть научилась подчинять человека своим явным и неявным требованиям даже без применения открытого насилия, находит симметричный ответ в развитии латентных форм сопротивления. Такие формы выступают особыми «политиками угнетенных (подчиненных)» (*subaltern politics*). Их постоянное изобретение «субалтернами», предполагающее неистощимое остроумие и находчивость, так же как и само их использование в тщательно скрывааемых лакунах отношений господства, исследователь аграрных обществ и практик анархизма Дж. Скотт назвал «искусством сопротивления» [65] и «искусством быть неподвластным» [66], а российские исследователи того, как люди строят свое благополучие, дистанцируясь от государства, А. Павлов и Т. Евченко – «искусством автономной жизни» [67].

Итак, феномен благополучия, независимо от того, выражается ли оно оценочными терминами – собственно «благополучие» (*wellbeing*), «хорошая жизнь» (*good life, well-living*) – или нейтральными обозначениями, сфокусированными на самом объекте оценивания («форма жизни», просто «жизнь»), описываемом далее в различных градациях соответствия эталону или идеалу, в радикально-гуманистической парадигме представляется субъективистски на основе видения свободы как естественного состояния человека, допускающего возможность ее достижения путем фундаментальной трансформации

мировоззрения человека без рефлексии по поводу наработки соответствующих предпосылок и прохождения необходимых опосредующих этапов.

Интерпретативная парадигма

Интерпретативные исследования основываются на допущениях о субъективном характере социальной реальности и ее инерционности, т.е. постепенности испытываемых ею изменений. В силу субъективной природы всех социальных феноменов данная парадигма выступает доменом конструкционизма, размывающего посредством влечения языка в ткань реальности грань между «объектами» и «концептами», что приводит к определению данной парадигмы как «постмодернистской» [3]. Не является исключением и благополучие, которое становится «социальным конструктом». Последний термин подчеркивает, что надежность функционирующих в социальной жизни объектов, порожденных (пусть даже индивидуальным) человеческим разумом, обеспечивается коллективными представлениями людей (в том числе и ученых, хотя это необязательно) об их необходимости и реальности.

Важнейшей чертой методологии теорий, составляющих интерпретативную парадигму, является то, что приоритет отдается тем смыслам, которые сами акторы придают своим действиям, а не тем рациональным схемам деятельности, цели и средства которых необходимо просто открыть или выучить, поскольку они существуют «сами по себе». Это означает, что реальность, как ее представляют себе люди, не менее достойна исследования, чем та, которая описывается в объективистских терминах функционалистской парадигмы.

Итак, исследовать благополучие можно не основе его универсальных «научных» определений, а «следуя за акторами», фиксируя те представления о «хорошей жизни», которые они сами вырабатывают в процессе коммуникации со всеми свойственными ей символами, например, в одних случае это – дача – квартира – машина, а в других – ухоженное тело – голливудская улыбка – посещение интересных мест в мире. Для изучения таких конструкций благополучия используются результаты интервью, а также материалы СМИ или социальных сетей.

Например, Е. Санту, изучавшая использование концепта «благополучие» по статьям в Daily Mail и Guardian в период с 1985 по 2003 г., показала, как посредством него производились социальные нормы и идеалы хорошей жизни, а также субъективность англичан. Так, во второй половине 80-х гг. «благополучие» ассоциировалось с «более широкими социетальными структурами» [68], с успешностью экономики и надежностью национальной безопасности. В такой ситуации газетные дискуссии и дебаты о благополучии разворачиваются вокруг, как говорит Еева Санту, «тела политического» – образа человека как продукта «институционализированных стратегий национального управления», обеспечивающих «экономическое благополучие» и здоровье нации в целом. В 1990-х и начале 2000-х гг. газетный дискурс благополучия обращается к «телу персональному». Здесь термин «благополучие» используется для проговаривания активностей, позволяющих современному перегруженному заботами человеку получить как физическое наслаждение, оздоровительный эффект, достойный внешний вид, так и удовольствие от приятного времяпрепровождения, выступающих в совокупности

как «противовес стрессу современной жизни». Названные в статье «практиками благополучия», они, хотя и находятся под влиянием потребительских ценностей доминирующего социума, выступают «опытом индивидуальной агентности и ответственности», «требующей саморегуляции и саморефлексии» в отношении качества своей жизни.

Важно подчеркнуть, что исследованная по газетным материалам персонализация благополучия соотносится автором с нарастающей массой личных проблем и озабоченностей современного человека, что делает благополучие концептом, приложимым далеко не ко всем обществам. В этих условиях с помощью концепта благополучия в высказываниях авторов и героев газетных статей происходит нормализация новой субъективности активно «выбирающего потребителя» и столкнувшегося с растущей сложностью современного мира «занятого индивида», который уже не может и не хочет полагаться на государство с реализуемым им идеалом благосостояния гражданина (*welfare*), не предполагающего самостоятельного формирования своей «активной и ответственной социальной связанности». Такой вывод об исторической специфичности понятия благополучия делает автор интерпретативного анализа газетного дискурса, в котором происходило создание и нормализация коллективных представлений городского среднего класса о хорошей жизни в определенной стране в определенный период времени.

В отличие от представителей этого социального слоя молодые интеллектуалы-кандидаты в «высшее общество» Америки конструируют в качестве атрибутов благополучия такие виды деятельности и концентрацию таких капиталов, в которых проявляется их социальное дистанцирование не только от обычных людей, подобных тем, которые фигурируют в исследовании Е. Санту, но и от просто богатых обладателей экономического капитала. Их благополучие, выражающееся в полученных от ведущих университетов магистерских и докторских степенях, занятиях, требующих особой самоотдачи (без видимой заботы о хлебе насущном), и значительном интеллектуальном и культурном багаже, в изобретательстве стилей жизни, реализующих новые возможности самовыражения и получения впечатлений, выступает маркером для опознания «своих», имеющих реальные шансы и желание доминировать в ближайшем будущем. Эта игра амбиций, подкрепляемых постоянно развиваемыми способностями, задает жизненный тонус, необходимый для исполнения доминирующей роли наиболее настойчивыми и нестандартно мыслящими представителями новой образованной элиты – «буржуазной богемы», для которой, как пишет Д. Брукс, «вся жизнь – сплошная аспирантура» [19, 69].

Источники информации для изучения представлений о напряженном детально выверенном конструировании собственного благополучия («тревожное благополучие») могут быть самыми неожиданными – например, свадебные объявления в престижных изданиях, что продемонстрировал Д. Брукс, сравнивая презентации брачующихся бобо (сленговое сокращение от *bourgeois bohemians*) в журнале «Таймс» 1980-х гг. со свадебными объявлениями в том же журнале 50-х и 60-х гг.

В свете вышеизложенного можно сказать, что конструируемое материально-дискурсивными практиками самих людей понятие благополучия оказывается контрарной противоположностью концепта благосостояния (в то

время как «сильной», т.е. контрадикторной, оппозицией ему выступает бедность) как деривата понятия богатства, доминировавшего во всей предшествующей экономической истории [70].

Интерпретативная парадигма включает различные методологические подходы – дискурсивный, феноменологический, герменевтический, этнометодологический и другие, активное обращение ученых к которым составляет суть прагматического (лингвистического) поворота, или поворота к практикам в социальных науках. В теории практик деятельность изучается в ее данности самим акторам в их собственном восприятии через имеющийся опыт или активное проговаривание в процессе коммуникации, в котором формируются ее разделяемые с другими людьми значения, или коллективные представления. Это снимает дихотомию объективного и субъективного, поскольку постоянно воспроизводимые, опривыченные коллективные представления о социальных событиях и процессах натурализуются и приобретают свойства материальных объектов. Именно с этих позиций исследуются практики благополучия методами критического интерпретативного анализа.

Однако если брать практику индивида, активно добывающегося проведения в жизнь своего собственного видения того или иного объекта или процесса, то практика приобретает форму праксиса – «политической» стороны деятельности в отличие от ее предметной стороны, обозначаемой в аристотелевской традиции термином «позэис» (делание, созидание). В познании таких практик интерпретативные методологии оказываются особенно востребованными. Так, одна из них – материально-семиотическая, получившая воплощение в акторно-сетевой теории Б. Латура, позволила этому ученому исследовать действительно политический – по накалу страстей и количеству интеракций с разнообразными акторами, которых требовалось множеством аргументов склонить к сотрудничеству, – процесс превращения Л. Пастером индивидуального утверждения о микробах как возбудителях оспы во всеобщее убеждение или неоспоримый социальный факт.

В настоящее время предпринимательство как сфера превращения индивидуальных видений в новые социальные факты привлекает все больше исследователей, работающих в интерпретативной парадигме. Это тем более актуально, что практики перехода границ известного и общепринятого выступают необходимым элементом самой жизни, т.е. благополучия предпринимателя, которое в настоящее время становится популярным объектом исследования [71]. Однако проводимые исследования предпринимательского благополучия производятся пока в основном в функционалистском ключе, предписывающем ученым смотреть на объект «сверху», независимо от того, сформировано ли в предпринимательской среде собственное представление о нем (как это было продемонстрировано на примерах среднего и высшего классов современного западного общества).

В результате к благополучию предпринимателей «применяется» привычный концепт благополучия (прежде всего субъективного или психологического) с его сложившимися показателями и анкетными вопросами без рефлексии по поводу реальности этого понятия, т.е. того, является ли оно категорией практики и сознания изучаемых акторов. Между тем сама специфичность предпринимательства как совокупности разнородных социальных групп достаточно ясно указывает на необходимость подходить к их пред-

ставлениям о хорошей жизни – если, конечно, они проартикулированы в их дискурсах – дифференцированно, внимательно слушая, по выражению С. Уайт, «шум благополучия» [72].

Заключение

В настоящее время этот «шум», производимый множеством сосуществующих параллельно практик благополучия не только предпринимателей, но и других акторов, значительно изменяется в своей тональности и громкости. Практики благополучия перестают ассоциироваться только с активизмом и интеракционизмом на уровне отдельных людей. В результате спектр этих практик получает институциональные воплощения также и в виде «интервенций» и «политик» надличностных структур [70], как, собственно, и должно все происходить в социальном конструировании реальности по Бергеру–Лукману.

В практическом плане это несет угрозы подавления личной инициативы, замены ее решениями комитетов и департаментов частных корпораций и правительственных ведомств. Следствием бюрократизации «благополучия как процесса» [73] может стать «отмена» социальной значимости индивидуальных практик жизнотворчества как драйверов формирования новых форм жизни и возврат практик жизнеустройства отдельных людей в частную сферу, как это было в относительно недавние времена, когда основной репрезентацией жизни было благосостояние граждан.

Что может выступить гарантом недопущения формализации благополучия жизни людей и превращения человека из создателя благ социальной жизни в пассивного *благополучателя*? Ответ на этот вопрос заключается в нелинейности общественного развития. Эта идея как раз и получила воплощение в теории социологических парадигм Моргана и Баррелла, которые рассматривали их как альтернативные реальности.

Однако положение об альтернативности парадигм на следует понимать как их «параллельность», предполагающую полное отсутствие пересечений между ними. Наоборот, каждая парадигма производит свою работу по познанию и развитию жизни и имеет каналы коммуникации с другими. Поэтому есть смысл говорить о «специализации» парадигм в производстве знания о благополучии. Так, функционалистская парадигма благополучия «отвечает» за создание знания о взаимодействии наличных форм жизни на существующей основе и о возможностях их совершенствования; радикально-структуралистическая – знания об источниках конфликтов и имеющихся или складывающихся в данный момент «диспозитивах», определяющих стратегии целеполагания и структурирующих понимание и поведение людей; радикально-гуманистическая – о практиках трансцендирования за пределы «нормальности», полагаемой на основе существующих условий; интерпретативная – об открытии людьми диапазона возможностей в имеющихся формах жизни и о выборе индивидуальных позиций в его рамках.

Всякая специализация предполагает кооперацию. В отношении знания о благополучии основной проблемой кооперации гетерогенного знания является обнаружение каналов его межпарадигмальной конверсии. Одним из перспективных методов решения этой проблемы является создание полной картографии концепта «благополучие» по библиографическим и реферативным

базам данных рецензируемой научной литературы в парадигмальных осях координат. Результатом могла бы стать спецификация «пунктов перехода» знания из одной парадигмы в другую.

В пользу такой исследовательской повестки могут свидетельствовать очевидности, которые бросаются в глаза даже при достаточно внимательном простом обзоре литературы, позволяющем обнаружить диалогические отношения между разными парадигмальными употреблениями концепта благополучия как в качестве определяемого, так и в качестве определяющего.

Например, явно функционалистское понятие экономики благополучия (economy / ics of well-being) с переходом в радикально-гуманистическую парадигму корректируется в соответствии с проектом подлинной гуманизации экономики. В результате благополучие из цели хозяйственной деятельности, которая как «средство» вполне допускает и отчуждение, и эксплуатацию, превращается в само содержание этой деятельности (well-being economy / ics), восстанавливая тем самым единство жизни. Напомним, что в западной ментальности «жизнь» противостоит и «труду», порождая функционалистский дискурс взаимосвязи благополучия и баланса жизни и труда (WLB – work-life balance).

Другим примером развития практик и понятия благополучия на основе межпарадигмального обмена служит употребление определения «медленный» (slow). Рассмотренное нами ранее применительно к экономике, оно выступало маркером радикализма. Однако сейчас в нормализованном западным обществом практиках «медленного города», «медленного образования», «медленного университета» радикальная коннотация исчезает, и полученные практики становятся выражением нового благополучия горожан, школьников и педагогов, студентов и профессоров.

Можно заключить, что концепт и феномен благополучия в настоящее время обладает достаточной зрелостью, способной привлекать к себе исследовательские практики различной парадигмальной направленности и инспирировать сложные коллаборации между ними, имеющие шанс сохранить активность людей в качестве основы организации своей жизни.

Список источников

1. Kuhn T. The Structure of Scientific Revolutions. Enlarged, Chicago : University of Chicago, 1970. 210 p.
2. Barrell G., Morgan G. Sociological paradigms and organisational analysis: elements of the sociology of corporate life. London : Heinemann Educational Books, 1979. 444 p.
3. Фурсова В.В. Социология образования: зарубежные парадигмы и теории. М. : Директ-Медиа, 2013. 261 с.
4. Berglund H. Toward a Theory of Entrepreneurial Action: Exploring Risk, Opportunity and Self in Technology Entrepreneurship. Doctoral dissertation. Chalmers University of Technology, 2005. 63 p.
5. Morgan G. Paradigms, metaphors and puzzle solving in organization theory // Administrative Science Quarterly. 1980. Vol. 25, № 4. P. 605–622.
6. Леонтьев Д.А. Счастье и субъективное благополучие: к конструированию понятийного поля // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 14–37.
7. Койл Д. Секс, наркотики и экономика. Нетрадиционное введение в экономику. М. : Альпина Бизнес Букс, 2005. 384 с.
8. Жиронкин С.А., Барышева Г.А., Гасанов М.А. Социальное благополучие в контексте неиндустриальных преобразований российской экономики. Томск : РГ «Графика», 2014. 194 с.

9. Васильцова В.М., Тертышный С.А. Институциональная экономика : учеб. пособие. СПб. : Питер, 2013. 256 с.
10. Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Колледже де Франс в 1978–1979 уч. году. СПб. : Наука, 2010. 448 с.
11. Wahlberg A., Rose N. The governmentalization of living: calculating global health // *Economy and Society*. 2015. Vol. 44 (1). P. 60–90.
12. Anthropologies of modernity: Foucault, governmentality, and life politics / ed. J.X. Inda. Oxford : Blackwell, 2005. 288 p.
13. Lorenzini D. Governmentality, subjectivity, and the neoliberal form of life // *How Capitalism Forms Our Lives* / ed. by A. Cole, E. Ferrarese. London : Routledge, 2020. P. 50–62.
14. Villadsen K., Wahlberg A. The government of life: managing populations, health and scarcity // *Economy and Society*. 2015. Vol. 44 (1). P. 1–17.
15. Anders A. Foucault and 'the Right to Life': from Technologies of Normalization to Societies of Control // *Disability Studies Quarterly*. 2013. Vol. 33 (3). URL: <https://dsq-sds.org/article/id/142/>
16. Vuletić T., Ignjatović N., Stanković B., Ivanov A. 'Normalizing' everyday life in the state of emergency: experiences, well-being and coping strategies of emerging adults in Serbia during the first wave of the COVID-19 pandemic // *Emerging Adulthood*. 2021. Vol. 9 (5). P. 583–601.
17. Earp B.D., Sandberg A., Savulescu J. The medicalization of love // *Cambridge Quarterly of Healthcare Ethics*. 2015. Vol. 24 (3). P. 323–336.
18. Lee Davis D., Maurstad A., Dean S. My horse is my therapist: The medicalization of pleasure among women equestrians // *Medical Anthropology Quarterly*, 2015. Vol. 29 (3). P. 298–315.
19. Tiefer L. The medicalization of sexuality: Conceptual, normative, and professional issues // *Annual review of sex research*. 1996. Vol. 7 (1). P. 252–282.
20. Mori L., Maturo A., Moretti V. An ambiguous health education: The quantified self and the medicalization of the mental sphere // *Italian Journal of Sociology of Education*. 2016. Vol. 8 (3). P. 248–268.
21. Schmidt W.C. Medicalization of aging: the upside and the downside // *Marquette Elder's Advisor*. 2011. Vol. 13 (1). P. 55–88.
22. Crawford R. Healthism and the medicalization of everyday life // *International journal of health services*. 1980. Vol. 10 (3). P. 365–388.
23. Frances A. Saving normal: An insider's revolt against out-of-control psychiatric diagnosis, DSM-5, big pharma and the medicalization of ordinary life. New York : William Morrow, 2013. 314 p.
24. Silchenko K., Askegaard S. Powered by healthism? Marketing discourses of food and health // *European Journal of Marketing*. 2020. Vol. 55 (1). P. 133–161.
25. King S. Philanthrocapitalism and the Healthification of Everything // *International Political Sociology*. 2013. Vol. 7 (1). P. 96–98.
26. Muchie M. Globalization, Inequality and the Commodification of Life and Well-being. Adonis & Abbey Publishers Ltd, 2006. 292 p.
27. Jourdain A., Naulin S. Introduction: The Marketization of Everyday Life // *The Social Meaning of Extra Money: Capitalism and the Commodification of Domestic and Leisure Activities* / ed. by S. Naulin, A. Jourdain. Cham : Palgrave Macmillan, 2020. P. 1–29.
28. Gupta S. Impact of marketization on rural consumer wellbeing // *Academy of Marketing Studies Journal*. 2021. Vol. 25(3). P. 1–6.
29. Langley P. The financialization of life // *The Routledge international handbook of financialization* / ed. by P. Mader, D. Mertens, N. van der Zwan. London and New York : Routledge, 2020. P. 68–78.
30. Davis J.E. The commodification of self // *The Hedgehog Review*. 2003. Vol. 5(2). P. 41–50.
31. Kelly P. The self as enterprise: Foucault and the spirit of 21st century capitalism. London : Routledge, 2013. 240 p.
32. Huysmans J. Governmentality and security: governing life-in-motion // *Handbook on Governmentality* / ed. by W. Walters, M. Tazzioli. Edward Elgar Publishing, 2023. P. 187–207.
33. Lippert R.K., Walby K. (eds.). Policing cities: Urban securitization and regulation in a 21st century world. Routledge. 2013. 304 p.
34. Oels A. From 'securitization' of climate change to 'climatization' of the security field: comparing three theoretical perspectives // *Climate Change, Human Security and Violent Conflict. Hexagon Series on Human and Environmental Security and Peace*, vol. 8 / ed. by J. Scheffran, M. Brzoska, H. Brauch, P. Link, J. Schilling. Berlin, Heidelberg : Springer Berlin Heidelberg, 2012. P. 185–205.
35. Floyd R. The morality of security: A theory of just securitization. Cambridge University Press. 2019. 258 p.

36. *Sardoc M.* The ethics of securitisation: An interview with Rita Floyd // *Critical Studies on Terrorism*. 2021. Vol. 14 (1). P. 139–148.
37. *Manap N.M.A., Ismail N.W.* Food security and economic growth // *International Journal of Modern Trends in Social Sciences*. 2019. Vol. 2 (8). P. 108–118.
38. *Россинская Г.М., Ибрагимова З.Ф., Ишмухаметов Н.С.* Продовольственная безопасность: формирование и проявление на разных уровнях экономической системы // *Экономика и управление : науч.-практ. журнал*. 2022. № 3 (165). С. 11–17.
39. *Гайдаев О.С.* «Осторожно, безопасность!» Теория (ин)секьюритизации и Парижская школа исследований международной безопасности // *Вестник МГИМО-Университета*. 2022. № 15 (1). С. 7–37.
40. *Ефремов О.А.* Товарный фетишизм эпохи постмодерна: к вопросу о природе «нового» капитализма // *Философия и общество*. 2012. № 2. С. 76–89.
41. *Бенсаид Д.* Спектакль как высшая стадия товарного фетишизма. М. : Институт общегуманитарных исследований, 2016. 130 с.
42. *Жижек С.* Чума фантазий. Харьков : Гуманитарный Центр, 2012. 388 с.
43. *Wanner T.* The New ‘Passive Revolution’ of the Green Economy and Growth Discourse: Maintaining the ‘Sustainable Development’ of Neoliberal Capitalism // *New Political Economy*. 2015. Vol. 20 (1). P. 21–41.
44. *Helmreich S.* Species of Biocapital // *Science as Culture*. 2008. Vol. 17 (4). P. 463–478.
45. *Birch K., Tyfield D.* Theorizing the bioeconomy: biovalue, biocapital, bioeconomics or... what? // *Science, Technology & Human Values*. 2013. Vol. 38 (3). P. 299–327.
46. *Ponte S.* Green capital accumulation: business and sustainability management in a world of global value chains // *New Political Economy*. 2020. Vol. 25 (1). P. 72–84.
47. *Helmreich S.* Blue-green capital, biotechnological circulation and an oceanic imaginary: A critique of biopolitical economy // *BioSocieties*. 2007. Vol. 2 (3). P. 287–302.
48. *Fairhead J., Leach M., Scoones I.* Green Grabbing: a new appropriation of nature? // *The Journal of Peasant Studies*. 2012. Vol. 39 (2). P. 237–261.
49. *Luke T.W.* Generating green governmentality: A cultural critique of environmental studies as a power/knowledge formation. 1996. URL: www.cddc.vt.edu/tim/tims/Tim514a
50. *Pepper D.* Anthropocentrism, humanism and eco-socialism: A blueprint for the survival of ecological politics // *Environmental Politics*. 1993. Vol. 2 (3). P. 428–452.
51. *Ruttenberg T.* Wellbeing economics and Buen Vivir: Development alternatives for inclusive human security // *PRAXIS: The Fletcher Journal of Human Security*. 2013. Vol. 28. P. 68–93.
52. *Calisto Friant M., Langmore J.* The buen vivir: a policy to survive the Anthropocene? // *Global policy*. 2015. Vol. 6 (1). P. 64–71.
53. *Kothari A.* Radical well-being alternatives to development // *Research handbook on law, environment and the Global South* / ed. by P. Cullet, S. Koonan. Edward Elgar Publishing, 2019. P. 64–84.
54. *Brownhill L., Turner T.E., Kaara W.* Degrowth? How about some “de-alienation”? // *Capitalism, nature, socialism*. 2012. Vol. 23 (1). P. 93–104.
55. *Pillay D.* Happiness, wellbeing and ecosocialism – a radical humanist perspective // *Globalizations*. 2019. Vol. 17 (1). P. 380–396.
56. *Николаева Ж.В.* Slow life. Новая философия неспешности // *Обсерватория культуры*. 2016. № 1 (1). С. 24–30.
57. *Haenfler R., Johnson B., Jones E.* Lifestyle movements: Exploring the intersection of lifestyle and social movements // *Social Movement Studies*. 2012. Vol. 11 (1). P. 1–20.
58. *Овечкина Я.В.* Дауншифтинг как проявление социального ретретизма // *Социально-экономические явления и процессы*. 2013. № 8 (54). С. 168–172.
59. *Kennedy E.H., Krahn H., Krogman N.T.* Downshifting: An exploration of motivations, quality of life, and environmental practices // *Sociological Forum*. 2013. Vol. 28 (4). P. 764–783.
60. *Nuga M., Eimermann M., Hedberg C.* Downshifting towards voluntary simplicity: the process of reappraising the local // *Geografiska Annaler: Series B, Human Geography*. 2024. Vol. 106 (3). P. 289–306.
61. *Meissner M.* Against accumulation: lifestyle minimalism, de-growth and the present post-ecological condition // *Journal of Cultural Economy*. 2019. Vol. 12 (3). P. 185–200.
62. *Rebouças R., Soares A.M.* Voluntary simplicity: A literature review and research agenda // *International Journal of Consumer Studies*. 2021. Vol. 45 (3). P. 303–319.
63. *Autio M., Heiskanen E., Heinonen V.* Narratives of ‘green’ consumers – the antihero, the environmental hero and the anarchist // *Journal of Consumer Behaviour: An International Research Review*. 2009. Vol. 8 (1). P. 40–53.

64. Uggla Y., Soneryd L. Green governmentality, responsabilization, and resistance: International ENGOS' issue framings of future energy supply and climate change mitigation // *Socijalna ekologija: časopis za ekološku misao i sociologijska istraživanja okoline*. 2017. Vol. 26 (3). P. 87–104.

65. Scott J.C. Domination and the arts of resistance: Hidden transcripts. Yale university press, 1990. 269 p.

66. Скотт Дж. Искусство быть неподвластным. Анархическая история высокогорий Юго-Восточной Азии. М. : Новое издательство, 2017. 568 с.

67. Павлов А., Евченко Т. Искусство автономной жизни. Люди и государство существуют в разных вселенных // *InLiberty*. 2018. URL: <https://www.inliberty.ru/article/escape-law/>

68. Sointu E. The rise of an ideal: tracing changing discourses of wellbeing // *The sociological review*. 2005. Vol. 53 (2). P. 255–274.

69. Брукс Д. Бобо в раю. Откуда берется новая элита. М. : Ад Маргинем, 2013. 296 с.

70. Барышев А.А., Капустин В.В. Благополучие как практика: концептуализация, картография и тематический обзор исследований // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2023. № 76. С. 82–101.

71. Stephan U., Rauch A., Hatak I. Happy entrepreneurs? Everywhere? A meta-analysis of entrepreneurship and wellbeing // *Entrepreneurship Theory and Practice*. 2023. Vol. 47 (2). P. 55–593.

72. White S.C. Relational wellbeing: A theoretical and operational approach // *Bath Papers in International Development and Wellbeing*. 2015. № 43. P. 1–30.

73. Kavedžija Iza. The process of wellbeing: Conviviality, care, creativity. Cambridge University Press, 2021. 75 p.

References

1. Kuhn, T.S. (1970) *The Structure of Scientific Revolutions*. Chicago: University of Chicago Press.

2. Burrell, G. & Morgan, G. (1979) *Sociological Paradigms and Organisational Analysis: Elements of the Sociology of Corporate Life*. London: Heinemann Educational Books.

3. Fursova, V.V. (2013) *Sotsiologiya obrazovaniya: zarubezhnye paradigmy i teorii* [Sociology of Education: Foreign Paradigms and Theories]. Moscow: Direkt-Media.

4. Berglund, H. (2005) *Toward a Theory of Entrepreneurial Action: Exploring Risk, Opportunity and Self in Technology Entrepreneurship*. Entrepreneurship Dr. Diss. Gothenburg: Chalmers University of Technology.

5. Morgan, G. (1980) Paradigms, Metaphors and Puzzle Solving in Organization Theory. *Administrative Science Quarterly*. 25(4). pp. 605–622.

6. Leontiev, D.A. (2020) Schast'e i sub"ektivnoe blagopoluchie: k konstruirovaniyu ponyatiynogo polya [Happiness and Subjective Well-being: Towards Constructing a Conceptual Field]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 1. pp. 14–37.

7. Coyle, D. (2005) *Seks, narkotiki i ekonomika. Netraditsionnoe vvedenie v ekonomiku* [Sex, Drugs, and Economics: An Unconventional Introduction to Economics]. Translated from English. Moscow: Al'pina Biznes Buks.

8. Zhironkin, S.A., Barysheva, G.A. & Gasanov, M.A. (2014) *Sotsial'noe blagopoluchie v kontekste neindustrial'nykh preobrazovaniy rossiyskoy ekonomiki* [Social Well-being in the Context of Neo-Industrial Transformations of the Russian Economy]. Tomsk: RG "Grafika."

9. Vasiltssova, V.M. & Tertychnyy, S.A. (2013) *Institutsional'naya ekonomika* [Institutional Economics]. St. Petersburg: Piter.

10. Foucault, M. (2010) *Rozhdenie biopolitiki. Kurs lektsiy, pročitannykh v Kollezhe de Frants v 1978–1979 uchebnom godu* [The Birth of Biopolitics: Lectures at the Collège de France, 1978–1979]. Translated from French. St. Petersburg: Nauka.

11. Wahlberg, A. & Rose, N. (2015) The Governmentalization of Living: Calculating Global Health. *Economy and Society*. 44(1). pp. 60–90.

12. Inda, J.X. (ed.) (2005) *Anthropologies of Modernity: Foucault, Governmentality, and Life Politics*. Oxford: Blackwell Publishing.

13. Lorenzini, D. (2020) Governmentality, Subjectivity, and the Neoliberal Form of Life. In: Cole, A. & Ferrarese, E. (eds) *How Capitalism Forms Our Lives*. London: Routledge. pp. 50–62.

14. Villadsen, K. & Wahlberg, A. (2015) The Government of Life: Managing Populations, Health and Scarcity. *Economy and Society*. 4(1). pp. 1–17.

15. Anders, A. (2013) Foucault and 'the Right to Life': From Technologies of Normalization to Societies of Control. *Disability Studies Quarterly*. 33(3). [Online] Available from: <https://dsq-sds.org/article/id/142/> (Accessed: 17th June 2024).

16. Vuletic, T., Ignjatovic, N., Stankovic, B. & Ivanov, A. (2021) 'Normalizing' Everyday Life in the State of Emergency: Experiences, Well-being and Coping Strategies of Emerging Adults in Serbia During the First Wave of the COVID-19 Pandemic. *Emerging Adulthood*. 9(5). pp. 583–601.
17. Earp, B.D., Sandberg, A. & Savulescu, J. (2015) The Medicalization of Love. *Cambridge Quarterly of Healthcare Ethics*. 24(3). pp. 323–336.
18. Lee Davis, D., Maurstad, A. & Dean, S. (2015) My Horse is My Therapist: The Medicalization of Pleasure Among Women Equestrians. *Medical Anthropology Quarterly*. 29(3). pp. 298–315.
19. Tiefer, L. (1996) The Medicalization of Sexuality: Conceptual, Normative, and Professional Issues. *Annual Review of Sex Research*. 7(1). pp. 252–282.
20. Mori, L., Maturo, A. & Moretti, V. (2016) An Ambiguous Health Education: The Quantified Self and the Medicalization of the Mental Sphere. *Italian Journal of Sociology of Education*. 8(3). pp. 248–268.
21. Schmidt, W.C. (2011) Medicalization of Aging: The Upside and the Downside. *Marquette Elder's Advisor*. 13(1). pp. 55–88.
22. Crawford, R. (1980) Healthism and the Medicalization of Everyday Life. *International Journal of Health Services*. 10(3). pp. 365–388.
23. Frances, A. (2013) *Saving Normal: An Insider's Revolt Against Out-of-Control Psychiatric Diagnosis, DSM-5, Big Pharma and the Medicalization of Ordinary Life*. New York: William Morrow.
24. Silchenko, K. & Askegaard, S. (2020) Powered by Healthism? Marketing Discourses of Food and Health. *European Journal of Marketing*. 55(1). pp. 133–161.
25. King, S. (2013) Philanthrocapitalism and the Healthification of Everything. *International Political Sociology*. 7(1). pp. 96–98.
26. Muchie, M. (2006) *Globalization, Inequality and the Commodification of Life and Well-being*. London: Adonis & Abbey Publishers Ltd.
27. Jourdain, A. & Naulin, S. (2020) Introduction: The Marketization of Everyday Life. In: Naulin, S. & Jourdain, A. (eds) *The Social Meaning of Extra Money: Capitalism and the Commodification of Domestic and Leisure Activities*. Cham: Palgrave Macmillan. pp. 1–29.
28. Gupta, S. (2021) Impact of Marketization on Rural Consumer Wellbeing. *Academy of Marketing Studies Journal*. 25(3). pp. 1–6.
29. Langley, P. (2020) The Financialization of Life. In: Mader, P., Mertens, D. & van der Zwan, N. (eds) *The Routledge International Handbook of Financialization*. London and New York: Routledge. pp. 68–78.
30. Davis, J.E. (2003) The Commodification of Self. *The Hedgehog Review*. 5(2). pp. 41–50.
31. Kelly, P. (2013) *The Self as Enterprise: Foucault and the Spirit of 21st Century Capitalism*. London: Routledge.
32. Huysmans, J. (2023) Governmentality and Security: Governing Life-in-Motion. In: Walters, W. & Tazzioli, M. (eds) *Handbook on Governmentality*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing. pp. 187–207.
33. Lippert, R.K. & Walby, K. (eds) (2013) *Policing Cities: Urban Securitization and Regulation in a 21st Century World*. London: Routledge.
34. Oels, A. (2012) From 'Securitization' of Climate Change to 'Climatization' of the Security Field: Comparing Three Theoretical Perspectives. In: Scheffran, J., Brzoska, M., Brauch, H., Link, P. & Schilling, J. (eds) *Climate Change, Human Security and Violent Conflict*. Berlin, Heidelberg: Springer. pp. 185–205.
35. Floyd, R. (2019) *The Morality of Security: A Theory of Just Securitization*. Cambridge: Cambridge University Press.
36. Sardoc, M. (2021) The Ethics of Securitisation: An Interview with Rita Floyd. *Critical Studies on Terrorism*. 14(1). pp. 139–148.
37. Manap, N.M.A. & Ismail, N.W. (2019) Food Security and Economic Growth. *International Journal of Modern Trends in Social Sciences*. 2(8). pp. 108–118.
38. Rossinskaya, G.M., Ibragimova, Z.F. & Ishmukhametov, N.S. (2022) Prodovol'stvennaya bezopasnost': formirovanie i proyavlenie na raznykh urovnyakh ekonomicheskoy sistemy [Food Security: Formation and Manifestation at Different Levels of the Economic System]. *Ekonomika i upravlenie*. 3(165). pp. 11–17.
39. Gaydaev, O.S. (2022) "Ostorozhno, bezopasnost'!" Teoriya (in)sek'yuritizatsii i Parizhskaya shkola issledovaniy mezhdunarodnoy bezopasnosti ["Beware, Security!" The Theory of (In)Securitization and the Paris School of International Security Studies]. *Vestnik MGIMO Universiteta*. 15(1). pp. 7–37.

40. Efremov, O.A. (2012) Tovarnyy fetishizm epokhi postmoderna: k voprosu o prirode "novogo" kapitalizma [Commodity Fetishism in the Postmodern Era: On the Nature of the "New" Capitalism]. *Filosofiya i obshchestvo*. 2. pp. 76–89.
41. Bensaid, D. (2016) *Spektakl' kak vysshaya stadiya tovarnogo fetishizma* [The Spectacle as the Highest Stage of Commodity Fetishism]. Moscow: Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy.
42. Žižek, S. (2012) *Chuma fantaziy* [The Plague of Fantasies]. Kharkiv: Izdatel'stvo Gumanitarnyy Tsentr.
43. Wanner, T. (2015) The New 'Passive Revolution' of the Green Economy and Growth Discourse: Maintaining the 'Sustainable Development' of Neoliberal Capitalism. *New Political Economy*. 20(1). pp. 21–41.
44. Helmreich, S. (2008) Species of Biocapital. *Science as Culture*. 17(4). pp. 463–478.
45. Birch, K. & Tyfield, D. (2013) Theorizing the Bioeconomy: Biovalue, Biocapital, Bioeconomies or... What? *Science, Technology, & Human Values*. 38(3). pp. 299–327.
46. Ponte, S. (2020) Green Capital Accumulation: Business and Sustainability Management in a World of Global Value Chains. *New Political Economy*. 25(1). pp. 72–84.
47. Helmreich, S. (2007) Blue-Green Capital, Biotechnological Circulation and an Oceanic Imaginary: A Critique of Biopolitical Economy. *BioSocieties*. 2(3). pp. 287–302.
48. Fairhead, J., Leach, M. & Scoones, I. (2012) Green Grabbing: A New Appropriation of Nature? *The Journal of Peasant Studies*. 39(2). pp. 237–261.
49. Luke, T.W. (1996) *Generating Green Governmentality: A Cultural Critique of Environmental Studies as a Power/Knowledge Formation*. [Online] Available from: www.cddc.vt.edu/tim/tims/Tim514a (Accessed: 17th June 2024).
50. Pepper, D. (1993) Anthropocentrism, Humanism and Eco-socialism: A Blueprint for the Survival of Ecological Politics. *Environmental Politics*. 2(3). pp. 428–452.
51. Ruttenberg, T. (2013) Wellbeing Economics and Buen Vivir: Development Alternatives for Inclusive Human Security. *PRAXIS: The Fletcher Journal of Human Security*. 28. pp. 68–93.
52. Calisto Friant, M. & Langmore, J. (2015) The Buen Vivir: A Policy to Survive the Anthropocene? *Global Policy*. 6(1). pp. 64–71.
53. Kothari, A. (2019) Radical Well-being Alternatives to Development. In: Cullet, P. & Koonan, S. (eds) *Research Handbook on Law, Environment and the Global South*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing. pp. 64–84.
54. Brownhill, L., Turner, T.E. & Kaara, W. (2012) Degrowth? How About Some "De-alienation"? *Capitalism Nature Socialism*. 23(1). pp. 93–104.
55. Pillay, D. (2019) Happiness, Wellbeing and Ecosocialism – A Radical Humanist Perspective. *Globalizations*. 17(1). pp. 380–396.
56. Nikolaeva, Zh.V. (2016) Slow Life. Novaya filosofiya nespeshnosti [Slow Life. A New Philosophy of Slowness]. *Observatoriya kul'tury*. 1(1). pp. 24–30.
57. Haenfler, R., Johnson, B. & Jones, E. (2012) Lifestyle Movements: Exploring the Intersection of Lifestyle and Social Movements. *Social Movement Studies*. 11(1). pp. 1–20.
58. Ovechkina, Ya.V. (2013) Daunshifting kak proyavlenie sotsial'nogo retretizma [Downshifting as a Manifestation of Social Retretism]. *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy*. 8(54). pp. 168–172.
59. Kennedy, E.H., Krahn, H. & Krogman, N.T. (2013) Downshifting: An Exploration of Motivations, Quality of Life, and Environmental Practices. *Sociological Forum*. 28(4). pp. 764–783.
60. Nuga, M., Eimermann, M. & Hedberg, C. (2024) Downshifting Towards Voluntary Simplicity: The Process of Reappraising the Local. *Geografiska Annaler: Series B, Human Geography*. 106(3). pp. 289–306.
61. Meissner, M. (2019) Against Accumulation: Lifestyle Minimalism, De-growth and the Present Post-ecological Condition. *Journal of Cultural Economy*. 12(3). pp. 185–200.
62. Rebouças, R. & Soares, A.M. (2021) Voluntary Simplicity: A Literature Review and Research Agenda. *International Journal of Consumer Studies*. 45(3). pp. 303–319.
63. Autio, M., Heiskanen, E. & Heinonen, V. (2009) Narratives of 'Green' Consumers – The Antihero, the Environmental Hero and the Anarchist. *Journal of Consumer Behaviour*. 8(1). pp. 40–53.
64. Ugglä, Y. & Soneryd, L. (2017) Green Governmentality, Responsibilization, and Resistance: International ENGOS' Issue Framings of Future Energy Supply and Climate Change Mitigation. *Socijalna ekologija: časopis za ekološku misao i sociologijska istraživanja okoline*. 26(3). pp. 87–104.
65. Scott, J.C. (1990) *Domination and the Arts of Resistance: Hidden Transcripts*. New Haven: Yale University Press.

66. Scott, J. (2017) *Iskusstvo byt' nepodvlastnym. Anarkhicheskaya istoriya vysokogoriy Yugo-Vostochnoy Azii* [The Art of Not Being Governed: An Anarchist History of Upland Southeast Asia]. Translated from English. Moscow: Novoe izdatel'stvo.

67. Pavlov, A. & Evchenko, T. (2018) *Iskusstvo avtonomnoy zhizni. Lyudi i gosudarstvo sushchestvuyut v raznykh vselennykh* [The Art of Autonomous Life. People and the State Exist in Different Universes]. [Online] Available from: <https://www.inliberty.ru/article/escape-law/> (Accessed: 17th June 2024).

68. Sointu, E. (2005) The Rise of an Ideal: Tracing Changing Discourses of Wellbeing. *The Sociological Review*. 53(2). pp. 255–274.

69. Brooks, D. (2013) *Bobo v rayu. Otkuda beretsya novaya elita* [Bobos in Paradise: The New Upper Class and How They Got There]. Translated from English. Moscow: Ad Marginem.

70. Baryshev, A.A. & Kashpur, V.V. (2023) Well-being as Practice: Conceptualization, Cartography and a Thematic Review of Studies. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, sociology and Political Science*. 76. pp. 82–101. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/76/9

71. Stephan, U., Rauch, A. & Hatak, I. (2023) Happy Entrepreneurs? Everywhere? A Meta-analysis of Entrepreneurship and Wellbeing. *Entrepreneurship Theory and Practice*. 47(2). pp. 553–593.

72. White, S.C. (2015) Relational Wellbeing: A Theoretical and Operational Approach. *Bath Papers in International Development and Wellbeing*. 43. pp. 1–30.

73. Kavedžija, I. (2021) *The Process of Wellbeing: Conviviality, Care, Creativity*. Cambridge: Cambridge University Press.

Сведения об авторах:

Барышев А.А. – кандидат экономических наук, доцент кафедры социологии философского факультета Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: barishevnp@mail.ru

Щекотин Е.В. – кандидат философских наук, зав. кафедрой философии, истории и права Сибирского государственного университета водного транспорта (Новосибирск, Россия). E-mail: valkashpur@inbox.ru

Барышева Г.А. – доктор экономических наук, профессор Бизнес-школы Национального исследовательского Томского политехнического университета (Томск, Россия). E-mail: ganb@tpu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Baryshev A.A. – Cand. Sci. (Economics), associate professor at the Department of Sociology, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: barishevnp@mail.ru

Shchekotin E.V. – Cand. Sci. (Philosophy), head of the Department of Philosophy, History and Law of the Siberian State University of Water Transport (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: evgvik1978@mail.ru

Barysheva G.A. – Dr. Sci. (Economics), professor of the Business School, National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ganb@tpu.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.10.2025;

одобрена после рецензирования 20.11.2025; принята к публикации 09.12.2025

The article was submitted 15.10.2025;

approved after reviewing 20.11.2025; accepted for publication 09.12.2025

Научная статья

УДК: 316.344.233

doi: 10.17223/1998863X/88/14

КЛАССИЧЕСКИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ АНАЛИЗА ГОРОДСКОЙ СЕГРЕГАЦИИ И СОЦИАЛЬНЫЕ МАРКЕРЫ

Ринат Эдуардович Галиуллин¹, Ирина Анатольевна Скалабан²

^{1, 2} Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

¹ R.galiullin@g.nsu.ru

² skalaban@corp.nstu.ru

Аннотация. Изучается процесс изменения концептуальных рамок анализа пространственного сегрегирования, его современное прочтение. Отмечается контекстуальность интерпретации явления, поскольку в разные периоды внимание акцентируется на дискриминационном или морфологическом подходе к концепту сегрегации, а также ставится вопрос об актуальности изучения этого процесса в российском городе через анализ его конфликтного потенциала.

Ключевые слова: сегрегация, городские конфликты, маркеры сегрегации, конфликты сегрегирования, присвоение пространства

Для цитирования: Галиуллин Р.Э., Скалабан И.А. Классические и современные концептуальные основания анализа городской сегрегации и социальные маркеры // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 88. С. 154–164. doi: 10.17223/1998863X/88/14

Original article

CLASSICAL AND MODERN CONCEPTUAL FOUNDATIONS OF URBAN SEGREGATION ANALYSIS AND SOCIAL MARKERS

Rinat E. Galiullin¹, Irina A. Skalaban²

^{1, 2} Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation

¹ R.galiullin@g.nsu.ru

² skalaban@corp.nstu.ru

Abstract. The article examines the evolving conceptual framework for analyzing spatial segregation and its contemporary interpretation. It notes the contextual nature of interpreting this phenomenon, as different historical periods have emphasized either a discriminatory or a morphological approach to the concept. Furthermore, the article raises the question of the relevance of studying segregation in a Russian urban context by analyzing its conflict potential. We conduct a retrospective analysis of approaches to defining the phenomenon of urban segregation and its social markers. This review spans from the concepts of spatial segregation that emerged alongside increasing migration and the racial and territorial localization of inequality in American cities during sociology's formative years, to modern approaches analyzing "new urban segregation." Two classical interpretations of the segregation process, established by the 1930s, are distinguished. The first is a "discriminatory" approach, determined by a combination of socio-spatial, racial, and ethnic inequality. The second is a "morphological" approach. Originating from the socio-ecological school, it focuses on the functional zoning of urban areas, the socio-economic differentiation of territories and neighborhood-communities, and the analysis of housing regimes within a city's naturally forming boundaries. The manifestations of these approaches were traced

through the social markers of segregation selected by researchers. Our analysis of these markers shows that both approaches intersect by focusing on the factor of inequality – whether in its social, racial, or urban-spatial form. The article notes that a new understanding of urban spatial segregation began to emerge in the 1980s–90s, prompted by the weakening influence of racial and ethnic factors on urban development. While the need for security and the transformation of one's home into a "shelter" remained relevant, the segregation processes perceived by citizens shifted toward a differentiation between private and public, accessible and inaccessible spaces. We argue that the foundation for defining "new segregation" was laid by Brazilian sociologists, who identified secure, enclosed spaces as key elements that fragment the city and reinforce inequality. This angle highlights the importance of urban planning practices in segregation processes, for which local urban conflict can serve as a key marker. Such conflicts can reveal instances of segregation that have not become normalized practices but are instead identified by citizens as forms of injustice or discrimination. From this perspective, when studying segregation, the analytical focus can be on both the conflict itself and the trigger that caused it. The circumstances under which segregation gives rise to conflict are of particular importance, as the challenges of resolving these conflicts become a central problem within the new structure of the modern city, which is itself being reshaped by segregation.

Keywords: segregation, urban conflicts, segregation markers, segregation conflicts, space appropriation

For citation: Galiullin, R.E. & Skalaban, I.A. (2025) Lassical and modern conceptual foundations of urban segregation analysis and social markers. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 88. pp. 154–164. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/88/14

Введение

Разделение и изоляция как проявления сегрегации, столь же имманентно присущи городу, как и неравенство, конкурентность, навязанное взаимодействие. Со времён возникновения социологии сегрегация как социальное явление и процесс находится в фокусе внимания социологов, а данный фокус на протяжении прошедшего века имел тенденцию смещаться от расового деления в направлении социальных или пространственных аспектов разделения и дискриминации.

Определённым признаком актуальности проблемы для России стало то, что исследования отечественных авторов по вопросам городской сегрегации начали появляться с середины 1990-х гг. [1]. Изучение рынка недвижимости, преобразование публичных пространств в частные [2–4] фиксировали неоднородность расселения в городе, неравные возможности обеспечения жильём и связанное с этим неравенство [5, 6]. Исследовались изменения и проблемы, связанные с усилением сегрегирования [7–9].

Несмотря на многообразие исследуемых аспектов, остается актуальным вопрос: насколько сегодня изменилось содержание и интерпретация сегрегационных процессов по сравнению с «классическим» периодом их исследования и каков потенциал анализа городских конфликтов при их осмыслении?

Становление концепции: «дискриминационное» и «социально-экологическое» прочтение

Сегрегация относится к тем социологическим категориям, содержательное наполнение которых контекстуально и определяется как сложившимися

социальными, культурными, политическими, экономическими обстоятельствами конкретного социума, так и избранной теоретической рамкой анализа.

Принято считать, что само понятие «сегрегация» оформилось в ходе осмысления городских процессов представителями чикагской социологической школы. Однако в значении принудительного разделения, полной изоляции, термин «сегрегация» широко использовался еще в XIX в. в эпидемиологии, психиатрии при изоляции заболевших жителей колоний («свет, воздух и сегрегация» [10]); в политике, государственном управлении, при делении групп и сообществ по конфессиональным, позже – расовым и социальным основаниям. В процессе расширения репертуара сегрегационных практик формально-принудительный подход к изоляции сменялся вниманием к ее социальным аспектам. Интерес к проблеме усилился по мере нарастания темпов притока в развитые страны этнически и конфессионально различающихся групп мигрантов. Не случайно уже в 1895 г. в первом томе «Американского социологического журнала» «сегрегация населения» была обозначена как отдельный предмет изучения [11].

Социологическое прочтение сегрегации как явления формировалось под влиянием социал-дарвинизма, теории социального отбора, где указывалось на внесоциальные источники ее возникновения [12]. Однако были и те, кто делал акцент на социальных и «психических» факторах изоляции: «осознание сходства... объединяет людей в непохожие группы», в которых «случайные силы имеют тенденцию собирать подобное и разделять несовпадающее (закон сегрегации)» [13]. В начале XX в. возникает термин *практическая сегрегация* как рациональное разделение групп по социальным основаниям и районам проживания (*географическая сегрегация*). Уже в это время возник и интерес к городу как сегрегированному пространству. Социологи фиксировали связь между сегрегацией культурно близких групп и процессом их сближения, общей идентификации [14. Р. 303]. Одновременно отмечался и обратный процесс: рост социального благополучия, например негров, стимулирует покидание гомогенных районов и включение в борьбу за тройную адаптацию: к городу; к свободному гражданству; к белому населению [15. Р. 110].

Более сфокусированное изучение сегрегации в городах приходится на середину 1920-х гг. участниками чикагской социологической школы. Важную роль в этом сыграла трансформация ими теоретической рамки с социально-дарвинистской на социально-экологическую. Сегрегация интерпретируется как раздельное проживание на определенной территории двух или более групп населения [16], а сегрегационные процессы – как «не только продукт расовых предрассудков, но и результат взаимодействия факторов городского роста, которые определяют местоположение и движение всех групп, учреждений и отдельных лиц» [17. Р. 115]. Маркеры сегрегации, избираемые ими для анализа, отличались. Л. Вирт ориентировался на размер популяционного агрегата, определяющий потенциал дифференциации: концентрация (плотность) и гетерогенность «определенных популяционных групп, живущих в определенных условиях и в определенной культуре» [18. С. 6], способность влиять на формирование социальных установок терпимости, рациональности и секулярного менталитета [18. С. 104]. Е. Берджес, отмечая уникальность городских сегрегационных моделей, указывал не только на значимость данных о доли этнической группы в общей численности жителей

территории, но и данных о распределении занятости; наличия районов с доступной собственностью; об отношении местных жителей к сегрегации и скорости расширения деловых и производственных районов [17. Р. 105].

Таким образом, уже к 30-м гг. XX в. приобрели устойчивость два подхода к пониманию сущности городской сегрегации.

Первый обозначим как *дискриминационный* подход, определяющий городскую сегрегацию как вариант социально-пространственного разделения жителей на основе расовых, этнических различий, неравномерного распределения благ, неравенства статусов, экономического или политического положения. Сегрегация – не только источник неравенства и дискриминации, но и средство и результат. Это открывает возможности анализа источников социальной несправедливости в распределении городских ресурсов, выявления структурного насилия «защитого» в пространственную и социальную изоляцию групп. Напряженность усугубляется, когда монополизировано право на собственность в ходе переопределения пространств, их доступности для пользования ресурсами и мобильности. В этом контексте сегрегация позволяет осмыслить феномены анклавизации и геттоизации, конструирование социальных и пространственных границ, взаимодействие сегрегированных локальных («оборонительных») сообществ [19]. Однако практика показала, что эти линзы несут в себе риски стигматизации сегрегированности, абсолютизации в оценке социальной ситуации расового или этнокультурного фактора.

Второй подход обозначим как *морфологический*, где «социально-экологический» подход – его инвариант [5. С. 19]. Здесь сегрегация мыслится как естественная составляющая жизни города, пространственно и социально распределенного на ареалы и сообщества, обладающие единством. По мнению авторитетного исследователя сегрегации С. Мустерда, «по-видимому, существует общая тенденция домашних хозяйств отделять себя друг от друга на основе ряда демографических, социально-экономических и культурных различий. На эту тенденцию сильно влияют исторические особенности места, а также другие контекстуальные факторы» [20. С. 2], такие как доступ к земле, финансовым ресурсам, индивидуальным интересам, предпочтениям и ценностям социального класса и статуса [21]. Подход фокусирует внимание на ареалах-сообществах, жилищных режимах, естественно формирующихся границах города, что во многом послужило основой для выделения вернакулярных районов.

Подходы имеют точки пересечения, например акцентируют значимость фактора неравенства. Сегрегационный дискурс определяется социальным (препятствие как неравенство) или урбанистическим (престиж как неравенство) прочтением процессов дифференциации, масштабами массовой миграции.

Современная пространственная городская сегрегация: перспективы нового прочтения

Концептуальные подходы к анализу сегрегации постепенно меняются в 80–90-е гг. с ослаблением влияния расового и этнического фактора на развитие городов. Бурная урбанизация в странах третьего мира, трансформация постсоветского пространства стимулировали неравенство и отчуждение, что

привлекало внимание к проблеме пространственной сегрегации. Появились термины *новая городская сегрегация*, *современная городская сегрегация*.

С позиции З. Баумана современная городская сегрегация – это способ удовлетворения запроса горожан на обособление от тех, кто стоит ниже на социальной лестнице, удовлетворение потребности в безопасности в городе, источнике тревоги и агрессивности [22. С. 46]. Он прогнозировал: выделение экстратерриториальных анклавов из непрерывной городской территории с наступлением эпохи глобализации только усилится.

Ранее основоположник нового урбанизма А. Лефевр связал городскую дифференциацию с процессами приватизации пространства. «В новых городских ансамблях отсутствие спонтанной и ограниченной общественной жизни доходит до полной „приватизации“ существования, поскольку с развитием капитализма, ростом и увеличением плотности городов, развитием рынка жилья возрастает функция дома как „убежища“». [23. С. 4–6]. Это приводит к упадку значимости улиц, но стимулирует рост спроса и предложения на форматы жилья, способные закрыть потребность в безопасности.

Соединяя логику дискриминационного и морфологического подходов к городской сегрегации как «пространственной материализации неравенства» [24], значительный вклад в ее эмпирический анализ еще с 1970-х гг. внесли бразильские исследователи. «Новый стандарт сегрегации» был описан Т. Кальдейрой по результатам исследования «укреплённых анклавов» Сан-Пауло – одного из самых экономически контрастных городов мира [25] как новой альтернативы жизни среднего и высшего класса. Они обеспечивают безопасность и кодируются как то, что придает высокий статус, тем самым «создают фрагментарный характер города, в котором трудно сохранить принципы свободного движения и открытия общественных пространств» [25. С. 155]. Такая сегрегационная модель есть признак нарастания неравенства. Она формируется под влиянием четырех взаимосвязанных процессов: экономического спада; инвестирования органами власти в инфраструктуру периферии города, где проживают относительно благополучные группы населения под давлением созданных ими же социальных движений; реструктуризации ритейла – строительства крупных торговых центров на изолированных благополучных территориях, сокращения промышленных зон с последующей джентрификацией; криминализации городской среды [25. С. 156–158].

Структурируем маркеры современной городской сегрегации, предложенные бразильской школой, по двум уровням.

Локальный:

- Возведение ограждений и барьеров, исключаящих диалог частного с общественным и укрепляющих чувство безопасности посредством охранных систем и ограждений.

- Обустройство ограждённой территории инфраструктурой для исключения связи с городом в повседневной жизни и организации досуга (детские площадки, парки, бары, кафе, магазины, кинотеатры).

- Привлечение людей из низших слоев для работы на ограждённой территории.

- Поддержание социальной однородности с возможной враждебностью их обитателей к миру за ограждениями, особенно на этапе адаптации к территории.

Городской:

- Изменение городской среды за счет трансформации общественных пространств в частные, открытых – в закрытые, «укреплённые». Источник: приватизация общественных пространств и благ, через недоступность территории, ретейла, услуг, досуговых зон.

- Ограничение и трансформация векторов городской мобильности в силу запретов на проход по «укреплённым» территориям.

Современные эмпирические исследования опровергают выраженность сегрегационных практик в больших городах по сравнению с малыми [26. Р. 195], фиксируют многообразие групп, вовлеченных в процессы сегрегирования, обозначая границы между черным и белым населением, между новыми группами иммигрантов и укоренившимися; между богатыми и бедными домохозяйствами, между молодыми и пожилыми, одиночками и семьями [20. С. 7]. Эксклюзивно-инклюзивный подход западноевропейских исследований последних лет определяет сегрегацию и как процесс межгрупповых и межклассовых взаимоотношений, как взаимовлияние, в том числе «по вертикали»: через влияние высших слоев городских групп с экономической и политической властью на ограничение таких возможностей в нижних группах [27].

Таким образом, в современных городах источники сегрегации заложены в нарастающих противоречиях по двум осям: частным/публичным и разнообразным/гомогенным. Эти противоречия носят социальный и пространственный характер и проявляют себя в сегрегационных процессах и сопутствующих им социальных маркерах:

- приватизация публичного пространства и его удержание (защита);
- воспроизводство и/или имитация публичного пространства внутри сформировавшегося частного;
- поддержание физическими, социальными и символическими способами границ между частным и публичным;
- гомогенизация социального в изолированном пространстве;
- маркетизация сегрегационных практик [28] (рекламная поддержка строящихся закрытых ЖК как успешная стратегия продаж).

Выделенная совокупность процессов и маркеров неизбежно возвращает к мысли об амбивалентности границ между естественной, функциональной составляющей процессов сегрегирования и его дискриминационной, дисфункциональной составляющей городского развития. Представляется, что вторая компонента сегрегации усиливается при актуализации социального неравенства и дискурса справедливости. Это ставит проблему поиска маркеров, способных обнаружить этот процесс, какая бы из теоретических рамок ни использовалась.

Конфликт как перспективный маркер сегрегации в городской среде

Усиление сегрегационных процессов неизбежно ведет к ограничениям в пользовании благами в городской среде, а следовательно, генерированию конфликтов. Как отмечал В.В. Вагин, «отрицательным следствием сегрегации является формирование особого самосознания, основанного на чувствах ущемленного достоинства и ущербности, что впоследствии может привести к наиболее радикальным формам городского протеста» [29]. Именно локаль-

ный конфликт может маркировать те случаи сегрегирования, которые не становятся опривыченными практиками, но идентифицируются горожанами как несправедливость, дискриминация. В этом ракурсе при изучении сегрегации объектом анализа может стать как сам конфликт, так и запустивший его триггер. Эту мысль подтверждает анализ 50 случаев городских и локальных конфликтов Новосибирска с 2017 по 2023 г.¹ с повестками сегрегационного характера. Он позволил выделить акторов и сферы городских отношений, где, с позиций участников, сегрегация приобретает несправедливый, дискриминационный характер. Кратко охарактеризуем их.

- Сфера соседских отношений между жильцами соседних домов или комплексов. Предметом оспаривания чаще становится не принадлежность территории, а ее доступность для пользования. Поэтому триггерами конфликтов часто становятся ситуации несогласованного появления шлагбаумов и заборов, перекрывающих традиционные транзитные транспортные пути.

- Сфера отношений жители – застройщики. Основными триггерами нередко являются намерения застройщиков трансформировать территорию (изменение близлежащей рекреационной инфраструктуры вследствие возведения новых ЖК рядом с уже существующими).

- Сфера межэтнических отношений, преимущественно в режиме местные/инокультурные мигранты, где триггеры во многом определяются длительностью межкультурных контактов на территории. Если в одном случае они связаны с появлением гомогенных групп мигрантов как временных или постоянных жителей на новых для них территориях, то в другом – с процессами концентрации и анклавизации на уже освоенных ими пространствах.

Именно обстоятельства, в которых сегрегация рождает конфликт, кажутся нам важными, поскольку проблемы их урегулирования становятся проблемой в новой изменяющейся под действием сегрегации структуре современного города.

Заключение

Социальные маркеры сегрегации, накопленные более чем за век исследования этого явления, позволяют выделить ключевую особенность современного типа городской сегрегации. Это не только материализация неравенства, выраженная в ограничении пространства и благ, но и обострение вызванных этим социальных отношений между группами горожан. Разница между классическим и современным подходом прослеживается в усилении внимания к чувствительности между частным и общественным, между символически и юридически присвоенным и общедоступным.

Сегодня мы имеем дело с двумя подходами к сегрегации. Первый подход – морфологический – работает, скорее, на макроуровне, расселении и проектировании города и ориентирован на определение социальных ареалов; второй – социально-дискриминационный, который определяется рыночными отношениями и политическими инициативами. Оба подхода интерпретируют причины и формы сегрегирования, однако, несмотря на потенциал, рассматривают конкретные маркеры сегрегации неполно. Данные социальные маркеры, ис-

---

¹ Материал Геоинформационной базы данных Новосибирской агломерации (Конфликты NSK; <https://conflictsnsk.ru/>), научный руководитель проекта И.А. Скалабан.

пользуемые отдельно, не позволяют создать подробную картину влияния сегрегации на городское развитие, выделить заложенные внутри противоречия.

В ситуации трансформации социальной и пространственной структуры российских городов дискриминационная составляющая сегрегационных процессов, несколько отошедшая в исследованиях на задний план, вновь приобретает основания для актуализации. Однако в российском городе она чаще проявляет себя на локальном уровне. Потенциал для осмысления содержит идентификация сегрегационных состояний через конфликты конкурирующих групп собственников или пользователей территории, обладающих юридическим или символическим правом на присвоение того или иного пространства. Современная градостроительная политика, рост социального неравенства сохраняют риски трансформации сегрегационных процессов в режимы, близкие к латиноамериканским, пусть и с сохранением собственной социокультурной специфики. В свою очередь, понимание социальных маркеров современной сегрегации для российских исследователей также представляется актуальным.

Список источников

1. Трущенко О.Е. Престиж Центра: городская социальная сегрегация в Москве. М : Socio Logos, 1995. 112 с. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология: Реферативный журнал. 1996. № 1.
2. Бляхер Л.Е. Пространственная сегрегация г. Хабаровска: теоретико-методологические этюды // Российское городское пространство: попытка осмысления. Серия: Научные доклады, № 116. М., 2000.
3. Григоричев К.В. Многообразие пригорода: субурбанизация в сибирском регионе (случай Иркутска) // Городские исследования и практики. 2016. № 2.
4. Сидорова О.С., Мосиенко Н.Л. Социально-пространственная сегрегация города на примере рынка жилой недвижимости Новосибирска // Регион: экономика и социология. 2017. № 2. С. 308–325.
5. Чешикова А. Методологические подходы к изучению городской пространственной сегрегации // Российское городское пространство: попытка осмысления. М. : Мос. обществ. науч. фонд, 2000.
6. Калининкова М.В., Поликарпова Т.В., Головина А.А. Место жительства как фактор социальной дифференциации горожан // Социальное неравенство современности: новая реальность научного осмысления : материалы VI Междунар. науч. конф. Саратов, 13 апреля 2018 года. 2018.
7. Нурушева А.М. Роль инвесторов в формировании городского социального пространства. 2011.
8. Лядова А.В., Новоселова Е.Н. Социально-экологические риски урбанизации и развитие московской агломерации: сравнительный анализ зарубежного опыта // Экология и промышленность России. 2017. Т. 21, № 10. С. 55–61.
9. Рыкун А.Ю., Черникова Д.В., Сухушина Е.В., Березкин А.Ю. Измерение качества жизни в городах: возможности индексного подхода // ЖИСП. 2020. № 2.
10. Hospital Evolution In The Victorian Era // The British Medical Journal. Jun. 26, 1897. № 1904. Vol. 1. P. 1659–1664.
11. Stanford Jr L. Sociological Miscellany // American Journal of Sociology. Sep., 1895. Vol. 1, № 2. P. 231–236.
12. Baldwin J.M. The Social and the Extra-Social // American Journal of Sociology. Mar., 1899. Vol. 4, № 5. P. 649–655.
13. Ross E.A. Moot Points in Sociology. II. Social Laws // American Journal of Sociology. Jul., 1903. Vol. 9, № 1. P. 105–123.
14. Babcock K.Ch. The Scandinavian Element in American Population // The American Historical Review. Jan., 1911. Vol. 16, № 2. P. 300–310.

15. Haynes G.E. Conditions among Negroes in the Cities // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. Sep., 1913. Vol. 49: The Negro's Progress in Fifty Years (Sep., 1913). P. 105–119.
16. Burgess E.W. "The Growth of the City: An Introduction to a Research Project": from Robert E. Park, Ernest W. Burgess, and Roderick D. McKenzie, *The City* (1925) // *The city reader*. Routledge, 2011. С. 207–215.
17. Burgess E.W. Residential Segregation in American Cities // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. Nov., 1928. Vol. 140: The American Negro (Nov., 1928). P. 105–115.
18. Бурм Л. Избранные работы по социологии. Сборник переводов. М., 2005. 244 с.
19. Suttles G. *The Social Construction of Communities*. Chicago : University of Chicago Press, 1972
20. Musterd S. Urban segregation: contexts, domains, dimensions and approaches // *Handbook of Urban Segregation*. (Research Handbooks in Urban Studies series) / ed. S. Musterd. Edward Elgar Publishing, 2020. P. 2–17.
21. Anne Power, Zvi Weinstein Discussion: Housing and sustainability – demolition or refurbishment? // *Proceedings of the Institution of Civil Engineers – Urban Design and Planning*. 2012. Vol. 165, Is. 3. P. 191–191.
22. Бауман З. Город страхов, город надежд // *Логос*. 2008. Т. 3, № 66. С. 24.
23. Анри Лефевр. Идеи для концепции нового урбанизма // *Социологическое обозрение*. 2002. № 3
24. Bonduki N., Rolnik R. Periferia da grande Sao Paulo: reproducao do espaco como expediente de producao da forza de trabalho // *A producao capitalista da casa (e dadidade) do Brasil industrial* / ed. E. Maricato. Editora AlphaOmega, Sao Paulo, 1979.
25. Do Rio Caldeira T.P. Enclaves fortificados: a nova segregação urbana // *Novos estudos CEBRAP*. 1997. T. 47. С. 155–176.
26. Krupka D.J. Are big cities more segregated? Neighbourhood scale and the measurement of segregation // *Urban Studies*. 2007. Vol. 44, № 1. P. 187–197.
27. Atkinson R., Ho H.K. Segregation and the urban rich: enclaves, networks and mobilities // Cape Town In *Handbook of Urban Segregation*. (Research Handbooks in Urban Studies series) / ed. S. Musterd. Edward Elgar Publishing, 2020. P. 289–305.
28. Петри О.В., Аксенов К.Э., Крутиков С.А. Пригородные закрытые жилые комплексы Санкт-Петербурга: начало сегрегации или смена образа жизни? // *Вестник СПбГУ. Наука о Земле*. 2012. № 1.
29. Вагин В.В. *Городская социология : учеб. пособие для муниципальных управляющих*. М. : Моск. науч. обществ. фонд, Школа муниципального управления, 2001.

References

1. Trushchenko, O.E. (1996) Prestizh Tsentra: gorodskaya sotsial'naya segregatsiya v Moskve [The Prestige of the Center: Urban Social Segregation in Moscow]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11. Sotsiologiya: Referativnyy zhurnal*. 1.
2. Blyakher, L.E. (2000) Prostranstvennaya segregatsiya g. Khabarovska: teoretiko-metodologicheskie etyudy [Spatial Segregation of Khabarovsk: Theoretical and Methodological Sketches]. In: *Rossiyskoe gorodskoe prostranstvo: popytka osmysleniya. Seriya: Nauchnye doklady* [Russian Urban Space: An Attempt at Comprehension. Series: Scientific Reports]. Vol. 116. Moscow: [s.n.].
3. Grigoriev, K.V. (2016) Mnogoobrazie prigoroda: suburbanizatsiya v sibirskom regione (sluchay Irkutsk) [The Diversity of the Suburb: Suburbanization in the Siberian Region (The Case of Irkutsk)]. *Gorodskie issledovaniya i praktiki*. 2.
4. Sidorova, O.S. & Mosienko, N.L. (2017) Sotsial'no-prostranstvennaya segregatsiya goroda na primere rynka zhiloy nedvizhimosti Novosibirsk [Socio-Spatial Segregation of the City on the Example of the Residential Real Estate Market of Novosibirsk]. *Region: Ekonomika i Sotsiologiya*. 2. pp. 308–325.
5. Cheshkova, A. (2000) Metodologicheskie podkhody k izucheniyu gorodskoy prostranstvennoy segregatsii [Methodological Approaches to the Study of Urban Spatial Segregation]. In: *Rossiyskoe gorodskoe prostranstvo: popytka osmysleniya* [Russian Urban Space: An Attempt at Comprehension]. Moscow: Moskovskiy obshchestvennyy nauchnyy fond.
6. Kalinnikova, M.V., Polikarpova, T.V. & Golovina, A.A. (2018) Mesto zhitel'stva kak faktor sotsial'noy differentsiatsii gorozhan [Place of Residence as a Factor of Social Differentiation of City

Dwellers]. In: *Sotsial'noe neravenstvo sovremennosti: novaya real'nost' nauchnogo osmysleniya* [Social Inequality of Modernity: A New Reality of Scientific Comprehension]. Proc. of the 6th International Conference. Saratov, April 13, 2018.

7. Nurusheva, A.M. (2011) *Rol' investorov v formirovanii gorodskogo sotsial'nogo prostranstva* [The Role of Investors in the Formation of Urban Social Space]. [s.l.]: [s.n.].

8. Lyadova, A.V. & Novoselova, E.N. (2017) *Sotsial'no-ekologicheskie riski urbanizatsii i razvitiye moskovskoy aglomeratsii: sravnitel'nyy analiz zarubezhnogo opyta* [Socio-Environmental Risks of Urbanization and the Development of the Moscow Agglomeration: A Comparative Analysis of Foreign Experience]. *Ekologiya i promyshlennost' Rossii*. 21(10). pp. 55–61.

9. Rykun, A.Yu., Chernikova, D.V., Sukhushina, E.V. & Berezkin, A.Yu. (2020) *Izmerenie kachestva zhizni v gorodakh: vozmozhnosti indeksnogo podkhoda* [Measuring Quality of Life in Cities: Opportunities of the Index Approach]. *Zhilishchnye strategii*. 2.

10. Anon. (1897) Hospital Evolution in the Victorian Era. *The British Medical Journal*. 1(1904). pp. 1659–1664.

11. Stanford, L., Jr. (1895) Sociological Miscellany. *American Journal of Sociology*. 1(2). pp. 231–236.

12. Baldwin, J.M. (1899) The Social and the Extra-Social. *American Journal of Sociology*. 4(5). pp. 649–655.

13. Ross, E.A. (1903) Moot Points in Sociology. II. Social Laws. *American Journal of Sociology*. 9(1). pp. 105–123.

14. Babcock, K. Ch. (1911) The Scandinavian Element in American Population. *The American Historical Review*. 16(2). pp. 300–310.

15. Haynes, G.E. (1913) Conditions among Negroes in the Cities. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 49. pp. 105–119.

16. Burgess, E.W. (2011) “The Growth of the City: An Introduction to a Research Project”: From Robert E. Park, Ernest W. Burgess, and Roderick D. McKenzie, “*The City*” (1925). In: *The City Reader*. 5th ed. London: Routledge. pp. 207–215.

17. Burgess, E.W. (1928) Residential Segregation in American Cities. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 140. pp. 105–115.

18. Wirth, L. (2005) *Izbrannye raboty po sotsiologii. Sbornik perevodov* [Selected Works in Sociology. Collection of Translations]. [s.l.]: [s.n.].

19. Suttles, G.D. (1972) *The Social Construction of Communities*. Chicago: University of Chicago Press.

20. Musterd, S. (2020) Urban Segregation: Contexts, Domains, Dimensions and Approaches. In: Musterd, S. (ed.) *Handbook of Urban Segregation*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing. pp. 2–17.

21. Power, A. & Weinstein, Z. (2012) Discussion: Housing and Sustainability – Demolition or Refurbishment? *Proceedings of the Institution of Civil Engineers – Urban Design and Planning*. 165(3). pp. 191–191.

22. Bauman, Z. (2008) *Gorod strakhov, gorod nadezhd* [The City of Fears, the City of Hopes]. *Logos*. 3(66). p. 24.

23. Lefebvre, H. (2002) *Idei dlya kontseptsii novogo urbanizma* [Ideas for a Concept of New Urbanism]. *Sotsiologicheskoe obozrenie*. 1(3).

24. Bonduki, N. & Rolnik, R. (1979) Periferia da Grande Sao Paulo: Reproducao do Espaco como Expediente de Reproducao da Forca de Trabalho. In: Maricato, E. (ed.) *A Producao Capitalista da Casa (e da Cidade) do Brasil Industrial*. Sao Paulo: Editora AlfaOmega.

25. Caldeira, T.P. do R. (1997) Enclaves Fortificados: A Nova Segregação Urbana. *Novos estudos CEBRAP*. 47. pp. 155–176.

26. Krupka, D.J. (2007) Are Big Cities More Segregated? Neighbourhood Scale and the Measurement of Segregation. *Urban Studies*. 44(1). pp. 187–197.

27. Atkinson, R. & Ho, H.K. (2020) Segregation and the Urban Rich: Enclaves, Networks and Mobilities. In: Musterd, S. (ed.) *Handbook of Urban Segregation*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing. pp. 289–305.

28. Petri, O.V., Aksenov, K.E. & Krutikov, S.A. (2012) *Prigorodnye zakrytye zhilye komplekсы Sankt-Peterburga: nachalo segregatsii ili smena obraza zhizni?* [Suburban Gated Communities in St. Petersburg: The Beginning of Segregation or a Change in Lifestyle?]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Nauki o Zemle*. 1.

29. Vagin, V.V. (2001) *Gorodskaya sotsiologiya: uchebnoe posobie dlya munitsipal'nykh upravlyayushchikh* [Urban Sociology: A Textbook for Municipal Managers]. Moscow: Moskovskiy nauchnyy obshchestvennyy fond, Shkola munitsipal'nogo upravleniya.

Сведения об авторах:

Галиуллин Р.Э. – бакалавр социологии, магистрант, кафедра общей социологии, магистратура 2-й курс Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия). E-mail: R.galiullin@g.nsu.ru

Скалабан И.А. – доцент, доктор социологических наук, профессор кафедры социальной работы и социальной антропологии Новосибирского государственного технического университета; профессор кафедры общей социологии Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия). E-mail: skalaban_i@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Galiullin R.E. – Bachelor of Sociology, Master of Arts student, Department of General Sociology, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: R.galiullin@g.nsu.ru

Skalaban I.A. – Dr. Sci. (Sociology), docent, professor at the Department of Social Work and Social Anthropology, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation); professor at the Department of General Sociology, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: skalaban_i@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 10.02.2025;
одобрена после рецензирования 20.11.2025; принята к публикации 09.12.2025
The article was submitted 10.02.2025;
approved after reviewing 20.11.2025; accepted for publication 09.12.2025*

Научная статья

УДК 316.453

doi: 10.17223/1998863X/88/15

ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ДВИЖЕНИЙ К ИССЛЕДОВАНИЮ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ДВИЖЕНИЯ ЗА ВОССТАНОВИТЕЛЬНОЕ ПРАВОСУДИЕ

Никита Сергеевич Грудников

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия, ngrudnikov@hse.ru*

Аннотация. Описано российское движение за восстановительное правосудие с использованием социологической теории интеллектуальных движений С. Фрикеля и Н. Гросса. Благодаря использованию эвристических возможностей, которые предоставляет данная теория, удалось выстроить историко-социологическую реконструкцию возникновения, становления и институционализации российского движения за восстановительное правосудие, которое на данный момент получило признание со стороны государства и добилось внедрения своих практик в сферу образования и уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: интеллектуальные движения, социальные движения, восстановительное правосудие

Для цитирования: Грудников Н.С. Возможности применения социологической теории интеллектуальных движений к исследованию институционализации российского движения за восстановительное правосудие // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 88. С. 165–178. doi: 10.17223/1998863X/88/15

Original article

POSSIBILITIES OF APPLYING THE SOCIOLOGICAL THEORY OF INTELLECTUAL MOVEMENTS TO THE STUDY OF INSTITUTIONALIZATION OF THE RUSSIAN MOVEMENT FOR RESTORATIVE JUSTICE

Nikita S. Grudnikov

*National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation,
ngrudnikov@hse.ru*

Abstract. This article describes the Russian restorative justice movement using the sociological theory of intellectual movements by S. Frickel and N. Gross. By using the heuristic possibilities offered by this theory, it was possible to construct a historical and sociological reconstruction of the emergence, formation and institutionalization of the Russian restorative justice movement. This movement was chosen as an object of analysis because it is a vivid example of an intellectual movement that within a relatively short period of time (about 30 years) managed to achieve institutionalization and turned out to be a successful example of the transformative activity of intellectual movements. The development of the restorative justice movement in Russia was reconstructed using the

explanatory power of the theory of intellectual movements. The theory of intellectual movements by Frickel and Gross puts forward four assumptions regarding the dynamics of intellectual movements. The analysis of written sources and normative legal acts showed that the Russian restorative justice movement emerged in the 1990s as a response to the crisis of Soviet justice during the period of reform of the domestic legal system. Then, beginning with the translation of foreign literature, the study of foreign experience and attempts to form its own practice, the Russian restorative justice movement eventually became part of the Russian legal system and achieved the adoption of separate normative legal acts. With access to limited resources (power and state funding), the movement received institutional support from state authorities and the introduction of restorative justice practices in education and criminal justice. The restorative justice movement recruited new members through academic events, conferences, publications in academic journals, and the expansion of its activities in education. Thus, using the example of the Russian restorative justice movement, it was possible to confirm the assumptions put forward by Frickel and Gross regarding the dynamics of intellectual movements using the possibilities of intellectual movement theory.

Keywords: intellectual movements, social movements, restorative justice

For citation: Grudnikov, N.S. (2025) Possibilities of applying the sociological theory of intellectual movements to the study of institutionalization of the Russian movement for restorative justice. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 88. pp. 165–178. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/88/15

Введение

В 2006 г. американские социологи С. Фрикель и Н. Гросс предложили социологическую теорию научных/интеллектуальных движений, описывающую их основные признаки и объясняющую возникновение, формирование и динамику данных движений. В своей социологической теории Фрикель и Гросс говорят как о социальных движениях в науке, так и о более широких интеллектуальных движениях, используя двоякое наименование «научное/интеллектуальное движение», но для простоты мы в дальнейшем будем использовать термин «интеллектуальное движение». Теория Фрикеля и Гросса уже становилась объектом анализа в отечественной социологии, например, в 2009 г. К. Фурсов опубликовал статью «Интеллектуальные движения как объект социологического анализа» [1], однако широкого распространения данная теория не получила, что мы и хотим восполнить в данной статье.

Социологическая теория интеллектуальных движений Фрикеля и Гросса претендует на статус общей теории (именно так авторы её и называют), т.е. имеющей универсальные объяснительные возможности для всех интеллектуальных движений. В статье, в которой изложена данная теория, анализируются сразу несколько интеллектуальных движений, однако авторы не использовали её, чтобы отследить логику развития одного конкретного движения, проходящего через все этапы становления и институционализации. Мы хотим восполнить данный пробел и использовать теорию интеллектуальных движений для анализа истории российского движения за восстановительное правосудие.

Интеллектуальное движение является разновидностью общественного движения, действующего в рамках научного и интеллектуального пространства и объединяющего людей в группу, которая «прилагает усилия для трансформации общества, продвигая набор идей» [2].

Восстановительное правосудие (англ. «restorative justice») является новой парадигмой в уголовной юстиции, которая возникла в 1970-х гг. в качестве

нового ответа на преступления вместо неэффективного карательного подхода. Восстановительная парадигма признает карательный подход не отвечающим запросам и потребностям лиц, которые стали участниками криминальных ситуаций, в связи с тем, что:

- предотвращение и реакция на преступления не отвечают гуманистическим ценностям, которые декларируются в законодательстве;
- карательное правосудие усиливается социальную напряженность, не приводит к социальному миру;
- пренебрегаются интересы жертвы преступления, ведь преступник несёт ответственность перед государством, а жертва остаётся наедине со своими переживаниями;
- преступник не проходит ресоциализацию и сложно интегрируется в общество после отбытия наказания;
- преступность и борьба с ней являются политизированными сферами.

Целью уголовной юстиции с точки зрения восстановительного правосудия должно стать не наказание преступника, а разрешение конфликта между участниками, возмещение вреда, причиненного преступлением, а также возможное примирение между сторонами преступления. Само понятие «восстановительное правосудие» связано именно с восстановлением социальных отношений, восстановлением жертвы от негативных последствий преступления, а также необходимостью несения ответственности преступником и возмещением им вреда [3. С. 261].

Российское движение за восстановительное правосудие было выбрано в качестве объекта анализа, так как оно является ярким примером интеллектуального движения, которое за сравнительно небольшой промежуток времени (около 30 лет) смогло добиться институционализации и оказалось успешным примером преобразовательной деятельности интеллектуальных движений.

Цель нашей работы – демонстрация эвристических возможностей социологической теории интеллектуальных движений Фрикеля и Гросса на примере российского движения за восстановительное правосудие. Для реконструкции возникновения и динамики движения за восстановительное правосудие в России мы используем объяснительную рамку социологической теории интеллектуальных движений, которая позволит продемонстрировать возможности социологической теории интеллектуальных движений в объяснении траектории его развития и текущего состояния в России.

Динамика движения за восстановительное правосудие в России

Социологическая теория интеллектуальных движений Фрикеля и Гросса указывает на три предположения относительно становления таких движений. Далее мы обозначим эти предположения и оценим их релевантность для динамики отечественного движения за восстановительное правосудие.

В качестве первого предположения авторы теории выносят положение о том, что интеллектуальные движения возникают вследствие недовольства интеллектуалов и учёных, обладающих высоким статусом, доминирующими «интеллектуальными тенденциями сегодняшнего дня» [4. Р. 209].

Российское движение за восстановительное правосудие стало частью более широкого контекста правовых реформ, который стал формироваться во

второй половине 1980-х гг. в результате демократизации общественной и политической жизни, начавшейся с политикой перестройки в СССР. Основатели движения за восстановительное правосудие в России Р.Р. Максудов, М. Флямер и Л. Карнозова указывали, что основной причиной для возникновения движения являлись «преимущественно карательная направленность существующего правосудия» и неудовлетворённость ею [5. С. 4]. Максудов и Флямер констатировали, что доминирующая парадигма карательного правосудия ведёт к росту количества заключённых, напряженности в обществе и незащищённости жертв преступлений [6. С. 3]. Именно эти негативные факторы и формируют общественный запрос на возникновение и использование практик восстановительного правосудия.

Одним из важнейших событий в данном контексте является разработка и принятие Концепции судебной реформы в РСФСР в 1991 г. [7]. В разработке Концепции принимали участие авторитетные юристы, в том числе И. Петрухин (сотрудник, а затем заведующий сектором проблем правосудия Института государства и права Академии наук СССР) и С. Пашин (в дальнейшем возглавил отдел судебной реформы и судопроизводства Государственно-правового управления администрации Президента России), которые впоследствии приняли активное участие в становлении движения за восстановительное правосудие. Концепция констатировала кризисное положение социалистической юстиции и правоохранительных органов, зависимость судебной власти от органов государственного и партийного управления, неэффективность судов и карательных органов, а также их негуманность.

Р. Максудов отмечал установление в современном обществе социокультурной ситуации, которая способствует атомизации общества, а также монополизацию государством разрешения конфликтов и криминальных ситуаций в обществе [8. С. 4–5]. Однако проблема заключается в том, что деятельность государственных институтов нередко сводится к выполнению ведомственных показателей эффективности и политической воле, а не разрешению самих конфликтов. При этом местные сообщества лишены возможности участвовать в разрешении конфликтов [8. С. 6]. Парадигма восстановительного правосудия предполагала возможность взаимодействия между преступником и жертвой преступления посредством проведения медиации между ними и была направлена на восстановление связей в обществе и «возвращение» конфликта самим сторонам.

Таким образом, парадигма восстановительного правосудия стала новым направлением в уголовной юстиции на фоне кризиса доминирующей карательной парадигмы, а также интеллектуальным ядром нового движения за изменение подходов и практик правосудия, возникшего в России в 90-е гг. XX в. и действующего до сих пор.

На динамику интеллектуального движения также оказывает влияние такой фактор, как доступ к ограниченным ресурсам. Фрикель и Гросс пишут, что «интеллектуальные движения скорее добьются успеха, если структурные условия обеспечат им доступ к ключевым ресурсам» [4. Р. 213].

Российское движение за восстановительное правосудие изначально имело доступ к некоторым ограниченным ресурсам. Так, на момент возникновения движения Л. Карнозова, М. Флямер и Р. Максудов уже участ-

вовали в деятельности по реформированию российской судебной системы в отделе Судебной реформы и судопроизводства Государственно-правового управления Администрации Президента РФ, который возглавлял заслуженный юрист РСФСР С.А. Пашин [9. С. 34]. Впоследствии Пашин принимал участие в развитии движения и координировал разработку изменений в законодательство для интеграции практик восстановительного правосудия [10, 11].

В 1996 г. происходит ликвидация указанного отдела, создается независимая неправительственная организация – Центр «Судебно-правовая реформа» (Центр «СПР»), который продолжает работу по подготовке реформы уголовной юстиции, будучи уже институтом гражданского общества [9. С. 34]. Центр «СПР» позиционировал себя «в качестве организации, иницирующей новую практику [восстановительное правосудие] и распространяющей ее образец в России» [12. С. 9]. Участие в создании Центра принимает и заведующая одной из кафедр Института повышения квалификации руководящих кадров Генеральной прокуратуры А. Паничева [9. С. 36].

Центр «СПР» начинает свою деятельность по реализации программ восстановительного правосудия с организации встреч между обвиняемыми и потерпевшими. В организации данного процесса принимали участие сотрудники Центра (Р.Р. Максудов), а помощь в подготовке организационных документов оказывали сотрудники Генеральной прокуратуры России. С 1998 г. начинается организация первых в России примирительных встреч между обвиняемым и потерпевшим. Первая примирительная встреча прошла по инициативе В. Волохова (сотрудник Администрации Президента России) при поддержке Таганского районного отдела милиции. Впоследствии Центр осуществляет организацию встреч между обвиняемыми и потерпевшими в рамках взаимодействия с Таганским, а затем и Черемушкинским районными судами города Москвы [9. С. 36].

Постепенно Центр «СПР» запускает экспериментальную программу организации в образовательных учреждениях школьных служб примирения. В качестве площадок эксперимента были выбраны шесть школ – по две школы в Москве, Великом Новгороде и Петрозаводске [13. С. 39]. Деятельность школьных служб примирения в Москве нашла поддержку у Комитета по образованию Правительства Москвы, а в 2011 г. было принято решение о внедрении восстановительных практик для разрешения конфликтов во всех общеобразовательных организациях города посредством школьных служб примирения [14. С. 1].

В 2009 г. в России насчитывалось 554 школьных службы примирения, которые смогли провести 2158 примирительных программ [15. С. 167]. Из 554 школьных служб примирения большинство (473) были реализованы в Пермском крае, где краевое правительство поддержало восстановительное правосудие и запустило программу «Внедрение восстановительных технологий в систему профилактики правонарушений несовершеннолетних в Пермском крае». Министерство социального развития Пермского края проводило обучение и финансирование руководителей и специалистов школьных служб примирения [16. С. 16]. На 2024 г. количество школьных служб примирения достигло 1 759 единиц в 11 субъектах Федерации, в деятельность которых были включены всего 97 366 человек [17].

В рамках Всероссийской ассоциации восстановительной медиации и движения за восстановительное правосудие в России проводится ежегодный мониторинг деятельности служб примирения, который включает в себя количественные и качественные показатели. К количественным показателям относятся: число служб примирения, количество заявок, полученных от различных государственных органов и от самих сторон конфликта, количество начатых и завершённых восстановительных программ, а также общее количество участников программ. К качественным показателям относятся: организационные условия для служб примирения (наличие решения о создании службы, нормативная база для деятельности, обучения участников, систематический характер проведения восстановительных программ), обратная связь от участников программ, а также соответствие проводимых программ принципам восстановительного подхода, которое включает в себя восстановление способности людей понимать друг друга, исцеление жертвы и принятие ответственности на себя участниками конфликтной ситуации.

С 2010 г. Центр «СПР» получает гранты из федерального бюджета в рамках проекта «Развитие арсенала восстановительной ювенальной юстиции в России» (грант Президента России) [18], в 2011 г. – в рамках проекта «Поддержка потерпевших и жертв преступлений в программах восстановительного правосудия» (грант Президента России) [19], в 2012 г. – в рамках проекта «Разработка механизма реализации Национальной стратегии действий в интересах детей» и проекта «Дружественное детям правосудие» (грант Президента России) [20].

В 2012 г. задача создания школьных служб примирения вошла в «Национальную стратегию действий в интересах детей на 2012–2017 годы», утвержденную Указом Президента [21]. В 2015, 2017, 2020 гг. Министерство просвещения России (до 2018 г. – Министерство образования и науки России) направляло в субъекты РФ методические рекомендации, направленные на создание и развитие школьных служб примирения в образовательных организациях [22]. Указ Президента России от 17 мая 2023 г. № 358 «О Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года» отметил необходимость «реализации восстановительных технологий при работе с детьми (в том числе совершившими общественно опасные деяния, но не достигшими возраста уголовной ответственности), включая развитие служб медиации (примирения) в организациях, осуществляющих образовательную деятельность» [23]. Тем самым практики российского движения за восстановительное правосудие были институционализированы в образовательной сфере и получили поддержку со стороны федеральных органов власти.

В 2022 г. Правительство города Москвы запускает проект «Городская служба примирения», который направлен на развитие восстановительных практик, а также координацию деятельности школьных служб примирения в Москве. Для реализации проекта создаётся Городская служба примирения на базе Городского психолого-педагогического центра Департамента образования и науки города Москвы [24. С. 42]. Одним из членов Городской службы примирения является А. Коновалов, который стоял у истоков организации школьных служб примирения в 2002 г.

Таким образом, доступ к ключевым ограниченным ресурсам стал одним из важнейших факторов, которые повлияли на становление движения. Доступ

ключевых акторов движения к власти и государственным институтам позволил интегрировать идеи движения в действующую правовую действительность, а доступ к средствам бюджета – финансировать деятельность Центра «СПР», который стал ключевым в организационном оформлении интеллектуального движения за восстановительное правосудие. Социальные движения (интеллектуальные движения – их частный случай) обычно организуются вокруг таких институализированных центров, создающих интеллектуальное и организационное сопровождение движения.

Предположение второе: «Чем большим доступом к различным микромобилизационным контекстам (то есть к ресурсам, обеспечивающим возможность рекрутировать новых членов) располагают интеллектуальные движения, тем больше шансов у них на успех» [4. Р. 219].

Уже в 2000 г. Центр «СПР» начинает издавать свой ежегодный журнал «Вестник восстановительной юстиции», который входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ). В нём публикуются методические материалы, переводы иностранных статей, обзоры практики из разных субъектов РФ, а также авторские материалы по актуальным проблемам движения.

Неотъемлемым атрибутом отечественного движения за восстановительное правосудие является международное взаимодействие, которое проявлялось в сотрудничестве международных организаций и специалистов по восстановительному правосудию с российским движением. В мае 2001 г. в Москве проходит международная конференция «Восстановительное правосудие в России: итоги и перспективы», участие в которой принимают известные зарубежные представители восстановительного правосудия: И. Айртсен (президент Европейского форума по восстановительному правосудию – международная организация, занимающаяся развитием восстановительных технологий) и Х. Зер (автор книги «Восстановительное правосудие: Новый взгляд на преступление и наказание») [25. С. 3]. В 2010 г. в Москву приезжает Н. Кристи, один из создателей парадигмы восстановительного правосудия, для участия в конференции, он также проводит лекцию об уголовном праве и гражданском обществе в Московском городском психолого-педагогическом университете. Представители российского движения за восстановительное правосудие принимают участие и в деятельности Европейского форума по восстановительному правосудию. В 2012 г. российская делегация (18 человек, в том числе Л. Карнозова, А.Ю. Коновалов, Р. Максудов) участвует в 7-й международной конференции «Connecting people – Victims, Offenders and Communities in Restorative Justice» в г. Хельсинки (Финляндия), в работе которой приняли участие более 250 человек из 34 стран мира. В 2014 г. российская делегация участвует в 8-й конференции Европейского форума по восстановительному правосудию в Белфасте (Ирландия) [26].

Ежегодно на базе Центра «Судебно-правовая реформа» проводятся конференции, посвящённые восстановительному правосудию и школьным службам примирения. Так, ежегодно проходят мероприятия «Весенняя школа по восстановительному правосудию», в которых принимают участие представители движения из разных субъектов РФ, а в 2024 г. в Весенней школе участвуют и зарубежные специалисты [27].

В 2009 г. создаётся новый интеллектуальный центр движения – «Всероссийская ассоциация восстановительной медиации», который объединяет ор-

ганизации и активистов из разных субъектов РФ с целью продвижения практик восстановительного правосудия, разработки моделей организации служб примирения, а также сбора статистики и данных по службам примирения и реализованным ими программам [28. С. 116].

Деятельность школьных служб примирения и применения восстановительного подхода в образовательном процессе становится предметом для обсуждений в рамках Всероссийского совещания школьных служб примирения и медиации, организатором которого выступает Министерство просвещения России. Первое совещание было проведено в 2020 г. в онлайн-формате [29], второе состоялось в 2022 г. в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) [30].

Движение за восстановительное правосудие также добилось институционализации восстановительного правосудия в качестве образовательной программы. В городе Москве Городской психолого-педагогический центр реализует дополнительное профессиональное обучение по программе «Деятельность специалиста службы примирения в образовательной организации» (одним из преподавателей там был А.Ю. Коновалов) [31]. А в 2022 г. в ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» появляется образовательная программа высшего образования (магистратура) «Восстановительный подход и медиативные технологии в образовании и системе профилактики социальных рисков» (руководитель – Л.М. Карнозова), ориентированная на обучение специалистов по восстановительному подходу [32].

Предположение третье: «Успех интеллектуальных движений зависит от работы, проделанной участниками движения, по облачению своих идей в такую форму, которая была бы созвучна интересам тех, кто населяет данную интеллектуальную область или области [4. Р. 221].

С самого начала движение за восстановительное правосудие в России действовало в рамках сложившихся форм взаимодействия с представителями государства и науки. Так, внедрение практик восстановительного правосудия в сфере уголовной юстиции началось с взаимодействия с органами милиции, прокуратуры и суда. Также прорабатывался вопрос о закреплении восстановительных практик в законодательстве. В 2002 г. впервые производится попытка по закреплению восстановительных процедур в уголовном правосудии и в российском законодательстве в целом. Под руководством И. Петрухина разрабатывается проект поправок в уголовно-процессуальное законодательство, который авторы определили как «опыт теоретического моделирования процессуальной регламентации порядка использования медиации в уголовном процессе» [33. С. 158–160].

Как было показано ранее, движение за восстановительное правосудие осуществляет распространение своих идей, рекрутинг, а также формирование практик через уже закрепившиеся в данных сферах (например, сама возможность примирения по уголовным делам предусмотрена действующим Уголовным кодексом России, а создание школьных служб примирения и их деятельность стали предметом регулирования подзаконных актов федеральных органов власти). Таким образом, движение за восстановительное правосудие осуществляет свою деятельность в рамках форм, которые закрепились в качестве нормативных в данных интеллектуальных сферах.

В частности, журнал «Вестник восстановительной юстиции» входит в РИНЦ, а научные труды по восстановительному правосудию публикуются в

ведущих изданиях. В 2017 г. в «Методических рекомендациях по внедрению восстановительных технологий (в том числе медиации) в воспитательную деятельность образовательных организаций», которые ранее уже упоминались, Министерство образования и науки России напрямую ссылалось на труды представителей российского движения за восстановительное правосудие (Л. Коновалова, А.Ю. Карнозову, Р. Максудова), что подтверждает институциональное признание движения со стороны государства [22].

Благодаря использованию нормативно закрепившихся форм, движение за восстановительное правосудие обеспечило интеграцию идей и ценностей восстановительного правосудия в нормативно-правовых актах (указы Президента России, приказы федеральных органов государственной власти), а также возможность для рекрутинга новых членов и распространения идей через конференции и образовательные программы. Всё это обеспечивает возможности для развития и популяризации движения, распространения парадигмы восстановительного правосудия как новой формы реагирования на конфликты и преступления, а также потенциальные возможности для закрепления восстановительного подхода в качестве части государственной социальной и уголовной политики.

Заключение

Парадигма восстановительного правосудия, возникнув в 1970-х гг. как альтернатива карательной парадигме реакции на преступления в уголовном правосудии, смогла доказать свою применимость и актуальность. На развитие российского движения оказало влияние множество социально-политических факторов в России времён становления правового государства и гуманизации законодательства. Возникнув как часть контекста правовых реформ (установление принципа независимости суда, введение суда присяжных, введение элементов ювенальной юстиции), на современном этапе восстановительное правосудие стало полноценной частью российской правовой действительности. Хотя движение за восстановительное правосудие пока ещё не занимает доминирующих интеллектуальных позиций в России, дискурс восстановительного правосудия уже установился в контексте уголовной юстиции и образовательной деятельности и, более того, за немалый срок своего существования с 1997 г. смог институционализироваться. Социологическая теория научных/интеллектуальных движений С. Фрикеля и Н. Гросса помогла нам выстроить историческую ретроспективу возникновения, становления и развития движения в российских реалиях, а также обозначила возможные векторы развития, которые могут помочь в дальнейшей деятельности движения. Так, использование основных факторов институционализации, обозначенных социологической теорией интеллектуальных движений, может обеспечить в России дальнейшее развитие практик восстановительного подхода в образовательной среде, а также добиться полноценного внедрения восстановительного правосудия в уголовное судопроизводство.

Список источников

1. *Фурсов К.С.* Интеллектуальные движения как объект социологического анализа // Социологические исследования. 2010. № 10. С. 90–100.
2. *Umpleby S.* The Design of Intellectual Movements // Proceedings of the annual meeting of the International Society for the Systems Sciences. Shanghai, 2002.

3. Карнозова Л.М. Уголовная юстиция и гражданское общество. Опыт парадигмального анализа. М. : Р. Валент, 2010. 480 с.
4. Gross N., Frickel S. A General Theory of Scientific/Intellectual Movements // American Sociological Review. 2005. № 70. P. 204–232.
5. Максудов Р.Р., Флямер М., Карнозова Л. Цели и смысл движения за восстановительное правосудие // Восстановительное правосудие в России. Обзор практики : сб. ст. М., 2001. С. 4–7.
6. Максудов Р.Р., Флямер М. Восстановительное правосудие в России. Обзор практики : сб. ст. М., 2001. 71 с.
7. Постановление Верховного Совета РСФСР от 24.10.1991 № 1801-1 «О Концепции судебной реформы в РСФСР» // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР от 1991 г. № 44. ст. 1435.
8. Максудов Р.Р. Движение за восстановительное правосудие в России: предмет институализации // Вестник восстановительной юстиции. 2001. № 2. С. 4–13.
9. Максудов Р.Р. Московская группа: обзор работы и эволюция // Вестник восстановительной юстиции. 2001. № 2. С. 34–46.
10. Пашин С.А. Экспертное заключение на ФЗ-193 «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // Восстановительная медиация в России: правовое обеспечение и стратегия развития : сб. ст. М. : МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2013. С. 71–82.
11. Пашин С.А., Максудов Р.Р. Предложения по изменению Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, 2009 г. // Восстановительная медиация в России: правовое обеспечение и стратегия развития : сб. ст. М. : МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2013. С. 107–119.
12. Максудов Р.Р., Флямер М. Четыре года восстановительной юстиции в России // Восстановительное правосудие в России. Обзор практики : сб. ст. М., 2001. С. 8–21.
13. Коновалов А.Ю. Организация служб примирения // Вестник восстановительной юстиции. 2002. № 4. С. 39–48.
14. Коновалов А.Ю. Школьная служба примирения и работа медиатора в конфликте // Психология и право. 2012. Т. 2. № 4. URL: https://psyjournals.ru/journals/psylaw/archive/2012_n4/psylaw_2012_n4_56612.pdf (дата обращения: 10.03.2025).
15. Коновалов А.Ю. Мониторинг деятельности школьных служб примирения за 2018 год, проведенный в рамках Всероссийской ассоциации восстановительной медиации // Вестник восстановительной юстиции. 2019. № 16. С. 149–182.
16. Хавкина А. Создание, развитие и поддержка деятельности школьных служб примирения в Пермском крае. Опыт работы школьных служб примирения в России // Опыт работы школьных служб примирения в России : сб. материалов. М. : МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2014. С. 16–24
17. Мониторинг деятельности школьных служб примирения за 2023–2024 учебный год, проведенный в рамках Всероссийской ассоциации восстановительной медиации // Движение за распространение идей восстановительного правосудия (Россия). URL: <https://rj-rus.ru/wp-content/uploads/2024/10/%D0%9C%D0%BE%D0%BD%D0%B8%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D0%BD%D0%B3-%D0%A8%D0%A1%D0%9F-2023-2024-%D0%BE%D0%BA%D1%82%D0%98%D0%A2%D0%9E%D0%93-2.pdf> (дата обращения: 10.03.2025).
18. Распоряжение Президента Российской Федерации от 8 мая 2010 года № 300-рп «Об обеспечении в 2010 году государственной поддержки некоммерческих неправительственных организаций, участвующих в развитии институтов гражданского общества» // Собрание законодательства Российской Федерации от 10 мая 2010 г. № 19. Ст. 2315.
19. Распоряжение Президента РФ от 2 марта 2011 г. № 127-рп «Об обеспечении в 2011 году государственной поддержки некоммерческих неправительственных организаций, участвующих в развитии институтов гражданского общества» // Собрание законодательства Российской Федерации от 7 марта 2011 г. № 10. Ст. 1370.
20. Распоряжение Президента Российской Федерации от 03.05.2012 № 216-рп «Об обеспечении в 2012 году государственной поддержки некоммерческих неправительственных организаций, участвующих в развитии институтов гражданского общества» // Российская газета. № 141.
21. Указ Президента РФ от 01.06.2012 № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы» // Собрание законодательства РФ от 04.06.2012. № 23. Ст. 2994.
22. Письмо Минобрнауки России от 26.12.2017 № 07-7657 «О направлении методических рекомендаций» (вместе с «Методическими рекомендациями по внедрению восстановительных

технологий (в том числе медиации) в воспитательную деятельность образовательных организаций» // Вестник образования. 2018. № 9.

23. Указ Президента России от 17.05.2023 г. № 358 «О Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ от 22.05.2023. № 21. Ст. 3696.

24. Женодарова Е.Д., Коновалов А.Ю. Городская служба примирения как централизованная модель реализации восстановительного подхода к разрешению конфликтов в образовательных организациях города Москвы // Вестник восстановительной юстиции. 2023. № 17. С. 41–45.

25. Материалы международной конференции «Восстановительное правосудие в России: итоги и перспективы» // Вестник восстановительной юстиции. 2001. № 3. С. 3–30.

26. Международное взаимодействие // Школьные службы примирения. URL: <http://www.8-926-145-87-01.ru/%D0%BC%D0%B5%D1%82%D0%BE%D0%B4%D0%B8%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B9-%D0%BE%D0%BF%D1%8B%D1%82-%D0%BC%D0%B5%D0%B4%D0%B8%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8-%D0%B8-%D0%B2%D0%BF-%D0%B2-%D1%88%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%B0> (дата обращения: 10.03.2025).

27. Завершившиеся события. Весенняя школа по восстановительному правосудию с международным участием «Примирение: контексты и разнообразие практик» 29 февраля – 2 марта 2024 года (онлайн-формат) // Школьные службы примирения. URL: <http://www.8-926-145-87-01.ru/> (дата обращения: 10.03.2025).

28. Карнозова Л.М. Введение в восстановительное правосудие (медиация в ответ на преступление). М. : Проспект. 2014. 262 с.

29. Всероссийское совещание школьных служб примирения и медиации / Центр защиты прав и интересов детей. URL: https://fcprc.ru/mediatsiya_page/ (дата обращения: 10.03.2025).

30. II Всероссийское совещание школьных служб примирения и медиации / Центр защиты прав и интересов детей. URL: <https://fcprc.ru/ii-vserossijskoe-soveshhanie-shkolnyh-sluzhbb-primireniya-i-mediatsii-2/> (дата обращения: 10.03.2025).

31. Деятельность специалиста службы примирения в образовательной организации // Портал «Дополнительное профессиональное образование педагогических работников города Москвы». URL: <https://www.dpomos.ru/curs/1745344/> (дата обращения: 10.03.2025).

32. Магистерская программа «Восстановительный подход и медиативные технологии в образовании и системе профилактики социальных рисков» / Московский государственный психолого-педагогический университет. URL: <https://mgppu.ru/project/519> (дата обращения: 10.03.2025).

33. Карнозова Л.М., Флямер М.Г., Петрухин И.Л. Предлагаемые поправки к УПК РФ // Восстановительное правосудие / под общ. ред. И.Л. Петрухина. М. : МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2003. 196 с.

References

1. Fursov, K.S. (2010) *Intellectual'nye dvizheniya kak ob"ekt sotsiologicheskogo analiza* [Intellectual Movements as an Object of Sociological Analysis]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 10. pp. 90–100.
2. Umpleby, S. (2002) The Design of Intellectual Movements. In: *Proceedings of the Annual Meeting of the International Society for the Systems Sciences*. Shanghai.
3. Karnozova, L.M. (2010) *Ugolovnaya yustitsiya i grazhdanskoe obshchestvo. Opyt paradigmalnogo analiza* [Criminal Justice and Civil Society. An Experience of Paradigmatic Analysis]. Moscow: R. Valent.
4. Gross, N. & Frickel, S. (2005) A General Theory of Scientific/Intellectual Movements. *American Sociological Review*. 70. pp. 204–232.
5. Maksudov, R.R., Flyamer, M. & Karnozova, L. (2001) Tseli i smysl dvizheniya za vosstanovitel'noe pravosudie [Goals and Meaning of the Restorative Justice Movement]. In: *Vosstanovitel'noe pravosudie v Rossii. Obzor praktiki: sbornik statey* [Restorative Justice in Russia. Overview of Practice: Collection of Articles]. Moscow: [s.n.]. pp. 4–7.
6. Maksudov, R.R. & Flyamer, M. (2001) *Vosstanovitel'noe pravosudie v Rossii. Obzor praktiki* [Restorative Justice in Russia. Overview of Practice]. Moscow: [s.n.].
7. The Supreme Soviet of the RSFSR. (1991) *Postanovlenie Verkhovnogo Soveta RSFSR ot 24.10.1991 № 1801-1 "O Kontseptsii sudebnoy reformy v RSFSR"* [Decree of the Supreme Soviet of the RSFSR of October 24, 1991 No. 1801-1 "On the Concept of Judicial Reform in the RSFSR"]. *Vedomosti S"ezda narodnykh deputatov RSFSR i Verkhovnogo Soveta RSFSR*. 44. Art. 1435.

8. Maksudov, R.R. (2001) Dvizhenie za vosstanovitel'noe pravosudie v Rossii: predmet institucionalizatsii [The Restorative Justice Movement in Russia: The Subject of Institutionalization]. *Vestnik vosstanovitel'noy yustitsii*. 2. pp. 4–13.
9. Maksudov, R.R. (2001) Moskovskaya gruppa: obzor raboty i evolyutsiya [Moscow Group: Overview of Work and Evolution]. *Vestnik vosstanovitel'noy yustitsii*. 2. pp. 34–46.
10. Pashin, S.A. (2013) Ekspertnoe zaklyuchenie na FZ-193 “Ob al'ternativnoy protsedure uregulirovaniya sporov s uchastiem posrednika (protsedure mediatsii)” [Expert Opinion on Federal Law No. 193 “On Alternative Dispute Resolution with the Participation of a Mediator (Mediation Procedure)”]. In: *Vosstanovitel'naya mediatsiya v Rossii: pravovoe obespechenie i strategiya razvitiya* [Restorative Mediation in Russia: Legal Support and Development Strategy]. Moscow: MOO Tsentr “Sudebno-pravovaya reforma.” pp. 71–82.
11. Pashin, S.A. & Maksudov, R.R. (2013) Predlozheniya po izmeneniyu Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii, 2009 g. [Proposals for Amending the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, 2009]. In: *Vosstanovitel'naya mediatsiya v Rossii: pravovoe obespechenie i strategiya razvitiya* [Restorative Mediation in Russia: Legal Support and Development Strategy]. Moscow: MOO Tsentr “Sudebno-pravovaya reforma.” pp. 107–119.
12. Maksudov, R.R. & Flyamer, M. (2001) Chetyre goda vosstanovitel'noy yustitsii v Rossii [Four Years of Restorative Justice in Russia]. In: *Vosstanovitel'noe pravosudie v Rossii. Obzor praktiki* [Restorative Justice in Russia. Overview of Practice]. Moscow: [s.n.]. pp. 8–21.
13. Konovalov, A.Yu. (2002) Organizatsiya sluzhb primireniya [Organization of Reconciliation Services]. *Vestnik vosstanovitel'noy yustitsii*. 4. pp. 39–48.
14. Konovalov, A.Yu. (2012) Shkol'naya sluzhba primireniya i rabota mediatora v konflikte [School Reconciliation Service and the Work of a Mediator in Conflict]. *Psikhologiya i pravo*. 2(4). pp. 1–13.
15. Konovalov, A.Yu. (2019) Monitoring deyatel'nosti shkol'nykh sluzhb primireniya za 2018 god, provedenny v ramkakh Vserossiyskoy assotsiatsii vosstanovitel'noy mediatsii [Monitoring of the Activities of School Reconciliation Services for 2018, Conducted within the All-Russian Association of Restorative Mediation]. *Vestnik vosstanovitel'noy yustitsii*. 16. pp. 149–182.
16. Khavkina, A. (2014) Sozdanie, razvitie i podderzhka deyatel'nosti shkol'nykh sluzhb primireniya v Permskom krae. Opyt raboty shkol'nykh sluzhb primireniya v Rossii [Creation, Development and Support of School Reconciliation Services in the Perm Krai. Experience of School Reconciliation Services in Russia]. In: *Opyt raboty shkol'nykh sluzhb primireniya v Rossii* [Experience of School Reconciliation Services in Russia]. Moscow: MOO Tsentr “Sudebno-pravovaya reforma.” pp. 16–24.
17. Movement for the Spread of Restorative Justice Ideas (Russia). (2024) *Monitoring deyatel'nosti shkol'nykh sluzhb primireniya za 2023–2024 uchebnyy god, provedenny v ramkakh Vserossiyskoy assotsiatsii vosstanovitel'noy mediatsii* [Monitoring of the Activities of School Reconciliation Services for the 2023–2024 Academic Year, Conducted within the All-Russian Association of Restorative Mediation]. [Online] Available from: <https://rj-rus.ru/wp-content/uploads/2024/10/%D0%9C%D0%BE%D0%BD%D0%B8%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D0%BD%D0%B3-%D0%A8%D0%A1%D0%9F-2023-2024-%D0%BE%D0%BA%D1%82%D0%98%D0%A2%D0%9E%D0%93-2.pdf> (Accessed: 10th March 2025).
18. The Russian Federation. (2010) Rasporyazhenie Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 8 maya 2010 goda № 300-rp “Ob obespechenii v 2010 godu gosudarstvennoy podderzhki nekommercheskikh nepravitel'svennykh organizatsiy, uchastvuyushchikh v razvitii institutov grazhdanskogo obshchestva” [Order of the President of the Russian Federation of May 8, 2010 No. 300-rp “On Ensuring State Support in 2010 for Non-Commercial Non-Governmental Organizations Participating in the Development of Civil Society Institutions”]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 19. Art. 2315.
19. The Russian Federation. (2011) Rasporyazhenie Prezidenta RF ot 2 marta 2011 g. № 127-rp “Ob obespechenii v 2011 godu gosudarstvennoy podderzhki nekommercheskikh nepravitel'svennykh organizatsiy, uchastvuyushchikh v razvitii institutov grazhdanskogo obshchestva” [Order of the President of the Russian Federation of March 2, 2011 No. 127-rp “On Ensuring State Support in 2011 for Non-Commercial Non-Governmental Organizations Participating in the Development of Civil Society Institutions”]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 10. Art. 1370.
20. The Russian Federation. (2012) Rasporyazhenie Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 03.05.2012 № 216-rp “Ob obespechenii v 2012 godu gosudarstvennoy podderzhki nekommercheskikh nepravitel'svennykh organizatsiy, uchastvuyushchikh v razvitii institutov grazhdanskogo obshchestva” [Order of the President of the Russian Federation of May 3, 2012 No. 216-rp “On Ensuring State

Support in 2012 for Non-Commercial Non-Governmental Organizations Participating in the Development of Civil Society Institutions”]. *Rossiyskaya gazeta*. 141.

21. The Russian Federation. (2012) Ukaz Prezidenta RF ot 01.06.2012 № 761 “O Natsional'noy strategii deystviy v interesakh detey na 2012–2017 gody” [Decree of the President of the Russian Federation of June 1, 2012 No. 761 “On the National Strategy for Action in the Interests of Children for 2012–2017”]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 23. Art. 2994.

22. The Russian Federation. (2018) Pis'mo Minobrnauki Rossii ot 26.12.2017 № 07-7657 “O napravlenii metodicheskikh rekomendatsiy» (vmeste s “Metodicheskimi rekomendatsiyami po vnedreniyu vosstanovitel'nykh tekhnologiy (v tom chisle mediatsii) v vospitatel'nyuyu deyatel'nost' obrazovatel'nykh organizatsiy”) [Letter of the Ministry of Education and Science of Russia of December 26, 2017 No. 07-7657 “On Sending Methodological Recommendations” (together with “Methodological Recommendations on the Introduction of Restorative Technologies (Including Mediation) into the Educational Activities of Educational Organizations”)]. *Vestnik obrazovaniya*. 9.

23. The Russian Federation. (2023) Ukaz Prezidenta Rossii ot 17.05.2023 g. № 358 “O Strategii kompleksnoy bezopasnosti detey v Rossiyskoy Federatsii na period do 2030 goda” [Decree of the President of Russia of May 17, 2023 No. 358 “On the Strategy for Comprehensive Safety of Children in the Russian Federation for the Period until 2030”]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 21. Art. 3696.

24. Zhenodarova, E.D. & Konovalov, A.Yu. (2023) Gorodskaya sluzhba primireniya kak tsentralizovannaya model' realizatsii vosstanovitel'nogo podkhoda k razresheniyu konfliktov v obrazovatel'nykh organizatsiyakh goroda Moskvy [City Reconciliation Service as a Centralized Model for Implementing a Restorative Approach to Conflict Resolution in Educational Organizations of Moscow]. *Vestnik vosstanovitel'noy yustitsii*. 17. pp. 41–45.

25. Anon. (2001) Materialy mezhdunarodnoy konferentsii “Vosstanovitel'noe pravosudie v Rossii: itogi i perspektivy” [Materials of the International Conference “Restorative Justice in Russia: Results and Prospects”]. *Vestnik vosstanovitel'noy yustitsii*. 3. pp. 3–30.

26. School Reconciliation Services. (n.d.) *Mezhdunarodnoe vzaimodeystvie* [International Interaction]. [Online] Available from: <http://www.8-926-145-87-01.ru/%D0%BC%D0%B5%D1%82%D0%BE%D0%B4%D0%B8%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B9-%D0%BE%D0%BF%D1%8B%D1%82-%D0%BC%D0%B5%D0%B4%D0%B8%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8-%D0%B8-%D0%B2%D0%BF-%D0%B2-%D1%88%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%B0> (Accessed: 10th March 2025).

27. School Reconciliation Services. (2024) *Zavershivshiesya sobytiya. Vesennaya shkola po vosstanovitel'nomu pravosudiyu s mezhdunarodnym uchastiem “Primirenie: konteksty i raznoobrazie praktik” 29 fevralya – 2 marta 2024 goda (onlayn-format)* [Completed Events. Spring School on Restorative Justice with International Participation “Reconciliation: Contexts and Diversity of Practices” February 29 – March 2, 2024 (Online Format)]. [Online] Available from: <http://www.8-926-145-87-01.ru/> (Accessed: 10th March 2025).

28. Karnozova, L.M. (2014) *Vvedenie v vosstanovitel'noe pravosudie (mediatsiya v otvet na prestuplenie)* [Introduction to Restorative Justice (Mediation in Response to Crime)]. Moscow: Prospekt.

29. The Center for the Protection of the Rights and Interests of Children. (n.d.) *Vserossiyskoe soveshchanie shkol'nykh sluzhb primireniya i mediatsii* [All-Russian Meeting of School Reconciliation and Mediation Services]. [Online] Available from: https://fcprc.ru/mediatsiya_page/ (Accessed: 10th March 2025).

30. The Center for the Protection of the Rights and Interests of Children. (n.d.) *II Vserossiyskoe soveshchanie shkol'nykh sluzhb primireniya i mediatsii* [II All-Russian Meeting of School Reconciliation and Mediation Services]. [Online] Available from: <https://fcprc.ru/ii-vserossiyskoe-soveshchanie-shkolnyh-sluzhb-primireniya-i-mediatsii-2/> (Accessed: 10th March 2025).

31. Additional Professional Education of Pedagogical Workers of Moscow. (n.d.) *Deyatel'nost' spetsialista sluzhby primireniya v obrazovatel'noy organizatsii* [Activity of a Specialist of the Reconciliation Service in an Educational Organization]. [Online] Available from: <https://www.dpomos.ru/curs/1745344/> (Accessed: 10th March 2025).

32. Moscow State University of Psychology and Education. (n.d.) *Magisterskaya programma “Vosstanovitel'nyy podkhod i mediativnye tekhnologii v obrazovanii i sisteme profilaktiki sotsial'nykh riskov”* [Master's Program “Restorative Approach and Mediative Technologies in Education and the System of Prevention of Social Risks”]. [Online] Available from: <https://mgppu.ru/project/519> (Accessed: 10th March 2025).

33. Karnozova, L.M., Flyamer, M.G. & Petrukhin, I.L. (2003) *Predlagaemye popravki k UPK RF* [Proposed Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation]. In:

Petrukhin, I.L. (ed.) *Vosstanovitel'noe pravosudie* [Restorative Justice]. Moscow: MOO Tsentr "Sudebno-pravovaya reforma."

Сведения об авторе:

Грудников Н.С. – аспирант Аспирантской школы по социологическим наукам Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: ngrudnikov@hse.ru

Information about the author:

Grudnikov N.S. – postgraduate student, Graduate School of Sociological Sciences, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: ngrudnikov@hse.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 08.04.2025;
одобрена после рецензирования 21.11.2025; принята к публикации 09.12.2025
The article was submitted 08.04.2025;
approved after reviewing 21.11.2025; accepted for publication 09.12.2025*

Научная статья

УДК 130.2

doi: 10.17223/1998863X/88/16

РОЛЬ КОММУНИКАЦИОННЫХ КАМПАНИЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СОЦИАЛЬНЫХ ПЛАТФОРМ В СОХРАНЕНИИ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МАЛЫХ ГОРОДОВ РОССИИ

Елена Викторовна Дмитриева¹, Анна Дмитриевна Еремина²

^{1,2} *Московский государственный институт международных отношений (университет)*

МИД России, Москва, Россия

¹ *e.dmitrieva@inno.mgimo.ru*

² *a.d.eremina@gmail.com*

Аннотация. Актуализируется проблема сохранения культурной идентичности малых исторических городов посредством использования коммуникационных кампаний. Для повышения эффективности воздействия предлагается использование социальных платформ наряду с традиционными инструментами. Авторы дают теоретическое обоснование использования социальных платформ и методик их оценки.

Ключевые слова: культурная идентичность, малые города, коммуникационные кампании, социальные платформы

Для цитирования: Дмитриева Е.В., Еремина А.Д. Роль коммуникационных кампаний с использованием социальных платформ в сохранении культурной идентичности малых городов России // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 88. С. 179–191. doi: 10.17223/1998863X/88/16

Original article

USING MODERN COMMUNICATION TECHNOLOGIES AND DIGITAL PLATFORMS TO PRESERVE THE IDENTITY OF SMALL CITIES

Elena V. Dmitrieva¹, Anna D. Eremina²

^{1,2} *MGIMO University, Moscow, Russian Federation*

¹ *e.dmitrieva@inno.mgimo.ru*

² *a.d.eremina@gmail.com*

Abstract. This article addresses the problem of preserving the cultural identity of small cities in Russia. Identity is formed through processes of communication and social interaction – a concept that has undergone significant transformation with the advent of the Internet and the rise of personal and collective digital identities. The development of social networks enables individuals to engage with one another on various topics, including issues related to their place of residence. Given that the loss of cultural heritage involves the disappearance of both tangible and intangible elements of identity, it is advisable to implement communication programs that integrate the expertise of sociologists, psychologists, architects, and other specialists. The article presents examples of communication campaigns aimed at preserving small Russian cities and reviving local crafts, utilizing both traditional PR methods and digital platforms. A mandatory component of such campaigns is conducting sociological research to identify the most effective channels for reaching the target audience. Social networks make it possible to successfully combine visual content, infographics, and text, thereby attracting a younger audience. Digital platforms raise public awareness, help create a digital memory archive, and serve as a mechanism for sustaining cultural discourse. By

combining offline events – such as festivals and exhibitions – with digital technologies like online broadcasts, virtual archives, and augmented reality tours or interactive routes, these initiatives can transcend geographical boundaries, preserve local cultural authenticity, and make it more accessible and engaging for contemporary audiences. As a type of digital platform, social media are primarily oriented toward user-generated content and interaction among users. For small cities, social networks offer a unique opportunity to build communities united by the goal of preserving their city and its cultural distinctiveness. Channels that blend content and visual information attract audiences by conveying deep philosophical and cultural meanings, thereby transforming users from passive recipients of information into active participants invested in safeguarding cultural heritage. Thus, we conclude that by integrating traditional cultural values with modern communication methods, social networks can create a sustainable model for preserving cultural heritage in the digital age.

Keywords: cultural identity, small cities, communication campaigns, social media

For citation: Dmitrieva, E.V. & Eremina, A.D. (2025) Using modern communication technologies and digital platforms to preserve the identity of small cities. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 88. pp. 179–191. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/88/16

Введение

За последние годы значительно возросло внимание исследователей к теме развития малых городов России и сохранения культурной идентичности их жителей. Ученые рассматривают различные ее аспекты, начиная от наращивания экономического потенциала [1], цифровой трансформации [2], формирования фирменного стиля города [3, 4] до проблемы спасения полиса как территориального образования со своей культурной индивидуальностью [5, 6]. В градостроительном анализе одну из ключевых ролей в раскрытии «скрытого инновационного потенциала» малых городов – понимаемого как совокупность нереализованных интеллектуальных, технологических, маркетинговых ресурсов, а также потенциала внутреннего разнообразия и экологической безопасности – играет фактор «нематериальной ценности исторических объектов» (а именно наличие традиций, коллективных образов и исторической памяти жителей) [7].

Проблема утраты материальных следов и, в целом малых городов присуща странам вне зависимости от географического положения. Их исчезновение и стирание памяти о них происходит в различных странах Европы и Азии. Так, в целях сохранения исторического достояния в Италии были проведены комплексные коммуникационные программы для возрождения таких городов [8], а проекты, реализованные в Индонезии, подчеркивают важность в работе с населением социальных платформ для формирования причастности к сбережению архитектурного наследия [9].

Для сохранения культурной идентичности малых городов необходим междисциплинарный подход, где объединены знания по социологии, маркетингу, истории архитектуры и градостроительству и т.д. Одной из форм научной интеграции выступает создание и проведение коммуникационных программ. Целью таких программ может быть повышение информированности жителей об уникальности города и важности поддержания культурно-исторических объектов, воспитание и укрепление чувства сопричастности и гордости. Подобные программы будут способствовать развитию скрытого инвестиционного потенциала малых городов, решению задач, связанных с «оттоком молодежи» и созданием «современных, комфортных условий для жителей» [10].

В градостроительстве продолжительное время *малыми городами* считались территориальные образования с численностью населения 50 тыс. человек [11]. По мнению архитектора и социолога О.Н. Яницкого, в отечественной социологии «нет никакой типологии малых городов» [12]. К таким городам он относит малые (старые) города, которые определяет как рядовые, а также новые – города-спутники, научные городки, военные городки, моногорода, «профильные» города и др. Отдельно он обращает внимание на города-музеи, приводя в пример Суздаль, Плещ, Переславль-Залесский, и возрождаемые старые города (г. Мышкин) [12]. Цель нашего исследования – проанализировать возможности сохранения культурной идентичности «рядовых»/старых городов и городов-музеев посредством проведения коммуникационных кампаний с применением социальных платформ.

В международных документах под идентичностью понимаются такие связи населения с городом или селом, когда жители воспринимают поселение как свое, как место, с которым они сроднились своим образом жизни, местами памяти, многочисленными материальными и нематериальными связями [13]. С точки зрения социогуманитарного знания под *идентичностью* понимается «отождествление личности или группы с определенной социальной группой или системой ценностей» [14. С. 151]. М. Кастельс, считает, что «идентичность становится главным, а иногда и единственным источником смыслов. Люди все чаще организуют свои смыслы не вокруг того, что они делают, но на основе того, кем они являются, или своих представлений о том, кем они являются» [15. Р. 20]. По мнению П. Бергера и Т. Лукмана, идентичность является «ключевым элементом субъективной реальности», формируясь под воздействием социальных процессов [16. С. 279]. Авторы в подтверждение своих тезисов сравнивают представителей различных стран, утверждая, что «у американца иная идентичность, чем у француза, у нью-йоркца – чем у жителя Среднего Запада» [16. С. 280]. Ее формирование происходит в процессе коммуникативного взаимодействия, социальной интеракции, где социальные объекты создают «окружающую действительность под свою деятельность с помощью непрерывного конструирования значений и символов» [14. С. 152]. В условиях информационного общества на эволюцию идентичности индивида, как считает М. Кастельс, оказывают влияние именно местные сообщества [15].

По мнению отечественных исследователей рассматриваемое нами понятие применяется в нескольких основных значениях: «постоянство во времени, самобытность, самость как подлинность индивида, психофизиологическая целостность, психологическая определенность, непрерывность жизненного опыта, степень соответствия социальным ожиданиям, принадлежность к той или иной общности» [17]. Применительно к идентификации индивида с городом А.А. Ткаченко выделяет понятие территориального сознания, включающее следующие составляющие: пространственная самоидентификация общности, территориальные знания и представления ее членов; система ценностей, установок и норм поведения, обусловленная длительным совместным проживанием, и территориальные интересы [18]. Наиболее близкую к нашему подходу интерпретацию идентичности дает О.С. Чернявская, раскрывая идентичность горожанина через включенность в три пространства, а именно физическое, информационное и социальное. Под физическим про-

странством понимается знание пространства (города) и опыт его освоения, под информационным – принимаемые и не принимаемые образы города, а также «активность горожан в поиске информации о жизни города и его сообществ, о планах развития города», «каналы самостоятельного размещения информации, освоение и использование потоков информации горожанами». В контексте социального пространства это самоназвание, «в каких ситуациях (жители) думают и говорят о себе „я – нижегородец“», включенность в территориальные сообщества, «основания для гордости», «интерес к актуальным проблемам» и будущему города [19. С. 98].

Существенные трансформации понятие идентичности претерпевает в последние десятилетия, когда Интернет охватывает все сферы жизни индивида, формируя личную и коллективную цифровую идентичность, выражающуюся в онлайн-среде [20]. В современную эпоху социальные платформы стали неотъемлемой частью повседневной жизни, оказывая глубокое влияние на то, как люди конструируют и представляют себя. По мнению зарубежных исследователей J. van Dijck, T. Poel, M. de Waal, происходит «платформизация» современных обществ во всех сферах жизни [21]. **Социальные платформы** (СП) представляют «цифровое решение, посредством которого осуществляется медиация отношений между двумя и более сторонами» [22. Р. 16]. «Платформы пользовательского контента» (или «социальные сети») поддерживают социальное взаимодействие (личное и публичное) [22. Р. 17]; формируют поведение пользователей через логику интерфейса, алгоритмы и политику модерации; встроены в экономические, политические и культурные процессы и выстраивают связи между пользователями [21]. Например, в России СП МАХ, «Одноклассники», VK («ВКонтакте»), «Телеграм», и другие выступают как социально-коммуникативные пространства, где жители городов могут обсуждать локальные проблемы, делиться воспоминаниями, организовывать мероприятия, формируя текстовый и визуальный дискурс своего города.

На этих площадках происходит взаимодействие индивидов посредством цифровых личностей, которые они конструируют в цифровом пространстве. Цифровая идентичность относится к представлению человека в онлайн-мире, охватывая различные аспекты самопрезентации, социального взаимодействия и накопления цифровых следов [23]. Развитие СП открыло беспрецедентные возможности для самовыражения и экспериментов с идентичностью, позволяя людям взаимодействовать по различным вопросам, в том числе и в месте своего проживания [24]. Влияние СП вызывает растущий академический интерес, формирует проблему исследования соответствия между онлайн- и офлайн-образами, анализа цифровых персон на аутентичность, их влияние на личную и социальную идентичность [25–27]. В свою очередь, сообщества индивидов формируют цифровую идентичность малого города и нарратив, связанный с ним.

Использование социальных платформ в коммуникационных кампаниях

Одним из наиболее эффективных инструментов сбережения культурного наследия выступают **коммуникационные кампании (КК)**, которые мы определяем как «целенаправленную попытку информировать, убеждать или сти-

мулировать изменения поведения в относительно широкой и разнородной аудитории, как правило, в целях достижения некоммерческой (т.е. просоциальной) пользы для отдельных лиц или общества в целом, осуществляемую в течение определённого периода времени посредством организованных коммуникативных мероприятий» [28. Р. 818].

В данной статье мы *актуализируем* теоретические основания для КК, в которой наряду с традиционными элементами воздействия на аудиторию включаются СП, способные не только передавать сообщение, но и инициировать взаимодействие между пользователями этой платформы.

К ключевым принципам проведения коммуникационных кампаний обращались отечественные исследователи Д.П. Гавра, Д.П. Шишкин [29], А.Н. Чумиков [30] и др. Широким эвристическим потенциалом для формирования основы для изменения поведения индивидов обладают теория диффузии инноваций Э. Роджерса [31]; теория социального научения А. Бандуры [32]; теория запланированного поведения М. Фишбеин и И. Айзена [33], а также конвергентная модель коммуникации Л. Кинкейда и Э. Роджерса [34]. Особый интерес для нас представляет последняя парадигма, где фокус исследования эффективности переносится на анализ взаимодействия субъектов коммуникации, а также связей (networks), которые выстраиваются в ходе кампании. Еще Г. Зиммель первым признал теоретическую значимость межличностных связей в понимании изменений в поведении индивида, а Я. Морено впоследствии дал основополагающие инструменты для измерения межличностных взаимодействий. Конвергентная модель возникла в ходе эволюции понимания коммуникации, начиная от первых моделей, разработанных Г. Ласуэллом [35], до более поздних, например, созданных Д. Берло [36], которая идеально подходит для изучения массовой коммуникации, хотя ее автор справедливо считал, что «поведение источника информации не происходит независимо от поведения реципиента и наоборот» (перевод [36. С. 106]). В большинстве моделей коммуникации, в частности в «теории пули», разработанной Э. Роджерсом и Ф. Шумейкером, общество рассматривалось как масса несвязанных, автономных индивидов, а важность контактов между ними снижалась [37].

Особое значение в период возникновения и развития социальных платформ, на наш взгляд, приобретает конвергентная теория, которая переносит акцент с донесения информации до индивида на формирующуюся систему связей, где идет ее циркуляция, обсуждение и принятие. Теория Л. Кинкейда представляется альтернативной традиционным линейным и даже некоторым интерактивным моделям коммуникации, так как фокус в ней сделан на взаимопонимании, а не на передаче сообщения. В отличие от линейных моделей (например, Шеннона–Уивера или Лассуэлла), где коммуникация сводится к трансляции сообщения от отправителя к получателю, конвергентная модель рассматривает взаимодействие как опыт совместного построения смысла, «процесс, в котором информация распространяется индивидами в системе с тем, чтобы достичь лучшего понимания ключевой темы» [34. Р. 282]. Подобный подход позволяет исследователю анализировать не просто «был ли сигнал принят», а достигнуто ли взаимопонимание. Л. Кинкейд вводит в модель когнитивные структуры участников (знания, ценности, установки), которые влияют на интерпретацию сообщений, что делает ее актуальной в условиях

цифровой коммуникации. В этой парадигме важна обратная связь, контекст и предыдущий опыт индивидов, взаимовлияние участников группы друг на друга, позиция лидера группы и т.п. Конвергентная модель позволяет описывать интерактивные, многопользовательские, асинхронные формы коммуникации (социальные платформы, на которых функционируют социальные сети, форумы, чат-боты), где участники постоянно адаптируют свои сообщения на основе реакций других, создавая новые смыслы и образы. Таким образом, конвергентная модель предоставляет плодотворную теоретическую основу для анализа социальных платформ.

Разработка дизайна и стратегии коммуникационной кампании начинается с формулировки ее целей, задач, а также идентификации всех ключевых участников, целевых аудиторий, лидеров мнений, возможных противников и сторонников кампании и т.п. Обязательными элементами КК являются проведение социологического исследования и выявление наиболее эффективных каналов коммуникации для взаимодействия со всеми группами, на которые предполагается оказать воздействие [38]. Инструменты коммуникации могут объединять традиционные и современные каналы, что позволяет использовать различные форматы: от текстовых публикаций, статей в СМИ, плакатов, баннеров до социальных платформ, обеспечивая эффективное воздействие на аудиторию. В таких программах организуются конкурсы, фестивали и акции в сочетании с продвижением культуры малых городов через интерактивные карты, мобильные приложения и онлайн-экскурсии, а также квесты, основанные на исторических фактах и т.п. В КК целесообразно включать работу с лицами, принимающими решения, так как эффективное сохранение культурного наследия часто требует соответствующей политики и системы управления. Важной является работа в сфере законодательства как на местном, так и на федеральном уровне. Например, проведение конференций и методических семинаров с целью выдвижения инициатив на уровне Государственной Думы, Федерального собрания РФ о сохранении объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации; на уровне Министерства культуры РФ и Российской академии наук, в частности создание информационных систем «Археологическая карта» и их интеграция с системами обеспечения градостроительной деятельности [39].

Ключевым элементом КК важно сделать формирование местных сообществ, привлекая к организации таких событий самих горожан, местных художников, исследователей края или школьников. Так это делал, например, основатель музея в г. Мышкин, благодаря которому «музей вырастил целое поколение мышкинцев, которые школьниками собирали все, что встречалось ценного и любопытного в краеведческих походах» [40]. Однако в тот период СП еще не получили широкого распространения и не использовались для продвижения идей. По нашему мнению, совмещая оффлайн мероприятия с СП – онлайн-трансляциями, виртуальными архивами и т.п., – можно выйти за пределы географических границ.

Креативные индустрии всё более позиционируются в дискурсе сохранения малых городов как стратегически значимая сфера, способная генерировать инновации [41]. Так, КК «Гжельской керамики» и «Федоскинской миниатюры» были проведены с использованием социальных платформ. Эти яркие феномены русского декоративно-прикладного искусства были актуализиро-

ваны в современном культурном дискурсе в значительной степени благодаря активному присутствию в цифровом пространстве. Гжель как исторический центр керамического производства, известный с XIV в., на протяжении второй половины XX в. сталкивался с проблемами снижения спроса, устаревания технологий и оттока квалифицированных кадров. Однако в последние десятилетия наблюдается тенденция к переосмыслению гжельской традиции в контексте современного дизайна и культурного туризма. Долгое время «Федоскинская миниатюра», зародившаяся в конце XVIII в., оставалась в тени более известных центров (Жостово, Хохлома, Мстёра), однако с начала 2010-х гг. наблюдается рост интереса к федоскинским изделиям. Это во многом связано с деятельностью завода, который активно использует социальные платформы для популяризации техники росписи, демонстрации авторских работ и проведения виртуальных экскурсий. Особое значение имеет включение молодых художников в цифровой формат, что способствует формированию образа промысла как живой, развивающейся практики, а не музейного артефакта. Анализ коммерческих проектов по возрождению народных промыслов в малых городах свидетельствует о быстром росте их популярности в случае использования социальных платформ¹. Так, высокая активность в комментариях к постам о биографиях художников на канале «Федоскино» стала основанием для создания цикла интервью с мастерами и повысила лояльность аудитории. На аккаунтах бренда демонстрируются не только коммерческие ролики, но и история ремесел, процесс изготовления и истории художников, что усиливает эмоциональное вовлечение аудитории и расширяет её культурную осведомлённость.

Анализ международного опыта демонстрирует многообразие каналов и форматов коммуникации с целевой аудиторией, а также сложность проблем, затронутых в этих кампаниях. Так, за последние десятилетия в Индонезии в связи с идущими процессами глобализации были утрачены или повреждены значимые для культуры и идентичности регионов объекты. С целью привлечения внимания к данной проблеме была проведена комплексная коммуникационная кампания The Cosmological Axis of Yogyakarta, где использовались традиционные средства воздействия на аудиторию (мероприятия, конференции), созданы веб-сайты, а также интегрированы социальные платформы, сформированы группы горожан, которые узнавали об истории и событиях в городе, выработаны механизмы взаимодействия местных органов власти с гражданами посредством социальных сетей и т.п. [9]. СП, которые использовались как ключевые компоненты коммуникационной стратегии, позволили повысить уровень знания населения и сохранить важные объекты культуры. Благодаря им сообщения передавались через визуальный ряд (фотографии, видео и инфографику), способствуя эмоциональной вовлеченности граждан в решение локальных проблем. Включению целевой аудитории способствовали также прямые эфиры, комментарии. Веб-сайт проекта стал ресурсным центром, где размещались исторические факты, карты, календари событий и т.п. Подобный подход в КК к сохранению культурного наследия позволяет перевести информационный процесс в динамичный интерактивный опыт с воз-

¹ В запрещенной в России сети Instagram (принадлежит компании Meta, признанной экстремистской и запрещённой на территории РФ) у аккаунта «Гжельский фарфоровый завод» 76 000 подписчиков, у «Федоскино» 9 000, у «Ярославской майолики» 13 000 подписчиков, также бренды ведут аккаунты в мессенджерах телеграмм и имеют в них значительные для данных каналов аудитории.

возможностью обратной связи. Важно отметить, что описанная стратегия не только создает фирменный стиль города, направленный на продвижение туризма, но прежде всего фокусируется на сохранении традиций и несет более глубокий философский и культурный смысл.

Для оценки эффективности КК применяются как традиционные критерии оценки (увеличение количества пользователей, число проведенных мероприятий и т.п.), так и динамично меняющиеся метрики оценки СП. Российские исследователи разрабатывают различные методики и программы для изучения СП [42, 43], которые отражают быстро меняющиеся реалии каналов коммуникации в России. Результативность КК возможно оценивать по метрикам вовлеченности, широко используемым в маркетинговых исследованиях. Например, метрика «количество подписчиков» показывает интерес к контенту; вовлеченность аудитории (ER) учитывает комментарии, репосты и другие действия пользователей; индекс кликабельности (CTR) отражает процент пользователей, которые нажали на ссылку; уровень роста (growth rate) целевой аудитории демонстрирует темпы расширения и вовлеченности [44]; показатель удержания аудитории – это процент подписчиков, оставшихся в проекте через определенный период времени [45]. Например, высокий уровень взаимодействия с постами о процессе создания изделий может быть основанием для увеличения доли таких материалов в контент-плане. Обратная связь с аудиторией, а именно комментарии, отзывы и запросы в директ-чате, дают развернутое понимание мотивов и ожиданий пользователей.

Заключение

Сохранение идентичности малых городов – это сложная задача, требующая комплексного междисциплинарного подхода, объединения знаний социологии, градостроительства, маркетинга и других наук.

Приведенные в статье примеры свидетельствуют о результативности проектов по продвижению брендов городов или ремесел с коммерческой целью. Опираясь на рассмотренные примеры, мы предлагаем многоканальный подход для создания КК с социальной направленностью для сохранения культурной идентичности малых городов, где социальные платформы предоставят уникальную возможность динамической корректировки коммуникационных стратегий, основанной на комплексном анализе количественных и качественных данных. Благодаря гибкости аналитических механизмов становится возможным оперативно реагировать на изменения.

Таким образом, можно констатировать, что социальные платформы выступают не просто площадками для рекламы, а могут быть эффективными механизмами для ревитализации исторических малых городов, информируя и вовлекая пользователей в процесс изучения региональной культуры. Успешно соединяя визуальный контент, инфографики и тексты, они привлекают молодую аудиторию, являются одним из средств сохранения культурного дискурса. Появление СП позволяет доносить информацию о сохранении культурных объектов до различных групп населения, обеспечивая баланс между доступностью знаний и образовательной глубиной; создавать эффективный механизм обратной связи; способствовать более тесному взаимодействию горожан друг с другом, укрепляя идентичность жителей малых городов.

Список источников

1. Смирнов О.О., Безвербный В.А. Потенциал развития секторов экономики малых городов России: современные тенденции // Социум и власть. 2022. № 1. С. 62–74. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/potentsial-razvitiya-sektorov-ekonomiki-malyh-gorodov-rossii-sovremennye-tendentsii/viewer> (дата обращения: 8.08.2025).
2. Ильина И., Коно М.М. Трансформация подходов к развитию «умного города». М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2023. doi: 10.17323/978-5-7598-2579-1
3. Визгалов Д.В. Брендинг города. М. : Фонд «Институт экономики города», 2011. 160 с.
4. Визгалов Д.В. Маркетинг города. М. : Фонд «Институт экономики города», 2008. 110 с.
5. Пакишина И.А. Исследование городской идентичности в интернет-сообществах (по результатам качественного анализа) // Сетевой журнал. Научный результат. Социология и управление. 2020. Т. 6. URL: <https://rsociology.ru/journal/article/2079/> (дата обращения: 8.08.2025).
6. Пешкова В.М. Этнокультурный брендинг как фактор развития российских малых городов // Социокультурный потенциал малых городов России : сб. статей / отв. ред. М.Ф. Черныш, В.В. Маркин. М. : ФНИСЦ РАН, 2022. С. 128–142.
7. Благовидова Н.Г., Юдина Н.В. Скрытый потенциал малых городов // Academia. Архитектура и строительство. 2021. С. 92–101. doi: 10.22337/2077-9038-2021-1-92-101 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/skrytyy-potentsial-malyh-gorodov> (дата обращения: 10.10.2025).
8. Foppoli D. Cultural heritage as a resource for regional sustainable development: The example of the Valtellina Cultural District in Italy // Innovative Built Heritage Models. 2018. doi: 10.1201/9781351014793-20 URL: https://www.researchgate.net/publication/330186004_Cultural_heritage_as_a_resource_for_regional_sustainable_development_The_example_of_the_Valtellina_Cultural_District_in_Italy (accessed: 8.08.2025).
9. Nursanty E., Husni M., Rusmiatmoko D. Balancing Heritage Preservation and City Branding: Prospects and Strategies for Vernacular Architecture in Indonesia // Journal of the International Society for the Study of Vernacular Settlements. 2023. Vol. 10, Is. 6. P. 50–68. URL: https://isvshome.com/pdf/ISVS_10-6/ISVSej_10.6.5.pdf (accessed: 8.08.2025)
10. Выступление Премьер-министра РФ М. Мишустина на форуме в Казани «Развитие малых городов и исторических поселений». URL: <http://government.ru/news/55993/> (дата обращения: 10.10.2025).
11. Свод Правил Градостроительства. «Планировка и застройка городских и сельских поселений» (СП 42.13330.2016). URL: <https://docs.cntd.ru/document/456054209> (дата обращения: 8.08.2025).
12. Яницкий О.Н. Малые города России: междисциплинарный анализ // Научный результат. Социология и управление. 2018. Т. 4, № 4. doi: 10.18413/2408-9338-2018-4-4-0-5 URL: <https://rsociology.ru/journal/article/1582/> (дата обращения: 8.08.2025).
13. Вятчина Т.Н., Постолаки В.А., Антонова Н.Е., Щенков А.С. Изучение идентичности малых русских городов как предмет изучения и поддержания // Архитектура: наследие, традиции и новации : материалы Междунар. науч. конф. 26–27 февраля 2019 г. М., 2019. URL: <https://archi.ru/elpub/92011/identichnost-malykh-russkikh-istoricheskikh-gorodov-kak-predmet-izucheniya-i-podderzhaniya> (дата обращения: 8.08.2025).
14. Култыгин В.П. Современные зарубежные социологические тенденции. М. : Союз, 2000. 154 с.
15. Castells M. The Power of Identity. Oxford : Blackwell, 1997.
16. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М. : Медум, 1995. 323 с.
17. Лысак И.В. Идентичность: сущность термина и история его формирования // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2017. № 38. URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000582827> (дата обращения: 07.09.2025).
18. Ткаченко А.А. Территориальная общность в региональном развитии и управлении. Тверь : ТГУ, 1995. 155 с.
19. Чернявская О.С. Изучение идентичности горожан // Вестник Нижегородского университета. Серия: Социальные науки. 2012. № 2 (26). С. 96–102. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izuchenie-identichnosti-gorozhan/viewer> (дата обращения: 07.09.2025).
20. Van Dijck J. The Culture of Connectivity: A Critical History of Social Media. Oxford : Oxford University Press, 2013.

21. *Van Dijck J., Poell T., de Waal M.* The Platform Society. Oxford : Oxford University Press, 2018.
22. *Gorwa R.* The Politics of Platform Regulation: How Governments Shape Online Content Moderation New York : Oxford University Press, 2024.
23. *Turkle S.* Life on the Screen: Identity in the Age of Internet. New York : Simon & Schuster, 1997. 352 с. URL: https://people.reed.edu/~gronkep/pol370-f01/Turkle_Reading.pdf (accessed: 8.08.2025).
24. *Boyd D.* It's Complicated: The Social Lives of Networked Teens. New York : Yale University Press, 2014.
25. *Rosana A., Ifran A.* The role of digital Identity in the Age of Social Media. Literature Analysis of Self-Identity Construction and On-line Social Interaction // Join: Journal of Social Science. 2024. Vol. 1 (4). P. 477–489. doi: 10.59613/a8yyff42 URL: https://www.researchgate.net/publication/382170557_The_Role_of_Digital_Identity_in_the_Age_of_Social_Media_Literature_Analysis_of_Self-Identity_Construction_and_Online_Social_Interaction (accessed: 8.08.2025).
26. *Кондаков А.Н., Костылева А.А.* Цифровая идентичность, цифровая самоидентификация, цифровой профиль: постановка проблемы // Вестник РУДН. 2019. Т. 16 (3). С. 207–218. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-identichnost-tsifrovaya-samoidentifikatsiya-tsifrovoy-profil-postanovka-problemy/viewer> (дата обращения: 8.08.2025).
27. *Sullivan C.* Digital identity – The legal person? // Computer law & security review 25. 2009. Vol. 25. P. 227–236. doi: 10.1016/j.clsr.2009.03.009
28. *Rogers E.M., Storey J.D.* Communication campaigns // Berger C.R., Chaffee S.H. Handbook of Communication Science. Beverly Hills, CA : Sage Publications, 1987. P. 817–846.
29. *Гавра Д.П., Шишкин Д.П.* PR-кампании: методология и технология. СПб. : Роза мира, 2004.
30. *Чумиков А.Н.* Коммуникационные кампании. М. : Аспект-Пресс, 2014. 157 с.
31. *Rogers E.M.* Diffusion of innovations. 5th ed. New York, NY : Free Press, 2003.
32. *Бандура А.* Теория социального научения. СПб. : Евразия, 2000. 320 с.
33. *Fishbein M., Ajzen I.* Predicting and understanding consumer behavior: Attitude-behavior correspondence // Understanding Attitudes and Predicting Social Behavior / eds. I. Ajzen, M. Fishbein. Englewood Cliffs, NJ : Prentice Hall, 1975. P. 148–172.
34. *Rogers E.M., Kincaid D.L.* Communication network: Toward a new paradigm for research. New York, NY : Free Press. 1981.
35. *Laswell H.* The structure and function of Communication in Society // The Communication of Ideas / ed. L. Bryson. New York : Harper, 1948.
36. *Berlo D.* The Process of Communication. An Introduction to Theory and Practice. New York : Holt, Reinhart and Winston, 1960.
37. *Rogers E., Shoemaker F.* Communication of Innovations: A Cross-Cultural Approach. New York : Free Press, 1971.
38. *Аверин Ю.П., Дмитриева Е.В.* Социологические исследования: место и роль в коммуникативных программах. Методология и методика проведения. М. : 1989.py, 2006.
39. *Бычков Д.А., Павленок К.К., Выборов А.В.* Методический семинар «Сохранение объектов археологического наследия Российской Азии: результаты и тенденции» // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 3. С. 160–164. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodicheskii-seminar-sohranenie-obektov-arheologicheskogo-naslediya-rossiyskoy-azii-rezultaty-i-tendentsii-novosibirsk-4-5-marta/viewer> (дата обращения: 8.08.2025).
40. *Глазычев В.Л.* Глубинная Россия: 2000–2002в. М. : Новое издательство, 2003.
41. *Благовидова Н.Г., Мышкина А.П., Юдина Н.В.* Креативный потенциал в устойчивом развитии малых исторических поселений. doi: 10.24412/cl-35672-2021-1-0016 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kreativnyy-potentsial-v-ustoychivom-razvitii-malyh-istoricheskikh-poseleniy/viewer>
42. *Кориунов А., Белобородов И., Бузун Н. и др.* Анализ социальных сетей: методы и приложения. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-sotsialnyh-setey-metody-i-prilozheniya/viewer> (дата обращения: 10.10.2025).
43. *Градосельская Г.В.* Анализ социальных сетей : автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2001.
44. *Метрики соцсетей.* URL: <https://roistat.com/rublog/metriki-socsetej/> (дата обращения: 13.10.2025).
45. *KPI в SMM: метрики соц сетей.* URL: <https://markway.ru/blog/kpi-v-smm-metriki-effektivnosti-v-soczsetyah/> (дата обращения: 13.10.2025).

References

1. Smirnov, O.O. & Bezverbnyy, V.A. (2022) Potentsial razvitiya sektorov ekonomiki malykh gorodov Rossii: sovremennye tendentsii [Development Potential of Economic Sectors in Small Towns of Russia: Current Trends]. *Sotsium i vlast'*. 1. pp. 62–74.
2. Ilina, I. & Kono, M.M. (2023) *Transformatsiya podkhodov k razvitiyu "umnogo goroda"* [Transformation of Approaches to the Development of the "Smart City"]. Moscow: HSE. doi: 10.17323/978-5-7598-2579-1
3. Vizgalov, D.V. (2011) *Brending goroda* [City Branding]. Moscow: Fond "Institut ekonomiki goroda."
4. Vizgalov, D.V. (2008) *Marketing goroda* [City Marketing]. Moscow: Fond "Institut ekonomiki goroda."
5. Pakshina, I.A. (2020) Issledovanie gorodskoy identichnosti v internet-soobshchestvakh (po rezul'tatam kachestvennogo analiza) [Research of Urban Identity in Online Communities (Based on the Results of Qualitative Analysis)]. *Nauchnyy rezul'tat. Sotsiologiya i upravlenie*. 6. [Online] Available from: <https://rsosociology.ru/journal/article/2079/> (Accessed: 8th August 2025).
6. Peshkova, V.M. (2022) Etnokul'turnyy brending kak faktor razvitiya rossiyskikh malykh gorodov [Ethnocultural Branding as a Factor in the Development of Russian Small Towns]. In: Chernysh, M.F. & Markin, V.V. (eds) *Sotsiokul'turnyy potentsial malykh gorodov Rossii* [Sociocultural Potential of Small Towns in Russia: Collection of Articles]. Moscow: FNITS RAS. pp. 128–142.
7. Blagovidova, N.G. & Yudina, N.V. (2021) Skrytyy potentsial malykh gorodov [The Hidden Potential of Small Towns]. *Academia. Arkhitektura i stroitel'stvo*. 1. pp. 92–101. doi: 10.22337/2077-9038-2021-1-92-101
8. Foppoli, D. (2018) Cultural Heritage as a Resource for Regional Sustainable Development: The Example of the Valtellina Cultural District in Italy. In: van Balen, K. & Vandesande, A. (eds) *Innovative Built Heritage Models*. London: CRC Press.
9. Nursanty, E., Husni, M. & Rusmiatmoko, D. (2023) Balancing Heritage Preservation and City Branding: Prospects and Strategies for Vernacular Architecture in Indonesia. *Journal of the International Society for the Study of Vernacular Settlements*. 10(6). pp. 50–68. [Online] Available from: https://isvshome.com/pdf/ISVS_10-6/ISVSej_10.6.5.pdf (Accessed: 8th August 2025).
10. The Russian Federation. (2025) *Vystuplenie Premier-ministra RF M. Mishustina na forumе v Kazani "Razvitie malykh gorodov i istoricheskikh poseleniy"* [Speech by Prime Minister of the Russian Federation M. Mishustin at the Forum in Kazan "Development of Small Towns and Historical Settlements"]. [Online] Available from: <http://government.ru/news/55993/> (Accessed: 10th October 2025).
11. The Russian Federation. (2016) *Svod Pravil Gradostroitel'stvo. Planirovka i zastroyka gorodskikh i sel'skikh poseleniy (SP 42.13330.2016)* [Set of Rules for Urban Planning. Planning and Development of Urban and Rural Settlements (SP 42.13330.2016)]. [Online] Available from: <https://docs.cntd.ru/document/456054209> (Accessed: 8th August 2025).
12. Yanitskiy, O.N. (2018) Malye goroda Rossii: mezhdistsiplinarnyy analiz [Small Towns of Russia: An Interdisciplinary Analysis]. *Nauchnyy rezul'tat. Sotsiologiya i upravlenie*. 4(4). doi: 10.18413/2408-9338-2018-4-4-0-5
13. Vyatchanina, T.N., Postolaki, V.A., Antonova, N.E. & Shchenkov, A.S. (2019) Izuchenie identichnosti malykh russkikh gorodov kak predmet izucheniya i podderzhaniya [Studying the Identity of Small Russian Towns as a Subject of Study and Maintenance]. *Arkhitektura: nasledie, traditsii i novatsii* [Architecture: Heritage, Traditions and Innovations]. Proc. of the Conference. February 26–27, 2019. Moscow. [Online] Available from: <https://archi.ru/elpub/92011/identichnost-malykh-russkikh-istoricheskikh-gorodov-kak-predmet-izucheniya-i-podderzhaniya> (Accessed: 8th August 2025).
14. Kultygin, V.P. (2000) *Sovremennye zarubezhnye sotsiologicheskie tendentsii* [Modern Foreign Sociological Trends]. Moscow: Soyuz.
15. Castells, M. (1997) *The Power of Identity*. Oxford: Blackwell Publishing.
16. Berger, P. & Luckmann, T. (1995) *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti* [The Social Construction of Reality]. Moscow: Medium.
17. Lysak, I.V. (2017) Identity: The Essence of the Term and the History of Its Formation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 38. pp. 130–138. doi: 10.17223/1998863X/38/13
18. Tkachenko, A.A. (1995) *Territorial'naya obshchnost' v regional'nom razviti i upravlenii* [Territorial Community in Regional Development and Management]. Tver: Tver State University.

19. Chernyavskaya, O.S. (2012) Izuchenie identichnosti gorozhan [Studying the Identity of City Dwellers]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta. Seriya Sotsial'nye nauki*. 2(26). pp. 96–102.
20. van Dijck, J. (2013) *The Culture of Connectivity: A Critical History of Social Media*. Oxford: Oxford University Press.
21. van Dijck, J., Poell, T. & de Waal, M. (2018) *The Platform Society*. Oxford: Oxford University Press.
22. Gorwa, R. (2024) *The Politics of Platform Regulation: How Governments Shape Online Content Moderation*. New York: Oxford University Press.
23. Turkle, S. (1997) *Life on the Screen: Identity in the Age of the Internet*. New York: Simon & Schuster.
24. Boyd, D. (2014) *It's Complicated: The Social Lives of Networked Teens*. New Haven: Yale University Press.
25. Rosana, A. & Ifran, A. (2024) The Role of Digital Identity in the Age of Social Media. Literature Analysis of Self-Identity Construction and Online Social Interaction. *Join: Journal of Social Science*. 1(4). pp. 477–489. doi: 10.59613/a8yyff42
26. Kondakov, A.N. & Kostyleva, A.A. (2019) Tsifrovaya identichnost', tsifrovaya samoidentifikatsiya, tsifrovoy profil': postanovka problemy [Digital Identity, Digital Self-Identification, Digital Profile: Problem Statement]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov*. 16(3). pp. 207–218.
27. Sullivan, C. (2009) Digital Identity – The Legal Person? *Computer Law & Security Review*. 25(2). pp. 227–236. doi: 10.1016/j.clsr.2009.03.009.
28. Rogers, E.M. & Storey, J.D. (1987) Communication Campaigns. In: Berger, C.R. & Chaffee, S.H. (eds) *Handbook of Communication Science*. Beverly Hills, CA: Sage Publications. pp. 817–846.
29. Gavra, D.P. & Shishkin, D.P. (2004) *PR-kampanii: metodologiya i tekhnologiya* [PR Campaigns: Methodology and Technology]. St. Petersburg: Roza mira.
30. Chumikov, A.N. (2014) *Kommunikatsionnye kampanii* [Communication Campaigns]. Moscow: Aspekt Press.
31. Rogers, E.M. (2003) *Diffusion of Innovations*. 5th ed. New York, NY: Free Press.
32. Bandura, A. (2000) *Teoriya sotsial'nogo naucheniya* [Social Learning Theory]. St. Petersburg: Evraziya.
33. Fishbein, M. & Ajzen, I. (1975) Predicting and Understanding Consumer Behavior: Attitude-Behavior Correspondence. In: Fishbein, M. & Ajzen, I. (eds) *Understanding Attitudes and Predicting Social Behavior*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall. pp. 148–172.
34. Rogers, E.M. & Kincaid, D.L. (1981) *Communication Networks: Toward a New Paradigm for Research*. New York, NY: Free Press.
35. Lasswell, H.D. (1948) The Structure and Function of Communication in Society. In: Bryson, L. (ed.) *The Communication of Ideas*. New York: Harper. pp. 37–51.
36. Berlo, D.K. (1960) *The Process of Communication: An Introduction to Theory and Practice*. New York: Holt, Rinehart and Winston.
37. Rogers, E.M. & Shoemaker, F.F. (1971) *Communication of Innovations: A Cross-Cultural Approach*. New York: Free Press.
38. Averin, Yu.P. & Dmitrieva, E.V. (2006) *Sotsiologicheskie issledovaniya: mesto i rol' v kommunikativnykh programmakh. Metodologiya i metodika provedeniya* [Sociological Research: Place and Role in Communication Programs. Methodology and Methods]. Moscow: 1989.py.
39. Bychkov, D.A., Pavlenok, K.K. & Vyborov, A.V. (2020) Metodicheskiy seminar "Sokhranenie ob"ektov arkhaeologicheskogo naslediya Rossiyskoy Azii: rezul'taty i tendentsii" [Methodological Seminar "Preservation of Archaeological Heritage Sites of Russian Asia: Results and Trends"]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*. 19(3). pp. 160–164.
40. Glazychev, V.L. (2003) *Glubinnaya Rossiya: 2000–2002 gg.* [Deep Russia: 2000–2002]. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
41. Blagovidova, N.G., Myshkina, A.P. & Yudina, N.V. (2021) Kreativnyy potentsial v ustoychivom razvitiy malykh istoricheskikh poseleniy [Creative Potential in the Sustainable Development of Small Historical Settlements]. *City: Economics and Management*. 1. pp. 16–25. doi: 10.24412/cl-35672-2021-1-0016
42. Korshunov, A., Beloborodov, I., Buzun, N. et al. (n.d.) Analiz sotsial'nykh setey: metody i prilozheniya [Social Network Analysis: Methods and Applications]. *Trudy ISP RAN*. 26(1). pp. 439–456.
43. Gradoselskaya, G.V. (2001) *Analiz sotsial'nykh setey* [Social Network Analysis]. Abstract of Sociology Cand. Diss. Moscow.

44. Roistat. (n.d.) *Metriki sotsetey* [Social Media Metrics]. [Online] Available from: <https://roistat.com/rublog/metriki-socsetej/> (Accessed: 13th October 2025).

45. MarkWay. (n.d.) *KPI v SMM: metriki sotsetey* [KPI in SMM: Social Media Metrics]. [Online] Available from: <https://markway.ru/blog/kpi-v-smm-metriki-effektivnosti-v-soczsetyah/> (Accessed: 13th October 2025).

Сведения об авторах:

Дмитриева Е.В. – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России (Москва, Россия). E-mail: e.dmitrieva@inno.mgimo.ru

Еремина А.Д. – аспирант, кафедра социологии Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России (Москва, Россия). E-mail: a.d.eremina@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Dmitrieva E.V. – Dr. Sci. (Sociology), professor at the Department of Sociology, MGIMO University of the RF Ministry of Foreign Affairs (Moscow, Russian Federation). E-mail: dmitrieva@inno.mgimo.ru

Eremina A.D. – postgraduate student, MGIMO University of the RF Ministry of Foreign Affairs (Moscow, Russian Federation). E-mail: a.d.eremina@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 09.08.2025;
одобрена после рецензирования 21.11.2025; принята к публикации 09.12.2025*

*The article was submitted 09.08.2025;
approved after reviewing 21.11.2025; accepted for publication 09.12.2025*

ПОЛИТОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 94 + 341.1
doi: 10.17223/1998863X/88/17

ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И КИТАЯ В СВЕТЕ УГРОЗ РАЗВИТИЮ И БЕЗОПАСНОСТИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Артём Георгиевич Данков¹,
Иван Юрьевич Зуенко²

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия, artem.dankov.83@mail.ru*

² *Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России, Москва, Россия, ivanzuwei@gmail.com*

Аннотация. Рассматриваются политические и социально-экономические процессы в Центральной Азии с точки зрения, с одной стороны, того, какие угрозы развитию и безопасности видят на официальном уровне в странах региона, а с другой – как Россия и Китай могут содействовать нейтрализации этих угроз. Согласно выводам авторов, деятельное участие соседей региона – России и Китая – через экспорт современных технологий, интенсификацию международного взаимодействия и вовлечение стран региона в интеграционные процессы способствует преодолению угроз развитию и безопасности региона. Подчеркивается, что на данный момент Москва и Пекин заинтересованы в координации своих действий и понимают позитивные эффекты сотрудничества.

Ключевые слова: Центральная Азия, Россия, Китай, ЕАЭС, ШОС

Благодарности: результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № FSWM-2024-0008.

Для цитирования: Данков А.Г., Зуенко И.Ю. Перспективы сотрудничества России и Китая в свете угроз развитию и безопасности Центральной Азии // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 88. С. 192–207. doi: 10.17223/1998863X/88/17

POLITICAL SCIENCE

Original article

PROSPECTS FOR COOPERATION BETWEEN RUSSIA AND CHINA IN THE CONTEXT OF THREATS TO THE DEVELOPMENT AND SECURITY OF CENTRAL ASIA

Artem G. Dankov¹, Ivan Yu. Zuenko²

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation,
artem.dankov.83@mail.ru

² MGIMO University, Moscow, Russian Federation, ivanzuwei@gmail.com

Abstract. The article examines political and socio-economic processes in Central Asia from the point of view of the presence of threats to development and security in the region. According to the presented analysis, the volume of challenges facing Central Asia is such that it cannot be dealt with without interaction with external players. This can be both indirect influence (in the case of the positive effect of foreign trade and the activities of joint ventures) and direct participation (in the case of intervention in political crises, unrest, and the suppression of cross-border crimes). Due to historical reasons, geographic proximity and involvement in Eurasian integration projects, the influence of Russia and China as external players for Central Asia is greatest. Russia is most widely represented in the field of countering military-political, natural, and man-made threats. China, on the contrary, is more active in the fight against socio-economic threats, promoting economic development and solving the most pressing social problems, and also helping to develop infrastructure. Another important priority for China is the fight against cross-border crime and drug trafficking, as well as promoting infrastructure development, construction of new and reconstruction of old infrastructure facilities. Thus, the aspects in which Russia and China participate in ensuring the development and security of Central Asia are complementary to each other. Both Moscow and Beijing are primarily interested in a stable and prosperous Central Asia. Therefore, partner actions in this region are perceived primarily through this prism. It is also important that, in the face of complicating relations with the West, both Russia and China are interested in ensuring that the niches of external players in Central Asia are occupied by a partner, and not by an openly hostile state (for example, the United States). It is beneficial for Russia that the influence of China does not lead to a shift in political regimes that are constructively disposed towards Moscow and a revision of guidelines that are critical for our country: respect for the rights of Russian ethnic minorities, preservation of the position of the Russian language, traditional moral values, and the historical memory of the victory in the Second World War. In this regard, it can be stated that it is in the interests of the two countries not to push each other out of the region, but to form mutually beneficial coordination based on the philosophy of the Greater Eurasian Partnership.

Keywords: Central Asia, Russia, China, EAEU, SCO

Acknowledgments: The results were obtained within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of Russia, Project No. FSWM-2024-0008.

For citation: Dankov, A.G. & Zuenko, I.Yu. (2025) Prospects for cooperation between Russia and China in the context of threats to the development and security of Central Asia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 88. pp. 192–207. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/88/17

Центрально-Азиатский регион (далее – Центральная Азия) – обширный, не имеющий выхода к Мировому океану регион в центре Евразии, состоящий из пяти постсоветских республик, объединённых общей исторической судь-

бой, культурными, языковыми и религиозными традициями¹. Современная история региона началась в 1991 г. с развалом Советского Союза. За тридцать с лишним лет страны региона прошли сложный путь становления, который в целом оказался успешным. Несмотря на кадровые, финансовые, организационные трудности начального этапа, ни одна из них не повторила судьбу Афганистана, где несколько десятилетий велась перманентная гражданская война, все государства сохранили границы 1991 г., светские режимы, стали полноправными участниками международных процессов.

Однако верно и то, что процесс становления пока ещё далёк от завершения, стабильность в регионе является зыбкой, а социально-экономическое благополучие достигнуто только в ограниченном числе регионов и общественных сегментов. Потенциально каждая из стран Центрально-Азиатского региона по-прежнему представляет собой источник нестабильности, как для себя, так и для соседей. Показателен в данном случае пример Казахстана, который в специальном номере российского журнала «Эксперт», посвящённом 30-летию независимости стран региона (декабрь 2021 г.), назывался наиболее успешной страной региона, которой «удалось избежать внутренних конфликтов, выстроить крепкие государственные институты, обеспечить экономическую стабильность, открыть уверенное будущее» [1. С. 9], что весьма контрастировало с последовавшими менее чем через месяц «январскими событиями» 2022 г., когда страна за считанные дни оказалась на пороге государственного переворота, гражданской войны и погромов, и только вмешательство ОДКБ спасло её от скатывания в пропасть.

Очевидно и то, что самостоятельным центром в рамках формирующегося полицентрического миропорядка ни одна из стран региона в силу ограниченности ресурсов стать не может, а внутрирегиональные интеграционные процессы по типу ЕС или АСЕАН осложнены большим числом межгосударственных противоречий и также не могут привести к появлению организации, способной на равных разговаривать с мировыми лидерами. В этих условиях все страны региона в той или иной степени выбирают путь многовекторной политики, открывающей «дверь» в регион для всех заинтересованных мировых игроков, включая США, страны Евросоюза (прежде всего, Францию и Германию), арабские монархии, Турцию, Иран, Индию, Южную Корею и Японию.

Особое место среди участников геополитических раскладов в Центральной Азии занимают Россия и Китай, которые в отличие от других перечисленных игроков являются непосредственными соседями Центральной Азии. Более того, страны региона входят в интеграционные объединения, которые инициированы Россией и/или Китаем. Это ШОС², СНГ³, ЕАЭС⁴,

¹ В данном случае под Центральной Азией мы понимаем только Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан, Таджикистан и Туркменистан. В русскоязычной литературе также часто используется термин «Постсоветская Центральная Азия», что позволяет отделить его от других стран в центре Евразии (прежде всего от Афганистана и Монголии). В китайскоязычной литературе в понятие «Центральная Азия» (*Чжунъя*) часто включаются Афганистан и Монголия, поэтому используется также более узкий термин – «Пять стран Центральной Азии» (*Чжунъя уо*), относящийся именно к постсоветскому пространству.

² Членами Шанхайской организации сотрудничества из рассматриваемых нами государств являются Россия, Китай, все страны Центральной Азии, кроме Туркменистана.

³ Содружество независимых государств продолжает действовать (в октябре 2025 г. в Душанбе состоялось очередное ежегодное заседание Совета глав государств СНГ). В организацию входят Россия и все пять государств Центральной Азии.

⁴ В деятельности Евразийского экономического союза из рассматриваемых нами государств принимают участие Россия, Казахстан и Кыргызстан. Статус государства-наблюдателя имеет Узбекистан.

ОДКБ¹; отдельного внимания заслуживает продвигаемый Китаем с 2023 г. формат «Китай+1» [2], который с марта 2024 г. получил институциональное оформление в виде постоянно действующего расположенного в китайском городе Сиань секретариата.

Влияние России в регионе особенно велико, что легко объяснимо инерцией после распада СССР. Именно тогда возникла ситуация, в которой Москва сохраняла свое культурное и экономическое доминирование в постсоветских странах, но уже не могла являться там единственным игроком. Китай с его экономической мощью и географической близостью естественным образом занял место одного из таких игроков. Основной целью данного исследования было определение с помощью анализа основополагающих документов стран Центральной Азии в области национальной безопасности перечня ключевых угроз развитию и безопасности, а также набора механизмов, с помощью которых Россия и Китай могут помочь нейтрализовать эти угрозы.

Для того чтобы достичь поставленной цели, необходимо прежде всего обозначить имеющиеся риски и угрозы развитию и безопасности в регионе. Далее – проанализировать влияние на развитие и безопасность в Центральной Азии взаимодействия с Россией и Китаем. Выводы, касающиеся перспектив сотрудничества России и Китая со странами региона в контексте обозначенных вызовов, будут сделаны в заключении.

В основе методологии исследования лежит целый набор инструментов: контент-анализ официальных стратегических документов стран Центральной Азии по вопросам безопасности, метод политико-правового анализа, метод сопоставительно-институционального анализа, а также сравнительно-исторический метод.

Проблемы развития и безопасности в Центральной Азии и участие в их обеспечении со стороны внешних игроков, в первую очередь России и Китая, находит свое отражение в академической дискуссии среди отечественных и зарубежных исследователей. В целом можно выделить несколько групп исследований, которые уделяют внимание тем или иным сторонам этих проблем. Во-первых, российские авторы преимущественно концентрируют свое внимание на внешних факторах и силах, которые формируют пространство развития и безопасности в Центральной Азии. Политика Китая в регионе рассматривается в работах Е.В. Махмутовой [2], Я.В. Лексютинной [3], Д.А. Борисова, Е.В. Савковича, В.И. Татаренко [4], политика США – в работах А.А. Кокошина и З.А. Кокошиной [5], ключевые аспекты политики Европейского союза – в работах Е.Ю. Трещенкова [6], политика Индии и других стран, а также крупных несистемных игроков в регионе – в трудах С.В. Феединой, С.Х. Холова, А.Я. Якуба [7], А.А. Князева, Н.Я. Гулама [8], А.Э. Джоробековой, Е.Ф. Троицкого, С.М. Юна, А.Г. Тимошенко [9], М.Г. Зинчук [10]. Многие отечественные авторы, например Д.А. Дмитриева, рассматривают развитие безопасности в Центральной Азии в контексте интересов собственно России [11].

Во-вторых, проблемы развития безопасности в Центральной Азии изучают и представители местных региональных исследовательских центров.

---

¹ В деятельности Организации договора коллективной безопасности из рассматриваемых нами государств принимают участие Россия, Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан. С 1992 по 1999 г. и с 2006 по 2012 г. в ОДКБ также участвовал Узбекистан.

Ч. Эсенгул, Ш. Бактыгулов, А. Доолоткельдиева, Б. Иманалиева, Б. Султанов и А.Ш. Аземкулова в первую очередь обращают внимание на внутрорегиональные факторы [12–14], а Ш. Аманбекова – на отдельные ключевые аспекты безопасности в регионе (религиозный экстремизм, терроризм, наркотрафик и др.) [15]. В-третьих, развитие и безопасность в Центральной Азии изучают представители западных исследовательских центров и университетов. Для них важны такие аспекты, как эффективность государственных институтов в странах региона, а также влияние Центральной Азии на глобальные отношения с ведущими мировыми державами, в первую очередь с Россией и Китаем. В этом контексте интересны работы М. Романовски и Дж. Стокса [16, 17]. В-четвертых, в последние годы проблемы развития и безопасности в Центральной Азии активно начали изучать китайские авторы. Их внимание сосредоточено на вопросах безопасности в контексте реализации инициативы «Пояса и пути» (см., например, работы Ван Хао и Лю Цзяминь [18, 19]).

Тем не менее никто из отечественных и зарубежных исследователей не пытался построить общую региональную «карту» вызовов и угроз, опираясь на стратегические и концептуальные документы по вопросам безопасности в странах Центральной Азии. Именно этот пробел и пытается заполнить данная работа.

В представленном исследовании мы опирались на концептуальные документы всех стран Центральной Азии, которые посвящены проблемам национальной безопасности. Несмотря на то что тематика безопасности является достаточно закрытой, ключевые фундаментальные документы стран Центральной Азии по этому вопросу находятся в открытом доступе [20, 21]. Эти документы имеют разный формат – закона [22] или концепции [23, 24], однако в них четко сформулированы перечни угроз национальной безопасности каждой из стран, а также инструменты и механизмы нейтрализации этих угроз. Основные угрозы развитию в Центральной Азии можно условно разделить на три группы: военно-политические, социально-экономические, а также угрозы природного и техногенного характера.

К числу ключевых военно-политических вызовов для стран Центральной Азии относятся следующие:

Внутриполитическая нестабильность и институциональная слабость государственных систем. Уязвимость политических режимов региона наглядно демонстрируется рядом масштабных внутренних конфликтов. К их числу принадлежат гражданское противостояние в Таджикистане (1992–1997 гг.), череда переворотов в Кыргызстане (2005–2020 гг.), а также вооруженные столкновения в Горно-Бадахшанской автономной области (Таджикистан) в 2021–2022 гг. Помимо этого, признаки системного кризиса проявились в ходе массовых волнений в Казахстане в январе 2022 г. и в Нукусе (Узбекистан) в июле того же года. Подобные события свидетельствуют о сохранении глубоких внутриэлитных противоречий, высокой степени социально-экономической напряженности, наличии влиятельных негосударственных акторов, готовых оспаривать монополию власти, а также о системной коррумпированности и низкой эффективности государственного аппарата.

Распространение религиозно-мотивированного экстремизма и терроризма. В условиях ренессанса исламской культурной идентичности в Центральной Азии, выражающегося в росте соблюдения религиозных практик в

повседневной жизни, значительное влияние приобрели радикальные течения. На этом фоне часть исламских фундаменталистов перешли к открытой террористической деятельности. «Несмотря на репрессивные меры со стороны правоохранительных органов, в регионе сохраняются разветвленные, часто полуправовые, структуры радикалов. Продолжает функционировать обширная сеть нелегальных религиозных учебных заведений, охватывающая все страны Центральной Азии. Хотя ежегодно десятки таких школ ликвидируются, им на смену немедленно возникают новые. Радикальные группировки проникают в ключевые общественные сферы, включая систему образования, бизнес и государственные институты. В периоды ослабления центральной власти именно исламистские организации зачастую становятся ударной силой, способной дестабилизировать существующий политический порядок» [25].

Приграничные споры. Несмотря на успешное урегулирование вопросов делимитации границ с крупными внешними игроками, такими как Россия и Китай, внутри региона сохраняется ряд территориальных противоречий. Наиболее острый характер они носили между Узбекистаном, Кыргызстаном и Таджикистаном, где длительное время оставались значительные спорные участки, особенно в густонаселенной Ферганской долине. Остроту этим конфликтам придает сложная этническая мозаика, высокая плотность населения и конкурентная борьба за ограниченные земельные и водные ресурсы. Наиболее серьезный инцидент имел место между Таджикистаном и Кыргызстаном в 2021–2022 гг., когда противоречия вокруг таджикского анклава Ворух на территории Кыргызстана переросли в полномасштабные вооруженные столкновения, повлекшие значительные человеческие жертвы с обеих сторон. Сторонам пришлось приложить серьезные усилия, чтобы урегулировать спорные вопросы. Переговоры между Кыргызстаном и Таджикистаном шли почти три года. В итоге 13 марта 2025 г. президенты Кыргызстана и Таджикистана Садыр Жапаров и Эмомали Рахмон в Бишкеке подписали Договор о государственной границе между двумя странами. Этот Договор стал прорывным событием в Центрально-Азиатском регионе, а 31 марта в Худжанде Президенты Таджикистана, Кыргызстана и Узбекистана Эмомали Рахмон, Садыр Жапаров и Шавкат Мирзиёев подписали соглашение о стыке границ трех стран [26].

Среди социально-экономических угроз в Центральной Азии необходимо выделить следующие:

Межэтническая напряженность. С момента обретения суверенитета государства Центральной Азии столкнулись с проблемой сложных межэтнических взаимоотношений. Исторически регион, отличающийся значительным этнокультурным разнообразием, неоднократно становился местом масштабных межэтнических столкновений. Яркими примерами подобных конфликтов служат события в Ферганской долине (1989 г.), а также повторяющиеся конфликты в Ошской области Кыргызстана (1990, 2010 гг.). Этнический компонент также сыграл существенную роль в недавних беспорядках в Каракалпакстане (2022 г.) и в ходе противостояния в Горно-Бадахшанской автономной области Таджикистана (2021–2022 гг.) [25]. Сохраняющаяся нерешенность вопросов обеспечения равного политического представительства для всех этнических групп, а также гарантий их социально-экономического равенства приводит к тому, что в условиях ослабления центральной власти активизируется борьба за перераспределение сфер влияния,

в том числе по этническому признаку. Отдельный сюжет в межэтнических противоречиях – общие для региона синофобия (особенно ярко выраженная в государствах, граничащих с КНР), что неоднократно вызывало народные волнения и протесты (подробнее см.: [27]).

Демографическое давление. Несмотря на снижение рождаемости, Центральная Азия остается единственным макрорегионом на постсоветском пространстве, демонстрирующим устойчивый прирост населения. Такой тренд обеспечивается за счет сохраняющейся молодой возрастной структуры, высокой фертильности и роста продолжительности жизни, что в совокупности дает ежегодный прирост на уровне 1–2%. Данная динамика сохраняется, несмотря на значительные масштабы эмиграции: с начала 1990-х гг. регион покинули приблизительно 8 млн человек, а еще около 5 млн проживают за его пределами в статусе трудовых мигрантов [25]. Тем не менее с момента распада СССР численность населения Центральной Азии увеличилась на 60%, что в абсолютных цифрах составляет почти 30 млн человек. По оценкам, к 2030 г. численность населения региона может превысить 85 млн человек [28]. Столь быстрый рост создает значительную нагрузку на социальную инфраструктуру (здравоохранение, образование), обостряет конкуренцию на рынке труда и усиливает антропогенное воздействие на окружающую среду. Кроме того, значительная доля молодежи в возрастной пирамиде повышает риски политической дестабилизации, поскольку именно эта социальная группа чаще всего составляет основу протестной активности и участвует в массовых беспорядках.

Структурные ограничения экономического развития. Несмотря на заметный экономический прогресс, достигнутый странами Центральной Азии в последние десятилетия, сохраняется комплекс системных проблем, препятствующих их устойчивому социально-экономическому развитию. Период благоприятной конъюнктуры 2000–2010-х гг., обусловленный высокими мировыми ценами на сырьевые ресурсы, не привел к качественной трансформации экономических моделей. Ключевыми драйверами экономик региона по-прежнему остаются экспорт сырья и денежные переводы трудовых мигрантов.

Преодоление структурных ограничений развития представляет собой сложнейшую задачу. К числу основных вызовов относятся: несовершенство институциональной среды, слабая развитость транспортной логистики, перманентные конфликты в водно-энергетической сфере, недостаточный уровень развития финансового сектора, усугубляющееся социальное неравенство и другие макроэкономические риски.

Отдельно стоит остановиться на угрозах природного и техногенного характера.

Климатические и экологические риски. Скорость климатических изменений в Центральной Азии опережает среднемировые показатели, а их характер становится все менее предсказуемым. Это усугубляется резко возросшей антропогенной нагрузкой на экосистемы, на что указывает, в частности, шестикратный рост численности населения региона за последнее столетие. К последствиям изменений климата относятся учащение засух, процессы опустынивания, активизация оползней, селевых потоков и наводнений, а также увеличение частоты пыльных бурь. Эти явления провоцируют деградацию сельскохозяйственных земель, вызывают экологическую миграцию и в конечном итоге способствуют социально-экономической и политической дестабилизации [28].

Стихийные бедствия. Территория Центральной Азии исторически подвержена масштабным природным катаклизмам, наносящим значительный экономический ущерб и приводящим к человеческим жертвам. Регион характеризуется наличием практически всего спектра опасных природных явлений, включая сейсмическую активность, наводнения, оползни, сели, лавины, засухи и экстремальные температурные аномалии. Наибольшую опасность представляют землетрясения, приводящие к массовой гибели людей, разрушению инфраструктуры и triggering вторичных угроз (оползни, сели). Высокий сейсмический риск характерен для Кыргызстана, Таджикистана, восточных регионов Казахстана и южных областей Узбекистана и Туркменистана. В XX в. здесь произошло шесть катастрофических землетрясений (Кеминское в 1911 г., Ашхабадское в 1948 г., Хаитское в 1949 г., Ташкентское в 1966 г., Газлийское в 1976 г., Кайракумское в 1985 г.). Три из них полностью разрушили крупные региональные центры (Алма-Ату, Ашхабад, Ташкент), общее число жертв превысило 100 тыс. человек, а десятки тысяч остались без крова. Сохраняющаяся и усиливающаяся сейсмическая активность создает высокую вероятность повторения катастрофических событий с серьезными последствиями.

Кризис инфраструктуры. Ключевым барьером на пути устойчивого развития и обеспечения безопасности в Центральной Азии выступает системный кризис инфраструктурного комплекса. Значительная часть объектов инфраструктуры пришла в упадок в 1990-х – начале 2000-х гг. вследствие распада единого экономического пространства СССР, и процессы деградации продолжают усугубляться. Регулярные инфраструктурные коллапсы свидетельствуют о хроническом характере проблемы, что подтверждается серией масштабных аварий: нарушения в работе ТЭЦ в Бишкеке (2018, 2024 гг.), масштабное отключение электроэнергии одновременно в Казахстане, Узбекистане и Кыргызстане в январе 2022 г., продолжительные перебои в теплоснабжении в Ташкенте зимой 2023 г. Современное состояние как транспортных, так и водно-ирригационных систем не соответствует потребностям экономического роста стран региона [28]. Внутренняя транспортная связность остается недостаточной. Отставание Центральной Азии проявляется как в хроническом недофинансировании новых капиталовложений в инфраструктуру, так и в поддержании ее эксплуатационной готовности. Проблема носит комплексный характер: деградация одновременно затрагивает транспортный сектор, мелиоративные системы, сети водоснабжения и водоотведения, а также энергетику. Хронический дефицит электроэнергии стал нормой для многих районов Узбекистана, Таджикистана и Кыргызстана. В свою очередь, отсутствие гарантированного доступа к мощностям энергосистемы представляет собой одно из основных препятствий для размещения и функционирования крупных промышленных предприятий, что дополнительно тормозит экономическое развитие.

В контексте противодействия перечисленным выше угрозам развитию и безопасности нужно проанализировать, могут ли в обеспечении развития и безопасности региона участвовать Россия и Китай. Как будет показано далее, не во всех сферах их деятельное участие эффективно и вообще возможно. Однако в большинстве случаев именно Россия и Китай посредством экономических, политических и гуманитарных связей способствуют стабильности в Центральной Азии.

Укрепление институтов государственной власти, борьба с коррупцией. Несколько примеров из Новейшей истории стран Центральной Азии показывают, что Россия активно помогает найти выход из сложных политических кризисов. Так было в 1990-е гг. в ходе гражданской войны в Таджикистане и в январе 2022 г. в Казахстане, когда Россия оказала значительную поддержку, в том числе и силовую, для обеспечения стабильности. Китай в подобных ситуациях ведет себя более осторожно и, кроме того, не связан со странами региона военно-политическими обязательствами, поэтому острые фазы политических кризисов проходят без его участия. Впрочем, данные о размещении в Горно-Бадахшанской автономной области Таджикистана китайских силовиков [29] могут свидетельствовать о постепенном изменении политики Пекина в этой сфере.

Сотрудничество в области антитеррора: обмен данными, пограничный контроль, антитеррористическая защищенность объектов, подготовка антитеррористических подразделений. В этой области работает Россия, которая участвует в деятельности многосторонних механизмов противодействия терроризму в Центральной Азии – Региональной антитеррористической структуре (РАТС) ШОС, Антитеррористического центра государств – участников СНГ и уже упомянутой выше ОДКБ. Китай также активно участвует в данной деятельности посредством РАТС ШОС.

Содействие урегулированию пограничных конфликтов, делимитация и демаркация границ. Отличительной особенностью процессов урегулирования пограничных конфликтов в Центральной Азии является то, что страны региона стараются не привлекать международных посредников. Недавний конфликт между Таджикистаном и Киргизией стороны также стараются урегулировать без посредничества России или других стран, в том числе и Китая. На данный момент делимитация и демаркация границ между Таджикистаном и Киргизией завершены на 90%. Тем не менее и Россия, и Китай всегда выступают за мирное урегулирование пограничных конфликтов в Центральной Азии и в случае необходимости могут выступить как в качестве медиатора, так и гаранта выполнения договоренностей.

Поставки амуниции, вооружения, военной техники и специальных средств. Анализ поставок вооружения и военной техники в Центральную Азию с 1991 г., произведённый Стокгольмским институтом исследований проблем мира, демонстрирует, что за весь период с момента распада Советского Союза во всех странах Центральной Азии, кроме Туркменистана, Россия лидирует в сфере поставок вооружений и военной техники [30]. Безусловно, это связано с тем, что Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан являются членами ОДКБ (от 85 до 95% поставок приходится на Россию), а Узбекистан активно сотрудничает с Москвой на двустороннем уровне в вопросах безопасности. В единственном случае Турция занимает в списке импортеров вооружения первое место – в Туркменистане. За последние годы Китай значительно нарастил поставки, сейчас во всех странах Центральной Азии, кроме Казахстана, он входит в ТОП-3 поставщиков оружия и военной техники, по некоторым данным, на него приходится до 20% всех военных поставок в Центральную Азию [30].

Укрепление боеспособности, обучение и переподготовка военнослужащих и сотрудников специальных служб. В этой сфере по-прежнему лидирует

Россия. С момента распада СССР тысячи офицеров из стран Центральной Азии получили военное образование в России. Например, действующий министр обороны Таджикистана Э. Собирзода является выпускником Общевойсковой академии ВС РФ. Китай, несмотря на определенную активизацию в этом направлении в последние годы, может похвастаться только несколькими десятками выпускников китайских военных институтов из Центральной Азии.

К основным механизмам борьбы с угрозами социально-экономического характера можно отнести следующие действия:

Урегулирование межэтнических противоречий, формирование пространства межэтнического взаимодействия. Центральная Азия представляет собой многонациональный регион, поэтому вопрос урегулирования межэтнических противоречий имеет для нее важное значение. Конфликты на межэтнической почве – достаточно частое явление в Центральной Азии, однако государствам региона удавалось вовремя останавливать маховик насилия и достигать определенного уровня урегулирования противоречий. Проблема защиты прав этнических меньшинств в государствах Центральной Азии сохраняется, в то же время роль России и Китая в процессе урегулирования межэтнических противоречий весьма ограничена, так как в столь сложном и чувствительном вопросе любое грубое вмешательство во внутренние дела может только навредить процессу урегулирования конфликтов.

Содействие экономическому развитию и решению наиболее острых социальных проблем. С 2013 г. Китай наращивает торговлю, инвестиции и экономическую помощь странам Центральной Азии. Объем освоенных к 2023 г. в Центрально-Азиатских странах прямых китайских инвестиций достиг «\$40 млрд долл., из них на Казахстан приходится \$21 млрд, на Узбекистан – \$10 млрд, на Кыргызстан – \$5 млрд, на Таджикистан – \$3 млрд, на Туркменистан – \$1 млрд» [31]. С 2010 г. Китай «является крупнейшим инвестором в экономику Узбекистана, Таджикистана и Туркменистана. Китай входит в ТОП-3 крупнейших инвесторов в Кыргызстане, а также в ТОП-5 – в Казахстане. Для сравнения: объем накопленных прямых инвестиций России в страны региона, по данным ЕАБР, составляет \$22 млрд, в том числе в Казахстан – \$11 млрд, в Узбекистан – \$9 млрд, в Кыргызстан – \$1 млрд, в Таджикистан – \$0,6 млрд, а в Туркменистан – \$0,4 млрд» [31]. В Центральной Азии работают тысячи компаний, в которые вложены средства китайских инвесторов. Основные сферы инвестиций – нефтегазовый сектор, горнорудная промышленность, транспорт, логистика, финансы, строительство, энергетика и связь. По итогам саммита в Астане в 2025 г. Китай вновь продемонстрировал серьезность намерений по отношению к региону и выделил «более 200 млн долл. США на поддержку значимых проектов пяти стран по повышению благосостояния населения и содействию собственному развитию» [32]. Экономики стран Центральной Азии растут достаточно быстрыми темпами, среднегодовой прирост объема их ВВП за последнее десятилетие составил 3,6%, следует из обзора Евразийского банка развития [33]. До 2020 г. Россия оставалась для стран Центральной Азии самым крупным торговым партнером, однако в 2021 г. торговля с Китаем заняла верхнюю строчку в статистических отчетах.

Борьба с трансграничной преступностью и наркотрафиком, подготовка сотрудников полиции и антинаркотических структур. Россия и Китай активно вовлечены в борьбу с преступностью и наркотрафиком в Центральной Азии. В ноябре 2023 г. было подписано соглашение между Агентством по контролю за наркотиками при президенте Республики Таджикистан и МВД РФ о сотрудничестве и содействии агентству в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров. Аналогичное соглашение действует между Таджикистаном и Китаем.

Наконец, для борьбы с угрозами природного и техногенного характера критически важную роль играют следующие действия:

Содействие решению экологических проблем, внедрение природосберегающих технологий. Россия и Китай вместе с государствами Центральной Азии стараются решать фундаментальные экологические задачи, без которых плодотворное сотрудничество по развитию региона невозможно [34]. Стороны должны объединить усилия в этом направлении, чтобы бороться с ухудшением качества жизни, обострением конфликтов за ресурсы и массовой экологической миграцией. Тем не менее на данный момент активность России и Китая в этом направлении низкая, стороны только приступают к полноценному сотрудничеству.

Содействие развитию инфраструктуры, строительство новых и реконструкция старых инфраструктурных объектов. Здесь безусловное лидерство принадлежит Китаю. В дополнение к многочисленным проектам, реализованным в Центральной Азии (автомобильные и железные дороги, логистические центры, пограничные переходы, энергетические объекты, трубопроводы), в 2023 г. между странами региона и Китаем был подписан Меморандум о взаимопонимании по укреплению сотрудничества в области строительства инфраструктуры. Планируется расширить строительство новых дорог и модернизация старых, строительство новых электростанций, коммунальных систем, сетей телекоммуникаций. Россия также содействует модернизации и развитию инфраструктуры, тем не менее масштабы ее участия значительно меньше, чем Китая.

Оказание помощи в ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера. Россия и страны Центральной Азии координируют работу в области предупреждения и ликвидации последствий ЧС. Например, в марте 2023 г. в рамках программы помощи Россия передала Кыргызстану специальную автотехнику. Россия и Китай неоднократно оказывали гуманитарную помощь государствам региона, пострадавшим от вооруженных конфликтов и стихийных бедствий.

Как видно из представленных выше фактов, объем вызовов, стоящих перед регионом, таков, что без взаимодействия с внешними игроками с ним не справиться. Это может быть как опосредованное влияние – в случае с позитивным эффектом внешней торговли и деятельностью совместных предприятий, так и прямое участие – в случае с вмешательством в политические кризисы, беспорядки, пресечение трансграничных преступлений. В силу исторических причин, географической близости и вовлеченности в евразийские интеграционные проекты влияние России и Китая как внешних игроков для Центральной Азии наиболее велико. Само по себе оно неоднородно. Хорошо заметно, что Россия наиболее широко представлена в области противо-

действия военно-политическим угрозам, а также угрозам природного и техногенного характера: наша страна развивает сотрудничество со странами Центральной Азии в области противодействия терроризму, поставляет вооружение, военную технику и специальные средства, содействует укреплению боеспособности, проводит обучение и переподготовку военнослужащих и сотрудников специальных служб стран региона. В то же время Китай, наоборот, более активен в борьбе с угрозами социально-экономического характера, оказывает содействие экономическому развитию и решению наиболее острых социальных проблем, а также помогает развивать инфраструктуру; еще один важный приоритет для Китая – борьба с трансграничной преступностью и наркотрафиком, а также содействие развитию инфраструктуры, строительство новых и реконструкция старых инфраструктурных объектов. Впрочем, и в сфере безопасности и противодействия военно-политическим угрозам Китай становится все более важным партнером для стран Центральной Азии, в первую очередь в плане предоставления военных технологий и оборудования. Деятельность китайских силовиков в Таджикистане представляет собой яркий пример такого военного сотрудничества.

Тем не менее, плоскости, в которых Россия и Китай участвуют в обеспечении развития и безопасности Центральной Азии, дополняют друг друга. И Москва, и Пекин прежде всего заинтересованы в стабильности и благополучии Центральной Азии. Немаловажно и то, что перед лицом осложнения отношений с Западом и Россия, и Китай заинтересованы в том, чтобы ниши внешних игроков в Центральной Азии были заняты партнёрскими, а не откровенно враждебными государствами. Например, для России выгодно, что влияние Китая не ведет к смещению настроенных на конструктивное сотрудничество с Москвой политических режимов и пересмотру критически важных для нашей страны установок: на соблюдение прав русского и русскоязычного населения, сохранение позиций русского языка, традиционных морально-нравственных ценностей, исторической памяти о победе во Второй мировой войне.

В итоге можно констатировать, что в интересах двух стран не выдавливание друг друга из региона, а формирование взаимовыгодной координации на основе идей Большого евразийского партнерства. При этом координация России и Китая в регионе может быть расширена на те сферы, в которых на данный момент обе страны представлены слабо. Речь, прежде всего, о решении экологических проблем, внедрении природосберегающих технологий, мониторинге изменений климата, а также проблем социально-демографического характера.

Список источников

1. Воротынский И., Нальгин А. «Интровертная» и «экстравертная» стратегии развития // Эксперт. Специальный доклад: Центральная Азия, 30 лет. 13.12.2021. С. 9–11.
2. Махмутова Е.В. О новом политическом механизме Китая в Центральной Азии // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2023. № 28. С. 88–99.
3. Лексютина Я.В. Китай в Центральной Азии в «постпандемийный» период: к новому качеству взаимодействия // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2023. № 28. С. 77–87.
4. Борисов Д.А., Савкович Е.В., Татаренко В.И. Инициатива «Пояс и путь» в Центральной Азии: национальный эгоизм против региональной кооперации // Sciences of Europe. 2022. № 108. С. 32–37.

5. Кокошин А.А., Кокошина З.А. Об основных направлениях внешнеполитической стратегии США в Центральной Азии // Современная Европа. 2022. № 6 (113). С. 126–137.
6. Трещеников Е.Ю. Регион Центральной Азии в политике Европейского союза // Современная Европа. 2022. № 1 (108). С. 184–195.
7. Федина С.В., Холос С.Х., Якуба А.Я. Контртеррористическое взаимодействие Индии и Таджикистана. // Постсоветские исследования. 2023. № 1 (6). С. 42–55.
8. Князев А.А., Гулам Н.Я. Этнополитическая ситуация в Афганистане: внешнее воздействие и вовлечённость стран-соседей // Постсоветские исследования. 2023. № 4 (6). С. 426–436.
9. Джоробекова А.Э., Троицкий Е.Ф., Юн С.М., Тимошенко А.Г. Региональная безопасность в Центральной Азии в условиях возвращения талибов к власти: вызовы и угрозы, сценарии развития // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2023. Т. 28, № 3. С. 187–196.
10. Зинчук М.Г. Последствия для стран СНГ прихода к власти организации «Талибан» в Афганистане // Постсоветские исследования. 2022. № 1(5). С. 50–56.
11. Дмитриева Д.А. Интересы России и Китая в Центральной Азии // Россия в глобальном мире. 2021. № 20 (43). С. 20–28.
12. Эсенгул Ч., Бактыгулов Ш., Доолоткельдиева А., Иманалиева Б. Перспективы регионального сотрудничества в Центральной Азии в современных условиях // Центральная Азия и Кавказ. 2015. №3-4. С. 93–105.
13. Султанов Б. Казахстан и перспективы регионального сотрудничества в Центральной Азии // Россия и новые государства Евразии. 2021. № III (LII). С. 59–77.
14. Аземкулова А.Ш. Интеграция – важнейшее условие обеспечения безопасности стран Центральной Азии и роль политической элиты // Вестник Дипломатической академии МИД Кыргызстана им. Казы Дикамбаева. 2020. № 13. С. 19–24.
15. Аманбекова Ш. Афганский наркотрафик и проблемы региональной безопасности в Центральной Азии // Постсоветские исследования. 2019. № 3. С. 1103–1110.
16. Romanowski M. Central Asia, Russia, and China: U.S. policy at Eurasia's core. German Marshall Fund of the United States, 2017. URL: <http://www.jstor.org/stable/resrep18900> (accessed: 07.09.2025).
17. Stokes J. China's Periphery Diplomacy: Implications for Peace and Security in Asia. US Institute of Peace, 2020. URL: <http://www.jstor.org/stable/resrep24905> (accessed: 07.09.2025).
18. Ван Хао. Китайская инициатива «Один пояс – один путь» в Центральной Азии: проблемы и препятствия реализации // Общество: политика, экономика, право. 2022. № 2. С. 23–28.
19. Лю Цзяминь. Казахстан и Кыргызстан в проекте «Один пояс и один путь»: основные направления сотрудничества, проблемы и перспективы // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. № 3. С. 114–124.
20. Закон Туркменистана от 4 мая 2013 года № 388-IV «О национальной безопасности Туркменистана» // Официальный сайт Меджлиса (Парламента) Туркменистана. URL: <https://mejlis.gov.tm/single-law/187?lang=ru> (дата обращения: 07.09.2025).
21. Закон «О национальной безопасности Республики Казахстан» от 6 января 2012 года № 527-IV // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. URL: https://www.akorda.kz/ru/security_council/national_security/zakon-respubliki-kazahstan-o-nacionalnoy-bezopasnosti-respubliki-kazahstan (дата обращения: 07.09.2025).
22. Закон Республики Таджикистан «О безопасности» № 1137 от 27.11.2014 г. // Национальный центр законодательства при Президенте Республики Таджикистан. URL: <https://ncz.tj/content/закон-республики-таджикистан-о-безопасности> (дата обращения: 07.09.2025).
23. Концепция национальной безопасности Республики Узбекистан (утверждена законом № 467-I от 29 августа 1997 г.) // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. URL: <https://lex.uz/ru/docs/118285> (дата обращения: 07.09.2025).
24. Концепция национальной безопасности Кыргызской Республики (утверждена Указом Президента Кыргызской Республики от 20 декабря 2021 года № 570) // Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/430815/edition/1118046/ru> (дата обращения: 07.09.2025).
25. Данков А.Г., Позорельская А.М., Троицкий Е.Ф., Юн С.М., Ядыкин Д.М. Аналитический доклад. Россия – Центральная Азия: тенденции и перспективы взаимодействия, 2022–2024 гг. URL: https://eurasian-studies.tsu.ru/analitika/publikacii/rossiya-central-naia-aziia-tendencii-i-perspektivy-vzaimodeistviia-2022-2024-gg/download/1275/file_ru (дата обращения: 07.09.2025).
26. Ормоналиев К.О. Современные киргизско-таджикские погранично-территориальные проблемы // Бюллетень науки и практики. 2022. № 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyye-kirgizsko-tadzhikskie-pogranichno-territorialnye-problemy> (дата обращения: 07.09.2025).

27. Kulintsev Yu.V., Mukambaev A.A., Rakhimov K.K., Zuenko I.Yu. Sinophobia in the Post-Soviet Space // *Russia in Global Affairs*. 2020. Vol. 18, № 3 (71). P. 128–151.
28. Данков А.Г. Россия и Центральная Азия: общие вызовы и точки роста // Клуб «Валдай». URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/rossiya-i-tsentralnaya-aziya-obshchie-vyzovy/> (дата обращения: 07.09.2025).
29. Додихудов А. Свято место пусто не бывает, или как Пекин становится ближе для Таджикистана // Российский совет по международным делам. URL: russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/sandbox/svyato-mesto-pusto-ne-byvaet-ili-kak-pek-in-stanovitsya-blizhe-dlya-tadzhikistana/ (дата обращения: 07.09.2025).
30. Жолдас А. Импорт вооружений в Центральной Азии: тренды и направления для диверсификации // Central Asian Bureau for Analytical Reporting. URL: <https://cabar.asia/ru/import-vooruzhenij-v-tsentralnoj-azii-trendy-i-napravleniya-dlya-diversifikatsii?pdf=48089> (дата обращения: 07.09.2025).
31. Данков А.Г. Отношения Китая и стран Центральной Азии: особенности нового этапа сотрудничества (2022–2023 гг.) // Центр евразийских исследований Томского государственного университета. URL: <https://eurasian-studies.tsu.ru/analitika/publikacii/artem-dankov-otnosheniia-kitaia-i-stran-tcentral-noi-azii-osobennosti-novogo-etapa-sotrudnichestva-2022-2023-gg/> (дата обращения: 07.09.2025).
32. Отчет – Второй саммит «Китай – Центральная Азия». URL: <https://www.newscentral-asia.net/2025/06/18/otchet-vtoroy-sammit-kitay-tsentralnaya-aziya/>.
33. Экономика Центральной Азии: новый взгляд // Доклад Евразийского банка развития. URL: eabr.org/upload/iblock/d0b/EDB_2022_Report-3_The-Economy-of-CA_rus.pdf (дата обращения: 07.09.2025).
34. Ниязи А. Россия – Центральная Азия в экологических измерениях // Россия и мусульманский мир. 2017. № 7 (301). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiya-tsentralnaya-aziya-v-ekologicheskikh-izmereniyah> (дата обращения: 07.09.2025).

References

1. Vorotynskiy, I. & Nalgin, A. (2021) “Introvertnaya” i “ekstravertnaya” strategii razvitiya [“Introverted” and “Extroverted” Development Strategies]. *Ekspert. Spetsial'nyy doklad: Tsentral'naya Aziya*, 30 let. 13th December. pp. 9–11.
2. Makhmutova, E.V. (2023) O novom politicheskom mekhanizme Kitaya v Tsentral'noy Azii [On China's New Political Mechanism in Central Asia]. *Kitay v mirovoy i regional'noy politike. Istoriya i sovremennost'*. 28. pp. 88–99.
3. Leksyutina, Ya.V. (2023) Kitay v Tsentral'noy Azii v “postpandemiynny” period: k novomu kachestvu vzaimodeystviya [China in Central Asia in the “Post-Pandemic” Period: Towards a New Quality of Interaction]. *Kitay v mirovoy i regional'noy politike. Istoriya i sovremennost'*. 28. pp. 77–87.
4. Borisov, D.A., Savkovich, E.V. & Tatarenko, V.I. (2022) Initsiativa “Poyas i put” v Tsentral'noy Azii: natsional'nyy egoizm protiv regional'noy kooperatsii [The Belt and Road Initiative in Central Asia: National Egoism vs. Regional Cooperation]. *Sciences of Europe*. 108. pp. 32–37.
5. Kokoshin, A.A. & Kokoshina, Z.A. (2022) Ob osnovnykh napravleniyakh vneshnepoliticheskoy strategii SSHA v Tsentral'noy Azii [On the Main Directions of US Foreign Policy Strategy in Central Asia]. *Sovremennaya Evropa*. 6(113). pp. 126–137.
6. Treshchenkov, E.Yu. (2022) Region Tsentral'noy Azii v politike Evropeyskogo soyuza [The Central Asian Region in the Policy of the European Union]. *Sovremennaya Evropa*. 1(108). pp. 184–195.
7. Fedina, S.V., Kholov, S.Kh. & Yakuba, A.Ya. (2023) Kontrterroristicheskoe vzaimodeystvie Indii i Tadzhikistana [Counter-Terrorism Cooperation between India and Tajikistan]. *Postsoverskie issledovaniya*. 6(1). pp. 42–55.
8. Knyazev, A.A. & Gulam, N.Ya. (2023) Etnopoliticheskaya situatsiya v Afganistane: vneshnee vozdeystvie i вовлеченность стран-соседей [The Ethnopolitical Situation in Afghanistan: External Influence and Involvement of Neighboring Countries]. *Postsoverskie issledovaniya*. 6(4). pp. 426–436.
9. Dzhorobekova, A.E., Troitskiy, E.F., Yun, S.M. & Timoshenko, A.G. (2023) Regional'naya bezopasnost' v Tsentral'noy Azii v usloviyakh vozvrashcheniya talibov k vlasti: vyzovy i ugrozy, stsenarii razvitiya [Regional Security in Central Asia under the Taliban's Return to Power: Challenges, Threats, and Development Scenarios]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 28(3). pp. 187–196.
10. Zinchuk, M.G. (2022) Posledstviya dlya stran SNG prikhoda k vlasti organizatsii “Taliban” v Afganistane [Consequences of the Taliban's Rise to Power in Afghanistan for the CIS Countries]. *Postsoverskie issledovaniya*. 5(1). pp. 50–56.

11. Dmitrieva, D.A. (2021) Interesy Rossii i Kitaya v Tsentral'noy Azii [Interests of Russia and China in Central Asia]. *Rossiya v global'nom mire*. 20(43). pp. 20–28.
12. Esengul, Ch., Baktygulov, Sh., Doolotkeldieva, A. & Imanalieva, B. (2015) Perspektivy regional'nogo sotrudnichestva v Tsentral'noy Azii v sovremennykh usloviyakh [Prospects for Regional Cooperation in Central Asia under Modern Conditions]. *Tsentral'naya Aziya i Kavkaz*. 3-4. pp. 93–105.
13. Sultanov, B. (2021) Kazakhstan i perspektivy regional'nogo sotrudnichestva v Tsentral'noy Azii [Kazakhstan and the Prospects of Regional Cooperation in Central Asia]. *Rossiya i novye gosudarstva Evrazii*. III(LII). pp. 59–77.
14. Azemkulova, A.Sh. (2020) Integratsiya – vazhneyshee uslovie obespecheniya bezopasnosti stran Tsentral'noy Azii i rol' politicheskoy elity [Integration as a Crucial Condition for Ensuring the Security of Central Asian Countries and the Role of the Political Elite]. *Vestnik Diplomaticheskoy akademii MID Kyrgyzstana im. Kazy Dikambaeva*. 13. pp. 19–24.
15. Amanbekova, Sh. (2019) Afganskiy narkotrafik i problemy regional'noy bezopasnosti v Tsentral'noy Azii [Afghan Drug Trafficking and Problems of Regional Security in Central Asia]. *Postsovetskie issledovaniya*. 3. pp. 1103–1110.
16. Romanowski, M. (2017) *Central Asia, Russia, and China: U.S. Policy at Eurasia's Core*. German Marshall Fund of the United States. [Online] Available from: <http://www.jstor.org/stable/resrep18900> (Accessed: 7th September 2025).
17. Stokes, J. (2020) *China's Periphery Diplomacy: Implications for Peace and Security in Asia*. US Institute of Peace. [Online] Available from: <http://www.jstor.org/stable/resrep24905> (Accessed: 7th September 2025).
18. Wang Hao. (2022) Kitayskaya initsiativa “Odin poyas – odin put’” v Tsentral'noy Azii: problemy i prepyatstviya realizatsii [Chinese Initiative “One Belt – One Road” in Central Asia: Problems and Obstacles of Implementation]. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo*. 2. pp. 23–28.
19. Liu Jiamin. (2022) Kazakhstan i Kyrgyzstan v proekte “Odin poyas i odin put’”: osnovnye napravleniya sotrudnichestva, problemy i perspektivy [Kazakhstan and Kyrgyzstan in the “One Belt and One Road” Project: Main Directions of Cooperation, Problems and Prospects]. *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 3. pp. 114–124.
20. The Mejlis (Parliament) of Turkmenistan. (2013) *Zakon Turkmenistana ot 4 maya 2013 goda № 388-IV “O natsional'noy bezopasnosti Turkmenistana”* [Law of Turkmenistan No. 388-IV of May 4, 2013 “On National Security of Turkmenistan”]. [Online] Available from: <https://mejlis.gov.tm/single-law/187?lang=ru> (Accessed: 7th September 2025).
21. The President of the Republic of Kazakhstan. (2012) *Zakon “O natsional'noy bezopasnosti Respubliki Kazakhstan” ot 6 yanvarya 2012 goda № 527-IV* [Law of the Republic of Kazakhstan No. 527-IV of January 6, 2012 “On National Security of the Republic of Kazakhstan”]. [Online] Available from: https://www.akorda.kz/ru/security_council/national_security/zakon-respubliki-kazakhstan-o-natsionalnoy-bezopasnosti-respubliki-kazakhstan (Accessed: 7th September 2025).
22. National Center for Legislation under the President of the Republic of Tajikistan. (2014) *Zakon Respubliki Tadjikistan “O bezopasnosti” № 1137 ot 27.11.2014 g.* [Law of the Republic of Tajikistan No. 1137 of November 27, 2014 “On Security”]. [Online] Available from: <https://mcz.tj/content/закон-республики-таджикистан-о-безопасности> (Accessed: 7th September 2025).
23. National Database of Legislation of the Republic of Uzbekistan. (1997) *Kontseptsiya natsional'noy bezopasnosti Respubliki Uzbekistan (utverzhdena zakonom № 467-I ot 29 avgusta 1997 g.)* [Concept of National Security of the Republic of Uzbekistan (approved by Law No. 467-I of August 29, 1997)]. [Online] Available from: <https://lex.uz/ru/docs/118285> (Accessed: 7th September 2025).
24. Centralized Bank of Legal Information of the Kyrgyz Republic. (2021) *Kontseptsiya natsional'noy bezopasnosti Kyrgyzskoy Respubliki (utverzhdena Ukazom Prezidenta Kyrgyzskoy Respubliki ot 20 dekabrya 2021 goda № 570)* [Concept of National Security of the Kyrgyz Republic (approved by Decree of the President of the Kyrgyz Republic No. 570 of December 20, 2021)]. [Online] Available from: <https://cbd.minjust.gov.kg/430815/edition/1118046/ru> (Accessed: 7th September 2025).
25. Dankov, A.G., Pogorelskaya, A.M., Troitskiy, E.F., Yun, S.M. & Yadykin, D.M. (2022) *Analiticheskii doklad. Rossiya – Tsentral'naya Aziya: tendentsii i perspektivy vzaimodeystviya, 2022–2024 gg.* [Analytical Report. Russia – Central Asia: Trends and Prospects for Interaction, 2022–2024]. [Online] Available from: https://eurasian-studies.tsu.ru/analitika/publikatsii/rossiya-tcentral-naia-aziia-tendentcii-i-perspektivy-vzaimodeistviia-2022-2024-gg/download/1275/file_ru (Accessed: 7th September 2025).

26. Ormonaliev, K.O. (2022) Sovremennye kirgizsko-tadzhikskie pogranichno-territorial'nye problemy [Modern Kyrgyz-Tajik Border-Territorial Problems]. *Byulleten' nauki i praktiki*. 9. pp. 664–670.
27. Kulintsev, Yu.V., Mukambaev, A.A., Rakhimov, K.K. & Zuenko, I.Yu. (2020) Sinophobia in the Post-Soviet Space. *Russia in Global Affairs*. 18(3(71)). pp. 128–151.
28. Dankov, A.G. (2023) Rossiya i Tsentral'naya Aziya: obshchie vyzovy i tochki rosta [Russia and Central Asia: Common Challenges and Growth Points]. [Online] Available from: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/rossiya-i-tsentralnaya-aziya-obshchie-vyzovy/> (Accessed: 7th September 2025).
29. Dodikhudo, A. (n.d.) *Svyato mesto pusto ne byvaet, ili kak Pekin stanovitsya blizhe dlya Tadzhikistana* [A Holy Place is Never Empty, or How Beijing is Getting Closer to Tajikistan]. [Online] Available from: russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/sandbox/svyato-mesto-pusto-ne-byvaet-ili-kak-pekinn-stanovitsya-blizhe-dlya-tadzhikistana/ (Accessed: 7th September 2025).
30. Zholdas, A. (n.d.) *Import vooruzheniy v Tsentral'noy Azii: trendy i napravleniya dlya diversifikatsii* [Arms Imports in Central Asia: Trends and Directions for Diversification]. [Online] Available from: <https://cabar.asia/ru/import-vooruzhenij-v-tsentralnoj-azii-trendy-i-napravleniya-dlya-diversifikatsii?pdf=48089> (Accessed: 7th September 2025).
31. Dankov, A.G. (n.d.) *Otnosheniya Kitaya i stran Tsentral'noy Azii: osobennosti novogo etapa sotrudnichestva (2022–2023 gg.)* [Relations between China and Central Asian Countries: Features of a New Stage of Cooperation (2022–2023)]. [Online] Available from: <https://eurasian-studies.tsu.ru/analitika/publikatsii/artem-dankov-otnosheniya-kitaya-i-stran-tsentral-noi-azii-osobennosti-novogo-etapa-sotrudnichestva-2022-2023-gg/> (Accessed: 7th September 2025).
32. *NewsCentralAsia*. (2025) Otchet – Vtoroy sammit “Kitay – Tsentral'naya Aziya” [Report – The Second “China – Central Asia” Summit]. 18th June. [Online] Available from: <https://www.newscentralasia.net/2025/06/18/otchet-vtoroy-sammit-kitay-tsentralnaya-aziya/> (Accessed: 7th September 2025).
33. Report of the Eurasian Development Bank. (2022) *Ekonomika Tsentral'noy Azii: novyy vzglyad* [Economy of Central Asia: A New Look]. [Online] Available from: eabr.org/upload/iblock/d0b/EDB_2022_Report-3_The-Economy-of-CA_rus.pdf (Accessed: 7th September 2025).
34. Niyazi, A. (2017) Rossiya – Tsentral'naya Aziya v ekologicheskikh izmereniyakh [Russia – Central Asia in Environmental Dimensions]. *Rossiya i musul'manskiy mir*. 7(301). pp. 20–25.

Сведения об авторах:

Данков А.Г. – кандидат исторических наук, доцент кафедры мировой политики Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: artem.dankov.83@mail.ru

Зуенко И.Ю. – кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России (Москва, Россия). E-mail: ivanzuwei@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Dankov A.G. – Cand. Sci. (History), associate professor at the Department of Global Politics, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: artem.dankov.83@mail.ru

Zuenko I.Yu. – Cand. Sci. (History), associate professor at the Department of Oriental Studies, MGIMO University (Moscow, Russian Federation). E-mail: ivanzuwei@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 23.10.2025;
одобрена после рецензирования 23.11.2025; принята к публикации 09.12.2025
The article was submitted 23.10.2025;
approved after reviewing 23.11.2025; accepted for publication 09.12.2025

Научная статья
УДК [324+329](430-43)
doi: 10.17223/1998863X/88/18

ПАРТИЙНЫЕ СИСТЕМЫ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ЗЕМЕЛЬ ВОСТОЧНОЙ ГЕРМАНИИ: МАСШТАБЫ ПЕРЕМЕН В НОВОМ ТЫСЯЧЕЛЕТИИ

Виталий Михайлович Коробейников¹,
Сергей Александрович Шпагин²

¹ *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург, Россия, korobeynikov.vm@mail.ru*

² *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия, shpagin1972@mail.ru*

Аннотация. Рассматриваются вопросы типологии и динамики региональных партийных систем в восточногерманских федеральных землях Саксония, Бранденбург и Тюрингия. На основе анализа электоральной статистики показано, что, несмотря на рост волатильности и обновление качественного состава в 2004–2024 гг., все эти регионы остались в рамках умеренной многопартийности.

Ключевые слова: выборы, волатильность, Германия, партийная система, партийная модель

Для цитирования: Шпагин С.А., Коробейников В.М. Партийные системы федеральных земель Восточной Германии: масштабы перемен в новом тысячелетии // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 88. С. 208–216. doi: 10.17223/1998863X/88/18

Original article

PARTY SYSTEMS IN EAST GERMANY'S FEDERAL STATES: THE SCALE OF CHANGE IN THE NEW MILLENNIUM

Vitaly M. Korobeynikov¹, Sergey A. Shpagin²

¹ *National Research University Higher School of Economics,
Sankt-Peterburg, Russian Federation, korobeynikov.vm@mail.ru* ² *National Research Tomsk
State University, Tomsk, Russian Federation, shpagin1972@mail.ru*

Abstract. This article examines the typology and dynamics of regional party systems in the eastern German states of Saxony, Brandenburg, and Thuringia, where the last state elections were held in 2024. The results raise questions about the stability of Germany's national party system and the question of the stability of the state party systems. A. Siaroff's concept of party systems and party models serves as the theoretical basis for this study. The general volatility index developed by E. Powell and J. Tucker is used to assess the stability of party systems in the states. The empirical basis for the study is data on the results of state elections in Saxony, Brandenburg, and Thuringia from 2004 to 2024, and the party-faction composition of the corresponding state parliaments from the databases of regional governments (State Statistical Office of the Free State of Saxony, Brandenburg State Electoral Commissioner, Statistical Office of Thuringia). An analysis of electoral statistics reveals differences in the trajectories of political development in the regions studied and turbulence in their party systems. For example, in Saxony, a sharp spike in volatility was observed in the late 2010s, after which this indicator significantly declined. At the same

time, the dominance of the CDU in the multiparty system gave way to a leadership model of the CDU and AfD. The increase in volatility in Brandenburg was more evenly distributed. However, the 2024 elections there resulted in a shift from a three-party balance to the leadership of the SPD and AfD in the multiparty system. In Thuringia, party models changed during each electoral cycle, and in 2024, the non-systemic AfD took first place. However, it was concluded that despite the increase in volatility and repeated changes in the party and faction composition of the state parliaments between 2004 and 2024, all these regions remained within the framework of moderate multiparty systems.

Keywords: elections, volatility, Germany, party system, federal states

For citation: Korobeynikov, V.M. & Shpagin, S.A. (2025) Party systems in East Germany's federal states: The scale of change in the new millennium. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 88. pp. 208–216. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/88/18

Политические партии играют настолько значимую роль в политической системе современной Германии, что её нередко называют «партийной демократией» или «партийным государством» [1]. Действительно, Германия – одна из немногих стран, где роль и место партий в политике закреплены в конституции, что придает им особое значение. Этому же способствует и парламентская модель разделения властей, которая ставит правительство страны в прямую зависимость от расстановки партийно-политических сил в бундестаге. По итогам выборов парламентские партии Германии получают государственное финансирование, которое является для них основным источником средств [2]. Наконец, исследования последних лет показывают, что именно партии служат главными каналами рекрутирования германской политической элиты [3].

Основу партийной системы ФРГ с середины XX в. составляют так называемые народные партии – левоцентристская СДПГ и правоцентристский блок ХДС/ХСС. Поскольку ни одна из них почти никогда не добивалась абсолютного большинства голосов на общегерманских выборах, для формирования правительства «народным» партиям обычно приходилось вступать в коалиции с одной из малых партий или друг с другом. В роли младшего партнера по коалиции во второй половине XX в. обычно выступала либеральная СвДП, затем в союзе с СДПГ – «Зелёные». После объединения Германии роль выразительницы интересов населения новых федеральных земель отчасти взяла на себя посткоммунистическая ПДС, позже объединившаяся с частью бывших членов СДПГ в Левую партию. Появление в партийной системе левого сегмента с устойчивой электоральной базой на востоке страны привело к своеобразному «регионалистскому расколу» [1. С. 71]. Поскольку на западе Германии левые долго были на периферии, сложились различия между политическими симпатиями жителей западных и восточных федеральных земель. Исследователи отмечают также, что представительство восточных немцев в составе федеральных и земельных элит объединенной Германии остается ниже их доли в населении страны [4. С. 99].

Сильное влияние на партийную систему оказывает германский федерализм. Выборы в ландтаги федеральных земель рассматриваются как более значимые, чем выборы в Европарламент и едва уступающие по своей важности выборам в бундестаг [5. С. 86]. Успехи и неудачи немецких партий на земельных выборах могут служить ценными индикаторами общественных

настроений и популярности партий в соответствующих регионах. В этой связи особый интерес вызвали прошедшие в сентябре 2024 г. выборы в ландтаги ряда восточных федеральных земель Германии. Предельно острые по своему эмоциональному и идеологическому накалу, эти выборы далеко вышли по своей повестке за традиционные рамки коммунальных, местно-правовых и экологических вопросов¹. Фактически они стали прологом общегерманских выборов февраля 2025 г., которые привели к смене власти в стране. Значительный рост электоральной популярности радикальных популистских партий – правой «Альтернативы для Германии» (АдГ) и левого «Союза Сары Вагенкнехт» (ССВ) – на выборах в ландтаги Саксонии, Бранденбурга и Тюрингии поставил под вопрос стабильность не только партийных систем этих регионов, но и стабильность всей федеральной партийной системы.

В отечественной политологии вопросы развития немецких партий и эволюции партийного ландшафта Германии представлены достаточно широко. Общей трансформации немецкой партийной системы посвящены работы Ф.А. Басова, Е.П. Тимошенковой, В.Б. Белова [2, 5, 6]. Изучением ведущих политических партий Германии плодотворно занимаются В.И. Васильев, Б.В. Петелин, М.В. Хорольская [7–10]. Малым партиям Германии посвятили свои работы Н.А. Власов, Б.А. Ночвина, С.В. Погорельская [11–13]. Особое внимание германистов привлекают в последнее время успехи АдГ [14–17]. Исследования земельных выборов и региональных аспектов партийной системы Германии в целом проводят А.Д. Лисенкова, А.Ю. Саломатин, А.С. Корякина, Е.Н. Спасский [18–21]. Вместе с тем анализу партийных систем в федеральных землях Германии пока уделяется очень мало места. Хотя исследователи и констатируют, что «партийные системы и электоральные предпочтения отличаются в каждой конкретной земле от других земель и даже внутри каждой земли» [2. С. 34], литературы о региональных партийных системах совсем немного. Данная статья призвана отчасти исправить этот пробел. Для этого мы попытаемся определить типы партийной системы в Саксонии, Бранденбурге и Тюрингии и оценить масштабы их изменений в 2020-х гг.

В качестве теоретической основы исследования используется концепция партийных систем и партийных моделей А. Сиароффа. Он определяет партийную систему как совокупность политических партий, модель отношений между которыми сохраняется в течение трех последовательных выборов при условии, что между первыми выборами, на которых была создана партийная система, и последними по срокам выборами прошло не менее 10 лет. Под моделью А. Сиарофф понимает распределение мест между политическими партиями по итогам отдельно взятых выборов. Критериями различия моделей и систем он считает следующие показатели: 1) количество партий, имеющих не менее 2% мест в парламенте; 2) суммарная доля мест первых двух партий (двухпартийная концентрация); 3) соотношение мест между первой и второй партиями; 4) соотношение мест между второй и третьей партиями [22. Р. 74].

Сочетание этих критериев позволяет А. Сиароффу выделить пять типов партийных систем: 1) *однопартийные* (более 2% мест только у одной партии); 2) *двухпартийные* (более 2% мест у двух партий, а двухпартийная кон-

---

¹ Беляева В. Германия после восточных выборов // Международная жизнь. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/47933>

центрация превышает 96%); 3) *двух-с-половиной-партийные* (порог в 2% преодолевают от двух до шести партий, диапазон двухпартийной концентрации составляет от 80 до 96%, соотношение мест между второй и третьей партиями больше, чем между первой и второй); 4) *умеренно многопартийные* (от трех до шести политических партий получают более 2% мест, двухпартийная концентрация – от 55 до 80% мест, разница мест между двумя лидирующими партиями и остальными не выражена ярко); 5) *крайне многопартийные* (количество партий, набравших 2% мест, больше шести, двухпартийная концентрация ниже 55%) [22. Р. 75].

Поскольку распределение мест внутри партийной системы может быть неравномерным, Сиарофф выделяет ряд подтипов. В двухпартийной системе это подтип однопартийного супербольшинства, где на одну партию приходится 70% и более мест, в двух-с-половиной-партийной – подтип однопартийного большинства. В многопартийных системах таких подтипов выделяется уже четыре: 1) преобладание одной партии, набравшей свыше 50% мест; 2) доминирование партии с количеством мест от 40 до 50%; 3) две основные партии, концентрирующие от 65 до 85% мест; 4) баланс трех или более основных партий, причем размер самой крупной фракции не более чем в два раза превышает размер последней из них [22. Р. 76]. Таким образом, доля мест ведущей партии фактически используется в данной методике как пятый критерий. Анализируя федеральную партийную систему ФРГ, Сиарофф приходит к выводу о том, что в 1953–2002 гг. она относилась к двух-с-половиной-партийному типу, а в 2005–2017 гг. перешла к умеренной многопартийности [22. Р. 270].

Для количественной оценки уровня политической стабильности партийных систем изучаемых регионов применяется индекс общей волатильности, рассчитанный по формуле Э. Пауэлл и Дж. Такера:

$$V_t = \frac{\sum_{i=1}^n |\Delta p_i|}{2} + \frac{\sum_{o=1}^n P_{o,t} + \sum_{w=1}^n P_{w,t+1}}{2},$$

где Δp_i – изменение доли голосов каждой партии i , принимавших участие в двух выборах подряд; $p_{o,t}$ – доля голосов, поданных на предыдущих выборах t за каждую партию o , не принимающую участия в нынешних выборах $t+1$; $p_{w,t+1}$ – доля голосов за каждую партию w , участвующую в текущих выборах $t+1$, но не выдвигавшую своих кандидатов на прошлых выборах t [23. Р. 126–127]. По аналогии с исследованиями российских регионов, партийные системы федеральных земель, где значение индекса электоральной волатильности составляет меньше 10%, можно считать высокостабильными, при значении от 10 до 20% – относительно стабильными, от 20 до 30% – относительно нестабильными, а при значении от 30% партийные системы считаются нестабильными [24. С. 42].

Эмпирическую основу исследования составили данные о результатах земельных выборов в Саксонии, Бранденбурге и Тюрингии в 2004–2024 гг. и партийно-фракционном составе соответствующих ландтагов из баз данных региональных правительств (Государственного статистического управления Свободного государства Саксония¹, Бранденбургского государственного из-

¹ Wahlergebnisse / Sächsische Staatskanzlei. URL: <https://wahlen.sachsen.de/landtagswahl-2024-wahlergebnisse.php> (accessed: 14.02.2025).

бирательного комиссара¹, а также Статистического управления земли Тюрингия²). В общей сложности за указанный период в этих регионах состоялось пять земельных выборов. Расчет показателей общей волатильности по федеральным землям на основе этих данных позволяет обобщить их в виде табл. 1.

Таблица 1. Уровень общей волатильности на выборах в ландтаги по федеральным землям

Год проведения выборов	Саксония	Бранденбург	Тюрингия
2004	19,25	15,3	15,65
2009	9,25	11,95	15,15
2014	12,02	18,35	15,35
2019	26,2	23,1	22,05
2024	19,25	25,69	30,6

Можно заметить, что характер волатильности во всех трех регионах несколько отличался. Относительно благополучная Саксония пережила сильный шок в связи с миграционным кризисом середины 2010-х гг. Он привел к существенному снижению поддержки Левой партии, ХДС и СДПГ, зато АдГ пережила своеобразный бум: уровень голосования за неё вырос в три раза. Эти тенденции сохранили свое значение и в следующем электоральном цикле, однако уже не были столь резко выраженными, за исключением дальнейшего падения показателей Левой. В результате в Саксонии произошла частичная стабилизация партийной системы, которая в 2024 г. вернулась из относительно нестабильного состояния в относительно стабильное.

В традиционно левом Бранденбурге, где устойчиво лидирует СДПГ, а правительство возглавляют только выходцы из Восточной Германии, скачок уровня волатильности начался раньше, чем в Саксонии. Здесь миграционная проблема ощущалась острее, так как в силу расположенности рядом с Берлином Бранденбург находится в непосредственной близости от миграционных маршрутов³. Поэтапное падение популярности Левой партии, подъем уровня поддержки «зелёных» в 2009–2019 гг., быстрое возвышение АдГ и появление ССВ обозначили существенное снижение политической стабильности в этом регионе. Причем в отличие от Саксонии уровень волатильности здесь продолжает расти.

Похожие тенденции с некоторым запозданием проявили себя и в Тюрингии. Если до 2014 г. уровень волатильности здесь был относительно невысок и почти не менялся, то позднее рост АдГ, падение голосования за СДПГ и выделение ССВ из Левой партии обусловили высокий уровень политической нестабильности. Повышенная неустойчивость партийной системы Тюрингии выразилась еще и в том, что в 2019 г. роль ведущей партии перешла от ХДС к Левой, а в 2024 г. – к АдГ.

¹ Landtagswahl / Landesportal Brandenburg. URL: https://wahlergebnisse.brandenburg.de/12/500/20240922/landtagswahl_land/ergebnisse.html (accessed: 14.02.2025).

² Landtagswahl / Wahlen im Freistaat Thüringen. URL: <https://wahlen.thueringen.de/datenbank/wahl11/wahl.asp?wahlart=LW&WJahr=2024&zeigeErg=Land> (accessed: 14.02.2025).

³ Белов В. Итоги голосования в Бранденбурге и перспективы общегерманских выборов в бундестаг // РСМД. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/europeanpolicy/itogi-golosovaniya-v-brandenburg-i-perspektivy-obshchegermanskikh-vyborov-v-bundestag/?sphrase_id=167191734 (дата обращения: 28.03.2025).

Привела ли такая турбулентность в электоральной политике каждой из федеральных земель к смене в них типа партийной системы? Для ответа на этот вопрос необходимо сопоставить результаты земельных выборов с приведенными ранее критериями партийных систем. Результат такого сопоставления на основе наших расчетов приведен в табл. 2.

Таблица 2. Характеристики партийных систем в Саксонии, Бранденбурге и Тюрингии

Федеральная земля	Критерий партийной системы	2004	2009	2014	2019	2024
Саксония	Партий, набравших >2% мест	6	6	5	5	6
	Двухпартийная концентрация	69,3	65,9	68,2	69,7	67,5
	Разность мест 1-й и 2-й партий	19,3	21,9	25,4	5,9	0,9
	Разность мест 2-й и 3-й партий	14,5	11,4	7,1	20,1	20,8
	Доля мест ведущей партии	44,3	43,9	46,8	37,8	34,2
Бранденбург	Партий, набравших >2% мест	4	4	6	6	4
	Двухпартийная концентрация	71,4	64,7	58,0	54,5	70,5
	Разность мест 1-й и 2-й партий	5,6	5,7	10,2	2,3	2,3
	Разность мест 2-й и 3-й партий	10,2	7,9	4,6	9,1	18,2
	Доля мест ведущей партии	38,5	35,2	34,1	28,4	36,4
Тюрингия	Партий, набравших >2% мест	3	5	5	6	5
	Двухпартийная концентрация	82,9	64,8	68,2	56,6	62,6
	Разность мест 1-й и 2-й партий	19,3	3,4	6,6	7,8	10,2
	Разность мест 2-й и 3-й партий	14,8	10,2	17,6	1,1	9,1
	Доля мест ведущей партии	51,1	34,1	37,4	32,2	36,4

Как несложно заметить, во всех случаях критерию наличия 2% мест в ландтаге удовлетворяет от 3 до 6 партий, что указывает либо на двух-с-половиной-партийную, либо на умеренно многопартийную систему. В 13 случаях из 15 двухпартийная концентрация не выходит за рамки 55–80% мест, что соответствует умеренной многопартийности. Таким образом, в Саксонии в 2004–2014 гг. сложилась умеренно многопартийная система с доминированием ХДС, которая с 2019 г. сменилось подтипом с двумя основными партиями (ХДС и АдГ). В Бранденбурге в 2019 г. уровень двухпартийной концентрации был чуть ниже 55%, но этот показатель уравнивается как общим числом партий с 2% мест, так и заметным отрывом двух ведущих партий от всех остальных. В остальном партийная система и этой федеральной земли вполне соответствует умеренно многопартийной модели. Однако её подтип в 2024 г. изменился: если до этого в ней был баланс трех ведущих партий (в 2004–2014 гг. это были СДПГ, Левая и ХДС, в 2019 г. – СДПГ, АдГ и ХДС), то после остались две основные партии – СДПГ и АдГ.

Траектория развития партийной системы в Тюрингии выглядит более сложной. После выборов 2004 г. суммарная доля мест ХДС и ПДС составила почти 83%, что соответствует двух-с-половиной-партийной модели. Однако отрыв ХДС от ПДС был заметно больше, чем дистанция между ПДС и СДПГ, что ближе к умеренно многопартийной модели. Наконец, абсолютное большинство мест ХДС (51,1%) вписывается в подтипы как той, так и другой партийной системы. С 2009 г. здесь устоялась умеренно многопартийная система, однако подтипы её постоянно менялись. Первоначально наблюдался баланс трех ведущих партий (ХДС, Левая и СДПГ), в 2014 г. из него выпала СДПГ, в 2019 г. модель трехпартийного баланса восстановилась в новом составе (Левая, АдГ, ХДС), но в 2024 г. основных партий снова осталось две – АдГ и ХДС.

Таким образом, анализ количественных параметров ландтагов восточно-германских федеральных земель в 2004–2024 гг. не подтверждает предположение о смене в них типа партийной системы по результатам земельных выборов 2024 г. Во всех трех регионах сохранились умеренно многопартийные системы, существовавшие в них ранее и соответствующие общенациональной партийной системе. А в Саксонии не только сохранилась прежняя партийная модель, но произошло снижение уровня волатильности. Вместе с тем рост общей волатильности в Бранденбурге и Тюрингии, а также смена в них партийных моделей по итогам выборов 2024 г. свидетельствуют о том, что устойчивость этих региональных политий подвергается в настоящее время серьезным испытаниям. Особенно заметна эта турбулентность в Тюрингии, где партийные модели меняются в ходе каждого электорального цикла, а в 2024 г. внесистемная АдГ вышла на первое место. Впрочем, идеологическая дистанция между СДПГ и АдГ, как ведущими партиями в Бранденбурге, свидетельствует о нарастании политической поляризации и в этом регионе.

Список источников

1. *Decker F.* Parteien und Parteiensystem in der Bundesrepublik Deutschland. Stuttgart : Verlag W. Kohlhammer, 2011. 131 S.
2. *Басов Ф.А.* Трансформация партийной системы Германии // *Мировая экономика и международные отношения*. 2021. Т. 65, № 2. С. 29–36.
3. *Хорольская М.В.* Особенности рекрутирования политических элит в современной Германии // *Мировая экономика и международные отношения*. 2025. Т. 69, № 4. С. 36–45.
4. *Хорольская М.В.* Восточные немцы в политических элитах объединенной Германии: проблема недопредставленности // *Общественные науки и современность*. 2024. № 1. С. 92–105.
5. *Тимошенкова Е.П.* Партийно-политическая система Германии в период канцлерства А. Меркель (2005–2017 гг.). М. : Ин-т Европы РАН, 2020. 148 с.
6. *Белов В.Б.* Партийно-политический ландшафт Германии после выборов в Европарламент // *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*. 2024. № 3. С. 42–54.
7. *Васильев В.И.* Германская социал-демократия в неопределенной реальности // *Мировая экономика и международные отношения*. 2023. Т. 67, № 9. С. 31–47.
8. *Васильев В.И.* Эволюция современной германской христианской демократии // *Мировая экономика и международные отношения*. 2024. Т. 68, № 7. С. 57–67.
9. *Петелин Б.В.* ХДС/ХСС ФРГ: становление партийного союза // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2019. № 57. С. 126–131.
10. *Хорольская М.В.* Ведущие немецкие партии в преддверии выборов в бундестаг // *Мировая экономика и международные отношения*. 2021. Т. 65, № 9. С. 25–33.
11. *Власов Н.А.* «Зеленые» в ФРГ: новая «народная партия»? // *Современная Европа*. 2019. № 2. С. 118–128.
12. *Ночвина Б.А.* Партия «Левые» в современной партийно-политической системе ФРГ: поиск идентичности // *Власть*. 2024. Т. 32, № 5. С. 259–264.
13. *Погорельская С.В.* Левая альтернатива для Германии // *Актуальные проблемы Европы*. 2019. № 4. С. 78–92.
14. *Бадаева А.С.* Правый поворот или новая альтернатива для Германии // *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*. 2019. № 2. С. 61–74.
15. *Лисенкова А.Д.* Основные особенности современной экологической повестки «Альтернативы для Германии» // *Управленческое консультирование*. 2022. № 4. С. 146–158.
16. *Работяжев Н.В.* «Альтернатива для Германии»: между консерватизмом и правым популизмом // *Полития*. 2022. № 3 (106). С. 158–178.
17. *Тимошенкова Е.П.* Успех «Альтернативы для Германии» на выборах в Бундестаг 2017 г.: вызов для немецкой партийно-политической системы? // *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*. 2018. № 1. С. 9–15.
18. *Лисенкова А.Д.* Партии «Альтернатива для Германии» и «Левая» в восточных землях: трансформация электоральных предпочтений // *Регионоведение*. 2023. Т. 31, № 3. С. 426–441.

19. Лисенкова А.Д. Электоральный успех в Восточной Германии (2024 г.) и последующий спад «Союза Сары Вагенкнехт – за разум и справедливость» // Регионология. 2025. № 33(3). С. 500–517.
20. Саломатин А.Ю., Корякина А.С. Партийно-политический ландшафт современного германского федерализма, конец XX в. – начало 2020-х гг. // Наука. Общество. Государство. Электронный научный журнал. 2021. Т. 9, № 4. С. 37–45.
21. Спасский Е.Н. Политические партии ФРГ на современном этапе // Вестник Забайкальского государственного университета. 2023. Т. 29, № 2. С. 196–204.
22. Siaroff A. Comparative European party systems: an analysis of parliamentary elections since 1945. Second edition. New York : Routledge, 2019. 586 c.
23. Powell E., Tucker J.A. Revisiting Electoral Volatility in Post-Communist Countries: New Data, New Results, and New Approaches // British Journal of Political Science. 2013. Vol. 44, Is. 1. P. 123–147.
24. Шнагин С.А. Стабильность партийных систем в регионах России: опыт статистического анализа // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2022. Т. 40. С. 41–47.

References

1. Decker, F. (2011) *Parteien und Parteiensystem in der Bundesrepublik Deutschland*. Stuttgart: Verlag W. Kohlhammer.
2. Basov, F.A. (2021) Transformatsiya partiynoy sistemy Germanii [Transformation of Germany's Party System]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 65(2). pp. 29–36.
3. Khorolskaya, M.V. (2025) Osobennosti rekrutirovaniya politicheskikh elit v sovremennoy Germanii [Features of Political Elite Recruitment in Modern Germany]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 69(4). pp. 36–45.
4. Khorolskaya, M.V. (2024) Vostochnye nemtsy v politicheskikh elitakh ob"edinennoy Germanii: problema nedopredstavlenosti [East Germans in the Political Elites of Unified Germany: The Problem of Underrepresentation]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 1. pp. 92–105.
5. Timoshenkova, E.P. (2020) *Partiyno-politicheskaya sistema Germanii v period kanclerstva A. Merkel' (2005–2017 gg.)* [The Party-Political System of Germany during the Chancellorship of A. Merkel (2005–2017)]. Moscow: Institut Evropy RAN.
6. Belov, V.B. (2024) Partiyno-politicheskii landshtaf Germanii posle vyborov v Evroparlament [Germany's Party-Political Landscape after the European Parliament Elections]. *Nauchno-analiticheskii vestnik IE RAN*. 3. pp. 42–54.
7. Vasiliev, V.I. (2023) Germanskaya sotsial-demokratiya v neopredelennoy real'nosti [German Social Democracy in an Uncertain Reality]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 67(9). pp. 31–47.
8. Vasiliev, V.I. (2024) Evolyutsiya sovremennoy germanskoy khristianskoy demokratii [Evolution of Modern German Christian Democracy]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 68(7). pp. 57–67.
9. Petelin, B.V. (2019) CDU/CSU of the FRG: The Formation of a Party Union. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 57. pp. 126–131. (In Russian).
10. Khorolskaya, M.V. (2021) Vedushchie nemetskie partii v preddverii vyborov v bundestag [Leading German Parties on the Eve of the Bundestag Elections]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 65(9). pp. 25–33.
11. Vlasov, N.A. (2019) “Zelenye” v FRG: novaya “narodnaya partiya”? [“The Greens” in the FRG: A New “People's Party”?]. *Sovremennaya Evropa*. 2. pp. 118–128.
12. Nochvina, B.A. (2024) Partiya “Levye” v sovremennoy partiyno-politicheskoy sisteme FRG: poisk identichnosti [The “Left” Party in the Modern Party-Political System of the FRG: A Search for Identity]. *Vlast'*. 32(5). pp. 259–264.
13. Pogorelskaya, S.V. (2019) Levaya al'ternativa dlya Germanii [The Left Alternative for Germany]. *Aktual'nye problemy Evropy*. 4. pp. 78–92.
14. Badaeva, A.S. (2019) Pravyy povorot ili novaya al'ternativa dlya Germanii [A Right Turn or a New Alternative for Germany?]. *Analiz i prognoz. Zhurnal IMEMO RAN*. 2. pp. 61–74.
15. Lisenkova, A.D. (2022) Osnovnye osobennosti sovremennoy ekologicheskoy povestki “Al'ternativy dlya Germanii” [Main Features of the Modern Environmental Agenda of the “Alternative for Germany”]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*. 4. pp. 146–158.

16. Rabotyzhev, N.V. (2022) “Al'ternativa dlya Germanii”: mezhdru konservatizmom i pravym populizmom [“Alternative for Germany”: Between Conservatism and Right-Wing Populism]. *Politiya*. 3(106). pp. 158–178.

17. Timoshenkova, E.P. (2018) Uspekh “Al'ternativy dlya Germanii” na vyborakh v Bundestag 2017 g.: vyzov dlya nemetskoj partiyno-politicheskoy sistemy? [The Success of the “Alternative for Germany” in the 2017 Bundestag Elections: A Challenge to the German Party-Political System?]. *Nauchno-analiticheskiy vestnik Instituta Evropy RAN*. 1. pp. 9–15.

18. Lisenkova, A.D. (2023) Partii “Al'ternativa dlya Germanii” i “Levaya” v vostochnykh zemlyakh: transformatsiya elektoral'nykh predpochteniy [The “Alternative for Germany” and “The Left” Parties in the Eastern States: Transformation of Electoral Preferences]. *Regionologiya*. 31(3). pp. 426–441.

19. Lisenkova, A.D. (2025) Elektoral'nyy uspekh v Vostochnoy Germanii (2024 g.) i posleduyushchiy spad “Soyuza Sary Vagenknekht – za razum i spravedlivost” [Electoral Success in Eastern Germany (2024) and the Subsequent Decline of the “Alliance Sarah Wagenknecht – For Reason and Justice”]. *Regionologiya*. 33(3). pp. 500–517.

20. Salomatin, A.Yu. & Koryakina, A.S. (2021) Partiyno-politicheskiy landshaft sovremennogo germanskogo federalizma, konets XX v. – nachalo 2020-kh gg. [The Party-Political Landscape of Modern German Federalism, Late 20th Century – Early 2020s]. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo. Elektronnyy nauchnyy zhurnal*. 9(4). pp. 37–45.

21. Spasskiy, E.N. (2023) Politicheskie partii FRG na sovremennom etape [Political Parties of the FRG at the Present Stage]. *Vestnik Zabaykal'skogo gosudarstvennogo universiteta*. 29(2). pp. 196–204.

22. Siaroff, A. (2019) *Comparative European Party Systems: An Analysis of Parliamentary Elections since 1945*. 2nd ed. New York: Routledge.

23. Powell, E. & Tucker, J.A. (2013) Revisiting Electoral Volatility in Post-Communist Countries: New Data, New Results, and New Approaches. *British Journal of Political Science*. 44(1). pp. 123–147.

24. Shpagin, S.A. (2022) Stabil'nost' partiynykh sistem v regionakh Rossii: opyt statisticheskogo analiza [Stability of Party Systems in Russian Regions: An Experience of Statistical Analysis]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie*. 40. pp. 41–47.

Сведения об авторах:

Коробейников В.М. – магистрант Санкт-Петербургской школы социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». E-mail: korobeynikov.vm@mail.ru

Шпагин С.А. – доцент, кандидат исторических наук, советник при ректорате, доцент кафедры политологии Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: shpagin1972@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Korobeynikov V.M. – master's student at the St. Petersburg School of Social Sciences, National Research University Higher School of Economics (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: korobeynikov.vm@mail.ru

Shpagin S.A. – Cand. Sci. (History), docent, advisor to the Rector's Office, associate professor at the Department of Political Science, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: shpagin1972@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.10.2025;

одобрена после рецензирования 22.11.2025; принята к публикации 09.12.2025

The article was submitted 22.10.2025;

approved after reviewing 22.11.2025; accepted for publication 09.12.2025

Научная статья

УДК 327

doi: 10.17223/1998863X/88/19

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ СТРАН БРИКС И ЕС В ОБЛАСТИ БОРЬБЫ С ИЗМЕНЕНИЕМ КЛИМАТА (НА ПРИМЕРЕ АРКТИКИ)

Алена Денисовна Лисенкова

*Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России, Москва, Россия*

*Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Санкт-Петербург, Россия, alena.denisovna@yandex.ru*

Аннотация. Охарактеризованы стратегические приоритеты и противоречия стран БРИКС и ЕС в области борьбы с изменением климата. Сопоставлены и объяснены особенности участия в международном климатическом сотрудничестве под эгидой ООН и целевые показатели сторон. На примере Арктики показано, что, несмотря на общую озабоченность климатическими изменениями, геополитические, энергетические и транспортно-логистические обоснования являются определяющими в разногласиях.

Ключевые слова: Арктика, изменение климата, энергетика, Северный морской путь, БРИКС, Европейский союз

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-00379, <https://rscf.ru/project/25-18-00379>

Для цитирования: Лисенкова А.Д. Стратегические приоритеты и противоречия стран БРИКС и ЕС в области борьбы с изменением климата (на примере Арктики) // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 88. С. 217–230. doi: 10.17223/1998863X/88/19

Original article

STRATEGIC PRIORITIES AND CONTRADICTIONS OF THE BRICS STATES AND THE EU IN THE FIELD OF COMBATING CLIMATE CHANGE (THE CASE OF THE ARCTIC)

Alena D. Lisenkova

*MGIMO University, Moscow, Russian Federation
North-West Institute of Management, Saint Petersburg, Russian Federation
alena.denisovna@yandex.ru*

Abstract. This article aims to identify the strategic priorities and contradictions of the BRICS states and the EU in the field of combating climate change (the case of the Arctic). The text uses systemic and comparative types of analysis. The author examines the specifics of the parties' participation in the main international law initiatives, such as the 1992 United Nations Framework Convention on Climate Change, the first and second periods of the 1997 Kyoto Protocol, and the 2015 Paris Agreement, while simultaneously comparing the differences in obligations for developed and developing countries with the current dominant contribution of the latter to global greenhouse gas emissions. Further, the problems and

prospects for deriving common targets for the BRICS states, the consolidated opinion of the alliance on combating climate change, and its differences from the EU position are explained. Finally, using the Arctic as an example, the justifications underlying the strategic contradictions of the parties are presented. The author comes to the conclusion that they are primarily non-environmental. While the EU, which is experiencing an acute shortage of its own resources, is trying to achieve strategic autonomy and take a leadership position in the popular and noble topic, the BRICS states, in the context of sanctions, restrictions, and post-COVID recovery, have united and offered an alternative climate vision. Thus, despite the willingness to exchange data and research cooperation with the recognition of the prospects of green energy, they insist on the dominance of fossil fuels and the principle of technological neutrality, continuing to shift greater financial responsibility to developed countries. Climate change, which opens up better access to the Northern Sea Route and the Arctic shelf, mainly controlled by Russia, seems to be beneficial for the rest of the BRICS members. While the critical rhetoric of the EU on the resources to which they have access in the region is much more restrained.

Keywords: Arctic, climate change, energy, Northern Sea Route, BRICS, European Union

Acknowledgments: The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 25-18-00379, <https://rscf.ru/project/25-18-00379>

For citation: Lisenkova, A.D. (2025) Strategic priorities and contradictions of the BRICS states and the EU in the field of combating climate change (the case of the Arctic). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 88. pp. 217–230. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/88/19

Введение

Одним из наиболее чувствительных вопросов глобальной повестки дня традиционно считается проблема изменения климата, к разрешению которой мировое сообщество в полной мере так и не приблизилось. Увеличение температуры напрямую коррелирует с концентрацией парниковых газов, пока уровень их выбросов во всех основных секторах (электроэнергия, промышленность, транспорт и др.) продолжает расти. Список учитываемых в подсчетах газов ограничен, а около 70% из них приходится только на углекислый газ / диоксид углерода (CO₂). Тем не менее если изначально подписанная в 1992 г. Рамочная конвенция ООН об изменении климата (РКИК ООН) не определяла конкретный перечень, то Киотский протокол (1997 г.) ликвидировал данное упущение. Его сформировали CO₂, метан (CH₄), закись азота (N₂O), гексафторид серы (SF₆), гидрофторуглероды (HFCs), а также перфторуглеводороды (PFCs). Позднее Дохийская поправка к Киотскому протоколу РКИК ООН дополнила его трифторидом азота (NF₃) [1. Р. 14].

Список наибольших загрязнителей формируют следующие акторы: Китай – 30,1%, США – 11,25, Индия – 7,8, Европейский союз (ЕС) – 6,09, Россия – 5,05, Бразилия – 2,45, Индонезия – 2,27, Япония – 1,97, Иран – 1,88, Саудовская Аравия – 1,52%. Китай, Индия, Россия, Бразилия, Индонезия и Иран входят в БРИКС. На оставшихся участников данного межгосударственного объединения приходится ещё 2,45% выбросов (ЮАР – 0,99%, Египет – 0,63, ОАЭ – 0,51, Эфиопия – 0,32%) [2].

БРИКС – сравнительно новое, но амбициозное объединение. Интересы его стран распространяются на различные регионы, одним из которых является Арктика – «горячая точка» глобального изменения климата. Приоритетность данной темы для объединения неоднозначна. Тем временем в отношении Арктики уже давно развивает свою климатическую риторику другое,

экономически мощное и также представленное в списке ключевых загрязнителей, но параллельно претендующее на международное климатическое лидерство объединение 27 стран – Европейский союз.

В российской и зарубежной академической литературе уже достаточно широко освещены вопросы, касающиеся как различных аспектов международного сотрудничества в области борьбы с изменением климата [3], так и соотношения экологической политики с другими значимыми направлениями (например, транспортным или энергетическим) [4]. При этом наиболее пристальное внимание в исследованиях направлено на деятельность не только универсальной ООН, но и весьма активного на обозначенном направлении ЕС [5]. Вниманием экспертов не обделён и Арктический регион, попавший в сферу интересов многих крупных игроков и ставший ещё более актуальным в контексте обострения отношений коллективного Запада и Российской Федерации [6]. Примечателен и рост вовлечённости неарктических государств, к числу которых можно отнести большинство членов БРИКС [7]. Тем не менее непосредственно интересы последних, а также их расхождения с другими игроками в области активно формирующейся собственной и достаточно уникальной климатической повестки пока изучены недостаточно (как в целом, так и непосредственно в Арктическом регионе).

Именно поэтому цель данной статьи – выявить стратегические приоритеты и противоречия стран БРИКС и ЕС в области борьбы с изменением климата (на примере Арктики). Автором не только характеризуются климатические интересы сторон, но и объясняется, какие неэкологические факторы влияют на сохранение разногласий. При помощи системного и сравнительного видов анализа оцениваются профильные документы в области борьбы с изменением климата, арктической и энергетической политики, национальной безопасности и тому подобное стран-членов [8] и самого БРИКС как объединения [9], а также Европейского союза [10]. Для более комплексной аргументации задействованы основные статистические данные, касающиеся выбросов парниковых газов [2] и состояния национальных экономик государств – участников двух структур [11], а также ключевые профильные соглашения под эгидой ООН [12] и целевые показатели сторон по сокращению выбросов [13].

Участие в международном климатическом сотрудничестве стран БРИКС и ЕС

Страны БРИКС, а также и ЕС (как и само объединение) стали членами Рамочной конвенции ООН об изменении климата (РКИК ООН) 1992 г., а также первого периода действия (2008–2012 гг.) Киотского протокола к РКИК ООН 1997 г. и Парижского соглашения 2015 г. Из всех членов БРИКС только Россия входила в Приложение 1 (развитые страны и страны с переходной экономикой) РКИК ООН, на которые впоследствии распространились обязательства по сокращению выбросов. Из действующих участников ЕС не являлись его частью лишь Хорватия, Словения, Мальта и Кипр. В Приложении 2 (развитые страны) с финансовыми и технологическими обязательствами России уже не было, а от ЕС осталась примерно половина (Австрия, Бельгия, Германия, Греция, Дания, Ирландия, Испания, Италия, Люксембург, Нидерланды, Португалия, Финляндия, Франция, Швеция). Однако именно благодаря России в 2005 г. Киотский протокол вступил в силу. После

отказа США, главного эмитента, набрать для ратификации 55 стран, на которые приходилось бы 55% общих выбросов, было проблематично. Целевой показатель России составлял 100% от отметки 1990 г. [13]. Несмотря на его достижение в основном из-за падения промышленных объёмов предполагалось, что принял участие сильный игрок, который не повлиял негативно на дальнейшее повышение глобальных выбросов. Своим согласием страна расположила к себе Европейский союз в вопросе одобрения её членства во Всемирной торговой организации [14. Р. 157]. Сам ЕС амбициозно запланировал сократить выбросы сразу на 8% в сравнении с 1990 г. [13].

От присутствия в «Киото-2» (2013–2020 гг.) отказались многие, в том числе Россия и Иран. Дохийская поправка 2012 г., преимущественно всерьёз поддерживаемая лишь ЕС, нацеленным на сокращение выбросов на 20%, вступила в силу только 31 декабря 2020 г. Причин несколько: низкая эффективность первого периода с участием США, недостаточная юридическая проработанность, отсутствие обязательств для развивающихся стран, зависимость от экспорта ископаемых ресурсов. Для Ирана это также опасения по поводу экономического развития, национального суверенитета и санкционных ограничений.

К развивающимся странам серьёзные требования, правда, не выдвигались, хотя к ним относились Индия и Китай. Последний по выбросам на более позднем этапе обогнал США. Неучастие трёх главных загрязнителей ставило под сомнение инициативу. Многие игроки вернулись к участию, только согласовав первое юридически обязательное Парижское соглашение 2015 г. В нём все обязались стремиться к созданию долгосрочных стратегий, а развитые страны – устанавливать и достигать абсолютные целевые показатели. Они также согласились финансово помогать развивающимся странам. Последние же нацелились на предотвращение изменения климата и со временем – на обозначение целевых показателей и сокращение выбросов [12]. Многие крупные эмитенты, включая Китай, США и Индию, к инициативе присоединились, хотя США уже дважды выходили из соглашения в период президентства республиканца Д. Трампа (2017–2021 гг. и с 2025 г.).

Целевые показатели стран БРИКС и ЕС: проблемы координации и обоснования

БРИКС. Единственная страна БРИКС, у которой нет установленного национально определяемого вклада – Иран. Он имеет только предполагаемый вклад 2015 г., а Парижское соглашение не ратифицировал, тогда как у некоторых членов БРИКС данные вклады обновлялись. Активно себя проявили Бразилия (дважды – в 2022 и в 2024 гг.), Египет (2022 и 2023 гг.) и ОАЭ (2020 и 2024 гг.). При этом у Египта они рассчитаны по 2030 г., а не по 2035 г. Оставшиеся шесть стран (Россия в 2020 г., Индия в 2022 г., Китай в 2021 г., Индонезия в 2022 г., Эфиопия в 2021 г., ЮАР в 2021 г.) пока также не представили обновлённые версии на следующие пять лет. Тем не менее, например, Россия в августе 2025 г. обозначила новую отметку – 65–67% от уровня 1990 г. по сокращению выбросов к 2035 г. Она и ляжет в основу обновлённого документа для ООН [15].

Планы свидетельствуют об отсутствии какой-либо реальной координации у стран как в вопросе достижения «нейтральности» (у Египта, Ирана и

Эфиопии такой даты вовсе нет, а у других варьируется в период 2050–2070 гг.), так и в методологии подсчёта целевых показателей и систем отсчёта (он ведётся в сравнении с 1990, 2005, 2019 гг. или с *business as usual*¹). Более того, не у всех игроков установленные показатели рассматриваются в масштабах всей экономики, как, в частности, у Бразилии, России или Эфиопии [16]. Это, правда, от развивающихся стран сразу и не требуется. Наконец, например, Китай и ЮАР полагают, что ещё не достигли своих пиковых показателей. Всё это существенное препятствие и даже в среднесрочной перспективе принятие согласованного целевого показателя маловероятно, в том числе из-за слишком различающегося и нередко препятствующего экономического потенциала стран-членов. Так, только Россия и ОАЭ входят в топ-50 стран по показателю ВВП (ППС) на душу населения, а Индия, Индонезия, Эфиопия и ЮАР не попадают и в первую сотню [11].

Несмотря на расхождения, изменение климата фигурирует во всех итоговых декларациях саммитов БРИКС. Однако первое время речь шла скорее о признании значимости популярной проблемы и совместных инициатив ООН. Подобная мало к чему обязывающая риторика свойственна многим международным структурам. О лидерстве речи не было, а страны хотели вносить вклад «посредством устойчивого и инклюзивного роста, а не через введение ограничений на развитие» [17]. С 2020-х гг. ситуация изменилась. Санкционные ограничения и постковидное восстановление, требующие сбалансированного экономического развития на основе в первую очередь более выгодного и инфраструктурно снабжённого ископаемого топлива, а также злоупотребление экологическими стандартами со стороны ЕС и тяготение развивающихся стран к многополярной системе подтолкнули к выработке альтернативы. Популярная тема была обречена стать ареной противостояния, учитывая её связь с энергетическим, транспортно-логистическим и другими направлениями политики. Таким образом, даже была принята повестка дня БРИКС в области климатического лидерства (2025 г.).

Представляя преимущественно интересы Глобального Юга, в БРИКС из раза в раз транслировались напоминания об «общей, но дифференцированной ответственности» [17], а также об обязательствах именно развитых стран, исторически виновных в кризисе [18]. Речь не только о реализации и повышении уже запланированного финансирования, но и о другой различного рода помощи [19]. За пределами БРИКС стороны сотрудничали ещё в рамках коалиции BASIC (Бразилия, Индия, Китай, ЮАР) на Копенгагенской конференции 2009 г., когда смогли договориться с США о «Копенгагенском аккорде», оставив в стороне настаивавший на юридически обязательном соглашении ЕС [3. Р. 3].

Будучи стороной не просто пострадавшей, но заинтересованной, совсем от финансового участия БРИКС не отказывается. Так, в Рамочной декларации лидеров стран БРИКС по климатическому финансированию 2025 г. содержатся отсылки к Новому банку развития, частному сектору, государственным финансам и др. [20]. Тем более что обязательства по Парижскому соглашению 2015 г. если не предполагают финансирования других игроков развивающимися странами, то за реализуемые внутренние меры они также

¹ Обычный ход деятельности.

несут ответственность, пусть и прописано это в куда менее жёстких формулировках, как «перейти со временем к целевым показателям ограничения или сокращения выбросов в масштабах всей экономики» [12].

Ключевым элементом риторики ожидаемо стала энергетика. Не отрицая перспективности «зелёных» ресурсов, страны БРИКС всё-таки настаивают на доминировании ископаемого топлива, а также на значении ядерных и газовых технологий и поглотителей (леса и др.). Объединение подчеркнуло: «...мы выступаем за многосторонний подход, уважающий различные национальные точки зрения и позиции по ключевым глобальным вопросам...» [9]. Тем самым они выражают несогласие с навязываемым в первую очередь Европейским союзом как бы единственно верным подходом, расхождение с которым наказывалось бы «односторонними, карательными и дискриминационными протекционистскими мерами» [9]. Соответственно, внутри БРИКС была достигнута договорённость о координации в противостоянии подобному [21]. Наличие единой позиции по климату говорит о том, что данная сфера входит в перечень тем, где интересы стран-членов сошлись [22. С. 74].

Европейский союз. У всех стран – членов ЕС установлены климатические целевые показатели. Союз, в свою очередь, в соответствии с направленным в 2023 г. в ООН документом, нацелен сократить выбросы парниковых газов на 55% к 2030 г. в сравнении с 1990 г. и достичь «нейтральности» к 2050 г. [23]. Это усреднённые цифры, согласованные 27 странами-членами и отвечающие принципу европейской солидарности. Несмотря на некоторые разногласия, в ООН переданы идентичные документы от ЕС в целом, и от его государств-членов в частности. Наконец, данные амбиции коррелируют с европейской «зелёной» сделкой 2019 г., Европейским климатическим законом 2021 г. и законодательным пакетом «Fit for 55» 2021 г.

Национальные планы у государств преимущественно сводятся также к 2050 г., хотя встречаются и более высокие амбиции. Так, например, Германия планирует достичь «нейтральности» к 2045 г. и сократить выбросы парниковых газов на 65% к 2030 г. В то же время, например, Польша пока не представила долгосрочную стратегию действий в области изменения климата, хотя она и связана европейскими обязательствами. Это единственная страна в ЕС, у которой нет и даты отказа от угля, наиболее «грязного» источника энергии. Связано это с тем, что порядка 60% электроэнергии в данной стране до сих пор получают из твёрдого ископаемого топлива, которым она богата [24]. В этой связи примечательно, что принятый с помощью обычной законодательной процедуры Европейский климатический закон 2021 г. не требовал ни единогласия от Совета и Европейского парламента, ни ратификации на национальном уровне.

После провала на Копенгагенской конференции 2009 г., где ЕС пытался продвигать слабо согласованные между членами и более высокие, чем уже установленные, целевые показатели, он вынужден принимать компромиссную и сдержанную позицию, хотя и весьма амбициозную на фоне других игроков [5. Р. 178–179]. Последнее связано и с тем, что экономически, несмотря на некоторую диспропорцию, все страны ЕС (кроме Болгарии) входят в топ-50 государств по показателю ВВП (ППС) на душу населения [11]. Потенциал европейского объединения позволяет не только реализовывать климатиче-

ские меры, но и претендовать на роль лидера в достаточно популярном и кажущемся благородным вопросе.

Внешнеполитическая экологическая озабоченность Европейского союза связана с объективными факторами. Так, несмотря на историческую ответственность европейских стран, на ЕС в целом приходится только 6,09% выбросов парниковых газов в то время как на БРИКС – 52% [2]. При этом показатели ЕС снижаются, достигая всё новых исторических минимумов с 1990 г. Говорить о нейтральности к 2050 г. преждевременно, но положительная динамика присутствует, в том числе у упомянутой Польши. У БРИКС, напротив, совокупные выбросы выросли. Свидетельствовать о том может не только Китай, но и, например, Индия. Таким образом, хотя региональные меры более эффективны, чем национальные, ограничивать их европейским регионом бесполезно.

К другим факторам, обуславливающим интересы ЕС, нужно отнести внешнеполитическую конфронтацию с Россией, прежде ведущим поставщиком ископаемого топлива, а также острую нехватку собственных ресурсов, за исключением наименее безопасного и наиболее неэкологичного угля. Именно из этих соображений ЕС ввёл REPowerEU (План по отказу от российских ископаемых видов топлива задолго до 2030 г.), а также ряд санкционных ограничений (в первую очередь эмбарго на некоторые виды ресурсов). Даже вне прямой привязки к России история знает другие примеры энергетических кризисов (например, нефтяные 1970-х гг.), связанных с поставщиками. Кроме того, постоянная спекуляция на климатической повестке и готовность населения к постиндустриальным вопросам спровоцировали всплеск социальной активности. Наконец, в рамках достижения собственной стратегической автономии Европейскому союзу выгоднее, чтобы вокруг него была международная система циркулярной экономики, где он не остался бы среди отстающих на фоне экономического подъёма стран, таких как Китай, Индия и др. [4. С. 214, 216].

Страны БРИКС и ЕС в Арктике: проблема изменения климата

БРИКС. Из стран БРИКС единственным арктическим государством является Российская Федерация, чья позиция, с одной стороны, доминирующая, но, с другой стороны, сходится с общим видением объединения. О стратегических климатических приоритетах последнего приходится говорить с определённой долей условности. Однако стоит понимать, что Россия на 60% зависит от энергетического экспорта и такие инструменты, как «зелёный» переход, не выгодны даже на внутренней арене, что и подталкивает к продвижению минимизирующих усилия формулировок в климатических документах, таких как «поглощающая способность лесов». При этом порядка 75% глобальных выбросов действительно приходится на энергетику, и потому на международном уровне продвигаются именно энергетические механизмы, такие как «зелёный» переход, энергоэффективность и др. Как следствие, в Стратегии развития Арктической зоны и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 г. от 2020 г. РФ считает необходимым и компромиссным для экономического развития как «переход к экономике замкнутого цикла», так и разработку новых месторождений нефти и газа [8]. В то время

как в Стратегии национальной безопасности РФ 2021 г. напрямую подчёркивается, что изменение климата – «предлог для ограничения доступа российских компаний к экспортным рынкам, сдерживания развития российской промышленности, установления контроля над транспортными маршрутами [прим. Северный морской путь], воспрепятствования освоению Россией Арктики» [25]. В Климатической доктрине РФ 2023 г. помимо негативной «деградации многолетней мерзлоты и горного оледенения» к положительным последствиям климатических изменений отнесены сокращение расходов энергии в отопительный сезон, улучшение обстановки для перевозки грузов в арктических морях и освоения шельфа, увеличение доступной для растениеводства зоны и повышение эффективности бореальных лесов. Особо отмечается высокий потенциал к адаптации за счёт территориальных и водных ресурсов и лишь незначительной доли населения в уязвимых районах [26].

Два других крупных игрока, Китай и Индия, являются наблюдателями в Арктическом совете. Данные страны заинтересованы в совместных энергетических проектах, в то время как для России это диверсификация сотрудничества с неарктическими игроками, выстраивающими конструктивную политику в отношении государства, что отвечает интересам Концепции внешней политики 2023 г. [22. С. 73]. Так, рост числа китайских перевозчиков и товарооборота продолжается, особенно как раз в области энергетики, сохраняя высокий спрос на альтернативный Индийскому океану и более быстрый Северный морской путь, в том числе в условиях международной нестабильности. В Белой книге «Арктическая политика Китая» 2018 г. страна определена как «приарктическое государство», что, с одной стороны, говорит о влиянии происходящего в Арктике на климатическую систему страны, а с другой стороны, напоминает о своём праве «на <...> прокладку подводных кабелей и трубопроводов, а также на разведку и эксплуатацию ресурсов в открытом море» [27]. В то время как Индия тоже заинтересована в энергетической и транспортной диверсификации и безопасности. Несмотря на заявления о готовности сотрудничать в исследовательских проектах, в документе «Арктическая политика Индии: построение партнерства в интересах устойчивого развития» 2022 г. она напоминает, что Арктика – «крупнейшая из оставшихся на Земле неразведанная перспективная территория по добыче углеводородов», к тому же богатая другими полезными ископаемыми (медь, фосфор и т.д.) [28].

Общим для «старых» членов БРИКС также является интерес к обмену данными и исследованиям в «горячей точке» климатических изменений. Их стремление к «технологической нейтральности» без дискриминации каких-либо доступных решений подтверждают положения дорожной карты энергетического сотрудничества БРИКС на 2025–2030 гг. [29]. Так, свои антарктические программы реализуют не только Индия, Китай и Россия, но и стремящаяся к статусу наблюдателя в Арктическом совете и заинтересованная в ресурсах Бразилия, а также ЮАР. Двум последним это позволяет рассчитывать на взаимный обмен опытом уже в Арктике, где помимо России арктическими полярными станциями обладают Индия и Китай.

Представленность «новых» членов БРИКС менее заметна, а их арктическая повестка находится скорее в стадии формирования. Тем не менее в пользу заинтересованности говорит открытость к научным исследованиям и принадлежность к наиболее жарким регионам мира. Изменение климата в целом

и развитие зелёной энергетики в частности – та арена, где в силу своей уязвимости и ограничений на другие форматы участия такие страны, как Египет или Эфиопия, могут захотеть проявить себя. В случае ОАЭ помимо интереса к энергетике и климату, что особенно актуально в контексте исследований по линии «трёх полюсов»: Арктика, Антарктика и Гималаи, также можно добавить логику, особенно, с учётом позиционирования ОАЭ как морской державы с глобальными транспортно-логистическими амбициями, где примечательной является активизация сотрудничества DP World с «Росатомом» с 2020-х гг. [7. С. 189–192]. Приоритеты Индонезии носят схожий характер, сводясь к обмену опытом и инновациям в области климата, а также к геополитике, энергетике и транспортно-логистическим маршрутам [30. С. 209].

Европейский союз. Интерес к борьбе с изменением климата как одному из приоритетов ЕС в Арктике – явление, не связанное лишь с событиями последних лет. Отсылки можно найти в более ранних стратегиях 2008, 2012 и 2016 гг. Кроме того, Дания (по причине принадлежности не входящих в ЕС Гренландии и Фарерских островов), Финляндия и Швеция – арктические страны, а Германия, Испания, Италия, Нидерланды, Польша, Франция – наблюдатели в Арктическом совете.

В соответствии с действующей стратегией «Более активное участие ЕС в создании мирной, стабильной и процветающей Арктики» 2021 г. «изменение климата является наиболее серьезной угрозой» для региона [31]. Однако примечательна геополитическая отсылка, в соответствии с которой ЕС выразил озабоченность повышенным интересом к арктическим ресурсам и к транспортным маршрутам. Сам Союз транслирует заинтересованность в инклюзивном и устойчивом развитии региона, «голубой» экономике и зелёной энергетике, борьбе с «чёрным» углеродом и таянием вечной мерзлоты, а также в сохранении запасов нефти, угля и газа в земле [31]. Всё это продуктивнее решать на международном уровне, однако с 2022 г. в вопросах диалога и сотрудничества Европейский союз обозначил свою позицию как только «с единомышленниками» [32]. Это коснулось «Северного измерения», Совета Баренцева / Евроарктического региона и др.

Заключение Совета по климатической и энергетической дипломатии 2021 г. определило, что «ЕС будет препятствовать любым дальнейшим инвестициям в проекты энергетической инфраструктуры, основанные на ископаемом топливе, в третьих странах, если они не будут полностью соответствовать амбициозному, чётко определённой пути к „климатической нейтральности“...» [33]. В то время как Внешняя энергетическая стратегия ЕС 2022 г. и вовсе постановила, что единственный способ обеспечить весь мир «устойчивой, безопасной и доступной» энергией – перейти на возобновляемую энергию [10]. Связано это также с ростом цен на энергетические ресурсы с 2021 г. Однако, если к углеводородам у ЕС в Арктике доступ ограничен, а интерес к созданию условий по снижению коммерческой привлекательности российских ресурсов (например, через трансграничный налог на выбросы углерода) понятен, того же нельзя сказать про другие отрасли. В частности, добыча Швецией минеральных ресурсов, как и положения европейского Закона о критически важном сырье 2023 г., в контексте изменения климата будто бы игнорируются [6. С. 156].

Заключение

Исторически коллективный Запад в большей степени виновен в изменении климата, но самые пострадавшие страны к нему не относятся. Тем не менее в последнее время свыше 50% выбросов приходится на членов БРИКС, в ряде которых происходит экономический рост, тогда как показатели ЕС едва превышают 6%. В этой связи особый интерес вызывает арктический регион, являющийся не просто «горячей точкой» изменения климата, но и ареной геополитического противостояния. На почве климата у стран БРИКС и ЕС возникли существенные стратегические противоречия. Европейский союз действительно хочет быть лидером в решении популярной проблемы, однако связано это скорее с нехваткой собственных ископаемых ресурсов, противоречиями с ведущим поставщиком, стремлением к стратегической автономии и международной циркулярной экономике, а также с возросшим социальным активизмом, в том числе из-за способствующего этому более высокого уровня жизни. Правда, последовательность приоритетов ЕС несколько размывается, когда речь идёт о минеральных ресурсах, к которым у стран-членов в регионе есть доступ. В то время как у государств БРИКС какая-то реальная координация по целевым показателям отсутствует: нет единых дат «нейтральности», методологии и систем подсчёта. Не все члены считают, что достигли пика выбросов, или определили цели в масштабах всей экономики, что допустимо в ООН для развивающихся стран. Зато в условиях санкционных ограничений и постковидного восстановления как экспортёры, так и импортёры сплотились против якобы безальтернативных европейских мер, настаивая на доминировании ископаемого топлива и принципе «технологической нейтральности», а также продолжая преимущественно перекладывать финансовую ответственность на развитые страны. В этой связи в Арктике изменение климата имеет не только очевидные негативные последствия, где в БРИКС приветствуется обмен опытом и научное сотрудничество, но и позитивные. Открывается доступ к шельфу и Северному морскому пути, которые преимущественно контролирует Россия. Сотрудничество с последней, в условиях переориентации на Восток и отсутствия прежде доминирующего западного маршрута, видится выгодным.

Список источников

1. Zhao L., Du Y., Wang W., Shang C., Naren Q. Progress on Monitoring Methods of Atmospheric Greenhouse Gases // *Meteorological and Environmental Research*. 2022. Vol. 13, Is. 5. P. 14–18.
2. Greenhouse Gas Emissions by Country 2025 // *World Population Review*. 2025. URL: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/greenhouse-gas-emissions-by-country> (accessed: 23.08.2025).
3. Klöck C., Castro P., Weiler F. Coalitions in the Climate Change Negotiations // *LIEPP Policy Brief*. 2021. № 55. P. 1–4.
4. Заславская Н.Г., Лисенкова А.Д. Угольная энергетика в Европейском союзе в условиях «энергетического перехода» и антироссийских санкций // *Вестник Волгоградского государственного университета*. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2025. Т. 30, № 3. С. 212–221.
5. Groen L., Niemann A., Oberthür S. The EU as a Global Leader? The Copenhagen and Cancun UN Climate Change Negotiations // *Journal of Contemporary European Research*. 2012. Vol. 8, Is. 2. P. 173–191.
6. Плюснин Р.М., Скрипка И.Р., Лесной Д.С. Интересы ЕС в Северной Европе и Арктике: вызовы для России // *Современная Европа*. 2023. № 7. С. 153–164.

7. Стрельникова И.А. Арктическая кооперация в рамках БРИКС в условиях его расширения и трансформации глобального управления для меняющегося мира // Вестник международных организаций. 2025. Т. 20, № 1. С. 176–201.

8. Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года // Президент России. 2020. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45972> (дата обращения: 25.08.2025).

9. Декларация Рио-де-Жанейро // Президент России. 2025. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/gvTArkWauqwuryk9xzLt3Huul7EBmqRC.pdf> (дата обращения: 23.08.2025).

10. EU external energy engagement in a changing world // European Commission. 2022. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:52022JC0023> (accessed: 23.08.2025).

11. GDP per capita PPP // Trading Economics. 2024. URL: <https://tradingeconomics.com/country-list/gdp-per-capita-ppp?continent=world> (accessed: 23.08.2025).

12. Paris Agreement // United Nations. 2015. URL: https://unfccc.int/sites/default/files/english_paris_agreement.pdf (accessed: 23.08.2025).

13. Kyoto Protocol – Targets for the first commitment period // United Nations. URL: <https://unfccc.int/process-and-meetings/the-kyoto-protocol/what-is-the-kyoto-protocol/kyoto-protocol-targets-for-the-first-commitment-period> (accessed: 23.08.2025).

14. Kotov V. The EU-Russia Ratification Deal: The Risks and Advantages of an Informal Agreement // International Review for Environmental Strategies. 2004. Vol. 5, № 1. P. 157–168.

15. Президент утвердил новую цель по снижению выбросов парниковых газов // Министерство экономического развития Российской Федерации. 2025. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/prezident_utverdil_novuyu_cel_po_snizheniyu_vybrossov_parnikovyh_gazov.html (дата обращения: 23.08.2025).

16. Близначья Е. Анализ климатических инициатив России в БРИКС // Российский совет по международным делам. 2024. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/analiz-klimaticheskikh-initsiativ-rossii-v-briks/> (дата обращения: 23.08.2025).

17. Делийская декларация // Президент России. 2012. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/1189> (дата обращения: 23.08.2025).

18. Пекинская декларация // Президент России. 2022. URL: <http://special.kremlin.ru/supplement/5819> (дата обращения: 23.08.2025).

19. Йоханнесбургская декларация-II // Президент России. 2023. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/ls471x8ogLBhjRQx05ufVB2uzMFolkWs.pdf> (дата обращения: 23.08.2025).

20. Рамочная декларация лидеров стран БРИКС по климатическому финансированию // Президент России. 2025. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/ewhugT8vY47TEb0uabZrm2phvAWQG85n.pdf> (дата обращения: 23.08.2025).

21. Казанская декларация // Президент России. 2024. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/MUCfWdG0QRs3xfMUiCAmF3LEh02OL3Hk.pdf> (дата обращения: 23.08.2025).

22. Стрельникова И.А., Майоров М.Г., Попов Д.И. Расширение БРИКС: последствия для арктического сотрудничества в сфере логистики // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2024. № 3. С. 71–82.

23. Submission by Spain and the European Commission on behalf of the European Union and its member states // United Nations. 2023. URL: <https://unfccc.int/sites/default/files/NDC/2023-10/ES-2023-10-17%20EU%20submission%20NDC%20update.pdf> (accessed: 23.08.2025).

24. OZE: tak było w 2024, a tak będzie już teraz. Analizujemy zmiany w miksie energetycznym // Globenergia. 2025. URL: <https://globenergia.pl/oze-tak-bylo-w-2024-a-tak-bedzie-juz-zaraz-analizujemy-zmiany-w-miksie-energetycznym/> (accessed: 23.08.2025).

25. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации // Правительство России. 2021. URL: <http://government.ru/docs/all/135405/> (дата обращения: 25.08.2025).

26. Климатическая доктрина Российской Федерации // Президент России. 2023. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49910> (дата обращения: 25.08.2025).

27. China's Arctic Policy // The State Council Information Office of the People's Republic of China. 2018. URL: <https://library.arcticportal.org/2008/1/china-arctic-policy-2018.pdf> (accessed: 23.08.2025).

28. India's Arctic Policy // Government of India. 2022. URL: <https://www.moes.gov.in/sites/default/files/2022-03/compressed-SINGLE-PAGE-ENGLISH.pdf> (accessed: 23.08.2025).

29. Roadmap for BRICS Energy Cooperation 2025–2030 // BRICS. 2025. URL: <http://brics.br-pt-br/documentos/meio-ambiente-clima-e-gestao-de-desastres/roadmap-for-brics-energy-cooperation-2025-2030.pdf@@download/file> (accessed: 23.08.2025).

30. Стрельникова И.А. Интересы Сингапура и Индонезии в Арктике: новые возможности в эпоху международной турбулентности // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2025. Т. 1, № 1 (66). С. 200–213.
31. *A stronger EU engagement for a peaceful, sustainable and prosperous Arctic* // European Union External Action. 2021. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/joint-communication-stronger-eu-engagement-peaceful-sustainable-and-prosperous-arctic_en (accessed: 23.08.2025).
32. *The EU in the Arctic* // European Union External Action. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/eu-arctic_en (accessed: 23.08.2025).
33. *Council conclusions on Climate and Energy Diplomacy* // Council of the European Union. 2021. URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/48057/st05263-en21.pdf> (accessed: 23.08.2025).

References

1. Zhao, L., Du, Y., Wang, W., Shang, C. & Naren, Q. (2022) Progress on Monitoring Methods of Atmospheric Greenhouse Gases. *Meteorological and Environmental Research*. 13(5). pp. 14–18.
2. World Population Review. (2025) *Greenhouse Gas Emissions by Country 2025*. [Online] Available from: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/greenhouse-gas-emissions-by-country> (Accessed: 23rd August 2025).
3. Klöck, C., Castro, P. & Weiler, F. (2021) Coalitions in the Climate Change Negotiations. *LIEPP Policy Brief*. 55. pp. 1–4.
4. Zaslavskaya, N.G. & Lisenkova, A.D. (2025) Ugo'l'naya energetika v Evropeyskom soyuze v usloviyakh «energeticheskogo perekhoda» i antirossiyskikh sanktsiy [Coal Energy in the European Union under the "Energy Transition" and Anti-Russian Sanctions]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 30(3). pp. 212–221.
5. Groen, L., Niemann, A. & Oberthür, S. (2012) The EU as a Global Leader? The Copenhagen and Cancun UN Climate Change Negotiations. *Journal of Contemporary European Research*. 8(2). pp. 173–191.
6. Plyusnin, R.M. Skripka, I.R. & Lesnoy, D.S. (2023) Interesy ES v Severnoy Evrope i Arktike: vyzovy dlya Rossii [EU Interests in Northern Europe and the Arctic: Challenges for Russia]. *Sovremennaya Evropa*. 7. pp. 153–164.
7. Strelnikova, I.A. (2025) Arkticheskaya kooperatsiya v ramkakh BRIKS v usloviyakh ego rasshireniya i transformatsii global'nogo upravleniya dlya menyayushchegosya mira [Arctic Cooperation within BRICS in the Context of Its Expansion and the Transformation of Global Governance for a Changing World]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy*. 20(1). pp. 176–201.
8. President of the Russian Federation. (2020) *Strategiya razvitiya Arkticheskoy zony Rossiyskoy Federatsii i obespecheniya natsional'noy bezopasnosti na period do 2035 goda* [Strategy for the Development of the Arctic Zone of the Russian Federation and Ensuring National Security for the Period up to 2035]. [Online] Available from: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45972> (Accessed: 25th August 2025).
9. President of the Russian Federation. (2025) *Deklaratsiya Rio-de-Zhaneiro* [Rio de Janeiro Declaration]. [Online] Available from: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/gvTArkWauqwuryk9xzLt3Huul7EBmqrC.pdf> (Accessed: 23th August 2025).
10. European Commission. (2022) *EU external energy engagement in a changing world*. [Online] Available from: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:52022JC0023> (Accessed: 23rd August 2025).
11. Trading Economics. (2024) *GDP per capita PPP*. [Online] Available from: <https://tradingeconomics.com/country-list/gdp-per-capita-ppp?continent=world> (Accessed: 23rd August 2025).
12. United Nations. (2015) *Paris Agreement*. [Online] Available from: https://unfccc.int/sites/default/files/english_paris_agreement.pdf (Accessed: 23rd August 2025).
13. United Nations. (n.d.) *Kyoto Protocol – Targets for the first commitment period*. [Online] Available from: <https://unfccc.int/process-and-meetings/the-kyoto-protocol/what-is-the-kyoto-protocol/kyoto-protocol-targets-for-the-first-commitment-period> (Accessed: 23rd August 2025).
14. Kotov, V. (2004) The EU-Russia Ratification Deal: The Risks and Advantages of an Informal Agreement. *International Review for Environmental Strategies*. 5(1). pp. 157–168.
15. Ministry of Economic Development of the Russian Federation. (2025) *Prezident utverdil novuyu tsel' po snizheniyu vybrosov parnikovyykh gazov* [The President Approved a New Target for Reducing Greenhouse Gas Emissions]. [Online] Available from: <https://www.economy.gov.ru/mate>

rial/news/prezident_utverdil_novuyu_cel_po_snizheniyu_vybrossov_parnikovyh_gazov.html (Accessed: 23rd August 2025).

16. Bliznetskaya, E.A. (2024) *Analiz klimaticheskikh initsiativ Rossii v BRIKS* [A Review of Russia's Climatic Initiatives in BRICS]. [Online] Available from: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/analiz-klimaticheskikh-initsiativ-rossii-v-briks/> (Accessed: 23rd August 2025).

17. President of the Russian Federation. (2012) *Delijskaya deklaratsiya* [Delhi Declaration]. [Online] Available from: <http://www.kremlin.ru/supplement/1189> (Accessed: 23rd August 2025).

18. President of the Russian Federation. (2022) *Pekinskaya deklaratsiya* [Beijing Declaration]. [Online] Available from: <http://special.kremlin.ru/supplement/5819> (Accessed: 23rd August 2025).

19. President of the Russian Federation. (2023) *Yokhanneshburgskaya deklaratsiya-II* [Johannesburg Declaration-II]. Available from: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/ls471x8ogLBhjRQx05ufVB2uzMFo1kWs.pdf> (Accessed: 23rd August 2025).

20. President of the Russian Federation. (2025) *Ramochnaya deklaratsiya liderov stran BRIKS po klimaticheskomu finansirovaniyu* [Leaders' Framework Declaration on Climate Finance]. [Online] Available from: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/ewhugT8vY47TEb0uabZrm2phvAWQG85n.pdf> (Accessed: 23rd August 2025).

21. President of the Russian Federation. (2024) *Kazanskaya deklaratsiya* [Kazan Declaration]. [Online] Available from: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/MUCfWDg0QRs3xfMUiCAmF3LEh02OL3Hk.pdf> (Accessed: 23rd August 2025).

22. Strelnikova, I.A., Maiorov, M.G. & Popov, D.I. (2024) *Rasshirenie BRIKS: posledstviya dlya arkticheskogo sotrudnichestva v sfere logistiki* [BRICS Expansion: Consequences for Arctic Cooperation in Logistics]. *Analiz i prognoz. Zhurnal IMEMO RAN*. 3. pp. 71–82.

23. United Nations. (2023) *Submission by Spain and the European Commission on behalf of the European Union and its member states*. [Online] Available from: <https://unfccc.int/sites/default/files/NDC/2023-10/ES-2023-10-17%20EU%20submission%20NDC%20update.pdf> (Accessed: 23rd August 2025).

24. Globenergia. (2025) *OZE: tak bylo w 2024, a tak będzie już teraz. Analizujemy zmiany w miksie energetycznym*. [Online] Available from: <https://globenergia.pl/oze-tak-bylo-w-2024-a-tak-bedzie-juz-zaraz-analizujemy-zmiany-w-miksie-energetycznym/> (Accessed: 23rd August 2025).

25. The Russian Federation. (2025) *Strategiya natsional'noy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii* [National Security Strategy of the Russian Federation]. [Online] Available from: <http://government.ru/docs/all/135405/> (Accessed: 23rd August 2025).

26. President of the Russian Federation. (2023) *Klimaticheskaya doktrina Rossiyskoy Federatsii* [Climate Doctrine of the Russian Federation]. [Online] Available from: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49910> (Accessed: 23rd August 2025).

27. The State Council Information Office of the People's Republic of China. (2018) *China's Arctic Policy*. [Online] Available from: <https://library.arcticportal.org/2008/1/china-arctic-policy-2018.pdf> (Accessed: 23rd August 2025).

28. Government of India. (2022) *India's Arctic Policy*. [Online] Available from: <https://www.moes.gov.in/sites/default/files/2022-03/compressed-SINGLE-PAGE-ENGLISH.pdf> (Accessed: 23rd August 2025).

29. BRICS. (2025) *Roadmap for BRICS Energy Cooperation 2025–2030*. [Online] Available from: <http://brics.br/pt-br/documentos/meio-ambiente-clima-e-gestao-de-desastres/roadmap-for-brics-energy-cooperation-2025-2030.pdf/@download/file> (Accessed: 23rd August 2025).

30. Strelnikova, I.A. (2025) *Interesy Singapura i Indonezii v Arkitke: novye vozmozhnosti v epokhu mezhdunarodnoy turbulentnosti* [Interests of Singapore and Indonesia in the Arctic: New Opportunities in an Era of International Turbulence]. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya*. 1(1 (66)). pp. 200–213.

31. European Union External Action. (2021) *A stronger EU engagement for a peaceful, sustainable and prosperous Arctic*. [Online] Available from: https://www.eeas.europa.eu/eeas/joint-communication-stronger-eu-engagement-peaceful-sustainable-and-prosperous-arctic_en (Accessed: 23rd August 2025).

32. European Union External Action. (n.d.) *The EU in the Arctic*. [Online] Available from: https://www.eeas.europa.eu/eeas/eu-arctic_en (Accessed: 23rd August 2025).

33. Council of the European Union. (2021) *Council conclusions on Climate and Energy Diplomacy*. [Online] Available from: <https://www.consilium.europa.eu/media/48057/st05263-en21.pdf> (Accessed: 23rd August 2025).

Сведения об авторе:

Лисенкова А.Д. – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института международных исследований Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России (Москва, Россия); старший преподаватель кафедры международных отношений Северо-Западного института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: alena.denisovna@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Lisenkova A.D. – Cand. Sci. (Political Science), senior research fellow, Institute for International Studies, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation); senior lecturer, Department of International Relations, North-West Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: alena.denisovna@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 15.09.2025;
одобрена после рецензирования 22.11.2025; принята к публикации 09.12.2025
The article was submitted 15.09.2025;
approved after reviewing 22.11.2025; accepted for publication 09.12.2025*

Нучная статья

УДК: 322 (338.43) (510)

doi: 10.17223/1998863X/88/20

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ИННОВАЦИИ КПК В КОНТЕКСТЕ МОДЕРНИЗАЦИИ КИТАЙСКОГО СЕЛА: НОВЫЕ ПОДХОДЫ К УПРАВЛЕНИЮ АГРАРНЫМ СЕКТОРОМ

Максим Алексеевич Сущенко

*Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина, Краснодар,
Россия, spacemirror@mail.ru*

Аннотация: В статье анализируется комплексный адаптационный подход КПК к модернизации аграрного сектора КНР. Исследуя институциональные инновации в контексте адаптивного управления и госкорпоративизма, оценивается баланс между политическим контролем, экономическим развитием и социальной стабильностью. Эксперимент в провинции Чжэцзян раскрывает особенности этого подхода.

Ключевые слова: сельская модернизация, Китай, КПК, адаптивное управление, аграрная политика

Для цитирования: Сущенко М.А. Институциональные инновации КПК в контексте модернизации китайского села: новые подходы к управлению аграрным сектором // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 88. С. 231–239. doi: 10.17223/1998863X/88/20

Original article

INSTITUTIONAL INNOVATIONS OF THE CCP IN THE CONTEXT OF RURAL MODERNIZATION IN CHINA: NEW APPROACHES TO AGRICULTURAL SECTOR GOVERNANCE

Maxim A. Sushchenko

*Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Krasnodar, Russian Federation,
spacemirror@mail.ru*

Abstract. This research examines institutional changes initiated by the Chinese Communist Party (CCP) in rural China. The analysis employs the concepts of adaptive governance and state corporatism with Chinese characteristics, as these developments unfolded within China's unique model of state corporatism. Three primary policy instruments form the core of the analysis: first, the comprehensive technological modernization of agriculture through advanced IoT monitoring systems and precision farming; second, the landmark 2014 land reform that restructured property rights via the "separation of three rights" framework; and third, the expansion of social welfare programs specifically targeting rural populations. While these policy packages proved remarkably effective in the context of Zhejiang province, their broader implementation across China's diverse regions encounters significant structural barriers. Zhejiang's geographical advantages – as a coastal region with developed infrastructure, a skilled workforce, and proximity to major markets – create conditions difficult to replicate in inland or less developed areas. Furthermore, substantial variations in local economic conditions, resource endowments, and environmental factors – particularly the growing challenges of climate change – present additional complications for nationwide policy transfer. The research methodology combines systematic policy document analysis

with an in-depth, multi-year case study of Zhejiang's developmental trajectory. This dual approach yields important insights into the mechanisms of authoritarian modernization, wherein economic liberalization and technological advancement proceed within strictly maintained political parameters. The study makes several substantive contributions to existing scholarship: it provides empirical documentation of institutional reforms in action, develops a framework for understanding policy adaptation in constrained political systems, and details both the achievements and limitations of China's rural modernization efforts. Particularly valuable are findings concerning the challenges of scaling localized policy successes to the national level, which highlight the necessity of context-specific implementation strategies. For successful implementation in other regions, these approaches require careful adaptation to local specifics and the development of integrated strategies. Further research should aim to identify the factors determining the model's scalability and to develop adaptive frameworks for rural development.

Keywords: rural modernization, China, CPC, adaptive management, agrarian policy

For citation: Sushchenko, M.A. (2025) Institutional innovations of the CCP in the context of rural modernization in China: New approaches to agricultural sector governance. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 88. pp. 231–239. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/88/20

В условиях глобальной нестабильности, обостряющей проблемы продовольственной безопасности КНР, институциональные инновации Коммунистической партии Китая (КПК) в модернизации сельских территорий приобретают транснациональную релевантность. Поэтому актуальность исследования обусловлена необходимостью анализа *комплексной адаптационной модели*, позволяющей Китаю сочетать технологическую трансформацию аграрного сектора с укреплением стратегической автономии и управляемости социально-экономических процессов в условиях системных кризисов.

Целью данной статьи является анализ институциональных инноваций, внедряемых КПК в контексте модернизации китайского села, с акцентом на новые подходы к управлению аграрным сектором. Анализ основан на теоретических рамках адаптивного авторитаризма и государственного корпоративизма с китайской спецификой для изучения того, как КПК балансирует между политическим контролем, экономическим развитием и социальной стабильностью в аграрном секторе, используя в качестве примера кейс высокотехнологичного развития аграрной отрасли провинции Чжэцзян.

Несмотря на значительный прогресс в модернизации села, достигнутый Китаем под руководством КПК, сохраняется недостаток всестороннего понимания эффективности и долгосрочной устойчивости институциональных инноваций, внедряемых в аграрном секторе. Проблема исследования заключается в том, как КПК балансирует между необходимостью сохранения жесткого политического контроля и требованиями стимулирования экономического развития и социальной стабильности в сельских районах, и адекватно ли рамки адаптивного авторитаризма и «государственного корпоративизма с китайской спецификой» объясняют сложности и потенциальные непредвиденные последствия этих политик.

Теоретические рамки анализа институциональных инноваций КПК в сельской модернизации Китая

Институциональные инновации КПК понимаются как модификация правил, структур и управленческих практик для повышения эффективности по-

литической системы. Применительно к аграрному сектору они охватывают три взаимосвязанных измерения: адаптацию нормативно-правовой базы (например, законодательное закрепление поддержки кооперативов); оптимизацию механизмов взаимодействия партийных комитетов с новыми акторами развития (например, согласно закону «О специализированных фермерских кооперативах» 2007 г. [1]); внедрение экспериментальных моделей (пилотных зон). Особенность этих инноваций – сочетание иерархии с тактической гибкостью, позволяющее КПК балансировать между стабильностью и адаптацией к региональной специфике. Теоретически данный подход коррелирует с концепциями адаптивного авторитаризма и государственного корпоративизма с китайской спецификой. Исторический анализ Г.П. Белоглазова выделяет семь этапов модернизации аграрного комплекса Северо-Восточного Китая [2], что позволяет рассматривать современные реформы КПК как часть длительного процесса трансформации сельского социума.

Адаптивный авторитаризм – это исследовательская парадигма, описывающая способность КПК реагировать на изменяющиеся условия, поддерживая стабильность и легитимность режима [3. Р. 61].

«Государственный корпоративизм с китайской спецификой» описывается через принципы неокорпоративизма при контролируемом включении профессиональных групп в управленческие процессы. В китайской модели такими профессиональными общностями выступают фермеры, ИТ-специалисты, что трансформирует с точки зрения неокорпоративизма классический баланс автономии и сотрудничества в инструмент реализации партийной повестки. И действительно, на первый взгляд, классическое определение неокорпоративизма Ф. Шмиттера может соответствовать китайской модели [4. С. 15]. При этом у политолога отмечается необходимость сохранения автономии этих групп, что в китайской модели ограничено доминированием КПК. В отличие от шмиттеровского определения, где группы обменивают монополию на частичную автономию, в КНР контроль носит тотальный характер. Требования различных групп фильтруются через идеологические рамки КПК. Участие в диалоге с государством носит принудительный характер. Поэтому в нашей статье под ним понимается организованная система представительства интересов, при которой группы интересов (профессиональные ассоциации, бизнес-объединения, общественные организации) создаются, контролируются или официально санкционируются государством и правящей партией (КПК). Их монополия на представительство складывается в обмен на полный отказ от политической автономии, включая контроль за селекцией лидеров или идеологическую лояльность. Участие в диалоге с властью носит обязательный, а не добровольный характер, а артикуляция интересов допускается лишь в рамках, установленных партией (например, технические или экономические вопросы без политических требований).

Институциональные инновации КПК представляют собой гибридную модель, где формальные элементы западных теорий наполняются иным содержанием, подчиненным логике модернизации. Опираясь на адаптивный авторитаризм и *специфический государственный корпоративизм*, анализируется деятельность КПК по применению подходов к модернизации сельских районов КНР.

Анализ институциональных инноваций КПК: основные подходы

КПК применяет *комплексный адаптационный подход*, включающий оптимизацию управления, изменения нормативно-правовой базы и властный контроль над социально-экономическими трансформациями. Основные механизмы подхода: историческая легитимность, социальная стабильность, экономический рост и политический контроль. Нехватка продовольствия исторически была основной причиной социальных волнений в Китае. Обеспечивая стабильное снабжение продовольствием, КПК избегает этой исторической ловушки и укрепляет свою легитимность. Достаточная доступность продовольствия напрямую способствует социальной стабильности. Гарантированное продовольственное обеспечение снижает вероятность социального недовольства. Продовольственная безопасность поддерживает экономический рост, обеспечивая здоровую и продуктивную рабочую силу. Стабильный сельскохозяйственный сектор также высвобождает рабочую силу и ресурсы для других сфер экономики, что еще больше повышает экономическую эффективность. КПК реализует различные политики, связанные с сельским хозяйством, включая социально-экономическое и технологическое развитие. Эти политики позволяют партии осуществлять контроль над сельскохозяйственным сектором и направлять его развитие таким образом, чтобы оно соответствовало более широким политическим целям. Стремясь к самообеспечению в производстве продовольствия, КПК снижает свою зависимость от иностранного импорта, сводя к минимуму уязвимость от внешнего давления. Это особенно важно в условиях геополитической напряженности и опасений по поводу сбоев в цепочках поставок.

Оптимизационный подход направлен на повышение эффективности управления, усиление политического контроля и экономический рост. Данный подход на практике выражается в создании специализированных институциональных инструментов для трансформации традиционных методов управления через цифровые и административные инновации.

Цифровизация реализуется через IoT, big data, точное земледелие, e-commerce и внедрение ИИ, развитие кадров (обучение цифровым навыкам), господдержку (инвестиции в инфраструктуру) [5. С. 186–192]. Цифровизация сельского хозяйства выступает важным элементом институциональных инноваций КПК, обеспечивая структурные реформы и кадровое развитие для достижения стратегической цели – гарантированной продовольственной безопасности страны при сохранении власти КПК. Китайская система FCE (Fee-Charging Extension), разработанная в конце XX в., заложила институциональные основы современной модели взаимодействия аграрных служб с фермерами, сочетает государственную поддержку с рыночными механизмами стимулирования, что продолжает влиять на развитие сельских территорий КНР. Текущие инициативы КПК в аграрном секторе подтверждают три главных вектора реформ: интеграцию услуг, стандартизацию работы кадров и адаптацию модели FCE к новым вызовам. Продвижение «типичных случаев партийного механизма» – это практика тиражирования успешных локальных инициатив через стандартизацию, что демонстрирует эволюцию системы FCE в сторону централизованного управления инновациями и свидетельству-

ет об устойчивости институциональной траектории. Задача институциональной трансформации, как отмечают китайские исследователи, начиная со второй половины 1990-х гг. актуализировалась из развития потребности государства в приведении управления КНР в соответствие с международными стандартами [6]. Например, к таким инновациям относится внедрение системы КРІ (оценка эффективности работы партийных работников на основе показателей развития села).

Стратегия КПК в управлении сельской трансформацией, представляемая как «социально-экономический подход», на деле может являться инструментом интеграции, подобно описанному в исследовании Юнь Ма и Сюань Хэ. Хотя отношения с частным бизнесом преподносятся как взаимовыгодные, стоит учитывать, что партнерство сочетается с жестким контролем. Политическая интеграция и организационная включенность, наряду с подавлением независимых сил и адаптацией к новым условиям, в первую очередь направлены на укрепление власти. И хотя политическое доверие декларируется, оно может быть лишь средством достижения стабильности, выгодной прежде всего для правящей партии [7. Р. 422–428].

Политико-правовой подход обеспечивает справедливый доступ граждан КНР к ресурсам и возможностям, изменение законодательства, правил и создание новых институциональных форм для стимулирования желаемых китайской властью практик в аграрном секторе. Подход оказался воплощён в реформе «разделения трёх прав» 2014 г., обеспечившей переход к управляемой рыночной модели землепользования. Реформа системно трансформировала земельные отношения в китайской деревне, разграничив коллективную собственность, семейные подрядные и передаваемые права пользования [8]. Как отмечается в материалах ВСНП 2021 г., реформа «трех прав» развивается в рамках «социалистической демократии» [9].

Реформа воплощает *политико-правовой подход* к преобразованию аграрных отношений посредством создания управляемого рынка на принципах социалистической демократии, ориентируясь на создание благоприятных социально-экономических условий для граждан и приоритет верховного партийного руководства страной.

Данный подход, как иллюстрирует кейс горного района Линь (провинция Сычуань), предполагает реализацию комплексной стратегии развития, включающей поддержку новых форм хозяйствования в сфере туризма и инновационного аграрного производства [10. Р. 172]. Метод получил нормативное закрепление в 14-м пятилетнем плане (2021–2025 гг.) как основной механизм, включающий следующие векторы: комплексная агропромышленная интеграция с секторами первичного производства, переработки и сбыта сельхозпродукции; укрепление системы социального обеспечения.

Анализ институциональных инноваций КПК демонстрирует применение *комплексного адаптационного подхода* к модернизации китайского села. Данная стратегия органично сочетает повышение эффективности управления, динамичную адаптацию правовой базы к вызовам и гибкое регулирование социально-экономических трансформаций с учетом региональной специфики. Именно этот подход, ориентированный на устойчивое развитие, служит укреплению управленческого потенциала власти на местах.

Модель комплексной модернизации сельского хозяйства провинции Чжэцзян: достижения и ограничения

Провинция Чжэцзян – регион, получивший в 2021 г. статус пилотной зоны национальной стратегии «общего процветания», – демонстрирует эффективный синтез технологий, государственной поддержки и социальных мер, обеспечивающий устойчивое развитие сельских территорий. Действие закона «о специализированных фермерских кооперативах» способствует сокращению разрыва между городом и деревней, укрепляет социальную стабильность через повышение доходов фермеров в провинции.

Реализация сельскохозяйственной политики в провинции Чжэцзян: 2021 и 2024 гг.

Стратегическая цель	2021 г.	2024 г.
Стабилизация производства	Зерно: урожай: 621 тыс. т. Мясо: 103 тыс. т	Зерно: урожай: 650 тыс. т (+4,7%). Мясо: 123 тыс. т (+19,4%)
Технологическая модернизация	79 с/х парков, 109 поселков	280 сервисных центров, 44 семеноводческих предприятия, пилотная зона «умного с/х»
Инфраструктурное развитие	96% деревень – утилизация отходов, 19 тыс. объектов водоочистки	2023 км дорог, 5G/оптика, 100%-ная переработка отходов, > 90% вода, 99,99% электроснабжение, 12,8 тыс. домов
Социальная стабилизация	98,8% деревень: доход > 200 тыс. юаней; доход малоимущих: выше на 4,4%	100% деревень: доход > 300 тыс. юаней, доход малоимущих: +11,1% (на 5% выше), доходы в горных/островных уездах +11,5%
Сбалансированное развитие	11 уездов, 110 поселков, 315 деревень-моделей, 5 512 деревень соответствуют стандарту	881 «деревня будущего»; детсады (87,3%), школы (100%), медицина (54 центра, 144 клиники, 5 559 пунктов)

Источники: [11, 12]

Данные 2021 и 2024 гг. (таблица) показывают, что политика КПК в Чжэцзяне обеспечила устойчивый рост производства, технологическую модернизацию, улучшение инфраструктуры, повышение благосостояния сельского населения. С одной стороны, эти результаты демонстрируют эффективность *комплексного адаптационного подхода* к развитию аграрных регионов Китая.

С другой стороны, необходимо признать ряд ограничений по масштабированию опыта «модели Чжэцзяна» на весь Китай. Успех провинции зависит от уникального сочетания факторов, что ограничивает его масштабируемость на другие регионы страны. Эти ограничения соответствуют трем группам. Первая – связанные с географическим и экономическим положением Чжэцзяна. Прежде всего, выгодное расположение на восточной, наиболее развитой части страны, обеспечивающее лучший доступ к ресурсам и квалифицированной рабочей силе, передовым технологиям и сырьевым ресурсам, а также к обширным внутренним и международным рынкам сбыта. Вторая группа – ограничения, связанные с масштабируемостью на регионы с отличающимися социально-экономическими условиями. Поэтому необходимо учитывать региональную специфику при переносе опыта Чжэцзяна и общенациональные факторы развития Китая для успешного масштабирования, такие, например, как конъюнктура рынка, демографические проблемы. Третья группа – ограничения, связанные с устойчивостью и рисками модели в

долгосрочном периоде и необходимостью управления потенциальными непредвиденными последствиями региональных и глобальных кризисов, например подобных пандемии. Кроме того, важно признать противоречивую ситуацию с экологическим положением региона. На первый взгляд, в провинции реализуются успешные социально-экономические, в том числе экологические проекты, например «Голубой цикл». В то же время социально-экономическое развитие провинции сталкивается с неблагоприятными изменениями климата, негативные влияющими на сельское хозяйство. Альтернативными проектами модернизации провинции, учитывая эти ограничения, могли бы стать программы, направленные на справедливое распределение экономических выгод между городскими и сельскими районами, внедрение более строгих экологических стандартов для аграрного хозяйства, усиление механизмов разрешения земельных споров и защиты прав трудящихся.

Исследование демонстрирует *комплексный адаптационный подход* КПК, балансирующий между политическим контролем, экономическим развитием и социальной стабильностью. Внедрение институциональных инноваций привело к преобразованиям в китайской деревне. Пример провинции Чжэцзян дает представление о потенциале и ограничениях этой модели, особенно в отношении ее масштабируемости. Анализ вносит вклад в понимание того, как авторитарные режимы справляются с проблемами модернизации.

Модель Чжэцзяна не является универсальным решением для модернизации села. Успешное внедрение аналогичных подходов в других регионах требует учета их специфики и разработки комплексных стратегий. Дальнейшие исследования должны быть направлены на выявление факторов, определяющих успех масштабируемости модели, и разработку адаптивных стратегий развития сельских территорий.

Список источников

1. Закон Китайской Народной Республики о специализированных фермерских кооперативах [中华人民共和国专业合作社法] // Официальный веб-портал Правительства КНР. 2006. 31 октября. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2017-12/28/content_5251064.htm (дата обращения: 03.03.2024).
2. Белоглазов Г.П. Аграрная история Северо-Восточного Китая (Маньчжурии) в новое и новейшее время: модернизация, этапы и результаты // Общество: философия, история, культура. 2022. № 7 (99). С. 81–86. doi: 10.24158/fik.2022.7.12
3. Ahlers A.L., Schubert G. Adaptive Authoritarianism: Identifying Zones of Legitimacy Building // Asian Studies. Political Science. 2011. P. 59–79.
4. Шмидтер Ф. Неокорпоративизм // Полис. 1997. № 2. С. 14–22.
5. Chen H., Chang X., Wu J., Wu Q. Research on Digital Economy Enabling China's Agricultural Rural Modernization // International Journal of Global Economics and Management. 2025. Vol. 6, No. 2. P. 184–193. doi: 10.62051/ijgem.v6n2.17
6. Lan Xu, Kuotsai T.L. Government Reform in China: Concepts and Reform Cases // Review of Public Personnel Administration. 2012. No. 32. P. 115–133. doi: 10.1177/0734371X12438242
7. Ma J., He X. The Chinese Communist Party's Integration Policy Towards Private Business and Its Effectiveness: An Analysis of the Ninth National Survey of Chinese Private Enterprises // Chinese Journal of Sociology. 2018. Vol. 4, No. 3. P. 422–449. doi: 10.1177/2397002218782636
8. Заключение о руководстве по упорядоченной передаче прав на управление земельными ресурсами в сельской местности и развитии управления сельским хозяйством в умеренных масштабах [中共中央办公厅，国务院办公厅。关于引导农村土地经营权有序流转发展农业适度规模经营的意见] // Официальный веб-портал Правительства КНР. 2014. 20 ноября. URL: https://www.gov.cn/zhengce/2014-11/20/content_2781544.htm (дата обращения: 03.03.2024).

9. 70 лет законодательства Китая: от «законности» к «совершенному управлению» [全国人大常委会. 中国立法这70年: 从“有法可依”到“良法善治”] // Официальный сайт Всекитайского собрания народных представителей. 2021. 24 августа. URL: http://www.npc.gov.cn/npc/c12434/dzlfxzgcl70nflc/202108/t20210824_313190.html (дата обращения: 03.03.2024).

10. Liang D., Pan L. Young Farmers' Difficulties and Adaptations in Agriculture: A Case Study from a Mountainous Town in Sichuan Province, Southwest China // *Becoming A Young Farmer* / ed. S. Srinivasan. Cham : Springer, 2023. P. 157–181. doi: 10.1007/978-3-031-15233-7_6

11. Бюллетень национальной статистики экономического и социального развития провинции в 2021 г. 2021年浙江省国民经济和社会发展统计公报 / Статистическое бюро провинции Чжэцзян 浙江省统计局. URL: https://tjj.zj.gov.cn/art/2022/2/24/art_1229129205_4883213.html (дата обращения: 03.03.2024).

12. Экономическое и социальное развитие 2024 经济社会发展 / Статистическое бюро провинции Чжэцзян 浙江省统计局. URL: <https://tjj.zj.gov.cn/col/col1525492/index.html> (дата обращения: 03.03.2024).

References

1. The Government of the PRC. (2006) *Zakon Kitayskoy Narodnoy Respubliki o spetsializirovannykh fermerskikh kooperativakh* [Law of the People's Republic of China on Specialized Farmers Cooperatives]. [Online] Available from: https://www.gov.cn/xinwen/2017-12/28/content_5251064.htm (Accessed: 3rd March 2024).

2. Beloglazov, G.P. (2022) *Agrarnaya istoriya Severo-Vostochnogo Kitaya (Man'chzhurii) v novoe i noveishee vremya: modernizatsiya, etapy i rezul'taty* [Agrarian History of Northeast China (Manchuria) in Modern and Contemporary Times: Modernization, Stages, and Results]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*. 7(99). pp. 81–86. doi: 10.24158/fik.2022.7.12.

3. Ahlers, A.L. & Schubert, G. (2011) Adaptive Authoritarianism in Contemporary China: Identifying Zones of Legitimacy Building. *Asian Studies. Political Science*. pp. 59–79.

4. Schmitter, P.C. (1997) Neokorporativizm [Neo-Corporatism]. *Polis*. 2. pp. 14–22.

5. Chen, H., Chang, X., Wu, J. & Wu, Q. (2025) Research on Digital Economy Enabling China's Agricultural Rural Modernization. *International Journal of Global Economics and Management*. 6(2). pp. 184–193. doi: 10.62051/ijgem.v6n2.17

6. Xu, L. & Liou, K.-T. (2012) Government Reform in China: Concepts and Reform Cases. *Review of Public Personnel Administration*. 32(2). pp. 115–133. doi: 10.1177/0734371X12438242

7. Ma, J. & He, X. (2018) The Chinese Communist Party's Integration Policy Towards Private Business and Its Effectiveness: An Analysis of the Ninth National Survey of Chinese Private Enterprises. *Chinese Journal of Sociology*. 4(3). pp. 422–449. doi: 10.1177/2397002218782636

8. The Government of the PRC. (2014) *Zaklyuchenie o rukovodstve po uporyadochennoy peredache prav na upravlenie zemel'nyimi resursami v sel'skoy mestnosti i razvitii upravleniya sel'skim khozyaystvom v umerennykh masshtabakh* [Opinion on Guiding the Orderly Transfer of Management Rights of Rural Land and Developing Agricultural Management on an Appropriate Scale]. [Online] Available from: https://www.gov.cn/zhengce/2014-11/20/content_2781544.htm (Accessed: 3rd March 2024).

9. The National People's Congress of China. (2021) *70 let zakonodatel'stva Kitaya: ot "zakonnosti" k "sovershennomu upravleniyu"* [70 Years of Chinese Legislation: From “Having Laws to Follow” to “Good Laws and Good Governance”]. [Online] Available from: http://www.npc.gov.cn/npc/c12434/dzlfxzgcl70nflc/202108/t20210824_313190.html (Accessed: 3rd March 2024).

10. Liang, D. & Pan, L. (2023) Young Farmers' Difficulties and Adaptations in Agriculture: A Case Study from a Mountainous Town in Sichuan Province, Southwest China. In: Srinivasan, S. (ed.) *Becoming A Young Farmer*. Cham: Springer. pp. 157–181. doi: 10.1007/978-3-031-15233-7_6.

11. Statistics Bureau of Zhejiang Province. (2022) *Byulleten' natsional'noy statistiki ekonomicheskogo i sotsial'nogo razvitiya provintsii v 2021 g.* [Bulletin of National Statistics on Economic and Social Development of the Province in 2021]. [Online] Available from: https://tjj.zj.gov.cn/art/2022/2/24/art_1229129205_4883213.html (Accessed: 3rd March 2024).

12. Statistics Bureau of Zhejiang Province. (n.d.) *Ekonomicheskoe i sotsial'noe razvitie 2024* [Economic and Social Development 2024]. [Online] Available from: <https://tjj.zj.gov.cn/col/col1525492/index.html> (Accessed: 3rd March 2024).

Сведения об авторе:

Сущенко М.А. – кандидат политологических наук, доцент кафедры истории и политологии Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина (Краснодар, Россия). E-mail: spacemirror@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Sushchenko M.A. – Cand. Sci. (Political Science) (Ph.D. equivalent), associate professor at the Department of History and Political Science, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin (Krasnodar, Russian Federation). E-mail: spacemirror@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 25.08.2025;
одобрена после рецензирования 23.11.2025; принята к публикации 09.12.2025
The article was submitted 25.08.2025;
approved after reviewing 23.11.2025; accepted for publication 09.12.2025*

Научная статья

УДК 323

doi: 10.17223/1998863X/88/21

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУР, ОРИЕНТИРОВАННЫХ НА ДУХОВНУЮ АКТИВНОСТЬ

Нина Гаррьевна Щербинина¹, Елена Григорьевна Аванесова²

^{1,2} *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

¹ *sapfir.19@mail.ru*

² *avanesovafsf@yandex.ru*

Аннотация. Обосновывается зависимость специфики политической коммуникации от преобладающей культурной модели (внутренней или внешней). В данной связи подчеркивается существование двух политических коммуникаций: глобальной и национально-государственной. В качестве примера последней рассматривается шиитский Иран, политическая элита которого создает смысловой мир, основанный на идее веля-те-е факих, легитимирующей политико-правовую систему современного государства.

Ключевые слова: политическая коммуникация, культура, духовная активность, автокоммуникация, шиитский Иран, политический миф

Для цитирования: Щербинина Н.Г., Аванесова Е.Г. Политическая коммуникация в контексте культур, ориентированных на духовную активность // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 88. С. 240–249. doi: 10.17223/1998863X/88/21

Original article

POLITICAL COMMUNICATION IN THE CONTEXT OF CULTURES ORIENTED TOWARD SPIRITUAL ACTIVITY

Nina G. Shcherbinina¹, Elena G. Avanesova²

^{1,2} *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*

¹ *sapfir.19@mail.ru*

² *avanesovafsf@yandex.ru*

Abstract. Political culture, through modeling, organizes relevant political communication. For this reason, political cultures are divided into two types: those oriented toward the transmission of information or those oriented toward the reception of a code. Cultures with a predominantly autocommunication model are dominated by “spiritual activity” and form closed semantic worlds. Since communicative messages are recoded, political myth is used as “code 2.” Political myth is a story of a heroic journey, and the constitutive element of mythmaking is the creation of an enemy image. This text possesses the quality of “asemantics,” meaning it conveys its structure rather than merely testifies to events. As a result, myth becomes a framework for interpreting political content. It aligns with traditional values and promotes the sacralization and legitimization of power. As a result, two autonomous political communications emerge within the communication space. The first is a global network communication based on specific “protocols.” The second is national-state political communication based on “traditional values.” It typically involves recoding messages in religious and cultural codes. A striking example of a culture oriented toward autocommunication is Shiite Iran. After the revolution, the country embarked on a course toward building an Islamic state, the political system of which is formed based on the

principle of velayat-e-faqih. Essentially, this is a new interpretation of the old political myth narrating the rule of the twelve holy imams, the last of whom disappeared or went into hiding. Shiites believe in the return of Imam Mahdi. Ayatollah Khomeini substantiated the idea that during the period of awaiting the Mahdi, the country should be ruled by an authoritative faqih. Today, political myth serves as a legitimization of the Rahbar's authority. The government creates a semantic world based on the Shiite political myth and characterized by duality. Everything internal, grounded in traditional values, is declared good. Externality, understood as foreign influence that destroys ideological monopoly and introduces an alien culture contrary to Islamic values, embodies evil. The political culture of modern Iran has established a specific character of political communication within the state, characterized by secrecy, the sacralization of political discourse, the reproduction of religious narratives legitimizing the authority of the Rahbar and the political system as a whole, and the creation of an enemy image opposed by the bearers of genuine Islamic culture.

Keywords: political communication, culture, spiritual activity, autocommunication, Shiite Iran, political myth

For citation: Shcherbinina, N.G. & Avanesova, E.G. (2025) Political communication in the context of cultures oriented toward spiritual activity. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* – *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 88. pp. 240–249. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/88/21

Культура производит коммуникацию, а поскольку социальный мир представляет собой мир социокультурный, то социальная коммуникация вообще и политическая коммуникация как ее разновидность зависят от культурных моделей коммуникации. Аналогично политическая культура, если под ней понимать «рамочный» смысловой политический мир, производит политическую коммуникацию. В данной статье речь пойдет о культурах, в которых преобладает модель автокоммуникации в противовес культурам, где превалирует модель внешней коммуникации. Преобладание одной из моделей задает не только особенности политической культуры, но и специфику самой политической коммуникации. Потому целью данной статьи является определение характерных признаков политической коммуникации в контексте культур, сфокусированных на духовной активности. В работе применен метод феноменологического анализа.

Мы исходим из посылки, что культура и коммуникация тесно связаны. Согласно Ю.М. Лотману, в культуре существуют две системы передачи сообщений, задающие две модели коммуникации: «Я – Он» и «Я – Я». В системе «Я – Он» неизменное сообщение при константном коде передается от одного носителя информации к другому. В системе «Я – Я» сообщение переформулируется и в результате этого приобретает новый смысл. При этом сообщение перекодируется и тем самым превращается в новое сообщение [1. С. 165]. Таким образом, первая модель показывает, что культура данного типа ориентирована на простую передачу информации, тогда как вторая модель, присущая культуре с преобладанием внутренней коммуникации, трансформирует информацию и вместе с ней вызывает конверсию самого «Я». Если «коллективная личность», как субъект коммуникации, определяется неким набором культурно значимых кодов, то в процессе внутренней коммуникации данный набор, по мнению Лотмана, меняется.

Итак, коммуникация «Я – Я» – это внутренняя коммуникация, а «Я – Он» – внешняя. Во внешней коммуникации текст сначала кодируется, и затем декодируется в одной системе значений, при этом текст представляет собой

переменную, и в результате потерь при передаче наблюдается уменьшение информации. Во внутренней коммуникации вводится другой код и с его помощью текст трансформируется, при этом информация возрастает за счет переводов штампов в тексты. Внешняя коммуникация ориентирована на получение сообщения, внутренняя коммуникация – на приобретение кода [2. С. 667]. Согласно Лотману, в конкретной культуре происходит переход от одной системы к другой по принципу маятника, при этом одна из систем, как правило, превалирует. И господствующая модель коммуникации задает культурные тексты [1. С. 176–177]. Более того, существуют устойчивые культурно-коммуникативные тенденции: одни культуры сосредоточены на сообщениях, другие – на духовной активности. Культуры, ориентированные на сообщения, более динамичны, количество передаваемых текстов здесь постоянно растет, и они дают «прирост знаний». Однако общество при этом коммуникативно разделено на «передающих» и «принимающих», что способствует склонности к умственному потребительству. Культуры, ориентированные на автокоммуникацию, практикуют именно духовную активность, но зато они заметно менее динамичны в сфере внешнего потребления информации [1. С. 177].

В культурах с преобладанием автокоммуникаций, производящих политическую коммуникацию, обязательно задействован в качестве второго кода, который используется для перекодирования сообщения, политический миф, произошедший, по сути, от архаического мифа. Имеется в виду текст, связанный синтагматическими отношениями, т.е. последовательным расположением элементов. Миф как изначальное явление архаической культуры постепенно превратился в асемантический текст. Это значит, что сами мифы-тексты не сообщают о каких-либо конкретных событиях. Тем самым миф становится «кодом 2» или «схемой организации сообщения» [1. С. 176]. По нашему мнению, последовательность расположения элементов в политическом мифе задает мифо-героическая история путешествия героя или моно-миф. Однако сегодняшняя коммуникация, преимущественно сетевая, символически конструирующая политическую медиареальность, использует главным образом один мифомотив – битву героя со злом. Поскольку образ антагониста в акте создания мира играет конституирующую роль, то с него и начинается творчество конструктивной политической власти, создающей смысловые миры, подменяющие в политической коммуникации объективную действительность. Модель врага традиционна – это змей, в европейской традиции – библейское зло. Символическая роль героя (героем может выступать и нация, репрезентируя национальное государство) связана с подвигом змееборчества. Стиль репрезентации образной сферы – обесчеловечивание врага.

Сегодня в глобальной сетевой коммуникации очевидно прослеживается тенденция к навязыванию внешней модели коммуникации. Но коммуникация связана с культурой, от этой базовой мысли мы изначально отталкивались в своих рассуждениях. Культурно ориентированная коммуникация, и политическая в том числе, должна происходить на основе общих ценностей, при этом социальные ценности политизируются. Однако, согласно М. Кастельсу, системы ценностей, разделяемой всем глобальным сетевым сообществом, так и не сложилось, не образовалась и единая глобальная сетевая культура. Имеется в виду, что не сформировался целостный глобальный смысловой мир.

Потому в глобальной коммуникации возникает специфическая ценность самой коммуникации ради коммуникации: «...общая культура глобального сетевого общества является культурой протоколов коммуникации, позволяющей осуществлять коммуникацию между различными культурами не на основе разделяемых общих ценностей, а на основе разделения ценностей коммуникации» [3. С. 56]. Это означает, что между различными национальными культурами, представленными национальными государствами, коммуникация на основе единых политических ценностей практически невозможна.

На базе сконструированной единой системы политических ценностей возможна только коммуникация внутри национально-государственного сообщества. Неудивительно в данной связи, что образовалось ценностное противостояние между «новыми западными ценностями» и специфическими «традиционными ценностями» некоторых культур, ориентированных на внутреннюю коммуникацию. А основу для концептуализации традиционных ценностей задают разные религиозные духовные системы. И потому все попытки наладить политическую коммуникацию одного национально-государственного субъекта с другими национально-государственными субъектами не дают эффекта успешной коммуникации ввиду препятствия, которое возникает при перекодировании сообщений в религиозно-культурных кодах. Конкретный пример подает и противопоставление «традиционных семейных ценностей» и «новых семейных ценностей», вынесенное в пространство сетевой коммуникации. Эти социальные по природе ценности политизируются, поскольку верность традиции или склонность к новизне в данном случае связывается со спецификой политического режима.

Таким образом, на основе ценностного обмена / ценностного противостояния возникли два типа коммуникации – глобальная и внутринациональная. Это разделение относится и к политической коммуникации, поскольку все основные социальные значения сводятся к политическим смыслам. Оба типа коммуникации существуют практически автономно, поскольку национальные коммуникации замкнуты в смысловом отношении. Они представляют собой буквально закрытые для внешнего общения «рамочные» смысловые миры или политические культуры, которые, в свою очередь, производят релевантную по типу политическую коммуникацию. А между национальными государствами в цифровую эпоху на основе репрезентации политических ценностей возможна лишь конфликтная коммуникация, исключающая смысловой обмен. Отношения же носят антагонистический характер, и этот ценностный конфликт не поддается никакому урегулированию и не разрешается.

Особый интерес представляет то обстоятельство, что не существует таких религиозных систем, которые бы однозначно детерминировали модель политической коммуникации – внешнюю или автокоммуникацию – в том или ином национальном государстве. Однако можно говорить о преобладании типа коммуникации в зависимости от доминирующей в обществе религии. Так, для мусульманских государств более характерна автокоммуникация, в отличие, например, от стран с протестантским вероисповеданием. Многое зависит от того, какая роль отведена религии в публичной коммуникации государства: либо она является одним из её участников, либо становится монопольным источником конституирования политиче-

ских смыслов. Современный мир дает массу примеров таких стран, где традиционная религия создает условия для формирования политической культуры, ориентированной на автокоммуникацию. И, пожалуй, одним из самых ярких примеров такой культуры является шиитский Иран, политическая система которого базируется на единстве исламских и республиканских принципов.

Начало формированию нынешнего политического устройства страны положила исламская революция конца 70-х гг. прошлого века, лидером которой выступил религиозный и политический деятель Ирана аятолла Хомейни. Её ставят в ряд тех важных событий, которые ознаменовали собой начало постсекулярного периода в развитии современного общества, характеризующегося возвращением религии в публичную сферу. Ислам выступил мощной силой, при помощи которой была не только осуществлена политическая мобилизация и свергнут монархический строй, но и происходило «собрание» нового государства, создавался его политический дизайн, сохранивший свою значимость по сегодняшний день. На основе исламских ценностей лидером революции были сформулированы базовые идеологические принципы, составившие фундамент политико-правовой системы страны. И среди основных принципов, закрепленных в Конституции Ирана, – велаят-е факих, который, по сути, является новой интерпретацией старого шиитского политического мифа, характерного для шиитов имамитского направления. Суть его состоит в том, что после смерти Пророка Мухаммада мусульманской уммой управляли святые имамы, которых было двенадцать, и последний исчез или скрылся, получив наименование «двенадцатый скрытый имам». Имамита ожидают его возвращения в качестве Махди, который вернет в этот мир справедливость. И как считалось изначально, заместители «скрытого имама» не нужны, поскольку он невидимо руководит общиной шиитов. Но, как писал аятолла Хомейни, «вероятно, что имам века сего не вернется в течение длительного времени» [4], а справедливость нужна исламскому обществу сегодня, поэтому управлять государством должен факих, который «замещает» скрытого имама. Такую позицию иногда называли еретическим отклонением от традиционного шиизма [5. С. 164], но Хомейни обосновал свою позицию тем, что в ожидании Имама мусульмане не могут откладывать предписания ислама, «и, соответственно, необходимо иметь Исламское правительство ради того, чтобы претворять в жизнь Исламские законы и не давать антиисламским силам проникать в мусульманские страны» [4]. По сути, аятолла Хомейни внес новые политические смыслы в старый политический миф, важной характеристикой которого становится незавершенность.

Вышеупомянутый миф выполняет функцию легитимации существующего политического порядка и властных полномочий лидера страны (рахбара), большой перечень которых представлен в Конституции Ирана. И несмотря на то, что в государстве традиционно наличествуют три ветви власти, все они «функционируют под контролем абсолютного правления имама» [6]. В целом сфера государственного управления Республики Иран имеет довольно сложный дизайн со множеством «элементов», с закрепленной системой сдержек и противовесов, но уже при первом приближении видно, что одной из важнейших задач каждого властного элемента является контроль за соблюдением

остальными исламскими принципов. Для этого существуют строгие требования, касающиеся религиозной принадлежности кандидата на ту или иную политическую позицию. Так, кандидат на должность рахбара должен продемонстрировать компетентность в вопросах мусульманского права, быть набожным, иметь «правильное политическое и социальное мировоззрение» [6]. Назначает рахбара Ассамблея экспертов, являющаяся выборным органом, в состав которого входят муджтахиды (авторитетные исламские богословы-правоведы). При высшем руководителе действует несколько институтов, один из них – Совет стражей Конституции, состоящий наполовину из представителей исламского духовенства. Вторым по значимости лицом в стране является президент, который, согласно Конституции, должен выбираться из религиозно-политических деятелей, отвечающих следующим требованиям: иранское происхождение, гражданство Ирана, распорядительность и организационные способности, достойная биография и набожность, религиозность, вера в основы Исламской Республики и принадлежность к официальной религии страны [6]. Это обстоятельство указывает на то, что высшая власть в республике если и не полностью принадлежит мусульманским религиозным лидерам, то, во всяком случае, требует обязательного исламского вероисповедания от всех её носителей.

Опора на традиционные ценности представляется руководством страны не только как основа особого пути государства, противопоставляющего себя как западной, так и мусульмано-суннитской цивилизациям, но и залогом сохранения духовного и политического суверенитета государства. Поэтому главная задача рахбара состоит в поддержании и воспроизводстве политической коммуникации, построенной на исламской, а точнее шиитской, системе ценностей. Особую роль в сохранении важности данной коммуникации играет образ врага, который олицетворяет собой мировое зло. В недавнем выступлении в Большой мечети Тегерана Али Хаменеи в очередной раз подтвердил, что главными врагами Ирана являются Соединенные Штаты и Израиль [7]. Но если есть враг, должны быть и воины, которые будут с ним бороться. Таковыми рахбар в одной из своих речей назвал граждан Ирана, подчеркнув их великую миссию – быть солдатами скрытого имама [8]. В высказываниях Али Хаменеи звучат и мессианские мотивы: «...придет время, когда все угнетатели мира будут уничтожены и человечество вступит в просвещенную эру имама Махди» [8], который вернёт в этот мир справедливость. Никто не знает, когда вернется имам, но уже сегодня можно приближать его приход, выстраивая справедливое общество, живущее на основе законов, созданных, как писал аятолла Рухулла Хомейни, «творцом, Всемогущим Аллахом» [4]. Таким образом, власть самолегитимируется через постоянное воспроизводство собственных нарративов.

Вестернизация и проникновение в страну западных ценностей рассматриваются властями Ирана как «пагубный процесс». В свою очередь, препятствием к их вторжению объявляется доминирование в обществе исламской культуры, которая должна охватить все сферы жизни населения – и личную, и общественную. В Иране функционирует Высший совет культурной революции, который имеет огромные полномочия и основными задачами которого являются, с одной стороны, сохранение и закрепление культурного уклада (кода) страны, сформированного на основе исламских

ценностей, а с другой – «борьба с западными влияниями в культурной сфере» [9. С. 7]. Особая роль в этой борьбе отводится сфере образования, одной из функций которой становится передача молодому поколению традиционных ценностей. Высший совет имеет значительные полномочия, по сути, он выполняет функцию квазизаконодательного регулирования сферы культуры [9. С. 14], которая в целом носит «охранительный» характер и нацелена на сохранение ценностей и смыслов, закрепленных в Коране и развитых в шиитской политической доктрине в целом и в учении аятоллы Рухоллы Хомейни в частности.

Властные структуры регулируют производство и передачу политических смыслов посредством контроля средств массовой информации. В Конституции Ирана сказано, что «на телевидении и радио Исламской Республики Иран обеспечивается свобода слова и распространения мыслей и идей при условии соблюдения исламских норм...» [6]. Согласно Конституции ИРИ рахбар лично назначает председателя телерадиовещательной Организации «Голос и образ Исламской Республики Иран» (IRIB), что указывает на подконтрольность крупнейшей в стране медиа факиху, занимающему пост верховного лидера Ирана. Ряд других государственных СМИ формирует и транслирует населению контент, отвечающий современной политической повестке государства, к таковым можно отнести Информационное агентство Исламской Республики (ИРНА), которое осуществляет вещание на нескольких языках, в том числе и на русском. Между тем нельзя не отметить, что современная активная цифровизация медиа затронула и иранское общество, поэтому властям государства всё труднее контролировать новые каналы распространения информации.

Политическая коммуникация, выстраиваемая на исламских ценностях, является на сегодняшний день раздражителем для многих политических акторов как внутри государства, так и за его пределами. Внутри таковым является оппозиция, которая не раз устраивала массовые протесты против государственного строя Исламской Республики. Лидеры оппозиции выражают недовольство господством ислама во всех сферах жизни общества и регулярно говорят о необходимости перехода к светской модели государственного устройства. Последние крупные протесты в ИРИ прошли в 2022 г., и причиной их стала гибель девушки, задержанной полицией нравов за нарушение исламского дресс-кода [10. С. 214]. Выступления быстро переросли в требование ликвидации исламского режима. Летом 2025 г. Мир-Хосейн Мусави, бывший премьер-министр Ирана, выступил с инициативой проведения референдума о переходе к светской модели государственного устройства. Эту инициативу поддерживает часть политических деятелей Ирана, поскольку они полагают, что система веляят-е факих полностью себя дискредитировала.

Внешними акторами являются не только страны с либеральной формой правления, но и иранская политическая эмиграция. Вооруженный конфликт между Ираном и Израилем, начавшийся летом 2025 г., был воспринят некоторыми представителями эмиграции как шанс на свержение исламского режима. Так, по сообщениям некоторых источников, Реза Пехлеви, глава правящего дома в изгнании, призвал иранский народ к восстанию [11]. Таким образом, Иран переживает сегодня непростые времена:

страна занимает второе место по количеству международных санкций (после РФ, которая опередила Иран после 2022 г.), что сильно сказалось на её экономике, торговле и т.д. Ситуация осложняется открытой военной конфронтацией с Израилем. Однако в этой ситуации иранские власти по-прежнему делают ставку на религиозный фактор, который, по их мнению, призван выполнять так необходимые на сегодняшний день мобилизационную и интеграционную функции в обществе.

Политическая культура современного Ирана, сформированная на основе шиитской доктрины вelayat-e faqih и ориентированная на духовную активность, задала специфический характер политической коммуникации в государстве. Этой культуре присущи ярко выраженные мессианские и сотериологические черты. Шииты всегда были в абсолютном меньшинстве в мусульманско-суннитском мире, что способствовало в какой-то мере их закрытости, пониманию особой важности сохранения своей конфессиональной идентичности и необходимости сопротивления злу и несправедливости, направленному против них. Всё это повлияло на то, что в Иране сформировалась политическая культура, в которой преобладает модель автокоммуникации. Власть создает смысловой мир, основанный на шиитском политическом мифе и характеризующийся дуальностью: в нем присутствует как добро, так и зло. Олицетворением добра является властвующая элита, целью исламского правления которой провозглашается «рост человеческой личности в направлении божественного строя» [6]. Внешнее, понимаемое как чужое влияние, разрушающее идеологический монополизм и приносящее чуждую культуру, противную исламским ценностям, олицетворяет зло. Вся политическая система Ирана построена на воспроизводстве заданной – шиитской – картины мира. Религиозные смыслы, вносимые в политическую коммуникацию, активно используются властью для мобилизации общественной поддержки, легитимации политической элиты и политического курса. Таким образом, иранская модель политической коммуникации характеризуется закрытостью, сакрализацией политического дискурса, воспроизводством религиозных нарративов, легитимирующих властные полномочия рахбара и политическую систему в целом, созданием образа врага, которому противостоят носители подлинной исламской культуры.

Список источников

1. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров // Семиосфера. СПб. : Искусство. СПб, 2001. С. 150–390.
2. Лотман Ю.М. О двух моделях коммуникации и их соотношении в общей системе культуры // Семиосфера. СПб. : Искусство. СПб, 2001. С. 666–668.
3. Кастельс М. Власть коммуникации. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 564 с.
4. Имам Рухулла Хомейни Столпы исламского государства // Отечественные записки. 2003. № 5. URL: <https://magazines.gorky.media/oz/2003/5/stolpy-islamskogo-gosudarstva.html> (дата обращения: 31.10.2025).
5. Имаков Т.З., Семедов С.А. Хомейнизм – идеология политического ислама // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2010. № 4. С. 162–170.
6. Конституция Ирана // Россия: Библиотека Пашкова. URL: <https://constitutions.ru/?p=140> (дата обращения: 01.11.2025).
7. Али Хаменеи назвал главных врагов Ирана // IslamNews. URL: <https://islamnews.ru/2025/3/31/ali-khamenei-nazval-glavnykh-vragov-irana> (дата обращения: 03.11.2025).

8. Верховный лидер Ирана призвал готовиться к войне и Судному дню // Lenta.Ru. URL: <https://lenta.ru/news/2012/07/11/ayatolla/> (дата обращения: 03.11.2025).

9. Выцлан С.Е. Эволюция правового статуса Высшего совета культурной революции Исламской Республики Иран // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2022. Т. 18, № 4. С. 5–15.

10. Филлин Н.А., Ходунов А.С. Реакция иранских органов власти на массовые протестные выступления осени 2022 г. // Власть. 2024. № 1. С. 214–219.

11. Изгнанный наследный принц Ирана призвал к свержению Хаменеи // Сегодня. URL: <https://segodnya.co.il/news/izgnannyj-naslednyj-prints-irana-prizval-k-sverzheniju-hamenei/> (дата обращения: 03.11.2025).

References

1. Lotman, Yu.M. (2001) *Semiosfera* [Semiosphere]. St. Petersburg: Iskusstvo. SPB. pp. 150–390.

2. Lotman, Yu.M. (2001) *Semiosfera* [Semiosphere]. St. Petersburg: Iskusstvo. SPB. pp. 666–668.

3. Castells, M. (2016) *Vlast' kommunikatsii* [The Power of Communication]. Moscow: HSE.

4. Imam Ruhollah Khomeini. (2003) *Stolpy islamskogo gosudarstva* [Pillars of the Islamic State]. *Otechestvennyye zapiski*. 5. [Online] Available from: <https://magazines.gorky.media/oz/2003/5/stolpy-islamskogo-gosudarstva.html> (Accessed: 31st October 2025).

5. Imanov, T.Z. & Semedov, S.A. (2010) Khomeynizm – ideologiya politicheskogo islama [Khomeinism – the ideology of political Islam]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom*. 4. pp. 162–170.

6. *The Constitution of Iran*. [Online] Available from: <https://constitutions.ru/?p=140> (Accessed: 1st November 2025).

7. *IslamNews*. (2025) Ali Khamenei nazval glavnykh vragov Irana [Ali Khamenei named Iran's main enemies]. 31st March. [Online] Available from: <https://islamnews.ru/2025/3/31/ali-khamenei-nazval-glavnykh-vragov-irana> (Accessed: 3rd November 2025).

8. Lenta.ru. (n.d.) *Verkhovnyy lider Irana prizval gotovit'sya k voyne i Sudnomu dnyu* [Iran's Supreme Leader Called for Preparations for War and Judgment Day]. [Online] Available from: <https://lenta.ru/news/2012/07/11/ayatolla/> (Accessed: 3rd November 2025).

9. Vytslan, S.E. (2022) Evolyutsiya pravovogo statusa Vysshego soveta kul'turnoy revolyutsii Islamskoy Respubliki Iran [Evolution of the Legal Status of the Supreme Council of the Cultural Revolution of the Islamic Republic of Iran]. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya*. 18(4). pp. 5–15.

10. Filin, N.A. & Khodunov, A.S. (2024) Reaktsiya iranskikh organov vlasti na massovye protestnye vystupleniya oseni 2022 g. [The Reaction of Iranian Authorities to the Mass Protests of Autumn 2022]. *Vlast'*. 1. pp. 214–219.

11. Segodnya. (n.d.) *Izgnannyj naslednyj prints Irana prizval k sverzheniyu Khamenei* [Iran's Exiled Crown Prince Calls for Khamenei's Overthrow]. [Online] Available from: <https://segodnya.co.il/news/izgnannyj-naslednyj-prints-irana-prizval-k-sverzheniju-hamenei/> (Accessed: 3rd November 2025).

Сведения об авторе:

Щербинина Н.Г. – доктор политических наук, доцент, профессор кафедры политологии ФИПН Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: sapfir.19@mail.ru

Аванесова Е.Г. – кандидат философских наук, доцент кафедры политологии ФИПН Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: avanesovafsf@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Shcherbinina N.G. – Dr. Sci. (Political Science), docent, professor at the Department of Political Science, Faculty of History and Political Sciences, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sapfir.19@mail.ru

Avanesova E.G. – Cand. Sci. (Philosophy), associate professor at the Department of Political Science, Faculty of History and Political Science, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: avanesovafsf@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 14.11.2025;
одобрена после рецензирования 23.11.2025; принята к публикации 09.12.2025
The article was submitted 14.11.2025;
approved after reviewing 23.11.2025; accepted for publication 09.12.2025*

МОНОЛОГИ, ДИАЛОГИ, ДИСКУССИИ

Семиотический оптимум: как его обнаружить и применить?

Научная статья

УДК 167.7

doi: 10.17223/1998863X/88/22

СЕМИОТИЧЕСКИЙ ОПТИМУМ: ГЕНЕЗИС ОБНАРУЖЕННЫХ СИТУАЦИЙ

Ирина Вигеновна Мелик-Гайказян

*Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия
melikiv@tspu.ru*

Аннотация. В действительности, создаваемой социальными технологиями, обнаруживают себя ситуации в своем генезисе, аналогичные редкому прежде явлению – бифуркации Хопфа. Характеристикой фиксируемых ситуаций является одновременность процессов атомизации акторов и спонтанных поляризаций мнений. Поскольку существование в конструируемых ситуациях сопровождается необходимостью в технике безопасности, то «семиотический оптимум» способен играть роль паллиатива этой защитной меры.

Ключевые слова: нелинейная динамика, информационные процессы, мнения, гибридные формы

Для цитирования: Мелик-Гайказян И.В. Семиотический оптимум: генезис обнаруженных ситуаций // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 88. С. 250–259. doi: 10.17223/1998863X/88/22

MONOLOGUES, DIALOGUES, DISCUSSIONS

Semiotic optimum: How to discover and apply?

Original article

SEMIOTIC OPTIMUM: GENESIS OF DISCOVERED SITUATIONS

Irina V. Melik-Gaykazyan

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation, melikiv@tspu.ru

Abstract. This article summarizes the interim research results related to the author's proposed concept of the "semiotic optimum". Initially, this concept captured the general form of a solution to a methodological task under conditions of sudden (e.g., quarantine)

changes in the circumstances of the educational process, in other words, the rapid development of a course structure where the main content would correspond to the teaching goals, and its form would assume the required appearance. Thus, the optimum is a palliative reaction to external circumstances from the standpoint of one's own goals, understood in a specific way. This optimum is deemed "semiotic" because it focuses on finding an effective syntax between the symbolic expression of transformation goals and the semantic-pragmatic expression of the goals of teaching itself. The set objective – finding a solution in a general form – later expanded the subject area of the research, leading to the clarification of the genesis of problem situations during sudden changes in external circumstances. This genesis was discovered through the application of the author's approach, which posits that the emergence of a semiotic form is the result of specific stages of an information process, and that this process itself is a mechanism of self-organization. The established role of information processes in nonlinear dynamics allows for a distinction between these processes and information technologies. Simply put, humans did not create information processes but have themselves become their creation. Humans have created information technologies: an artificial likeness of information processes. Understanding the difference between these technologies and processes creates an opportunity to detect the loci of deformations caused by exceeding the limits of replacing the natural with the artificial. It has been established that in the reality constructed by social technologies, situations are manifesting themselves in their genesis that are analogous to a previously rare phenomenon – the Hopf bifurcation. This hybrid genesis is observable through the emerging hybrid forms (memes, narratives on social media). The impact of digital technologies – artificial constructs of information processes – leads to a state of "forced symbolism", which, in turn, subsumes an individual's self-narrative under opinions circulating within spontaneously arising "information bubbles". A characteristic of the recorded situations is the simultaneity of processes of actor atomization and spontaneous polarization of opinions. Since existence within constructed situations is accompanied by a necessity for safety techniques, the "semiotic optimum" can play the role of a palliative for this protective measure.

Keywords: nonlinear dynamics, information processes, opinions, hybrid forms

For citation: Melik-Gaykazyan, I.V. (2025) Semiotic optimum: Genesis of discovered situations. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 88. pp. 250–259. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/88/22

Следует начать с двух примеров, которые способны иллюстрировать ситуацию, фиксируемую авторским концептом «семиотический оптимум»¹. Подобное начало обусловлено тем, что предлагаемые в статье способы диагностики таких ситуаций не являются общепризнанными и нуждаются в разъяснении.

Первый пример касается резкого и сравнительно недавнего переформатирования аспирантуры в отечественной образовательной практике. К прежней форме получения высшей квалификации, подчиненной известной цели – выполнению аспирантом самостоятельного исследования для приращения достоверного знания, было добавлено обучение аспиранта разнообразным предметам и получение им квалификации преподавателя-исследователя. В этом добавлении можно распознать отдельные части стратегий, принятых в

¹ Можно отметить обстоятельства написания этой статьи, в которые входит необходимость в обобщении промежуточных исследовательских результатов, связанных с концептом «семиотический оптимум» и опубликованных с участием автора в выпусках журнала «ПРАΞИМА. Проблемы визуальной семиотики» в 2024 г. и в № 82 журнала «Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология». Эти статьи были подготовлены при выполнении проекта «Конструирование семиотического оптимума в образовательном пространстве подготовки будущих учителей» (грант ТГПУ). В настоящее время участники проекта представляют разные исследовательские направления.

разных странах, а эти стратегии в каждой стране опираются на собственные философско-теоретические основания подготовки специалистов для занятия наукой. Иначе говоря, в этом добавлении есть смешение очень разных идейных традиций и целей как подготовки к научной деятельности, так и целей самой этой деятельности. Прежде чем продолжить изложение примера, акцентируем в нем следующие нюансы: изменения произошли быстро; изменения были внешними для вузов; к сложившейся практике аспирантуры добавили новые функции; изменения основаны на смешении разных тенденций в формировании предшествующих условий. Реакции вузов распределяются по разными вариантам. Самая простая реакция: ответить на имитацию новации имитацией реализации новации. Но если университет согласен с идеей, что получение ученой степени основано на обучении ответам уже кем-то поставленных задач и когда-то решенных задач, т.е. согласен, что обучение этому может быть перенесено на время аспирантуры, а не предшествовать поступлению в аспирантуру, то университет примет нововведение таким, каким оно представлено к исполнению. Последствием такого решения будет некоторый выигрыш: незащитившиеся аспиранты, обучавшиеся в «старой» аспирантуре, могут опять поступить в аспирантуру в ее «новой» форме, что способно увеличить вероятность её окончания или защитой диссертаций. Если университет уверен, что основу образования составляет самостоятельная работа студента (к небанальной организации которой вуз прилагает все усилия); что преподавание есть не ретрансляция учебников, а деятельность, основанная на личном исследовательском опыте преподавателя; что его пространство организует не предоставление образовательных услуг, а предоставление возможностей молодым преподавателям/исследователям стать опытными преподавателями/исследователями на основе обеспечения совместной научной работы ассистента с профессором [1. С. 134], то этот университет будет находить возможность встроить нововведение в процесс достижения перечисленных целей. Иными словами, находить то, чему дано авторское название «семиотический оптимум». Как может выглядеть этот оптимум и почему он семиотический? Исходя из высокой вероятности того, что выпускники философских, исторических, механико-математических и других факультетов могут найти работу в качестве преподавателей соответствующих предметов в общеуниверситетских форматах, добавленную квалификацию преподавателя-исследователя обеспечивает следующее. Во-первых, предложение задать по теме своей диссертации составить с соблюдением всех норм и реквизитов рабочую программу спецкурса (включая задания для самостоятельной работы). Во-вторых, организация курса лекций, который прочтут лучшие лекторы факультета, которые выбирают для этой цели свою лучшую лекцию, а ее содержание будет определено не столько содержанием темы, сколько объяснением оснований для выбора структуры изложения из спектра возможных вариантов, отбора демонстраций и т.д. Что послужит предметным воплощением известного факта: суть преподавания не в проведении времени преподавателям в аудитории, а в подготовке к проведению этого времени с конкретными целями. Итак, оптимум есть паллиативная реакция на внешние обстоятельства с позиции определенным образом понимаемых собственных целей. Семиотическим этот оптимум делает то, что он сосредоточен на синтаксисе между внешними для системы семантикой

и прагматикой и теми семантикой и прагматикой, которые принадлежат самой системе.

Второй пример связан с мысленным экспериментом, проводимым с использованием интернет-ресурсов, посвященных дискуссиям в стиле «Кошечки или собачки». Суть эксперимента – в конструировании реакций сообщества на комментарии, составленные так, чтобы они собрали либо максимальное количество лайков (позитивных ответов), либо были проигнорированы, либо собрали максимальное количество дизлайков (негативных ответов). Для моральной чистоты эксперимента задачи сопровождают условия: при составлении комментария не переходить (как было сказано в известном фильме) «грань светского разговора»; сам составитель комментариев изначально заявит о себе как о любителе «хомяков». Результаты наблюдения легко представить. Сама техника составления таких комментариев банальна, поэтому не в ней суть. Некоторый интерес представляет подобие второго примера первому: составленные комментарии будут внешним для сообщества; реакция на них будет быстрой. Вместе с тем есть еще одна общность у примеров. Она касается эффектов, производимых добавлением функций сконструированному объекту¹. Понимание среды Интернета в качестве средства коммуникаций дополняет обстоятельство, обеспечивающее существование данной среды. Это обстоятельство состоит в том, что сама среда есть пространство «глобального супермаркета» [4. С. 3]. Пространство предназначено для обитания Nobrow [4], буквально – «безбрового», соединяющего облик высоколобого с обликом профана. Пространство становится воспитывающей средой возвышенного профана, т.е. человека, убежденного в своей исключительности, а следовательно, легко подменяющего суждение и/или умозаключение высказываемым мнением. Воспитание гибрида – Nobrow – во многом объясняет нынешнее акцентирование так называемых личных границ не в качестве осознания собственной идентичности, а в качестве коммуникативного огораживания (атомизации), в процессе которого сами границы становятся барьером и не превращаются в линию контакта или переходную зону. Итак, мы имеем дело с социальной технологией, сконструировавшей множество беспрецедентных возможностей и удобств, что определило создание ею новых ландшафтов культуры, но и сопровождаемой побочным продуктом: имитацией человеческого общения в искусственных сообществах. И чтобы избежать таких побочных продуктов, нужна «техника безопасности» при использовании искусственных объектов. Семиотический оптимум является одним из направлений создания такой «техники безопасности» в определенных ситуациях, а фиксация генезиса этих ситуаций составляет специфику обсуждаемого концепта.

Само обнаружение генезиса данных ситуаций стало результатом применения трех методологических принципов [5]: А. Для исследований коллективного поведения в непредсказуемо меняющихся условиях релевантным является нелинейная динамика. Б. Фазы самоорганизации обладают корре-

---

¹ Для понимания места и квалификации социальных технологий уместно напомнить распределение оппозиций естественное/искусственное и биологическое/социальное, представленное В.И. Гиленком [2], согласно которому, в частности, советское определение «служащие» соответствует искусственной интеллигенции. Полагаю, это распределение восходит к идеям русской философии о соотношении культуры и цивилизации – к работам С.Л. Франка «Крушение кумиров» и Н.А. Бердяева «Воля к жизни и воля к культуре» [3. С. 249–269].

спонденцией с основными стадиями информационного процесса¹. В. Завершением каждой стадии информационного процесса становится форма знака, выражающая начальные условия для следующей стадии, что обуславливает вариативность всей семиотической динамики. Подробное изложение всех процедур, разработанных в соответствии с перечисленными принципами, представлено в публикациях, о которых сказано в первом подстрочном примечании. Здесь же есть смысл добавить следующее. *Во-первых*, в философском сообществе имеют место сомнения в полезности парадигм нелинейной динамики для гуманитарных исследований. При этих сомнениях часто упускается из виду, что в названии книги «Порядок из хаоса», популяризирующей начало одной из данных парадигм, у заголовка есть вторая часть: «Новый диалог человека с природой» [6]. Сам же «диалог» предполагает, что «человек» задает вопросы, высказывает суждения о себе и природе, об условиях своего существования в природном окружении и пределах преобразования этого окружения. И может получить ответы от стороны диалога. В этих ответах есть для «человека» много нового о необратимости времени, об изменениях, о дальнейших перспективах, что в предисловии к книге отметил футуролог Элвин Тоффлер [6. С. 11–33]². В парадигме [6] события-бифуркации происходят от трансформации взаимодействия система – окружение. В другой парадигме самоорганизующаяся система обладает «режимами с обострением» [7], поэтому, чтобы происходили бифуркации, воздействия окружения не так важны. Но в современной нелинейной динамике уже есть множество конкурирующих парадигм, и галерея «портретов бифуркаций» пополняется новыми моделями фазовых переходов. Так, известны модели, демонстрирующие фазовые переходы, которые вызывают дополнения технических объектов функциями, которые изначально не были предусмотрены. Среди «портретов бифуркаций» есть редкий и давно известный. Это бифуркация Хопфа³. Если другие «портреты» иллюстрируют расщепления фазовых траекторий, становящихся потенциальными вариантами действительности, то при бифуркации Хопфа ее «ветви» есть квазиразвилка, поскольку сами «ветви» принадлежат разным «стволам». Можно сказать, что бифуркация Хопфа демонстрирует редкий случай совпадения в одной области фазового пространства последствий ветвления разных предшествующих траекторий.

Во-вторых, корреспонденция фаз самоорганизации и стадий информационного процесса [5] позволила сделать вывод о том, что бифуркация есть место для этапа генерации информации⁴. Вместе с тем есть основания полагать, что бифуркация Хопфа не становится обстоятельством для генерации информации. Эта бифуркация, будучи явлением гибридным, становится при-

¹ Понятие «процесс» здесь употреблено в том значении, которое оно получило еще в термодинамике. Это значение демонстрирует принципиальное различие математического описания для процессов (работа и тепло) и функций состояния (энергия и энтропия).

² Полагаю, что «природа» могла бы задать вопрос: человек, тебе не стыдно?

³ Полное название: бифуркация Пуанкаре–Андронов–Хопфа

⁴ До нелинейной динамики в кибернетических теориях информации не находилось места для процесса генерации информации, поэтому кибернетика (и ее методологические следствия в философской школе Г.П. Щедровицкого) была занята не столько самоорганизацией, сколько саморегуляцией, что объясняет успех реализации для техники управления сложными промышленными объектами в индустриальном обществе.

мером мутации искусственного объекта, поскольку тиражирует в случайных комбинациях «осколки» прежних генераций. Понятие «мутация» принадлежит теориям биологической эволюции. Его употребление здесь связано с тем, что теории информации еще в кибернетический период обнаружили общность поведения биологических и искусственных систем, что, кстати, давало основания полагать, что информация «начинается» с «живого». В рамках синергетической парадигмы появились основания для утверждения о том, что информационные процессы есть механизмы самоорганизации систем любой природы [5]. Проще говоря, не человек создал информационные процессы, а сам стал их творением. Человеком же созданы информационные технологии – искусственное подобие информационных процессов. Если понимать разницу между этими технологиями и процессами, то появляется шанс обнаруживать локусы деформаций от нарушения пределов замены естественного искусственным, что опять же возвращает к вопросу о «технике безопасности» в обнаруженных локусах.

В-третьих, действительность представляется в структурности форм знаков, которые получают либо единичную, либо коллективную интерпретацию, что создает вариативные реальности. При высоком темпе изменений действительности индивидуальная трактовка проигрывает в скорости коллективному реагированию. Поток мгновенных реакций, в которых триггеры и аттракции возникают случайно, приводит к спонтанной поляризации мнений, оставляя на индивидуальном уровне только возможность выбора между этими крайними коллективными позициями. В такой ситуации, генезис которой выражен в бифуркации Хопфа, не спасает традиционный рецепт – «истина посередине», поскольку «середины» нет.

Гибридный генезис ситуации имеет свои симптомы. Сопоставление знака и симптома обладает обоснованием [8]. В современных прикладных семиотических исследованиях эти симптомы выявляются [9–11]. В число симптомов входят гибридные формы знаков – мемы, которые могут соединять представления о прошлом как переживаемое настоящее [9], выражая ожидаемое и перекодируя предшествующее¹. Однако фиксация симптомов еще не ведет к диагнозу, для постановки которого нужно определение синдрома – совокупности симптомов-знаков, объединяемой причинами конкретного состояния (этиологией) и механизмами его развития (патогенез). Для подобного определения служит высказанный выше методологический принцип о том, что информационный процесс последовательностью своих стадий распределяет порождение знаков-симптомов и служит механизмом самоорганизации. При описании симптомов используют соответствующие термины (реципиент, трансляция и др.) и отмечают, что «информация кодируется разными семиотическими системами» [11. С. 60]. Но дело в том, что в состав стадий входит процесс кодирования, результатом которого становится код/коды, фиксирующий(ие) итоги предшествующих стадий (генерации и фиксации) и обеспечивающий(ие) последующие стадии-процессы (хранение и передачу, рецепцию и реализацию, etc.). Каждый из этих этапов порождает формы знаков, и если эту структуру принять во внимание, то становится возможным понимать, что является причи-

¹ Вместе с тем описание этого симптома подтверждает высказанную в данной статье характеристику ситуации, касающуюся неизбежной поляризации мнений [12].

ной/следствие чего и почему. В постановку диагноза входит анамнез: ретроспектива возникновения состояния. Есть предложение «ретровизуального метода» [11. С. 138], который позволяет проследить возникновение «основных форм новизны» [11. С. 142]. Фактически демонстрируется последовательность возникновения форм знаков в действии процессов, которые, если предельно обобщить их сущность, являются стадиями информационного процесса. Только с трактовкой предъявляемой новизны есть проблема, поскольку каждая из стадий обладает измеряемой характеристикой, в том числе новизной или эффективностью. На стадии генерации новизна максимальна, а эффективность еще ничтожна. На стадии реализации новизна уже ничтожна, а эффективность может достичь максимума. Из этого следует вывод: стадии разделены во времени, и, чем более отдалена цель, то тем строже правила достижения эффективной реализации, сохраняющей семантику новизны. Зачем эти придижки к хорошим исследованиям [9–11]? Для подтверждения справедливости констатации в самом начале статьи: предлагаемые автором способы диагностики не являются применяемыми.

К внешним проявлениям обсуждаемого генезиса следует отнести фиксируемые особенности в трансформации нарративов. Получены исследовательские результаты, основанные на междисциплинарных пересечениях «филологии, лингвистики, социологии, психологии и теорий коммуникации... о том, как цифровые платформы фундаментально преобразовали процессы самоповествования и презентации идентичности». Парадоксально, что в этом самоповествовании личность попадает в положение «за пределами себя» [13. Р. 1]. Любопытно, что «занятые рутинной работой оказались главными проигравшими от недавних технологических изменений и непропорционально активно поддерживают популистские партии» [14. Р. 463]. Разные обзоры подходов в нарративной экономике совпадают в том, что «ни один из подходов не будет достаточным» [15. Р. 429; 16].

В цитируемых работах, представляющие результаты независимых исследований, необходимо акцентировать следующие их выводы. Во-первых, ни в сложившихся областях гуманитарных и социальных исследований, ни в применяемых в этих областях подходах нет методологических инструментов, способных представить общую картину происходящего, что допустимо интерпретировать в качестве потребности перехода от фиксации наблюдаемого к измерениям динамики наблюдаемого. Характеристики информации – новизна, ценность, качество, количество, эффективность – самими своими названиями вызывают ассоциации с сущностью происходящего. Того происходящего, которое выносится на поверхность наблюдаемого в семиотических формах. Каждая из характеристик измеряет происходящее на *разных* этапах информационного процесса, а если корреспондировать эти этапы с фазами самоорганизации, то и на *разных* стадиях нелинейной динамики, о которых сигнализирует наблюдаемое преобразование символики. Во-вторых, воздействие цифровых технологий – искусственных конструкций информационных процессов – приводит к состоянию вынужденного символизма, что, в свою очередь, вынуждает (тех, кто погружен в рутину¹) присоединяться к домини-

¹ Широко известны смысловые отличия в употреблении слова «рутина» в русском и английском языках, но тот смысл, который есть у этого слова в статье [14], имеет сходство с русскоязычным аналогом.

рующим нарративам, что подминает самоповествование личности мнениями, «кружащимися» в спонтанно возникшем «информационном пузыре». Если испытывать сочувствие к погруженным (в той или иной мере) в рутину, то следует предпринять попытку создания «техники безопасности» проживания в состоянии вынужденного символизма. В принципе, в этом и заключена идея семиотического оптимума. Идея не в том, чтобы исключить воздействие информационных технологий, а в том, чтоб выиграть время для безопасной для индивидуальности адаптации к состоянию вынужденного символизма. Выигрыш во времени (как это ни парадоксально) предоставляет пристальное рассмотрение пространства, захваченного этим состоянием. Но не географического и/или виртуального пространства, а фазового пространства социокультурных систем как означаемого семиотическими формами.

Итак, гибридный генезис доступен для наблюдения по возникающим гибридным формам. Обнаруженный генезис стал следствием реализации представленных методологических принципов в качестве одного из подходов, который тоже не будет достаточным. Концепт «семиотический оптимум» может стать частью техники безопасности, которая позволит сменить описание достоинств и изъянов технологий, захвативших нашу жизнь, на помощь погруженным в эту рутину избежать потери своей индивидуальности.

Список источников

1. Капица П.Л. Профессор и студент // Эксперимент, теория, практика. М. : Наука, 1977. С. 133–138.
2. Гиренок В.И. Экология как феномен самосознания цивилизации : автореф. дис. ... д-ра наук. М., 1988.
3. Бердяев Н.А. Смысл истории. Париж : YMCA-PRESS, 1969.
4. Сибрук Д. Nobrow. Культура маркетинга. Маркетинг культуры. М. : Изд. Ад Маргинем, 2005.
5. Мелик-Гайказян И.В. Информационные процессы и реальность. М. : Наука. Физматлит, 1998.
6. Пригожин И.Р., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М. : Прогресс, 1986.
7. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Основы синергетики. Режимы с обострением, самоорганизация, темпомыры. СПб. : Алетейя, 2002.
8. Найман Е.А. Античная медицинская симптоматология и современная семиотическая теория // Scholae. Философское антиковедение и классическая традиция. 2014. Т. 8, №. 2. С. 473–479.
9. Артамонов Д.С., Тихонова С.В. Визуализация исторической памяти: Образ Петра I в Интернет-мемах // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2024. №. 1. С. 9–29. doi: 10.23951/2312-7899-2024-1-9-29
10. Буденкова В.Е., Савельева Е.Н., Горбунова С.В., Краевская И.О. Показать вежливость: поликодовый текст в китайской блогосфере // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2024. № 4. С. 54–83. doi: 10.23951/2312-7899-2024-4-54-83
11. Савченко И.А. Ретровизуальный метод концептуализации новизны в дискурсе города // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2024. № 3. С. 138–164. doi: 10.23951/2312-7899-2024-3-138-164
12. Кужелева-Сазан И.П. Социальные сети как пространство реализации стратегических коммуникаций и ведения меметических войн // Коммуникология. 2022. Т. 10, № 1. С. 65–79.
13. Rocha M.S., Reynolds M. Beyond the self: how narratives build identities in interpersonal, collective, and digital realms // European Journal of Emerging Social Science and Humanities. 2024. Vol. 1, № 01. P. 1–8.

14. Gallego A., Kurer T. Automation, digitalization, and artificial intelligence in the workplace: implications for political behavior // *Annual Review of Political Science*. 2022. Vol. 25. P. 463–484.
15. Willett T.D. New developments in financial economics // *Journal of Financial Economic Policy*. 2022. Vol. 14, № 4. P. 429–467.
16. Roos M., Reccius M. Narratives in economics // *Journal of Economic Surveys*. 2024. Vol. 38, № 2. P. 303–341.

References

1. Kapitsa, P.L. (1977) *Eksperiment, teoriya, praktika [Experiment, Theory, Practice]*. Moscow: Nauka. pp. 133–138.
2. Girenok, V.I. (1988) *Ekologiya kak fenomen samosoznaniya tsivilizatsii [Ecology as a Phenomenon of Civilizational Self-Consciousness]*. Abstract of Dr. Diss. Moscow: [s.n.].
3. Berdyaev, N.A. (1969) *Smysl istorii [The Meaning of History]*. Paris: YMCA-PRESS.
4. Sibruk, D. (2005) *Nobrow. Kul'tura marketinga. Marketing kul'tury [Nobrow. The Culture of Marketing. The Marketing of Culture]*. Translated by S. Slavina. Moscow: Ad Marginem.
5. Melik-Gaykazyan, I.V. (1998) *Informatsionnye protsessy i real'nost' [Information Processes and Reality]*. Moscow: Nauka. Fizmatlit.
6. Prigogine, I.R., Stengers, I. (1986) *Poryadok iz khaosa. Novyy dialog cheloveka s prirodoy [Order Out of Chaos: Man's New Dialogue with Nature]*. Moscow: Progress.
7. Knyazeva, E.N. & Kurdyumov, S.P. (2002) *Osnovy sinergetiki. Rezhimy s obostreniem, samoorganizatsiya, tempomiry [Fundamentals of Synergetics. Blow-up Regimes, Self-organization, Tempoworlds]*. St. Petersburg: Aleteyya.
8. Nayman, E.A. (2014) Antichnaya meditsinskaya simptomatologiya i sovremennaya semioticheskaya teoriya [Ancient Medical Symptomatology and Modern Semiotic Theory]. *Scholae. Filosofskoe antikovedenie i klassicheskaya traditsiya*. 8(2). pp. 473–479.
9. Artamonov, D.S. & Tikhonova, S.V. (2024) Vizualizatsiya istoricheskoy pamyati: Obraz Petra I v Internet-memakh [Visualization of Historical Memory: The Image of Peter I in Internet Memes]. *ИПАЭХМА. Problemy vizual'noy semiotiki*. 1. pp. 9–29. doi: 10.23951/2312-7899-2024-1-9-29
10. Budenkova, V.E., Savelyeva, E.N., Gorbunova, S.V. & Krayevskaya, I.O. (2024) Pokazat' vzhlivost': polikodovyy tekst v kitayskoy blogosfere [Showing Politeness: Polycode Text in the Chinese Blogosphere]. *ИПАЭХМА. Problemy vizual'noy semiotiki*. 4. pp. 54–83. doi: 10.23951/2312-7899-2024-4-54-83
11. Savchenko, I.A. (2024) Retrovizual'nyy metod kontseptualizatsii novizny v diskurse goroda [The Retrovizual Method for Conceptualizing Novelty in Urban Discourse]. *ИПАЭХМА. Problemy vizual'noy semiotiki*. 3. pp. 138–164. doi: 10.23951/2312-7899-2024-3-138-164
12. Kuzheleva-Sagan, I.P. (2022) Sotsial'nye seti kak prostranstvo realizatsii strategicheskikh kommunikatsiy i vedeniya memeticheskikh voyn [Social Networks as a Space for Implementing Strategic Communications and Waging Memetic Wars]. *Kommunikologiya*. 10(1). pp. 65–79.
13. Rocha, M.S. & Reynolds, M. (2024) Beyond the self: how narratives build identities in interpersonal, collective, and digital realms. *European Journal of Emerging Social Science and Humanities*. 1(01). pp. 1–8.
14. Gallego, A. & Kurer, T. (2022) Automation, digitalization, and artificial intelligence in the workplace: implications for political behavior. *Annual Review of Political Science*. 25. pp. 463–484.
15. Willett, T.D. (2022) New developments in financial economics. *Journal of Financial Economic Policy*. 14(4). pp. 429–467.
16. Roos, M. & Reccius, M. (2024) Narratives in economics. *Journal of Economic Surveys*. 38(2). pp. 303–341.

Сведения об авторе:

Мелик-Гайказян И.В. – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой истории и философии науки Томского государственного педагогического университета (Томск, Россия). E-mail: melikiv@tspu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Melik-Gaykazyan I.V. – Dr. Sci. (Philosophy), full professor, head of the Department of History and Philosophy of Science, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: melikiv@tspu.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 20.10.2025;
одобрена после рецензирования 25.11.2025; принята к публикации 09.12.2025
The article was submitted 20.10.2025;
approved after reviewing 25.11.2025; accepted for publication 09.12.2025*

Научная статья
УДК 167.7 + 37
doi: 10.17223/1998863X/88/23

ВЫЯСНЕНИЕ ЗАПРОСА НА ХАРАКТЕРИСТИКИ ОБРАЗОВАНИЯ В МЕНЯЮЩИХСЯ УСЛОВИЯХ: ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

Мария Сергеевна Горбулёва¹, Анна Андреевна Лушникова²,
Нина Андреевна Первушина³, Артем Юрьевич Тетерин⁴

^{1, 2, 3, 4} *Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия,*
¹ *gorbuleva.ms@tspu.ru*
² *lusnikovaa44@gmail.com*
³ *pervushina.na@tspu.ru*
⁴ *avronconst@gmail.com*

Аннотация. Реализовано применение концепта «семиотический оптимум» для постановки исследовательской задачи. Элементами этой задачи является концептуализация каждого слова, вынесенного в название. Подвергается сомнению то, что каждый из этих терминов отчетливо понимается в исследованиях, представленных в большом поле статей. Оригинальность постановки задачи обеспечивают предлагаемые методы исследования: семиотическая диагностика, семиотический оптимум, педагогическая биоэтика.

Ключевые слова: семиотическая диагностика, педагогическая биоэтика, семиотический оптимум, образование детей

Для цитирования: Горбулёва М.С., Лушникова А.А., Первушина Н.А., Тетерин А.Ю. Выяснение запроса на характеристики образования в меняющихся условиях: постановка задачи // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 88. С. 260–271. doi: 10.17223/1998863X/88/23

Original article

CLARIFICATION OF REQUEST FOR THE EDUCATIONAL CHARACTERISTICS IN CHANGING CONDITIONS: STATEMENT OF THE PROBLEM

Maria S. Gorbuleva¹, Anna A. Lushnikova², Nina A. Pervushina³, Artyom
Yu. Teterin⁴

^{1, 2, 3, 4} *Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation*
¹ *gorbuleva.ms@tspu.ru*
² *lusnikovaa44@gmail.com*
³ *pervushina.na@tspu.ru*
⁴ *avronconst@gmail.com*

Abstract. Amid rapid social transformations, the need to rethink the aims of education is growing – shifting from knowledge transmission to the development of competencies, from standardization to personalization. The aim of this article is to formulate a research problem: to identify the demand for characteristics of education under changing conditions, taking into account the interests of various subjects of the educational process. A key component of this aim is the conceptual clarification of each term in the article's title. The authors question whether these terms are clearly and consistently defined in the existing body of scholarly literature. The study is prompted by the problem of reconciling educational expectations

under conditions of uncertainty. The originality of the problem formulation is supported by the proposed methodological approaches: semiotic diagnostics, the concept of the semiotic optimum, and pedagogical bioethics. The methodological foundation of the research is the understanding of education as a semiotic system. Semiotic diagnostics makes it possible to identify shifts in educational orientations through indicators expressed in symbolic form. The concept of pedagogical bioethics ensures that the value orientations of all participants (students, educators, parents, and representatives of the state) are taken into account. The idea of the semiotic optimum, as a palliative decision-making tool in uncertain conditions, allows researchers to detect temporary but meaningful orientations in education. The article proposes identifying types of educational demand through the creation of a database that captures respondents' symbolized life goals and reflects diverse educational expectations. This approach reveals hidden trends and helps to overcome the limitations of conventional sociological methods. The relevance of the study lies in the need for philosophical reflection on the transformation of education and the development of tools capable of accounting for the fluidity of the educational environment and the plurality of subject positions.

Keywords: semiotic diagnostics, pedagogical bioethics, semiotic optimum, children's education

For citation: Gorbuleva, M.S., Lushnikova, A.A., Pervushina, N.A. & Teterin, A.Yu. (2025) Clarification of request for the educational characteristics in changing conditions: Statement of the problem. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 88. pp. 260–271. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/88/23

Введение

Год назад в данном журнале была опубликована статья «Семиотический оптимум: как его обнаружить и применить?», но те материалы были сосредоточены на том, как обнаружить «семиотический оптимум» [1]; в нашей статье¹ мы видим свою цель в применении «семиотического оптимума».

Обращение к исследованиям в большом поле статей по философии образования, педагогическим наукам, социальной психологии, социологии (etc.) показало разнородность ожиданий от образования в меняющемся мире, что демонстрирует актуальность выявления запроса на характеристики образования. Это вызвано необходимостью переосмысления задач образования: от передачи знаний к формированию компетентностей, от стандартизации к персонализации, от профессиональной подготовки к адаптации и ориентации в меняющихся условиях. В этой ситуации обнаруживается потребность не только эмпирического выявления образовательных ожиданий, но и философской рефлексии над основаниями образования. Это обуславливает формулирование цели исследования, обозначенной в названии статьи: выяснение запроса на характеристики образования в меняющихся условиях. Постановка задачи инициирована решением проблемы семиотического оптимума [1–3].

Методы и подходы

В статье Д.Н. Боровинской [4. С. 264–271], опубликованной ранее в этом журнале, описывается социальный запрос на креативное образование. Но мы не уверены, что рассматриваемый нами запрос является социальным. Относительно ясен государственный запрос, но не понятно, какие группы запросов есть у разных когорт общества. В статье Боровинской представлены некие «методология» и «классификация», которые рассматриваются как

¹ Авторы статьи подали заявку на конкурс проектов РНФ. Название статьи повторяет название проекта. Но трезво оценивая свои шансы, было решено опубликовать заявку.

«чрезвычайно перспективные». В свою очередь, используя понятие среды, мы в своем исследовании не ограничиваемся такими терминами, как «условия», «влияние», «факторы» [4. С. 267]. Границы применимости модели образовательного пространства были разработаны на основе понимания «эффективности информации» и «жизненных целей» [5. С. 67]: эффективность информации оценивается на основе соотношения ценности информации и ее количества, а ценность информации определяется тем, насколько она будет приближать к цели [6. С. 19–22]. В дальнейшем эти идеи способствовали выдвижению концепции «педагогическая биоэтика» для преодоления проблем, создаваемых условиями неопределенности [7]. И если креативное образование не для всех желанно, то модель педагогической биоэтики позволяет учесть интересы всех субъектов образования. Под субъектами образования понимаются те, кого учат (и их законные представители), те, кто учит (и те, кто учит будущих учителей), а также то, что можно назвать государственным заказом на подготовку определенных специалистов. Поэтому сами запросы имеют смысл выяснять с позиций каждого из субъектов образования. Подобный ракурс обращения к педагогической биоэтике основан на доказательстве соответствия моделей биоэтики и типов образовательных сред [7. С. 85–86]. Данное соответствие моделей фиксирует границы распределения коммуникативных форматов. Устанавливая по семиотическим признакам принадлежность людей к этим группам, можно понимать их жизненные ориентации и цели. Поскольку образование всегда подразумевает предположение о личном будущем, важно выявить тех, кто будет в данных когортах, и их долю. Ракурс педагогической биоэтики для решения поставленной задачи позволяет разглядывать ситуацию с моральных позиций разных субъектов [3. С. 135–137]. То есть с позиций педагогической биоэтики креативное образование представляет собой частный случай.

Концепция семиотического оптимума (также являющаяся продолжением вышеизложенных идей) впервые была предложена для образования [2]. «Семиотический оптимум» определяется как «паллиатив», «гибрид, у которого нет продолжения», «коммуникативный тупик» [1. С. 307–308]. То есть он применим в сложных обстоятельствах, в которых субъект должен решить, что и как делать. Определение «семиотического оптимума» через «паллиатив» предполагает, что это временное решение: человек не может ждать, пока пройдет «временное», человеку нужно не утратить ценность образования в неопределённых условиях.

Метод семиотической диагностики позволяет выявить различия в восприятии символов и их сочетаний, что помогает диагностировать тенденции в системе образования. Если исходить из того, что образование по своей сути является семиотической системой, то методы исследования также должны быть семиотическими. Подобный ракурс рассмотрения проблемы через семиотическую диагностику открывает перспективы для проведения измерения запроса на характеристики образования, в котором учитывается семиотическая сущность образования. Поскольку идея семиотической диагностики основана на том, что стадии информационного процесса выражаются в конкретных семиотических формах, это позволяет проводить точную семиотическую диагностику состояния системы и тенденций её динамики [8]. Таким образом, процедуры семиотической диагностики позволяют сделать ясным

как запрос, так и меняющиеся условия образования. Выяснение запроса возможно осуществить через анкетирование, при этом, создавая опрос [8], важно выяснять запрос не просто через заданные вопросы, а через символизацию жизненных целей, которые есть у респондентов.

Таким образом, подобный ракурс рассмотрения проблемы дает возможность сформулировать соподчиняющиеся задачи. В других подходах эти ракурсы не открываются.

Предварительные результаты

Для вербализации поставленных задач обратимся к пониманию слов как концептов:

Выяснение характеристик понимается как подбор релевантного методологического инструмента, который доказательно позволит сделать ясным как запрос, так и трактовку меняющихся условий.

Выявление характеристик также ставит методологическую задачу: чем будут эти характеристики (критериями, параметрами или иными показателями).

Образование в данном исследовании будет рассмотрено в локусе образования детей, а также тех, кто станет в будущем учителями этих детей (дошкольное, начальное школьное образование, полное среднее образование), что определяет стартовые условия множества образовательных траекторий. И выбор этих стартовых условий рассматривается в качестве понимания запроса.

Меняющиеся условия фиксируются в большинстве современных исследований, но остается не вполне ясным характер этого изменения: модификация, трансформация, деформация, эволюция (конвергентная или дивергентная).

В таком ракурсе для решения поставленной основной задачи представляется целесообразным ее разделение на подзадачи: 1) выяснить виды запросов на характеристики образования в меняющихся условиях; 2) выяснить сумму характеристик образования; 3) выбрать релевантный способ выяснения запроса на характеристики образования с позиций разных субъектов; 4) выяснить сумму параметров меняющихся условий.

Обсуждение

Проблема выяснения запроса на характеристики образования в меняющихся условиях наполняет поле публикаций гуманитарных исследований. Поэтому в нашем обсуждении учтены те работы, которые обосновывают подобную постановку задачи. Обращает на себя внимание то, что в последнее время часто обсуждается скорость изменений, происходящих в мире, например, смена VUCA-мира (характеризующегося нестабильностью, неопределённостью, сложностью и неоднозначностью) BANI-миром (характеризующегося хрупкостью, беспокойностью, нелинейностью, непостижимостью) [9–12]. В этой связи возникает вопрос, какими должны быть специалисты [13, 14], какое они должны получать образование [15, 16], как подготовить детей к профессии в таких условиях. И главное – каким должно быть само образование, чтобы отвечать запросам со стороны общества в изменяющихся условиях [17–19]. Разрыв между запросами общества и существующими характеристиками образования фиксируется в большом количестве научных работ. Однако проблема остается нерешенной, несмотря на масштабные исследова-

ния [20]. В то же время опросник, созданный методом семиотической диагностики [8], позволил установить тот ущерб от цифровизации образования, который не был установлен в масштабных социологических исследованиях, а именно «деформация коммуникации студент–студент» [8. С. 97].

В связи со сменой условий меняются характеристики образования. Вопрос о характеристиках образования в современной ситуации сталкивается с концептуальной неопределённостью, о чём свидетельствует ряд исследований [6, 8, 20, 21]. Помимо универсальных и профессиональных компетенций обращается внимание на трансформацию роли педагога и ориентацию на персонализацию образования [8, 21–25]. Исследователи фокусируются на функциональных трансформациях [12, 22], рыночных условиях [26–28], цифровизации образования [12, 25, 29]. Изучая характеристики образования, обращают внимание на то, что образование должно быть мобильным и откликаться на миграционные процессы [17, 30–31].

В сфере образовательных запросов наблюдается расслоение: от «государственного заказа» [19, 32] до индивидуальных ожиданий субъектов образования [20, 33], в числе которых можно выделить запросы на креативность [4], эффективное образование [34], конкурентоспособность на рынке труда [35].

Отдельно обратим внимание на намерения государства в отношении образования, что представляется актуальным ввиду неоднозначного характера образовательных реформ в контексте происходящей трансформации образования: переориентация его с передачи знаний на подготовку кадров для экономики [36. С. 26]. Этим объясняется внедрение государством мониторинга для отслеживания образовательной и профессиональной траекторий выпускников, внедрение профессиональной подготовки старшеклассников [37. С. 67–68], запрос государства на формирование системы «конвертации» языка профессиональных образовательных программ на язык работодателей [38. С. 179–180], поощрение и развитие цифровых навыков участников образовательных отношений с целью индивидуализации, самоуправления образования и переориентации на учащегося [39. С. 47]. С другой стороны, в исследовательской литературе предпринимается попытка выявить компоненту, лежащую в основаниях государственных решений в сфере образования и позволяющую определить неявные интенции государственных акторов: например, сокращение финансирования, низкая социальная доступность образования или повышение инициативности и совершенствование компетенций преподавателя [40. С. 76–77]. При этом национальную политику в сфере образования нельзя отнести исключительно к набору инструментов, а сам дискурс государственной политики представляется неорганичным и даже хаотичным в попытке сохранить баланс между фундаментом национальной образовательной системы и ее модернизацией [41, 42]. Следуя идеям Поля Рикера, для выявления намерений государства в запросе на образование в меняющихся условиях, необходимо обратиться к анализу языка государственных документов, который раскрывает глубинные структуры и намерения государственных акторов. В том числе анализ, связанный с выявлением намерений государства в отношении образования, должен включать в себя определение противоречий, лежащих в основе принятых или запланированных к принятию государственных решений, а также выявлением мыслей,

идей и практик множества других акторов (участников образовательных отношений) [43].

Таким образом, краткий обзор современного состояния исследований по проблеме, вынесенной в заглавие статьи, показывает актуальность решения данной задачи, поскольку в рамках одного исследования не обнаружено решения всех перечисленных задач. В быстро меняющемся мире образование должно быть не просто адаптивным, но и предвосхищающим запросы общества. Однако существующие исследования чаще всего фокусируются на содержании или цифровизации образования, в то время как аспекты запроса и его характеристик остаются невыясненными. Апеллирование же к семиотическому оптимуму дает возможность конкретизации всех перечисленных в названии данной статьи понятий. А перспективы выявления запросов субъектов образовательной системы открываются в ракурсе процедур семиотической диагностики [5], педагогической биоэтики [7], семиотического оптимума [1–3], поскольку система образования по своей сути представляет собой семиотическую систему [5], при этом семиотические методы в образовательном процессе применяются редко [44–46]. Однако при ближайшем рассмотрении обнаруживается однобокость семиотического подхода в педагогике, объясняющая дефицит его применения.

Выводы

Подобный ракурс рассмотрения проблемы через семиотическую диагностику открывает перспективы для проведения измерения запроса на характеристики образования, в котором учитывается семиотическая сущность образования. Если исходить из того, что образование по своей сути является семиотической системой, то методы исследования также должны быть семиотическими. Так, выяснение видов запроса на образование детей возможно осуществить через создание базы данных, делающей наглядной этот запрос, и позволяющей выявить семиотическую составляющую спроса. Методами семиотической диагностики из этого спроса можно установить запрос на характеристики образования, который не удовлетворен в государственных, муниципальных и иных образовательных учреждениях.

С позиций педагогической биоэтики, с учетом целей всех субъектов образования, можно выявить виды запросов будущих учителей на образование через анкетирование. При этом, создавая опрос, важно выяснять запрос не просто через заданные вопросы, а через символизацию жизненных целей, которые есть у респондентов. Концепция педагогической биоэтики позволяет моделировать распределение ценностных ориентаций, связанных с образованием, от разных субъектов: от получающих образование (и их законных представителей), от тех, кто предоставляет образование, тех, кто администрирует получение образования, и тех, кто формирует запрос со стороны государства.

Создание баз данных, характеризующих как запрос на образование детей, так и устремления будущих педагогов и анализ полученных результатов, реализует процедуры семиотической диагностики, когда по наблюдаемым признакам, выраженным в семиотической форме, можно реконструировать те интенции, которые составляют запрос. Такой подход позволяет не проводить непосредственные социологические исследования. Подобная методология,

включающая создание баз данных, уже была успешно апробирована при исследовании активности зоозащитников [47].

Таким образом, оригинальность постановки проблемы и решения задач для выяснения запроса на характеристики образования в меняющихся условиях обусловлена применением методов семиотической диагностики, педагогической биоэтики и семиотического оптимума. Применение процедур семиотической диагностики и выяснение семиотического оптимума обосновывает постановку задачи исследования. Понимание субъектов образования с позиций педагогической биоэтики дает возможность учесть интересы всех субъектов образования. Применение процедур семиотической диагностики и педагогической биоэтики для выяснения запроса на характеристики образования позволяет выяснять запрос на характеристики образования со стороны субъектов образования по выраженным в семиотической форме признакам и не обращаться к социологическим исследованиям. Применение предлагаемых методов в контексте решения задачи выяснения запроса всех субъектов образования может способствовать повышению эффективности образовательного процесса и улучшению качества обучения в меняющихся условиях.

Список источников

1. Мелик-Гайказян И.В. Семиотический оптимум: новый концепт для мысленных экспериментов с информацией // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 82. С. 302–315. doi: 10.17223/1998863X/82/28
2. Горбулёва М.С., Мелик-Гайказян И.В. Визуализация специфики философского мировоззрения: обнаружение семиотического оптимума в подборе иллюстративного материала для открытой лекции // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2024. № 1 (39). С. 143–166.
3. Горбулёва М.С., Мелик-Гайказян И.В., Первушина Н.А. Конструирование семиотического оптимума в студенческом конспекте (на примере открытой лекции «Этика» в курсе «Философия») // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2024. Вып. 2 (40). С. 120–144. doi: 10.23951/2312-7899-2024-2-120-144
4. Боровинская Д.Н. Измерение социального запроса на креативное образование // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 58. С. 264–271.
5. Мелик-Гайказян И.В. Методология моделирования структур элитного образования // Высшее образование в России. 2006. № 11. С. 57–75.
6. Мелик-Гайказян И.В. Семиотика образования, или «Ключи» и «отмычки» к моделированию образовательных систем // Идеи и идеалы. 2014. Т. 1, № 4 (22). С. 14–27.
7. Мелик-Гайказян И.В., Первушина Н.А., Смышляева Л.Г. Исследовательская программа педагогической биоэтики в условиях неопределенности социальных сценариев // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 448. С. 83–90.
8. Макаренко А.Н., Мелик-Гайказян И.В., Смышляева Л.Г. Астигматизм цифровизации образования: постановка задачи для семиотической диагностики последствий // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2023. № 3 (37). С. 90–110.
9. Абрамова М.О., Баранников К.А., Груздев И.А., Жихарев Д.А., Леикулов О.В., Отт М.А., Рогозин Д.М., Сандлер Д.Г., Суханова Е.А., Терентьев Е.А., Фрумин И.Д. Качество образования в российских университетах: что мы поняли в пандемию: аналитический доклад / науч. ред. Е.А. Суханова, И.Д. Фрумин. Томск : Нац. исслед. Том. гос. ун-т, 2021.
10. Анисимов Н.Ю., Васильев В.Н., Волков А.Е., Галажинский Э.В., Кокишаров В.А., Кропачев Н.М., Кузьминов Я.И., Мау В.А., Реморенко И.М., Рудской И.А., Синельников-Мурылев С.Г., Федоров А.А., Черникова А.А. Уроки «стресс-теста»: вузы в условиях пандемии и после нее : аналитический доклад. 2020. URL: https://www.tsu.ru/upload/medialibrary/add/uroki-stress_testa-vuzy-v-usloviyakh-pandemii-i-posle-nee.pdf (дата обращения: 30.06.2025).
11. Cascio J. Facing the Age of Chaos // Medium. 2020. Apr. 30. URL: <https://medium.com/@cascio/facing-the-age-of-chaos-b00687b1f51d> (accessed: 30.06.2025).

12. Шваб К. Четвёртая промышленная революция. М. : Эксмо, 2016. 138 с.
13. *Workforce of the future: The competing forces shaping 2030*. URL: <https://www.pwc.com/co/es/publicaciones/assets/workforce-of-the-future-the-competing-forces-shaping-2030-pwc.pdf> (accessed: 30.06.2025).
14. *Penprase B.E.* The fourth industrial revolution and higher education // Higher education in the era of the fourth industrial revolution. Singapore. Palgrave Macmillan. 2018. P. 207–229.
15. Ефимов В.С., Лаптева А.В., Румянцев М.В. Будущее высшей школы в России – 2030: социально-экономические контексты и критические ситуации (по результатам Делфи-опроса экспертов) // Университетское управление: практика и анализ. 2012. № 2 (78). С. 24–37. URL: <https://www.umj.ru/jour/article/view/540> (дата обращения: 30.06.2025).
16. *Ardashkin I.B., Borovinskaya D.N., Surovtsev V.A.* The epistemology of smart technologies: is smart epistemology derived from smart education? // Education & Pedagogy Journal. 2021. № 1 (1). С. 21–35.
17. *Assomull A., Laad S.* Mapping global mobility trends in education // Education Investor Global. 2020. April/May. P. 28–33. URL: <https://www.lek.com/sites/default/files/insights/pdf-attachments/Mapping-GlobalMobility-Trends-Education.pdf> (accessed: 30.06.2025).
18. *Sahlberg P.* Finnish lessons 3.0: What can the world learn from educational change in Finland? Teachers College Press, 2021. 312 p.
19. *Green A.* Education and state formation. Palgrave Macmillan UK, 2013. P. 82–114.
20. Авакян И.Б. Разработка и валидизация опросника «Оценка педагогического консерватизма» // Научно-педагогическое обозрение. 2025. Вып. 1 (59). С. 93–112. doi: 10.23951/2307-6127-2025-1-93-112
21. *Johansson C., Felten P.* Transforming students: Fulfilling the promise of higher education. Johns Hopkins University Press, 2014. 128 p.
22. Фрумин И.Д., Добрякова М.С., Баранников К.А., Реморенко И.М. Универсальные компетенции и новая грамотность: чему учить сегодня для успеха завтра. Предварительные выводы международного доклада о тенденциях трансформации школьного образования / Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт образования. М. : НИУ ВШЭ, 2018. 28 с.
23. *Hargreaves A., Fullan M.* Professional capital: Transforming teaching in every school. Teachers College Press, 2012. 240 p.
24. Батракова И.С., Глубокова Е.Н., Писарева С.А., Тряпицына А.П. Изменения педагогической деятельности преподавателя вуза в условиях цифровизации образования // Высшее образование в России. 2021. Т. 30, № 8–9. С. 9–19.
25. *Мартышина Н.В., Гречушкина Н.В.* Цифровая образовательная среда: возможности развития ключевых личностных компетенций человека XXI века. М. : Русайнс, 2023. 154 с.
26. Бок Д. Университеты в условиях рынка. Коммерциализация высшего образования / пер. с англ. С. Карпа. М. : Изд. дом ВШЭ, 2012. 224 с.
27. *Кларк Б.Р.* Создание предпринимательских университетов: организационные направления трансформации / пер. с англ. А. Смирнова. М. : Изд. дом ВШЭ, 2011. 240 с.
28. Прохоров А.П., Блинов В.Н. Дефициты и парадоксы рынка высшего образования в России и его организации в российских вузах: что можно изменить? // Университетское управление: практика и анализ. 2019. № 1-2. С. 165–176.
29. *Брызгалова Е.В., Алексеева Д.А., Дряева Э.Д.* Цифровые трансформации педагогики: опыт повышения квалификации // Высшее образование в России. 2021. Т. 30, № 5. С. 161–167. doi: 10.31992/0869-3617-2021-30-5-161-167
30. *Галагузова М.А., Швецова А.В., Чжан В.* Особенности интеграции китайских студентов в образовательное пространство российских университетов // Образование и наука. 2024. Т. 26, № 6. С. 138–166.
31. *Осиянова О.М., Левина Е.Н., Осиянова А.В.* «Образовательный миграционный мост»: от метафоры к проекту // Высшее образование в России. 2022. Т. 31, № 8-9. С. 154–167. doi: 10.31992/0869-3617-2022-31-8-9-154-167
32. Петрова О.В., Чепьюк О.Р., Макарова С.Д., Марико В.В., Горылев А.И. Российская магистратура будущего: четыре траектории развития // Высшее образование в России. 2021. № 8-9. С. 20–33.
33. *Biesta G.J.J.* Good Education in an Age of Measurement: Ethics, Politics, Democracy. Routledge. 2010. 160 p.
34. *Rozentale S., Livina A.* Qualitative Assessment in Higher Education // International Journal of Education and Learning Systems. 2017. Vol. 2. P. 39–46.

35. Mucinskas D., Gardner H. Educating for good work: From research to practice // *British Journal of Educational Studies*. 2013. Vol. 61 (4). P. 453–470.
36. Кляченко Т.Л. Образование в России и мире: основные тенденции // *Образовательная политика*. 2020. № 1 (81). С. 26–40. doi: 10.22394/2078–838X–2020–1–26–40
37. Ломтева Е.В., Бедарева Л.Ю., Тищенко А.С. и др. Функционирование региональных систем профессионального образования России в условиях социально-экономической неопределенности : аналитический доклад. М. : Изд. дом «Дело», 2020. 72 с.
38. Солодовникова О.Б., Малькова Е.Е., Тышкова П.И. «Шансы удовлетворительные»: что препятствует трудоустройству молодежи в условиях кадрового голода? // *Социология власти*. 2024. Т. 36, № 4. С. 161–184. doi: 10.22394/2074-0492-2024-4-161-184
39. Цифровая трансформация в государственном управлении / Н.Е. Дмитриева, А.Г. Санина, Е.М. Стырин и др. ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». 2023. 208 с. doi: 10.17323/978-5-7598-2831-0
40. Головчин М.А. Спорные решения для «нового образования» // *Journal of Institutional Studies*. 2022. Vol. 14, № 4. С. 70–82. doi: 10.17835/2076-6297.2022.14.4.070-082
41. Zhukova O. Summary. Education in modern Russia: policy and discourse: Master thesis. University of Jyväskylä, 2019. URL: <https://jyx.jyu.fi/bitstreams/7000ba0f-28dc-4c4a-b564-0447e68483d2/download> (accessed: 30.06.2025).
42. Тяпин И.Н., Мальцева Ю.А. Идеология образования в России XXI в.: реальность и желаемые контуры будущего // *Манускрипт*. 2016. № 4–1 (66). С. 181–185.
43. Tesar M., Gibbons A., Arndt S., Hood N. Postmodernism in Education // *Oxford Research Encyclopedia of Education*, 2021. URL: <https://oxfordre.com/education/view/10.1093/acrefore/9780190264093.001.0001/acrefore-9780190264093-e-1269.3> (accessed: 30.06.2025).
44. Chervonnyy M.A. Semiotic potential of teacher education // *Education & Pedagogy Journal*. 2022. № 1 (3). С. 13–22.
45. Соломоник А.Б. Семиотика и ее педагогические продолжения // *Проблемы современного образования*. 2010. № 2. С. 41–48.
46. Ширинов В.Д. Введение в педагогическую семиотику // *Педагогика*. 2001. № 6. С. 28–33.
47. Горбулёва М.С., Мелик-Гайказян И.В., Мелик-Гайказян М.В. Почему российские защитники животных такие и так действуют? // *Социологические исследования*. 2016. № 4. С. 157–158.

References

1. Melik-Gaykazyan, I.V. (2024) Semiotic optimum: a new concept for thought experiments with information. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 82. pp. 302–315. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/82/28
2. Gorbuleva, M.S. & Melik- Gaykazyan, I.V. (2024) Visualization of the specificity of the philo-sophical worldview: detection of semiotic optimum in the selection of illustrative material for an open lecture. *ППАЭНМА. Problemy vizual'noy semiotiki – ППАЭНМА. Journal of Visual Semiotics*. 1. pp. 143–166. (In Russian). doi: 10.23951/2312-7899-2024-1-143-166
3. Gorbuleva, M.S., Melik- Gaykazyan, I.V. & Pervushina, N.A. (2024) Construction of the semiotic optimum in students' notes (on the example of an open lecture on ethics in a philosophy course). *ППАЭНМА. Problemy vizual'noy semiotiki – ППАЭНМА. Journal of Visual Semiotics*. 2. pp. 120–144. (In Russian). doi: 10.23951/2312-7899-2024-2-120-144
4. Borovinskaya, D.N. (2020) Measuring social demand for creative education. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 58. pp. 264–271. (In Russian).
5. Melik-Gaykazyan, I.V. (2006) Metodologiya modelirovaniya struktur elitnogo obrazovaniya [Methodology for modeling elite education structures]. *Vyshee obrazovanie v Rossii*. 11. pp. 57–75.
6. Melik-Gaykazyan, I.V. (2014). Semiotika obrazovaniya ili “klyuchi” i “otmychki” k modelirovaniyu obrazovatel’nykh sistem [Semiotics of education or “keys” and “lock picks” to the modelling of educational systems]. *Idei i idealy*. 1(4(22)). pp. 14–27.
7. Melik- Gaykazyan, I.V., Pervushina, N.A. & Smyshlyayeva, L.G. (2019). The research program of pedagogical bioethics in the conditions of uncertainty of social scenarios. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 448. pp. 83–90. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/448/10

8. Makarenko, A.N., Melik-Gaykazyan, I.V. & Smyslyaeva, L.G. (2023) Astigmatism of Education Digitalization: Setting the Task for a Semiotic Diagnosis of the Consequences. *ИПАЭХМА. Problemy vizual'noy semiotiki – ИПАЭХМА. Journal of Visual Semiotics*. 3. pp. 90–110. (In Russian). doi: 10.23951/2312-7899-2023-3-90-110
9. Abramova, M.O. et al. (2021) *Kachestvo obrazovaniya v rossiyskikh universitetakh: chto my ponyali v pandemiyu: Analiticheskiy doklad* [The quality of education in Russian universities: what we understood in a pandemic: Analytical report]. Tomsk: Tomsk State University.
10. Anisimov, N.Yu. et al. (2020) *Uroki "stress-testa": vuzy v usloviyakh pandemii i posle nee. Analiticheskiy doklad* [Lessons from the "stress test": Universities in the context of the pandemic and after it. Analytical report]. [Online] Available from: https://www.tsu.ru/upload/medialibrary/add/uroki-stress_testa-vuzy-v-usloviyakh-pandemii-i-posle-nee.pdf (Accessed: 30th June 2025).
11. Cascio, J. (2022) Facing the Age of Chaos. *Medium*. 30th April. [Online] Available from: <https://medium.com/@cascio/facing-the-age-of-chaos-b00687b1f51d>
12. Schwab, K. (2016) *The Fourth Industrial Revolution*. Moscow: Eksmo.
13. PWC. (n.d.) *Workforce of the future: The competing forces shaping 2030*. [Online] Available from: <https://www.pwc.com/co/es/publicaciones/assets/workforce-of-the-future-the-competing-forces-shaping-2030-pwc.pdf> (Accessed: 30th June 2025).
14. Penprase, B.E. (2018). The fourth industrial revolution and higher education. *Higher Education in the Era of the Fourth Industrial Revolution*. 10(1). pp. 207–229.
15. Efimov, V.S., Lapteva, A.V. & Rumyantsev, M.V. (2012) The Future of Higher Education in Russia – 2030: Socio-Economic Contexts and Critical Situations (Delphi Results). *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz*. 2(78). pp. 24–37. [Online] Available from: <https://www.umj.ru/jour/article/view/540> (Accessed: 30th June 2025).
16. Ardashkin, I.B., Borovinskaya, D.N. & Surovtsev, V.A. (2021) The epistemology of smart technologies: Is smart epistemology derived from smart education? *Education & Pedagogy Journal*. 1. pp. 21–35.
17. Assomull, A. & Laad, S. (2020) Mapping global mobility trends in education. *Education Investor Global*. April/May. pp. 28–33. [Online] Available from: <https://www.lek.com/sites/default/files/insights/pdf-attachments/Mapping-GlobalMobility-Trends-Education.pdf> (Accessed: 30th June 2025).
18. Sahlberg, P. (2021) *Finnish lessons 3.0: What can the world learn from educational change in Finland?* New York: Teachers College Press.
19. Green, A. (2013) *Education and state formation*. 2nd ed. Basingstoke: Palgrave Macmillan. pp. 82–114.
20. Avakyan, I.B. (2025) Razrabotka i validizatsiya oprosnika "Otsenka pedagogicheskogo konservatizma" [Development and Validation of the "Assessment of Pedagogical Conservatism" Questionnaire]. *Nauchno-pedagogicheskoye obozrenie*. 1(59). pp. 93–112. doi: 10.23951/2307-6127-2025-1-93-112
21. Johansson, C. & Felten, P. (2014) *Transforming students: Fulfilling the promise of higher education*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
22. Frumin, I.D., Dobryakova, M.S., Barannikov, K.A. & Remorenko, I.M. (2018) *Universal'nye kompetentnosti i novaya gramotnost': chemu uchiť segodnya dlya uspekha zavtra. Predvaritel'nye vyvody mezhdunarodnogo doklada o tendentsiyakh transformatsii shkol'nogo obrazovaniya* [Universal Competencies and New Literacy: What to Teach Today for Tomorrow's Success. Preliminary Conclusions from the International Report on Trends in School Education Transformation]. Moscow: HSE.
23. Hargreaves, A. & Fullan, M. (2015) *Professional Capital: Transforming Teaching in Every School*. New York: Teachers College Press.
24. Batrakova, I.S., Glubokova, E.N., Pisareva, S.A. & Tryapitsyna, A.P. (2021) *Izmeneniya pedagogicheskoy deyatel'nosti prepodavatelya vuza v usloviyakh tsifrovizatsii obrazovaniya* [Changes in the Pedagogical Activity of a University Teacher in the Context of Education Digitalization]. *Vysshee obrazovanie v Rossii*. 30(8–9). pp. 9–19.
25. Martishina, N.V. & Grechushkina, N.V. (2023) *Tsifrovaya obrazovatel'naya sreda: vozmozhnosti razvitiya klyuchevykh lichnostnykh kompetentsiy cheloveka XXI veka* [The Digital Educational Environment: Opportunities for Developing Key Personal Competencies of 21st Century Individuals]. Moscow: OOO Rusayns.
26. Bok, D. (2004) *Universitety v usloviyakh rynka. Kommertsializatsiya vysshego obrazovaniya* [Universities in the Marketplace: The Commercialization of Higher Education]. Translated by S. Karpa. Moscow: HSE.

27. Clark, B.R. (1998) *Sozdanie predprinimatel'skikh universitetov: organizatsionnye napravleniya transformatsii* [Creating Entrepreneurial Universities: Organizational Pathways of Transformation]. Translated from English by A. Smirnov. Moscow: HSE.
28. Prokhorov, A.P. & Blinov, V.N. (2019) Defitsity i paradoksy rynka vysshego obrazovaniya v Rossii i ego organizatsii v rossiyskikh vuzakh: chto mozhno izmenit' [Deficits and Paradoxes of the Higher Education Market in Russia and Its Organization in Russian Universities: What Can Be Changed?]. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz*. 1-2. pp. 165–176.
29. Bryzgalina, E.V., Alekseeva, D.A. & Dryaeva, E.D. (2021) Digital Pedagogy: Experience of Advanced Training. *Vysshee obrazovanie v Rossii*. 30(5). pp. 161–167. doi: 10.31992/0869-3617-2021-30-5-161-167
30. Galaguzova, M.A., Shvetsova, A.V. & Zhang, W. (2024) Osobennosti integratsii kitayskikh studentov v obrazovatel'noe prostranstvo rossiyskikh universitetov [Features of Integrating Chinese Students into the Educational Space of Russian Universities]. *Obrazovanie i nauka*. 26(6). pp. 138–166.
31. Osiyanova, O.M., Levina, E.N. & Osiyanova, A.V. (2022) “Obrazovatel'nyy migratsionnyy most”: ot metafory k projektu [The “Educational Migration Bridge”: From Metaphor to Project]. *Vysshee obrazovanie v Rossii*. 31(8-9). pp. 154–167. doi: 10.31992/0869-3617-2022-31-8-9-154-167
32. Petrova, O.V., Chepyuk, O.R., Makarova, S.D., Mariko, V.V. & Gorylev, A.I. (2021) Rossiyskaya magistratura budushchego: chetyre traektorii razvitiya [The Russian Master's Program of the Future: Four Development Trajectories]. *Vysshee obrazovanie v Rossii*. 8-9. pp. 20–33.
33. Biesta, G.J. (2015) *Good education in an age of measurement: Ethics, politics, democracy*. Boulder, CO: Paradigm Publishers.
34. Rozentale, S. & Livina, A. (2017) Qualitative assessment in higher education. *International Journal of Education and Learning Systems*. 2. pp. 39–46.
35. Mucinskas, D. & Gardner, H. (2013) Educating for Good Work: from research to practice. *British Journal of Educational Studies*. 61(4). pp. 453–470.
36. Klyachko, T.L. (2020) Education in Russia and the world. Main trends. *Obrazovatel'naya politika – Educational Policy*. 1(81). pp. 26–40. doi: 10.22394/2078–838X–2020–1–26–40
37. Lomteva, E.V., Bedareva, L.Yu., Tishchenko, A.S. et al. (eds) (2020) *Funktsionirovanie regional'nykh sistem professional'nogo obrazovaniya Rossii v usloviyakh sotsial'no-ekonomicheskoy neopredelennosti: analiticheskiy doklad* [Functioning of regional systems of professional education in Russia in conditions of socio-economic uncertainty: analytical report]. Moscow: Delo.
38. Solodovnikova, O.B., Malkova, E.E. & Tynkova, P.I. (2024) “Shansy udovletvoritel'nye”: chto prepyatstvuyet trudoustroystvu molodezhi v usloviyakh kadrovogo goloda? [“Chances are Satisfactory”: What Hinders Youth Employment in a Labor Shortage?]. *Sotsiologiya vlasti*. 36(4). pp. 161–184. doi: 10.22394/2074-0492-2024-4-161-184
39. Dmitriev, N.E., Sanina, A.G., Stylin, E.M., eds. (2023) *Tsifrovaya transformatsiya v gosudarstvennom upravlenii* [Digital Transformation in Public Administration]. Moscow: HSE. doi: 10.17323/978-5-7598-2831-0
40. Golovchin, M.A. (2022) Spornyye resheniya dlya “novogo obrazovaniya” [Controversial Decisions for the “New Education”]. *Journal of Institutional Studies*. 14(4). pp. 70–82. doi: 10.17835/2076-6297.2022.14.4.070-082
41. Zhukova, O. (2019) *Education in modern Russia: policy and discourse*. Master Thesis. University of Jyväskylä. [Online] Available from: <https://jyx.jyu.fi/bitstreams/7000ba0f-28dc-4c4a-b564-0447e68483d2/download> (Accessed: 30th June 2025).
42. Tyapin, I.N. & Maltseva, Yu.A. (2016) Ideologiya obrazovaniya v Rossii XXI v.: real'nost' i zhelaemye kontury budushchego [The Ideology of Education in 21st Century Russia: Reality and Desired Contours of the Future]. *Manuskript*. 4–1(66). pp. 181–185.
43. Tesar, M., Gibbons, A., Arndt, S. & Hood, N. (2021) Postmodernism in Education. In: *Oxford Research Encyclopedia of Education*. [Online] Available from: <https://oxfordre.com/education/view/10.1093/acrefore/9780190264093.001.0001/acrefore-9780190264093-e-1269.3> (Accessed: 30th June 2025).
44. Chervonnyy, M. A. (2022) Semiotic potential of teacher education. *Education & Pedagogy Journal*. 1(3). pp. 13–22.
45. Solomonik, A.B. (2010) Semiotika i ee pedagogicheskie prodolzheniya [Semiotics and Its Pedagogical Continuations]. *Problemy sovremennogo obrazovaniya*. 2. pp. 41–48.
46. Shirshov, V.D. (2001) Vvedenie v pedagogicheskuyu semiotiku [Introduction to Pedagogical Semiotics]. *Pedagogika*. 6. pp. 28–33.

47. Gorbuleva, M.S., Melik-Gaykazyan, I.V. & Melik-Gaykazyan, M.V. (2016) Pochemu rossiyskie zashchitniki zhivotnykh takie i tak deystvuyut? [Why Are Russian Animal Rights Activists the Way They Are and Act the Way They Do?]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 4. pp. 157–158.

Сведения об авторах:

Горбулёва М.С. – кандидат философских наук, старший научный сотрудник, доцент кафедры истории и философии науки Научно-образовательного центра Теории образования Томского государственного педагогического университета (Томск, Россия). E-mail: gorbuleva.ms@tspu.ru

Лушников А.А. – лаборант кафедры истории и философии науки Научно-образовательного центра Теории образования Томского государственного педагогического университета (Томск, Россия). E-mail: lusnikovaa44@gmail.com

Первушина Н.А. – старший преподаватель кафедры истории и философии науки Научно-образовательного центра Теории образования Томского государственного педагогического университета (Томск, Россия). E-mail: pervushina.na@tspu.ru

Тетерин А.Ю. – кандидат философских наук, младший научный сотрудник Научно-образовательного центра Теории образования Томского государственного педагогического университета (Томск, Россия). E-mail: avronconst@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Gorbuleva M.S. – Cand. Sci. (Philosophy), senior researcher, associate professor at the Department of History and Philosophy of Science, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: gorbuleva.ms@tspu.ru

Lushnikova A.A. – laboratory assistant at the Department of History and Philosophy of Science, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lusnikovaa44@gmail.com

Pervushina N.A. – senior lecturer at the Department of History and Philosophy of Science, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: pervushina.na@tspu.ru

Teterin A.Yu. – Cand. Sci. (Philosophy), junior researcher at the Department of History and Philosophy of Science, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: avronconst@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.10.2025;

одобрена после рецензирования 25.11.2025; принята к публикации 09.12.2025

The article was submitted 20.10.2025;

approved after reviewing 25.11.2025; accepted for publication 09.12.2025

Научная статья

УДК 167.7

doi: 10.17223/1998863X/88/24

ПОНЯТИЕ «СЕМИОТИЧЕСКИЙ ОПТИМУМ» И МЫСЛЕННЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ С ИНФОРМАЦИЕЙ

Валерий Александрович Суровцев

*Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия,
Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия;
Томский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук
surovtsev1964@mail.ru*

Аннотация. Текст представляет собой реплику на статью И.В. Мелик-Гайказян и ряд других, связанных с ней статей. Рассматривается понятие «семиотический оптимум», предназначенное для анализа пограничных ситуаций в синергетике на основании бифуркации Хопфа. Эти ситуации связаны в основном с биоэтикой и теорией образования. Анализируется полезность бифуркации Хопфа, которая рассматривается как описание изменений второго порядка, касающихся не реальности, а её семиотического представления. Противопоставляются континуальность действительности и дискретность описания. Выражается сомнение, что первое совместимо со вторым. Сомнения связаны с самим понятием оптимума, предполагающего минимум и максимум, которые не определены и с семиотической точки зрения. Знаковые системы дискретно определены синтаксически и семантически, но совершенно не таковы синергетические системы, основанные на понятии процесса.

Ключевые слова: Мелик-Гайказян И.В., бифуркация Хопфа, семиотический оптимум, «информационный пузырь», пределы конструирования.

Для цитирования: Суровцев В.А. Понятие «семиотический оптимум» и мысленный эксперимент с информацией // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 88. С. 272–281. doi: 10.17223/1998863X/88/24

Original article

THE CONCEPT OF THE “SEMIOTIC OPTIMUM” AND A THOUGHT EXPERIMENT WITH INFORMATION

Valeriy A. Surovtsev

*National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation
Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation
Tomsk Scientific Center, SB RAS, Tomsk, Russian Federation
surovtsev1964@mail.ru*

Abstract. This text engages with the arguments presented in Irina Melik-Gaykazyan’s article [1] and extends the dialogue to other related works [4, 5]. It critically examines the concept of the “semiotic optimum,” proposed in the original article as a tool for analyzing borderline situations in synergy, specifically through the lens of the Hopf bifurcation model. These borderline situations are primarily located in the domains of bioethics and educational theory. The discussion focuses on the utility of the Hopf bifurcation for describing second-order changes. A central tension is identified: this model describes not reality itself, but rather its semiotic representation. This distinction highlights a fundamental opposition between the continuity of reality and the discreteness of description. Consequently, the text

questions the very possibility of making these two realms compatible. Further doubts arise concerning the concept of an “optimum” itself, which inherently implies defined minima and maxima. From a semiotic standpoint, the text argues, these parameters remain undefined. While sign systems are defined discretely, both syntactically and semantically, they stand in stark contrast to synergetic systems, which are fundamentally based on the concept of process.

Keywords: I.V. Melik-Gaykazyan, Hopf bifurcation, semiotic optimum, “information bubble”, limits of construction

For citation: Surovtsev, V.A. (2025) The concept of the “semiotic optimum” and a thought experiment with information. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 88. pp. 272–281. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/88/24

Цель данной реплики – разобраться в существовании предлагаемой И.В. Мелик-Гайказян в статье [1] концепции семиотического оптимума, которая, по её мнению, позволяет провести «семиотическую диагностику, состоящую из ряда процедур, разработанных на основе установленной взаимосвязи феноменов самоорганизации, информации и преобразования знака» [1. С. 305]. Статья – многоуровневая и затрагивает несколько разноплановых тем. Казалось бы, разноплановость должна увеличить степень понимания того, о чём идёт речь, но сложностей здесь не избежать. Поэтому я прежде изложу то, как понял основную идею, естественно, не претендуя на окончательную правильность своего понимания, а также задам несколько вопросов и выскажу собственные соображения.

В данном случае лучше всего начать с определения того, что такое семиотический оптимум. Согласно определению, «семиотический оптимум – это устойчивый гибрид *случайного* (выделено автором. – В.С.) „скрещивания“ актуальных и маргинальных тенденций» [1. С. 307]. Это лишь предварительное определение, которое не вносит понимания, если не обратиться к предшествующим разъяснениям. Действительно, что такое гибридная ситуация, понять очень сложно. Гибридная ситуация объясняется И.В. Мелик-Гайказян с точки зрения переплетений того, что называют фазовыми траекториями, а их ветвление в синергетике связывают с бифуркациями. При этом данное переплетение [1] обладает спецификой «бифуркации Хопфа», которую для объяснения генезиса ситуации ранее не привлекали. Сам подход уже определяет основную тенденцию автора, которая, используя совершенно определённую терминологию, относит себя к сторонникам некоторого понимания семиотики.

Бифуркации Хопфа, по мнению И.В. Мелик-Гайказян, характеризуют три особенности, связанные с нелинейной динамикой, которые потом скажутся на своеобразном понимании семиотики. Бифуркацию Хопфа отличают три момента, причем первые два являются скорее особой характеристикой данной бифуркации, а третий уже имеет главное значение для основной идеи автора, т.е. идеи «семиотического оптимума». О прежних двух она пишет: «Во-первых, с позиций нелинейной динамики участки фазовых траекторий, называемые „ветвями“ бифуркаций, являются устойчивыми состояниями, поэтому их „переплетение“ тоже обладает устойчивостью. Во-вторых, в случае бифуркации Хопфа „переплетаются“ устойчивые траектории, относящиеся к *разным* (выделено автором. – В.С.) сценариям динамики» [1. С. 306]. Здесь очень важный момент заключается в том, что при стандартном синер-

гетическом подходе ветви бифуркаций устойчивы, а приближение к бифуркации прогнозируемо. И в этом отношении переплетение в бифуркации Хопфа совсем не является определенным. Бифуркация Хопфа – это бифуркация уже второго порядка (а точнее, другого порядка). Дело не только в том, что не известно, как пойдут события в точке неопределённости, с которой начинается новая траектория событий. Вопрос уже в том, что сама точка бифуркации не может быть определена и сама становится предметом бифуркации. Это очень интересный ход! Поиск точки бифуркации самих возможных бифуркаций – это крайне интересное предприятие. Именно эту точку и её «фиксацию в формах знаках такого „переплетения“, или такого гибрида разных тенденций» [1. С. 307] И.В. Мелик-Гайказян и называет «семиотический оптимум».

Вопрос о том, почему такой оптимум получил «приставку» «семиотический», пока оставим в стороне. Интересно, однако, то, что при таком подходе уже само понятие «точка бифуркации» становится предметом исследования в метаязыке, который описывает язык-объект со всякими точками, начиная с которых возможно неопределённое развитие событий. Действительно, зафиксировав в определённой теории такую точку, вполне можно предполагать, что для описания текущих событий вполне применима и другая теория, которая по-другому будет определять пункт возможных изменений такого развития.

Если применить терминологию «возможных миров», то точка бифуркации в классическом смысле порождает систему возможных миров, достижимых из исходного. Но бифуркация Хопфа предполагает, что таких систем может быть множество и вопрос об их взаимодействии, это уже вопрос другого порядка. Сравнение разных описаний исходных точек с точки зрения возможных бифуркаций в рамках их взаимодействия, поскольку система этих точек сама может быть некоторым событием, вполне возможно. Видимо, именно так следует понимать трактовку бифуркаций второго порядка. Но здесь уже должен играть роль совсем другой подход. Главным, вообще говоря, становится описание того, что принимать за основание сравнения. Возможно различное описание исходных точек!

Совсем не против синергетики, я всё-таки полагаю, что язык данной дисциплины имеет собственную грамматику и лексику. Более того, я полагаю, что есть и метаязык, который описывает лексику и грамматику этого объектного языка. Когда речь идёт о «семиотическом оптимуме», насколько я понял идею И.В. Мелик-Гайказян, мы как раз выходим на этот уровень. Вопрос ведь уже не в том, что такое точка бифуркации, вопрос в том, как мы употребляем этот термин. Или же я неправильно понимаю «приставку» «семиотический». Но к этому вернёмся ниже.

Интересен здесь третий момент. «В-третьих, – утверждает И.В. Мелик-Гайказян, – бифуркация Хопфа предоставляет шанс для маргинального сценария стать „видимым“, т.е. стать частью действительности... делая данное сопоставление просто иным способом именованной данной бифуркации. Оригинальность обеспечивает установленное „посредничество“ стадий информационного процесса между динамикой знака и фазовыми переходами, т.е. применения метода, диагностирующего то, что скрыто под поверхностью наблюдаемого» [1. С. 307].

Что там «скрыто под поверхностью наблюдаемого», скрыто, верно, и для меня, наблюдающего. Но то, что очень хорошо замечено, всякое наблюдаемое должно же быть как-то выражено. В противном случае оно даже не будет ненаблюдаемым наблюдаемым. Именно поэтому и возникает вопрос об обращении к способам выражения. Семиотический аспект здесь не просто важен, он является определяющим. Знаковая система должна хотя бы намекнуть на то, что точки бифуркации в смысле Хопфа есть. Иначе зачем нужна такая знаковая система?

Наблюдать ненаблюдаемое не получается, но описать его всё-таки возможно. В данном случае переход на уровень знаковых систем вполне оправдан. Возникает, однако, вопрос, почему «оптимум», но это уже дело терминологических предпочтений. Можно даже предположить, что выражение «семиотический оптимум» вообще не имеет смысла, как не имеет смысла любое выражение, включающее слово «оптимум». Здесь, правда, дело в другом. «Оптимум» как термин, я полагаю, касается характеристики описаний определённых видов действительности и действий. Именно описаний, а не самой действительности и действий. Вопрос в том, как описать, где и как сделать ударение и, самое главное, когда поставить точку. Но точку ставить рано. Нужно ведь показать, каким образом её можно обнаружить. Во всяком случае, необходимо продемонстрировать разновидности дискурса, где она наиболее проявляется.

Дело здесь осложняется ещё и тем, что правильное понимание действительности должно отталкиваться от её толкования как процесса, а не как метафизической совокупности сущностей в их «замёрзших» отношениях. И.В. Мелик-Гайказян – сторонница философии процесса в стиле А.Н. Уайтхеда. Касаясь теории информации, она пишет: «Переход (от события к событию) соответствовал теориям информации, принадлежащим кибернетической парадигме, а вот событие – или процесс генерации информации – требовало для своего подхода синергетической парадигмы» [1. С. 305]. Возразить можно то, что вряд ли именно теории генерируют значимую информацию. Главное дело заключается скорее в переходе от одной информации к другой. Кибернетика когда-то была сориентирована на цель, но здесь множественность наборов оказалась успешной в связи с быстродействием вычислительных систем. И здесь совершенно важно заметить, что генерация информации – это совсем другое дело, нежели переход от одной информационной системы к другой.

Впрочем, здесь нет ничего странного, поскольку точка бифуркации спонтанна и возникает в процессе бесконечной текучести, а не вписана в ряд того, что определено изначально и может быть выражено в рамках заранее заданного описания с определённым синтаксисом и семантикой. Но такой же процессуальный подход характеризует и второй уровень. Например, И.В. Мелик-Гайказян утверждает: «Процесс генерации информации есть преодоление „точки бифуркации“, итогом которого является событие, создающее (по А.Н. Уайтхеду) вариант действительности и запускающее „переход“ к другому событию, которое – „событие в реальности“ – создаёт новую реальность» [1. С. 309].

Бифуркация Хопфа, относясь ко второму уровню, сама должна трактоваться с точки зрения процесса. Понятие «семиотический оптимум» здесь и

получает своё содержательное наполнение. Видимо, понимается совсем не то, что точка бифуркаций второго порядка может каким-то образом наблюдаться эмпирически. Но она вполне может быть выражена в рамках языкового употребления. Именно в этом и заключается её семиотический характер. Такого рода точки изменения порождают информационный процесс, который в отличие от «текучей» действительности дискретен, а не континуален. Сам по себе процесс есть «белый шум», и лишь выделение в нём некоторых опорных пунктов делает его информацией [2]. Сам по себе процесс есть лишь континуум, где любая его часть изоморфна любой другой, как, впрочем, и любая его часть изоморфна континууму в целом.

Но информация есть нечто опосредующее, поскольку, с одной стороны, она представляет собой поток (ну или процесс), а с другой стороны, информация, каким-то образом структурируемая, представляет собой нечто дискретное. Уяснение информации всегда предполагает дискурсивный процесс, а не мифическое непосредственное усмотрение целого. Информация, как дискретное образование, т.е. то, что предполагает помимо просто континуального процесса нечто дифференцируемое на сегменты, есть всегда какая-то символическая система.

Однако в этом смысле именно точки бифуркации порождают информацию. Информация – это поток, т.е. процесс, но её же пытаются представить всё-таки как дискретную, поскольку в противном случае её невозможно было бы кодировать. Поэтому с точки зрения, указанной выше, информацию следовало бы представить как нечто опосредующее между процессом и знаковыми системами. И именно в ней следует искать некоторый оптимум порождения информации, скажем, «информационный оптимум». Интересно метафорическое описание этого процесса: «„Семиотический оптимум“, – как пишет И.В. Мелик-Гайказян, – формирует барьер в переходе к совершенному „события-в-реальности“, заменяя его устойчивой квазиреальностью, соответствующая феномену „информационного пузыря“» [1. С. 309]. Красочная метафора! Однако остаётся вопрос: почему и каким образом в этой точке «информационный пузырь» надул? Ещё более важный вопрос связан с тем, что он должен лопнуть, породив точку бифуркации, и именно, как я понимаю, бифуркации второго порядка, которая была бы связана с взаимодействием более или менее соотносящихся друг с другом систем описания.

Самое интересное заключается ещё и в том, что системы описания могут не иметь определённой точки отсчёта. Они сами могут быть подвижны. В конечном счёте, с точки зрения философии процесса процессом является вообще всё. Предлагаемый «оптимум» претендует на то, чтобы поставить главную точку – «оптимум». И этот оптимум должен продемонстрировать возможные гибриды, которые получаются тогда, когда пересекаются знаковые системы, выражающие совсем разный узус. Подобная гибридизация у меня, к примеру, вызывает ужас.

Однако ведь что получается для понятия значения в его семиотическом смысле? Значение лингвистического выражения в широком смысле становится посредником в том, что определяет точку бифуркации. Но при таком подходе лингвистический знак выглядит более определённо в качестве материальной вещи, опосредующей знак и значение. Хотя понять, что такое «семиотический оптимум», отталкиваясь отсюда, я всё равно не смог. Быть мо-

жет, наверное, лучше поймут другие. Я говорю «наверное», поскольку так до конца и не смог понять. Может быть, имеется в виду усреднённое значение языкового выражения. Вот когда я произношу слово «собака», есть здесь оптимум? Понять, в чём заключается оптимум выражения «собака», совершенно невозможно, поскольку данным словом мы можем обозначать настолько разных чудищ, что самому страшно становиться. Если есть такие примеры, то что делать со значением слова? Можно, конечно, сказать, что здесь дело не в терминах, а в словоупотреблении. Один человек употребляет слово так, а другой – совсем иначе. Но это ведь смешно! Не думается мне, что речь идёт о подобном случае.

Вот тогда, очевидно, «оптимум может стать предметом конструирования, если в саму конструкцию заложено условие либо чётко определённой временности его функционирования, либо перспективы его превращения в инструмент для достижения более отдалённых целей» [1. С. 310]. Здесь должна обнаруживаться ценность семиотического оптимума. Способ выражения и является главным условием понимания того, когда возникает та самая точка, которая должна приводить к изменению возможных способов описания совершенно различных, но сходных по описанию процессов. Видимо, поэтому И.В. Мелик-Гайказян сразу же обращается к уровню выражения. Интересующий её оптимум имеет именно семиотический характер, связанный со знаковыми системами.

Любая знаковая система дискретна. В противном случае даже процесс, как бы он ни понимался, описать невозможно. Всякая знаковая система, претендующая на такое описание, должна предполагать наличие некоторой точки бифуркации, которая хоть и точка, но всё-таки есть элемент некоторой дискретной совокупности. Вообще говоря, никакой процесс даже невозможно описать, если, как ни парадоксально, он не дискретен. Вернее, если мы не представляем его как дискретный. Вот здесь очень важно понятие «точка бифуркации», иначе вообще никакого бы описания процесса быть не могло. Процесс он и есть процесс. Любое его структурирование тем самым прекращает его в качестве процесса. Но структурирование в процесс вносит именно его описание. Ведь только описание всегда дискретно. Вопрос тогда должен заключаться в том, что должно собой представлять описание процесса с точки зрения бифуркации Хопфа. Здесь главную роль, вероятно, и играет понятие «семиотический оптимум», когда изменения касаются не описываемых объектов, но процессов их описания.

В своей статье И.В. Мелик-Гайказян приводит интересные и, самое главное, релевантные примеры. Таких примеров главным образом три. Первый из них касается описания самого процесса как такового. Как указано выше, процесс континуален, но описание дискретно. Поэтому естественно возникает вопрос о том, каким образом разные системы описания порождают эту самую дискретность. Данный вопрос немаловажен. В своё время этот вопрос, например, породил бурные дискуссии в логике по поводу различия объектной и подстановочной интерпретации кванторов. Что имеется в виду, когда используются выражения «все» и «некоторые»? Идёт ли здесь речь о действительности (ведь её объекты несчётны) или о системе описания (система знаков счётна)? Поставить то и другое во взаимно-однозначное соответствие невозможно. Следовательно, необходимо выбирать один из способов интер-

претации, который, в свою очередь, опять-таки ориентируется на своеобразную систему описания [3. С. 165–170]. И если считать, что философия процесса возникла как реакция на метафизику дискретного мира, то в подобных ситуациях немаловажную роль играет то, что «концепт „семиотический оптимум“ фиксирует одну из составляющих этого контакта для проведения мысленных экспериментов с целью поиска эффективных решений» [1. С. 308].

Мысленный эксперимент, имеющий практический выход, в статье И.В. Мелик-Гайказян ставится относительно двух конкретных областей: биоэтики и образования. Действительно, в этих рамках происходит множество изменений, и основанием для их анализа вполне может служить теория процесса в стиле А.Н. Уайтхеда. При этом используются идеи синергетики с основным упором на бифуркацию Хопфа. Изменения хаотичны, и «хаотичность» связывается с неопределённостью процессов в отличие от того, что «есть» *hic et nunc*. «Процесс» противопоставляется «реальности вещей». Более того, хаотичными становятся и системы описания, где основную роль начинает играть бифуркация Хопфа. Возникают метания.

Для того чтобы оценить эти метания, нужно найти какую-то общую точку отсчёта. Впрочем, эта общая точка отсчёта не в реальности, поскольку реальность как-то ускользает. Будьте вы не ладны все бифуркации в смысле Хопфа! Будьте не ладны вообще все процессы, когда пытаешься что-то сделать, а оно уже в силу своей природы ускользает! Обидно! Нужно найти нечто такое, от чего можно было бы оттолкнуться. От реальности, поскольку она есть процесс, невозможно. Но от чего тогда? От представления реальности в качестве знаковых или семиотических систем, поскольку способы представления имеют хоть какой-то устойчивый характер. «Семиотический оптимум», видимо, в этом случае и должен являться некоторой точкой отсчёта, поскольку описание, во-первых, стабильно и может поддаваться хоть какой-то оценке. Во-вторых, в нём, за счёт анализа синтаксиса и семантики, всегда можно выделить некоторый исходный пункт, который формируют базовые понятия и термины, в которых эти понятия выражены. В-третьих, предсказать поведение действительно крайне трудно, но предсказать поведение семиотической системы довольно просто, если ориентироваться на правила, задающие её синтаксис и семантику.

В статье И.В. Мелик-Гайказян эти метания как раз и иллюстрируются примерами с биоэтикой, где ничего не понятно, и теорией образования, где, казалось бы, всё понятно, но из крайностей классического образования многие, ратуя за его изменения в изменяющемся мире, прибегают к совершенно маргинальным методам. Что в этом случае делает И.В. Мелик-Гайказян? К биоэтике и образовательным практикам она пытается применить разработанный ею термин «семиотический оптимум», хотя он и не вполне понятен. Но при описании некоторых ситуаций этот термин вполне работает.

Особенно это касается биоэтики, поскольку мысленный эксперимент – это как раз и есть самый востребованный метод, поскольку здесь изначально предполагалось совмещение совершенно разных дисциплин. Ведь что такое «биоэтика»? Уже в самом названии предполагается совмещение социального и естественно-научного. Совместить этику и биологию, по большому счёту, – это совместить язык естественной науки, такой как биология, с языком соци-

альной практики, такой как этика. Вот и И.В. Мелик-Гайказян пишет, что в данном случае «мысленный эксперимент есть один из востребованных методов в биоэтике, поскольку в ней изначально предполагалось совмещение очень разных дисциплин, моральных позиций и парадигм для достижения основной цели: понять, какие риски и блага несёт тот или иной выбор или инновация» [1. С. 310]. Пересечение разных дискурсов составляет картину самой биоэтики, которая, скорее, должна ориентироваться не на описание каких-то событий, но представляет собой пёструю картину самих таких описаний. В этом случае «информационный пузырь» должен ведь лопнуть, чтобы породить нечто такое, что с информационной точки зрения является чем-то единым и выраженным однозначно в семиотической системе. Здесь и утверждается, и я думаю, правильно утверждается, что «такое „пёстрое“ прошлое и настоящее даёт основание для предположения о применимости концепта „семиотический оптимум“ к биоэтике. Основание усиливает то обстоятельство, что положено начало „цифровой биотики“ для реализации её принципов как регуляторов социальных практик» [1. С. 310]. Совместить социальные практики с естественно-научными исследованиями можно только в языке описания. Именно здесь понятие семиотического оптимума и должно сыграть свою роль.

Другой вполне ожидаемый практический эксперимент касается образовательных практик. Именно они находятся в потоке изменений. Именно их пытаются описать и представить как нечто вразумительное и представимое в той или иной знаковой системе. Как утверждает И.В. Мелик-Гайказян, «все признаки „семиотического оптимума“ присущи формату образования» [1. С. 308]. Бесконечные переделки как раз и ставят вопрос о том, где возникает то описание, которое уже можно было бы представить как оптимальное? Разве нельзя просто обратиться к значениям терминов? Хотя как-то определить их и на этом уже остановиться?

Последнему вопросу, с использованием такого странного термина, как «семиотический оптимум», в целом и посвящена публикуемая здесь статья И.В. Мелик-Гайказян. Совершенно верно она пишет: «Семиотическим этот оптимум делает то, что он сосредоточен на синтаксисе между внешними для системы семантикой и прагматикой, и теми семантикой и прагматикой, которые принадлежат самой системе» [4. С. 252]. Опробовать этот оптимум она предлагает при описании деятельности аспирантуры. И это очень верно, на мой взгляд, поскольку за последние годы ни одна из институций высшего образования не подвергалась столь масштабным преобразованиям, где изменения почему-то постоянно движутся по кругу, представляя собой пример попытки управления описанием ничем не управляемого процесса научного творчества. Генезис данных ситуаций предлагается анализировать с помощью применения трёх методологических принципов: «А. Для исследования коллективного поведения в непредсказуемо меняющихся условиях релевантной является нелинейная динамика. Б. Фазы самоорганизации обладают корреспонденцией с основными стадиями информационного процесса. В. Завершением каждой стадии информационного процесса становится форма знака, выражающая начальные условия для следующей стадии, что обуславливает вариативность всей семиотической динамики» [4. С. 253–254].

Что ж, принципы более чем хорошие. Остаётся, правда, проблема, как их реализовать, если их вообще можно реализовать. Однако программа претворения этих принципов в жизнь есть. И она представлена в этом же номере журнала. Здесь, в частности, утверждается: «Метод семиотической диагностики позволяет выявить различия в восприятии символов и их сочетаний, что помогает диагностировать тенденции в системе образования. Если исходить из того, что образование по своей сути является семиотической системой, то методы исследования также должны быть семиотическими. Подобный ракурс рассмотрения проблемы через семиотическую диагностику открывает перспективы для проведения измерения запроса на характеристики образования, в котором учитывается семиотическая сущность образования» [5. С. 262]. Реализация данного проекта, видимо, будет прекрасна, как и полученные результаты. Окажет ли это влияние только на трансформацию процесса подготовки так называемых кадров высшей квалификации? Интересно, что получится.

Но меня всё равно не покидает ощущение некоторой недостаточности. Оптимум всегда предполагает наличие минимума и максимума. Также и «семиотический оптимум» должен предполагать «семиотический минимум» и «семиотический максимум». Что же может скрываться за этими терминами? Следует ли ожидать ещё чего-то неизведанного, может и не приводящего в ужас в области биоэтики и философии образования, но предоставляющего такое описание, что «волосы встают дыбом»? «Волосы встают дыбом» – это лишь фигура умолчания. Это – не то впечатление, которое должен был произвести последний вопрос. Если надежды иллюзорны, то данный вопрос можно оставить без внимания

Список источников

1. Мелик-Гайказян И.В. Семиотический оптимум: Новый концепт для мысленных экспериментов с информацией // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 82. С. 302–315. doi: 10.17223/1998863X/82/28
2. Глик Дж. Информация: История, теория, поток. М.: АСТ, 2013.
3. Куайн У.В.О. Философия логики. М.: Канон+, 2008.
4. Мелик-Гайказян И.В. «Семиотический оптимум»: генезис обнаруженных ситуаций // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 88. С. 250–259.
5. Горбулёва М.С., Лушиникова А.А., Первушина Н.А., Тетерин А.Ю. Выяснение запроса на характеристики образования в меняющихся условиях: постановка задачи // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 88. С. 260–271.

References

1. Melik-Gaykazyan, I.V. (2024) Semiotic Optimum: A New Concept for Thought Experiments with Information. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 82. pp. 302–315. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/82/28
2. Glick, J. (2013) *Informatsiya: Istoriya, teoriya, potok* [The Information: A History, a Theory, a Flood]. Translated from English. Moscow: AST.
3. Quine, W.V.O. (2008) *Filosofiya logiki* [Philosophy of Logic]. Translated from English. Moscow: Kanon+.
4. Melik-Gaykazyan, I.V. (2025) “Semiotic Optimum”: The Genesis of Discovered Situations. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 88. pp. 250–259. (In Russian).

5. Gorbulyova, M.S., Lushnikova, A.A., Pervushina, N.A. & Teterin, A.Yu. (2025) Clarifying the Demand for Educational Characteristics in Changing Conditions: Problem Statement. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 88. pp. 260–271. (In Russian).

Сведения об авторе:

Суровцев В.А. – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой истории философии и логики Томского государственного университета, ведущий научный сотрудник Томского государственного педагогического университета, главный научный сотрудник Томского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. E-mail: surovtshev1964@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Surovtsev V.A. – Dr. Sci. (Philosophy), full professor, head of the Department of History of Philosophy and Logic, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); leading researcher at Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation); chief researcher at the Tomsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tomsk, Russian Federation). E-mail: surovtshev1964@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 20.10.2025;
одобрена после рецензирования 25.11.2025; принята к публикации 09.12.2025
The article was submitted 20.10.2025;
approved after reviewing 25.11.2025; accepted for publication 09.12.2025*

Научный журнал

**ВЕСТНИК ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

**ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ.
ПОЛИТОЛОГИЯ**

**TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOSOPHY,
SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE**

2025. № 88

Редактор *Н.А. Афанасьева*
Оригинал-макет *О.А. Турчинович*
Дизайн обложки *Яна Якобсона* (проект «Пресс-интеграл»,
факультет журналистики ТГУ)

Учредитель Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Национальный исследовательский
Томский государственный университет»

Подписано в печать 28.12.2025 г. Дата выхода в свет 28.01.2026 г.
Формат 70х100¹/₁₆. Печ. л. 17,6; усл. печ. л. 22,9; уч.-изд. 24,2.
Тираж 50 экз. Заказ № 6633. Цена свободная.

Адрес издателя и редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет

Издание отпечатано на оборудовании Издательства
Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 53-15-28; 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail: rio.tsu@mail.ru